

№ 13 (210), вып. 35
Сентябрь 2015

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

Журнал входит
в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации,
в которых рекомендуется публикация
основных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего
профессионального образования
«Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет»

Издатель:
НИУ «БелГУ»

Издательский дом «Белгород»

Адрес редакции, издателя, типографии:
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации средства массовой
информации ПИИ № ФС 77-50062 от 29 мая 2012 г.
Выходит 4 раза в год.

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ЖУРНАЛА**

Главный редактор

О. Н. Полухин,
ректор НИУ «БелГУ», доктор
политических наук, профессор

Зам. главного редактора

И.С. Константинов,
проректор по научной
и инновационной работе НИУ «БелГУ»,
доктор технических наук, профессор

Научный редактор:

В.М. Московкин,
профессор кафедры мировой экономики
НИУ «БелГУ», доктор географических наук

Ответственный секретарь:

О.В. Шевченко
зам. начальника УНИД НИУ «БелГУ»,
кандидат исторических наук

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ ЖУРНАЛА**

Главный редактор серии

В.А. Шаповалов,
проректор по заочному обучению
и дополнительному образованию
НИУ «БелГУ»,
доктор исторических наук, профессор

Заместители главного редактора:

Н.Н. Болгов,
заведующий кафедрой всеобщей истории
и зарубежного регионоведения НИУ
«БелГУ», доктор исторических наук,
профессор

И.Т. Шатохин,

профессор кафедры российской истории
и документоведения НИУ «БелГУ»,
кандидат исторических наук, доцент

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

История Политология

**Belgorod State University
Scientific Bulletin**

History Political

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

О некоторых возможных лексических параллелях между
древнеиндоарийским и шумерским языками (в свете вероятной
индоарийской атрибуции Хараппской цивилизации)

А.А. Семенов, И.А. Тоноян-Беляев 5

Сравнительный анализ фигуры девственной божественной
матери в египетской религии, в зороастризме и в христианстве

С. Иванов 12

К вопросу об организации сельской территории Европейского
Боспора в отечественной историографии

К.В. Пимков 21

Реставрация Капитолия и строительство в Риме при Флавиях

М.М. Варина 25

Женщины в «Деяниях» Аммиана Марцеллина: к вопросу о
гендерных представлениях «последних римлян»

В.А. Дмитриев 30

Понятие о долге в трудах Афанасия Александрийского

И.В. Зайцева 38

Ландшафтные и другие особенности нового сакрального
памятника городища «Белинское»

В.Г. Зубарев, С.В. Ярцев 42

Интеллектуальные центры поздней античности и
«академическая мобильность» студентов

А.М. Болгова 50

Иконография императоров-иконоборцев как средство
легитимации власти

М.М. Чорейф 54

Образ Пасваноглу Осман-паши на страницах «Политического
журнала» (1797–1807 гг.): опыт дискурс-анализа

О.В. Моргул 61

Борьба провинциальных конгрессиистских министерств с
неграмотностью в Индии в 1937–1939 гг.

Л.А. Белоусова 69

Стратегия и приоритеты «Большой тройки» (1941–1943 гг.)

Ц.М. Чикаидзе, Ч.Т. Томаев 74

Армяно-французское сотрудничество в сфере культуры, науки и
образования в 1992–2008 гг.

Э.Г. Акоюн 82

Болгарская социал-демократия конца XIX – начала XX вв. в
новейшем освещении

В.М. Духопельников 86

В.Н. Шилов,

профессор кафедры культурологии и политологии НИУ «БелГУ», доктор философских наук, профессор

Ответственный секретарь

И.Г. Оноприенко,

доцент кафедры российской истории и документоведения НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук, доцент

Члены редколлегии:

М.Г. Абрамзон, доктор исторических наук, профессор (Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова)

С. Аглаич, доктор политических наук (Белградский государственный университет, Республика Сербия)

А.В. Глухова, доктор политических наук, профессор (Воронежский государственный университет)

М. Казански, доктор истории (Центр изучения византийской цивилизации, Париж, Франция)

А.В. Коробков, доктор политологии (Университет штата Теннесси, США)

К.Н. Лобанов, доктор политических наук (Белгородский юридический институт МВД России)

Е.А. Молев, доктор исторических наук, профессор (Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского)

М. Плувиано, доктор истории (Генуэзский университет, Италия)

С.И. Посохов, доктор исторических наук, профессор (Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Украина)

И.М. Пушкарева, доктор исторических наук, старший научный сотрудник (Институт российской истории Российской академии наук)

С.Б. Сорочан, доктор исторических наук, профессор (Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Украина)

И.М. Тодоров, доктор истории, доцент (Великотърновский университет «Св. Кирилл и Мефодия», Болгария)

Х.Р. Туманс, доктор истории (Латвийский национальный университет, г. Рига)

Статьи представлены в авторской редакции.

Оригинал-макет *И.Г. Оноприенко, Ю.А. Шевцова*

E-mail: onoerienko@bsu.edu.ru

Подписано в печать 18.09.2015

Формат 60×84/8

Гарнитура Georgia, Impact

Усл. п. л. 22,32

Заказ 170

Цена свободная

Тираж 1000 экз.

Дата выхода журнала 30.09.2015

Подписной индекс в Объединённом каталоге «Пресса России» – 18078

Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в Издательском доме «Белгород»
Адрес издателя и издательства:
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

«Дворянство бывает хуже пономарства»: мелкий помещик в народных пословицах и поговорках **В.А. Шаповалов, С.П. Шаповалова 92**

Наместнические правления в системе органов государственной власти в последней четверти XVIII века **Д.Е. Уткин 98**

Формирование системы сельскохозяйственного образования в России второй половины XIX – начала XX веков

А.В. Третьяков 103

Промысловые сельскохозяйственные занятия крестьян Центрального Черноземья в пореформенный период

Е.Н. Бунеева, А.В. Перепелицын 111

Основные статьи расходной части бюджетов городского самоуправления уездных городов Воронежской губернии в конце XIX – начале XX вв. **В.В. Кузнецов,**

А.В. Перепелицын 123

Гендерные различия в восприятии родового акта

(к истории российской дворянской повседневности конца XIX – начала XX в.) **Н.Л. Пушкарева, Н.А. Мицюк 133**

Санитарно-гигиеническое состояние городов Курской губернии как элемент повседневной жизни обывателей в конце XIX – начале XX вв. **М.А. Сергиенко 142**

Выдающееся достижение в области телеграфии профессора Ю.И. Морозова и роль в нем его учителя профессора В. И. Лапшина **В.М. Московкин 148**

Просветительная деятельность московского общества по распространению сельскохозяйственных знаний в народе **М.Д. Книга 164**

Женское vs мужское в культурах мира

Н.Л. Пушкарева 170

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

Институты как факторы обеспечения политического порядка в демократическом государстве **Е.В. Суслов 173**

О возрастании культурно-просветительской функции государства: российское измерение проблемы

С.А. Шачнев 180

Роль и функции высшего образования в общественном развитии сквозь призму современной доктрины социал-демократии **В.А. Пашков 185**

Потенциал евразийского экономического союза как глобального геополитического субъекта международных отношений **А.В. Храмова 193**

Торговля людьми в европейском союзе и превентивные меры по борьбе с ней **Я.О. Крутиков, А.Г. Браницкий 200**

Сведения об авторах 205

Информация для авторов 207

№ 13 (210), Issue 35
September 2015

SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL

Founded in 1995

The Journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and publications coming out in the Russian Federation that are recommended for publishing key results of the theses for Doktor and Kandidat degree-seekers

Founder:

Federal state autonomous educational establishment of higher professional education
«Belgorod State National Research University»

Publisher:

Belgorod State National Research University
Belgorod Publishing House

Address of editorial office, publisher, letterpress plant: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor)

Mass media registration certificate
ПН № ФС 77-50062 May 29, 2012
Publication frequency: 4 /year

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Editor-in-Chief

O.N. Polukhin,

Rector of Belgorod State National Research University, Doctor of Political Sciences, Professor

Deputy Editor-in-Chief

I.S. Konstantinov,

Vice-Rector on Scientific and Innovative Work of Belgorod State National Research University, Doctor of Technical Sciences, Professor

Science Editor

V.M. Moskovkin,

Professor of World Economy Department of Belgorod State National Research University, Doctor of Geographical Sciences

Assistant Editors

O.V. Shevchenko,

Deputy Head of Department of Scientific and Innovative Activity of Belgorod State National Research University, Candidate of Historical Sciences

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL SERIES

Editor-in-Chief of the Series

V.A. Shapovalov,

Vice-Rector on Distance and Supplementary Education Doctor of Historical Sciences, Professor (Belgorod State National Research University)

Deputies of Editor-in-Chief

N.N. Bolgov,

World History and International Area Studies Department Chair Doctor of Historical Sciences, Professor (Belgorod State National Research University)

Belgorod State University Scientific Bulletin

History Political science

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

История Политология

CONTENTS

WORLD HISTORY

On some possible lexical parallels between Old Indo-Aryan and Sumerian (in view of probable Indo-Aryan attribution of the Harappan civilization)

A.A. Semenenko, I.A. Tonoyan-Belyayev 5

Comparative analysis of figures virginity of the divine mother in the egyptian religion, zoroastrianism and christianity

St. Ivanov 12

On the question of the organization of the rural territory of the European Bosphorus in the national historiography

K.V. Pimkov 21

The restoration of the Capitol and the construction in Rome in Flavian time

M.M. Varinova 25

Women in Ammianus Marcellinus' «Res Gestae»: on the issue of gender representations of the «Last of Romans»

V.A. Dmitriev 30

Concept of works debt in Athanasius of Alexandria

I.V. Zaitseva 38

Landscape and other peculiarities of the new sacral memorial of ancient settlement «Belinskoe»

S.V. Yartsev 42

The intellectual centers of late antiquity and «academic mobility» of students

A.M. Bolgova 50

Iconography iconoclastic emperors as a means of legitimizing power

M.M. Choref 54

The image for Pasvanoğlu Osman paşa in the Political journal (1799 – 1807): the experience of discourse analysis

O.V. Morgun 61

The fight of the provincial congress ministries against illiteracy in India in 1937-1939

L.A. Belousova 69

Strategies and priorities of the «Big Three» (1941-1943)

Ts.M. Chikaidze, Ch.T. Tomaev 74

Armenian-french cooperation in the field of culture, science, and education (1992-2008)

E.G. Hakopyan 85

Bulgarian social democrats in late XIX – early XX cent. at the latest light

V.M. Dukhopelnikov 86

RUSSIAN HISTORY

«The nobility is worse *ponomarstva*»: the small landowner in national proverbs and sayings.

V.A. Shapovalov, S.P. Shapovalova 92

Vicegeral board in the system of state authorities during the last quarter of XVIII century

D.E. Utkin 92

I.T. Shatohin,

Professor of the Russian History and Records Management Department, Candidate of Historical Sciences, Professor (Belgorod State National Research University)

V.N. Shilov,

Professor of the Cultural and Political Studies Department, Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Belgorod State National Research University)

Editorial Assistant**I.G. Onoprienko,**

Associate Professor of the Russian History and Records Management Department, Candidate of Historical Sciences

Members of Editorial Board:

M.G. Abramzon, Doctor of Historical Sciences, Professor (Nosov Magnitogorsk State Technical University)

S. Atlagich, Doctor of Political Sciences (Belgrade State University, Republic of Serbia)

A.V. Glukhova, Doctor of Political Sciences, Professor (Voronezh State University)

M. Kazanski, PhD in History (Center for History and Civilization of Byzantium, Paris, France)

A.V. Korobkov, PhD in Political Science (Middle Tennessee State University, USA)

K.N. Lobanov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Belgorod Juridical Institute of Ministry of Home Affairs of Russia)

E.A. Molev, Doctor of Historical Sciences, Professor (Nizhniy Novgorod State University after N.I. Lobachevskiy)

M. Pluviano, PhD in History (University of Genoa, Italy)

S.I. Posokhov, Doctor of Historical Sciences, Professor (Kharkov National University after V.N. Karazin, Ukraine)

I.M. Pushkareva, Doctor of Historical Sciences, Senior Scientific Worker (Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences)

S.B. Sorochan, Doctor of Historical Sciences, Professor (Kharkov National University after V.N. Karazin, Ukraine)

I.M. Todorov, PhD in History, Associate Professor (Velikotyrnovo University «St. Cyril and Methodius», Bulgaria)

H.R. Tumans, PhD in History (Latvian National University, Riga, Latvia)

The articles are given in authors` editing.

Page layout: *I. G. Onoprienko, J. A. Shevtsova*

e-mail: onoprienko@bsu.edu.ru

Passed for printing 19.06.2015
Format 60×84/8
Typeface Georgia, Impact
Printer's sheets 22,32
Order 170
Price free
Circulation 1000 copies
Date of publishing: 30.09.2015

Subscription reference in The Russian Press common catalogue – 18078

Dummy layout is replicated at Publishing House "Belgorod", Belgorod State National Research University
Address: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

Formation the system of agricultural education in Russia in the second half of XIX – beginning of XX centuries

A.V. Tretjakov 203

Agricultural domestic crafts of the Central Black soil region peasantry during the reformation period

E.N. Buneeva, A.V. Perepelitzyn 111

The main expenditure items of the municipality budget in uyezd (district) towns of Voronezh province in the late XIX – early XX centuries

V.V. Kuznetsov, A.V. Perepelitzyn 123

Gender differences in the perception of childbirth (the history of everyday life of the russian nobility of the late XIX – early XX century)

N.L. Pushkareva, N.A. Mitsyuk 133

The sanitary condition of the cities of Kursk province as a part of the everyday life of the inhabitants in the end of XIX – beginning of XX centuries

M.A. Sergienko 142

An outstanding achievement in telegraphy by Professor Yu. I. Morozov and the role of his teacher Professor V.I. Lapshin in it

V.M. Moskovkin 148

Educational activities of the moscow society for agricultural knowledge dissemination among the people

M.D. Kniga 164

Feminine versus masculine in world cultures

N.L. Pushkareva 173

POLITICAL SCIENCE

Institutes as factors of maintenance a political order in the democratic state

E.V. Suslov 173

About increase cultural-educational function of the state: the russian measurement of a problem

S.A. Shachnev 180

The role and functions of higher education in social development through the prism of the modern doctrine of social-democracy

V.O. Pashkov 185

The potential of the eurasian economic union as a global geopolitical subject of international relations

A.V. Khranova 193

Human trafficking in the eruoepan union and preventive measures of fighting with it

Y.O. Krutikov, A.G. Branitskiy 200

Information about Authors 205

Information for Authors 207

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 94(34)

**О НЕКОТОРЫХ ВОЗМОЖНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЯХ МЕЖДУ
ДРЕВНЕИНДОАРИЙСКИМ И ШУМЕРСКИМ ЯЗЫКАМИ
(В СВЕТЕ ВЕРОЯТНОЙ ИНДОАРИЙСКОЙ
АТРИБУЦИИ ХАРАППСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ)**

**ON SOME POSSIBLE LEXICAL PARALLELS BETWEEN OLD INDO-ARYAN
AND SUMERIAN (IN VIEW OF PROBABLE INDO-ARYAN ATTRIBUTION OF
THE HARAPPAN CIVILIZATION)**

А.А. Семенов, И.А. Тоноян-Беляев

A.A. Semenenko, I.A. Tonoyan-Belyayev

*гимназия № 2 г. Воронеж
Россия, г. Воронеж, 394088, ул. Ген. Лизюкова, д. 103, кв. 23,*

*независимый исследователь
г. Санкт-Петербург, 198216, г. Санкт-Петербург, пр. Народного Ополчения, д. 61, кв. 8*

*Gymnasium No 2, Voronezh
103 General Lizyukov St., Voronezh, 394088, Russia*

*independent researcher,
61 Narodnogo Opolcheniya Ave., Saint-Petersburg, 198216, Russia*

E-mail: 31071976@bk.ru

Ключевые слова: Харappa, индоарийские языки, шумерский язык, Шумер, следы торговых контактов.
Key words: Harappa, Indo-Aryan languages, Sumerian language, Sumer, traces of trade contacts.

Аннотация: Хотя в научной литературе до настоящего времени не засвидетельствовано попыток поиска следов индоарийской лексики в шумерском языке (по априорным причинам), такой поиск может оказаться весьма плодотворным, на что указывают предварительные результаты предлагаемого исследования. В основу рассуждений авторов положено допущение о вероятном индоарийском характере Харappaской цивилизации или, по крайней мере, о наличии устойчивых (торговых) контактов между шумерами и носителями Протоиндийской цивилизации. В работе освещаются некоторые основные языковые параллели между этими цивилизациями.

Resume. Although there have been no attempts at searching for any traces of Indo-Aryan lexicon in the Sumerian language attested in the scientific literature as yet (on some a priori presuppositions), this direction of scientific research would become very fruitful as for positive results, especially in view of the preliminary results that may be seen from the article.

Ещё¹ в 1904—1917 гг. Л.Б.Г. Тилак пришёл к выводу о существовании культурных контактов между Месопотамией и индоариями Южной Азии и попытался выявить взаимные заимствования и общие религиозно-мифологические и космографические представления². Б.И. Кузнецов выводил шумеров и некоторые важнейшие элементы их культуры (описание мироздания, зиккурат как модель мировой горы и место для поклонения богам на вершине мира, мировое дерево, культ лунного рогатого бога (Нанны—Шивы), этические взгляды и др.) из предгорий Гиндукуша и Гималаев.³ Были выявлены параллельные мифы (о потоке и о строительстве лестницы—башни на Небо) у киратов—шиваитов Непала и жителей Вавилонии.⁴ Об аналогиях между шумеро-аккадо-вавилонскими и ведийскими представлениями говорит и Н. Казанас⁵.

На новый уровень поиск взаимосвязей между этими двумя регионами и очагами цивилизации вывели лингвистические исследования Г. Уиттакера, пришедшего к выводу о существовании в Южной Месопотамии ок. 3000 г. до н.э. индоевропейского (далее ИЕ) евфратского языка, давшего ряд заимствований в языки Шумера и Аккада.⁶ Его наблюдения были с сочувствием встречены филологами у нас в стране и за рубежом⁷.

По данным археологии, прехараппская традиция верховий Гхаггара—Сарасвати (Бхиррана в Харьяне) датируется 7380—6201 гг. до н.э.⁸ Именно из верхнего бассейна этой ныне эфемерной реки (Калибанган) и Инда (Хараппа) прехараппская традиция V—IV тыс. до н.э., трансформировавшись в цивилизацию Зрелой Хараппы, распространилась на юг до Индийского океана и на запад до Белуджистана, в буквальном смысле «подмяв» под себя (о чём свидетельствуют следы пожаров) региональные культуры⁹. Коллапс хараппской цивилизации ок. 1900 г. до н.э. заставил её носителей вновь вернуться на прародину — в верховья пересыхающей Сарасвати, на восток Пенджаба, в Харьяну, на Ямуну и Гангу¹⁰. К востоку от Инда и после 1900 г. до н.э. культурная традиция Хараппы продолжилась без признаков западного влияния до последних веков до н.э. Прямая преемница Индской цивилизации — культура Поздней Хараппы — с теми же носителями существовала в Пенджабе до 1300—1000 гг. до н.э., постепенно трансформировавшись в считающуюся поздневедийской индоарийской

¹ Историографический обзор (в т.ч. по археологии) выполнен А.А. Семененко, лингвистическая часть работы — И.А. Тонояном—Беляевым, выводы — общие.

² Tilak B.G. Chaldean and Indian Vedas // Tilak S.L. Collected works. Vol. II. Poona, 1975. P. 86—97.

³ Кузнецов Б.И. Бон и маздаизм. СПб., 2001. С. 53—64.

⁴ Кришна Пракаш Шрестха. Традиция и современность в литературе Непала // Культура Непала. Традиции и современность. Сборник статей. Отв. ред. сост. Т.Е. Морозова. СПб., 2001. С. 88—89.

⁵ Vedic & Mesopotamian cross influences. URL: <http://www.omilosmeleton.gr/pdf/en/indology/VMCI.pdf>.

⁶ Whittaker, Gordon. Some Euphratic Adjectives // Göttinger Beiträge zur Sprachwissenschaft. 10/11. 2004/2005. P. 119—134; Idem. The Sumerian Question: Reviewing the Issues // van Soldt, W.H. (ed.). Ethnicity in Ancient Mesopotamia. Papers Read at the 48th Rencontre Assyriologique Internationale. Leiden, 1-4 July 2002. Leiden, 2005. P. 423—426; Idem. The Case for Euphratic // Bulletin of the Georgian National Academy of Sciences. Humanities & Social Sciences. Linguistics & Grammatology. Vol. 2. No. 3. 2008. P. 156—168.

⁷ Иванов В.В. К индоевропейским названиям колеса и колесницы // Иванов В.В. Труды по этимологии индоевропейских и древнепереднеазиатских языков. Т. 2: Индоевропейские и древнесеверокавказские (хаттские и хурритские) этимологии. М., 2008. С. 31—32; Maher J.P. Prolegomena to Saul Levin's Studies of Semitic and Indo-European // LACUS (The Linguistic Association of Canada and the United States) Forum XXXV. Language and Linguistics in North America 1608—2008: Diversity and Convergence. Univerite Laval, 2009. P. 192—193; Михайлова Т.А. The Journal of Indo-European studies. Vol. 36, 2008 // Journal of Language Relationship. Вопросы языкового родства. 4. 2010. С. 215; Гамкредидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейская прародина и расселение индоевропейцев: полвека исследований и обсуждений // Вопросы языкового родства: Международный научный журнал / под ред. В.А. Дыбо. М., 2013. № 9. С. 120.

⁸ Khandekar N. Indus Valley 2,000 years older than thought. URL: http://archaeologynewsnetwork.blogspot.ru/2012/11/indus-valley-2000-years-older-than.html#_UvDHN2Pxtjp.

⁹ Mughal M.R. A Summary of Excavations and Explorations in Pakistan (1971 and 1972) // Pakistan Archaeology / Ed. by M.I. Khan. No 8. Karachi, 1972. P. 122. Note 12; Щегленко А.Я. Фундаментальный труд по древнеиндийской цивилизации. В.В. Лал. The Earliest Civilization of South Asia (Rise, Maturity and Decline). New Delhi. 1997 // Археологические вести. №5. 1996—1997. СПб., 1998. С. 333—338.

¹⁰ Klostermaier K.K. A survey of Hinduism. 2nd ed. Albany, 1994. P. 36; Allchin F.R. The end of Harappan urbanism and its legacy // Allchin F.R., Erdosy G. et al. The archaeology of early historic South Asia: the emergence of cities and states. Cambridge, 1995. P. 28—29; Kenoyer J.M. & Heuston K. The ancient South Asian world. NY, 2005. P. 72 & 75—76; Shaffer J.G., Lichtenstein D.A. South Asian archaeology and the myth of Indo-Aryan invasions // The Indo-Aryan controversy. P. 84—85, 89, 92 & 97, Note 8; Klostermaier K.K. A Survey of Hinduism. 3rd ed. Albany, 2007. P. 23; McIntosh J. The ancient Indus valley: new perspectives. Santa Barbara, 2008. P. 41.

(далее ИА) культуру серой расписной керамики¹¹. Несомненна также преемственность между культурой Зрелой Хараппы и современной материальной культурой ИА населения Северной Индии¹². Южные прибрежные районы Зрелой Хараппы считаются упоминаемым в месопотамских текстах торговым партнёром шумеро-аккадцев (страной Мелухха)¹³. Плавание по океану и многовесельные корабли упоминаются уже в Ригведе (далее РВ) (I.25.7; I.56.2; I.116.3–5; II.18.1; IV.55.6; VII.88.3; X.47.2).¹⁴

Всё это делает крайне актуальной необходимость проверки шумерских текстов на предмет наличия в них следов именно ИА лексики, поскольку всё более и более обоснованной и правдоподобной оказывается ИА атрибуция Хараппской цивилизации (археологи допускают присутствие индоариев в её ареале в 2600–1900 гг.¹⁵), с которой ранний Шумер вёл весьма оживлённую торговлю. Мы представим некоторые предварительные результаты такого сравнительного исследования.

Г. Уиттакер сравнивает реальные шумерские формы с теоретически реконструированными [прото] ИЕ, например: шум. **ku**₆ — ИЕ ***d^hg^huh-** (рыба); шум. **hu** — ИЕ ***h₂aw-i-** (птица); шум. **lik** — ИЕ ***wlk^wo-** (волк); шум. **lib/lub** — ИЕ ***wlp-eh-** (лисица); шум. **irib₂** — ИЕ ***h₁eri-bho-** (баран); шум. **gilim** (мангуста; крыса) — ИЕ ***glh-im** (мышь; ласка, горноста́й); шум. **hurin** — ИЕ ***h₃or-(e)n-** (орел) и мн. др. Лишь иногда он опирается на реально засвидетельствованные слова. В некоторых случаях он привлекает формы, зафиксированные только в индоиранском (далее ИИ), как шум. **gara₄** — ИЕ ***g^wou-ro-** (светлый; бык гаура). Собственно говоря, он вплотную подобрался к некоторым ИА культурно-лингвистическим параллелям, но дальше делать выводов не стал. Так, он упоминает, что **NINDA₂xGUD** — это способ записи имени быка — сына лунного божества, но забывает о наличии такой мифологемы в Индии. Быка Шивы зовут **nandī**, а самого Шиву, увенчанного полумесяцем, — **gaura**. Многие сопоставления весьма правдоподобны, и это никак не противоречит нашим выводам. Мы, однако, не будем заниматься разбором сопоставлений, которые опираются на теоретические, реконструированные формы. Г. Уиттакеру удалось показать, что на территории сложения шумерского письменного языка присутствовали носители каких-то ИЕ диалектов (возможно, нескольких). Само по себе это открытие позволяет по-новому взглянуть на проблему происхождения индоевропейцев, указывая, что их поздний приход в Южную Азию весьма маловероятен. Соответствующие шумерские знаки весьма архаичны, что указывает на присутствие индоевропейцев в Месопотамии уже в середине IV тыс. до н.э. (при этом, речь идет уже не о едином общеиндоевропейском (далее ОИЕ) языке, а об отдельных диалектах).

В предварительном обзоре мы ограничимся наиболее характерной выборкой. Значительную её часть составляют слова, которые могут быть признаны именно ИА, но не ОИЕ. Список приводимых параллелей в высшей степени предварителен по следующим причинам. Во-первых, шумерскую фонетику и фонологию мы знаем весьма приблизительно (прежде всего, из-за характера самого письма). Во-вторых, установление исконных значений шумерских слов и их этимологии — задача чрезвычайно трудная. В-третьих, постановка вопроса является исключительно новой, поскольку ранее предлагаемый нами здесь подход не допускался даже теоретически (индоевропейцы-инвазиционисты на сугубо априорных основаниях обычно не допускают

¹¹ Kenoyer J.M. Culture change during the Late Harappan period at Harappa: new insights on Vedic Aryan issues // The Indo-Aryan controversy. P. 23–26 and 30–32; Щетенко А.Я. Ук. соч. С. 337.

¹² Щетенко А.Я. Ук. соч. С. 338–339; Щетенко А.Я. Культурное наследие древнеиндийской цивилизации (по данным археологии) // Записки Восточного отделения Российского археологического общества (ЗВОРАО). Новая серия. Т. I (XXVI). СПб., 2002. С. 459–477.

¹³ Иванов В.В. К истории значений санскритского mleccha // Иванов В.В. Труды по этимологии индоевропейских и древнепереднеазиатских языков. Т. 2: Индоевропейские и древнесеверокавказские (хаттские и хурритские) этимологии. М., 2008. С. 563–570; и мн. др.

¹⁴ Ригведа / Изд. подг. Т.Я. Елизаренкова. В 3 тт. М., 1989–1999.

¹⁵ Allchin B. and R. The rise of civilization in India and Pakistan. Cambridge, 1982. P. 216 & 218; Renfrew C. Archaeology and language: the puzzle of Indo-European origins. Cambridge, 1999. P. 191 & 209; Allchin F.R. Language, culture and the concept of ethnicity // Allchin F.R., Erdosy G. et al. The archaeology. P. 48; Possehl G.L. Indus civilization: a contemporary perspective. Walnut Creek, 2002. P. 249; Kenoyer J.M. Culture change during the Late Harappan period at Harappa: new insights on Vedic Aryan issues // The Indo-Aryan controversy: evidence and inference in Indian history. L., 2005. P. 46; Lal B.V. Can the Vedic people be identified archaeologically? — An approach // Indologica Taurinensia. 2005. Vol. XXXI. P. 173–194. URL: <http://www.indologica.com/index-volume31.asp>.

самой возможности пребывания индоариев в Индии ранее 1990 г. до н.э.¹⁶). Поэтому необходима проработка обширного материала, прежде чем можно будет вынести какое-либо суждение о значимости обнаруженных параллелей (при этом могут быть найдены и принципиально новые). Кроме того, некоторые из соответствий могут впоследствии быть отвергнуты, но взамен им обнаружатся более неожиданные.

Список параллелей включает, по преимуществу, *имена*, хотя параллели между глагольными корнями также нередки. Основными источниками сведений по шумерской и древней ИА лексике служат, соответственно, The Pennsylvania Sumerian Dictionary¹⁷ и санскрито-английский словарь М. Монье-Уильямса¹⁸. Термином "санскрит" для краткости здесь обозначены все формы древнего ИА языка, начиная с ведийского.

Ввиду ограничений по объёму мы рассматриваем только именные основы. Вначале приведем несколько известных или наглядных параллелей (как минимум, часть из них предлагается переосмыслить не как "ОИЕ заимствования из шумерского", а как заимствования из какого-то ИЕ диалекта в шумерский: чаще всего именно в ИА обнаруживается максимально фонетически близкая форма). Если для шумерского слова известна дата его самой ранней фиксации, мы приводим её в примечаниях. Всего нами найдено около 400 параллелей, но здесь даётся сокращённый список.

[1] шум. **gigir**¹⁹ (колесница, телега; колесо) — санс. **cakra** (колесо); [2] шум. **urud**²⁰ (медь, металл) — санс. **loha** < *rodha ([красный] металл, медь; руда); [3] шум. **en**²¹ (владыка) — санс. **ina** (могущественный); [4] шум. **asar**²² (сильный, могучий — о Мардуке) — санс. **asura** (могучее божество); [5] шум. **eri**²³ (раб) — санс. **ari** (враг); [6] шум. **mah**²⁴ (высокий, возвышенный) — санс. **mah(ā)-** (великий), **mahī** (земля, [приподнятая] суша); [7] шум. **agar**²⁵ (луг) — санс. **ajra** (равнина, поле); [8] шум. **išme**²⁶ и **ašuba**²⁷ (камень) — санс. **aśman** (камень); [9] шум. **kuš**²⁸ (кожа, шкура) — санс. **kośa** ([кожаное] ведро; оболочка); [10] шум. **kiduru**²⁹ (орошаемый участок земли) — санс. **kedāra** (заливной луг); [11] шум. **gigir**³⁰ (вид птицы) — санс. **cakora** (вид куропатки), где соответствие идентично N^o1; [12] шум. **ašte**³¹ (трон, сиденье) — санс. **āsita** (сиденье).

Вероятность родства, конечно, различна в различных случаях. Например, среди вышеперечисленных параллелей менее вероятными кажутся N^oN^o4,5,6,12. Тем не менее, рассмотрение их в общем контексте мы сочли необходимым. ИА палатальному "с", прямого аналога которому в шумерском нет, соответствует йотированный слог **gi**, а не **ga** / **gu**, т.е., как минимум, в некоторых случаях *палатальность* передаётся вокалически. Аналогичная ситуация в словах **išme** и **kuš**, хотя в самом шумерском языке встречаются варианты чтения с **š** или **s** — в других словах. Особенно впечатляет соответствие шум. **š** — санс. **ś** (обе фонемы — шипящие и весьма сходные между собой; при этом ИА фонема не только не ОИЕ, но даже не общесатемная и не общеиндоиранская). Следующий ряд соответствий посвящён этой фонемной паре.

¹⁶ Герасимов И.А. Проблемы отражения ларингалов в ведийском языке. М., 2009. С. 22. Прим. 3.

¹⁷ The Pennsylvania Sumerian Dictionary. URL: <http://psd.museum.upenn.edu/epsd1/nepsd-frame.html>. Далее EPSD.

¹⁸ Monier-Williams M. A Sanskrit-English Dictionary. Delhi, 1997.

¹⁹ EPSD, 3000 г. до н.э. Ср. греч. **κυκλος** и особ. лат. **circus**.

²⁰ EPSD, 3000 г. до н.э. Слово может быть очень старым. Ср. также санс. **rohi-ta** и греч. **ερυθ-ρος** (красный).

²¹ EPSD, 3000 г. до н.э. Возможно, заимствование из шумерского в древний ИА (т.к. неизвестно в других ИЕ языках).

²² Gadd C.J. A Sumerian Reading-Book. Oxford, 1924. P. 178.

²³ Gadd C.J. Ibid. P. 182.

²⁴ EPSD даёт датировку в 3000 г. до н.э., но приводит только глагольное значение "быть возвышенным"; Гэдд приводит также и прилагательное: Gadd C.J. Ibid. P. 187.

²⁵ EPSD, 2500 г. до н.э., ср. аккад. **ugāru**, но лат. **ager**, греч. **αγρος**.

²⁶ EPSD, без даты. Возможно, малахит (ср. аккад. **ešmekku**).

²⁷ EPSD, 2000 г. до н.э. Теоретически верными могут быть оба сопоставления, если они относятся к разным эпохам или локальным диалектам.

²⁸ EPSD, 3000 г. до н.э.

²⁹ EPSD, 2500 г. до н.э. Это соответствие кажется особенно удивительным.

³⁰ EPSD, без даты. Пофонемное соответствие двух пар крайне фонетически близких слов (в шумерском — омонимов) ещё раз показывает *примат консонантизма* при сравнении, т.к. он оказывается куда консервативнее вокализма (это как раз характерно не только для семитских языков и, видимо, также и шумерского, но и для ИИ).

³¹ EPSD, 2000 г. до н.э. Редкое слово.

[13] шум. *še*³² (ячмень; зерно) — санс. *śasya / sasya* (зерно). [14] шум. *šeg*³³ (голос; шум) — санс. *śacī* (речь, красноречие; мощь). Соотв. ИА слово весьма архаично и служит именем супруги бога Индры. Следующее соответствие труднодоказуемо, но интересно в общем контексте. [18] шум. *šelu*³⁴ (кориандр) — санс. *śālī* (рис). [19] шум. *šena*³⁵ (птица) — санс. *śyena* (сокол, хищная птица). Далее, интересен следующий случай: [20] шум. *šeria*³⁶ (блюдо, блюдце) — санс. *śarāva* (мелкое блюдо, тарелка). [21] шум. *peš*³⁷ (птица) — санс. *pakshin* (птица), N.sg. *pakshī*. Далее, [23] шум. *pašu*³⁸ (топор, колун), пишется в три слога: *pa-a-šu* — санс. *paraśu* (топор).

Остальные фонемы обоих языков демонстрируют не столь явное тяготение к строгому соответствию. В шумерском языке звонкие и глухие смычные не различаются. Нет палатальных. Вопрос с передачей придыхательности также не прояснён до конца.

Далее будем рассматривать неклассифицированные параллели. [24] шум. *kezer*³⁹ (прическа, волосы) — санс. *keśara / kesara* (грива, волосы). Следующие два слова означают "землю", а также "страну". [25] шум. *kalam*⁴⁰ (земля, страна, Шумер) — санс. *ksham / kshamā* (земля); [26] шум. *ki/gu*⁴¹ (земля, страна, место) — санс. (1) *ku* (земля) или (2) *kshī* (земля; обитель). Интересно также обратить внимание на следующую параллель: [27] шум. *igi*⁴² (глаз) — санс. *akshī* (глаз). Следующее

³² EPSD, 3000 г. до н.э. В шумерском нет второго согласного, но зато гласный "e" хорошо соответствует второму слогу "ya" в ИА. Но ср. также *авест.* *hāya*. Однако, в шумерском есть ещё два сходных обозначения зерна и каши из него — *šešal* и *šezah*.

³³ EPSD, 2000 г. до н.э. Менее правдоподобны соответствия (для этой серии шумерских омонимов): [15] шум. *šeg* (рыба, 3000 г. до н.э.) — санс. *śalkī* (рыба, костлявая рыба); [16] шум. *šeg* (горный козел или антилопа) — санс. *chāga/chāgī* (козел). В самом ИА чередование *š/ch* хорошо засвидетельствовано. Ещё одно необычное сопоставление: [17] шум. *šeg* (кирпич-сырец) — санс. *ishTakā* (кирпич). Его обосновать уже гораздо труднее (однако, в целом, видно, что шумерское письмо может опускать фонемы — особенно, если это согласные, образующие кластер: даже сочетания **štek* и **selk* было бы невозможно передать точно, т.к. скопление начальных, конечных или более двух подряд согласных не отображается в шумеро-аккадском письме). Ещё одно интересное позднее (ок. 2000 г. до н.э.) соответствие — шум. *šeršer* — санс. *śrnkhala* (цепь; звено).

³⁴ EPSD, 3000 г. до н.э. Расхождение в значении не столь критично, учитывая то, что многие специи, как и позже рис, завозились в Месопотамию из Индии, а рис в первой до определенного времени не возделывался (если с ним и были знакомы единицы, то скорее как со "специей"). С другой стороны, кориандр, скорее всего, был известен индоариям до начала массового возделывания риса. Ср. тж. санс. *dhānā* (кориандр; зерно; рис; бутон) при *dhānya* (зерно, хлеб; рис), но *dhānaka* (кориандр).

³⁵ EPSD, без даты. Соответствие труднодоказуемо ввиду неустановленности точного значения шумерского слова (вид птицы).

³⁶ EPSD, без даты. В шумерском, напомним, "v" и "y" на письме последовательно не обозначались.

³⁷ EPSD, 3000 г. до н.э. Хотя соответствие кажется фонетически невозможным, в пользу возможной связи между двумя обозначениями "птицы" говорит наличие идеограммы для птицы с основным чтением *mušen*, но дополнительными *hu* (санс. *vī*, лат. *avis* "птица") и, особенно, [22] *bag/pag* (санс. *pak-shin* "птица"). Кроме того, в ряд сопоставлений можно включить и шум. слово *pa* (крыло, сторона, ветвь), соотнеся его с ИА *paksha* (сторона, бок, крыло). Это вряд ли простая случайность. Однако здесь мы выходим за пределы основного метода работы, действуя подобно Уиттакеру. Аналогичная ситуация, кстати, в случае знака №44 (Липин Л.А. Аккадский (вавилонско-ассирийский) язык. Вып. I. Хрестоматия с таблицами знаков. Л., 1957), который имеет немотивированное в аккад. чтение *bad* и значение "господин" (ср. санс. *pati*), хотя само слово "bad" в шум. в таком значении не засвидетельствовано.

³⁸ EPSD, 2000 г. до н.э., редкое слово. Соотв. слово в греч. имеет форму *πελεκυς*, с чем ранее, возможно, неоправданно, сопоставляли аккад. *pilaququ*. При сопоставлении с шумерским обращает на себя внимание аномальное отсутствие "r".

³⁹ EPSD, 2000 г. до н.э. Пишется *ki-ze-er*. Это слово известно в латыни (*caesar*) как прозвище со значением "кудрявый" (Julius Caesar). Древнее ИА слово контаминирует с *keśa* (волос[ы]).

⁴⁰ EPSD, 3000 г. до н.э.

⁴¹ EPSD, 3000 г. до н.э. В случае №26 определить, какой из вариантов соответствия может быть верен, непросто. На данном этапе мы будем полагать, что второй (*kshī*-), поскольку оформленная суффиксами эта основа в санскрите образует целое гнездо слов со значениями "земля", "место", "поле" (*kshī-ti*, *kshē-tra* и т.п.). Что касается странного, на первый взгляд, соответствия шум. *l* ~ санс. *sh* (в №25), здесь нужно вспомнить, что реконструированная форма соотв. ИЕ слова — **dh^hom*, греч. *χθων*, *χθαμ-αλος*, что указывает на изначальную звонкость исходной фонемы, поэтому предложенное соответствие не может быть просто отвергнуто (чередование же *d/l* хорошо засвидетельствовано как в ИА, так в различных восточносредиземноморских языках, ср. Одиссей/Улисс и др.).

⁴² EPSD, 3000 г. до н.э. На первый взгляд, может показаться, что налицо очень малая фонетическая близость (Уиттакер это слово также рассматривает). Однако ситуацию поясняет санс. корень *iksh-* (смотреть) и то, что в большинстве других ИЕ языков это слово лишено шипящего (рус. *око*, нем. *Auge*, лат. *ocu-lus*). То есть источником слова может быть и другой ИЕ диалект. Ср. также альтернативное написание шум. слова: *i-bi*.

интересное соответствие — [28] шум. **babbar**⁴³ (сияющий, яркий, белый; восходящее солнце) — санс. **babhru** (огонь; яркий; красно-коричневый). [29] шум. **gur**₂⁴⁴ (шар, круг, кольцо) — санс. **gola** (шар, круг). [30] шум. **mul**₂⁴⁵ (фундамент; основы) или **ur** (корень; основание) — санс. **mūla** / **mūra** (корень; основание). [31] шум. **mud**₅⁴⁶ (радость) — санс. **moda** (радость). [32] шум. **mir**⁴⁷ (северный ветер; север) — санс. **meru** (мифич. гора Меру на северном полюсе, вокруг которой вращается небо; столп). [33] шум. **martu**⁴⁸ (западный ветер; обитатель запада) и **marru** (штормовой ветер) — санс. **marut** (ветер; дыхание; групповое божество войны — Маруты). [34] шум. **mana**⁴⁹ (мера веса) — санс. **māna** (мера; стандарт; почет, уважение, вес). [35] шум. **asag**⁵⁰ (вид муки, мучное блюдо) — санс. **sak-tu** (ячменная мука; мучное блюдо). Соответствующее санскритское слово снабжено суффиксом, но имеет неясную этимологию. [36] шум. **arzana**⁵¹ (мелкая разменная монета, мелочь серебром) — санс. **arjuna** (н, серебро). [37] шум. **armur[a]**⁵² и **ar** (руины) — санс. **arma** (кладбище; развалины). [38] шум. **u₈**, **u₁₀**⁵³ (овца) — санс. **avi** (овца). [39] шум. **u₁₁**⁵⁴ (яд) — санс. **visha** (яд). [40] шум. **sed**, **še**_{11,12,15,18}⁵⁵ (зима, холод) — санс. **śi-ta** (холод, прохлада). [41] шум. **sipad/šuba**⁵⁶ (пастух) — санс. **paśupati**, авест. **fšupa_{ti}** (пастух; владыка скота). [42] шум. **id**⁵⁷ (река, канал) — санс. **sindhu** (река; Инд). [43] шум. **ninka**⁵⁸ (мангуст) — санс. **nakula** (мангуст). [44] шум. **lag**⁵⁹ (ком земли) — санс. **loga** (ком земли). [45] шум. **lib**⁶⁰ (жир, овечий жир) — санс. **lepa** (мазь; замазка; пятно). [46] шум. **emerah**⁶¹ (кувшин, сосуд) — санс. **amatra** (сосуд). [48] шум. **egar**⁶² (форма, облик) — санс. **ākāra** (форма, облик). [49] шум. **ligin**⁶³ (табличка, документ, выписка) — санс. **likhana** (документ; процесс письма, процарапывание). [50] шум. **kadu**⁶⁴ (покрывало; покров) — санс. **chada** (покров; крыло). [51] шум. **kasu**⁶⁵ (чашка, кубок), один из способов написания: **ka-a-su** — санс. **kaMsa** (кружка, латунная чаша), при наличии созвучного **camasa** (кубок, сосуд). [52] шум. **kešda**⁶⁶ (крыша;

⁴³ EPSD, 3000 г. до н.э. Кажущееся несоответствие по цвету (**babhru** обычно связывают с ИЕ обозначением бобра) поясняется тем, что **babhru** — частый эпитет золота и солнца, которые не имеют темной окраски и явно не похожи на бобра (ср. **babhru-dhātu** "золото"). EPSD дает только глагольное значение слова: "быть белым, сиять". Остальные значения взяты в: Sumerian Lexicon, version 3.0, by J.A. Hallogan. P. 51. URL: <http://sumerian.org/sumerlex.htm>.

⁴⁴ EPSD, без даты. Проблема данной пары — в неточном соответствии значений. Чередование **r/l** весьма распространено в древнем ИА.

⁴⁵ EPSD, без даты.

⁴⁶ EPSD, 2000 г. до н.э., редкое слово.

⁴⁷ EPSD, 3000 г. до н.э.

⁴⁸ EPSD: **martu** и **marru** — 3000 г. до н.э. Данное соответствие неправдоподобно, если не учитывать предыдущее. Аккад. глосса к слову **martu** — **amurru**, что является этнонимом (амореи). С санс. **marut** (лат. **Mars**, **Martis** — бог войны, как и ведийские Маруты), впрочем, сопоставляли также шум. **amar-ud** ("сын/теленоч-солнце"), с которым связано имя месопотамского бога войны Мардука. Кроме того, ср. санс. **maru** (пустыня Тар).

⁴⁹ EPSD, 3000 г. до н.э. Обращает на себя внимание большая узость значения шумерского слова, в то время как санс. происходит от ИЕ корня **mā-** (измерять).

⁵⁰ EPSD, без даты.

⁵¹ EPSD, 2500 г. до н.э.

⁵² EPSD, **armura** — 2000 г. до н.э., **ar**₂ — 3000 г. до н.э.

⁵³ EPSD, 3000 г. до н.э. Только в ИИ данное слово возводится к ещё живому корню **ū-** (поддерживать, питать).

⁵⁴ EPSD, 2000 г. до н.э.

⁵⁵ EPSD, 2500 г. до н.э. Санс. слово имеет внутреннюю этимологию.

⁵⁶ EPSD, 3000 г. до н.э. Если это сближение верно, то носители ИИ диалектов, возможно, были одними из известнейших овцеводов в регионе древнейших цивилизаций между Сирией и Индией. Ковеводство появилось позднее.

⁵⁷ EPSD, 3000 г. до н.э. Соответствие мало правдоподобно. Если же оно верно, то это — ещё один довод в пользу индийского происхождения шумеров (но с ИА влиянием с самого начала).

⁵⁸ EPSD, 2000 г. до н.э. Здесь наблюдается неточное соответствие и метатеза. Однако чередование **n/l** известно в самом ИЕ, ср. санс. **śakuni** (птица) — рус. **сокол**.

⁵⁹ EPSD, 2500 г. до н.э. В шумеро-аккадском письме нет стандартных средств передачи фонемы "o".

⁶⁰ EPSD, без даты. Возможно, случайное созвучие.

⁶¹ EPSD, без даты. Версия Уитакера носит характер слишком общего рассуждения. Любопытно также сопоставление [47] шум. **atua** (EPSD, 2500 г. до н.э.) и санс. **atharvan** (оба слова обозначают жреца).

⁶² EPSD, 2000 г. до н.э. Ещё одна параллель: шум. **egara** (хранилище для фиников, амбар) и **egar** (стена) — санс. **agāra** (дом, помещение, строение). Но здесь есть некоторое несоответствие между значениями.

⁶³ EPSD, без даты. Соответствие трудно доказуемо.

⁶⁴ EPSD, 2000 г. до н.э. Очень вероятное соответствие.

⁶⁵ EPSD, 2500 г. до н.э.

⁶⁶ EPSD, 2000 г. до н.э. Соответствие маловероятно. Возможно, имела место метатеза из *kedša/kadše.

чердак) — санс. **chadis** (крыша дома и повозки). [53] шум. **ninda**⁶⁷ (бык-производитель; бычок; теленок) — санс. **nandin** (бык Шивы; сын). Далее, [55] шум. **kid[a]**⁶⁸ (циновка, тростниковая подстилка) — санс. **kaTa** (циновка, соломенная подстилка). [56] шум. **gu**⁶⁹ (голос; шум, крик) — санс. (1) **hava** (призыв) или (2) **ghosha** (шум; голос). [57] шум. **gud**⁷⁰ (гнездо; пристанище, кров) — санс. **gudh-** (накрывать) и **guh-** (прятать), **guhā** (пещера, укромное место). [58] шум. **mudur**⁷¹ (грязь, земля) — санс. **mrd** (глина, мягкая почва).

Наиболее поразительными выглядят следующие параллели (включают теонимы), которые более ценны не достоверностью этимологического родства, а культурологической значимостью. [59] шум. **diġir**⁷² (божество, бог; также *an — "небо") — санс. **deva** (бог), **dyuvan** (небо) и ср. ***dyo pitar** (Небо-Отец, Дьяус Питар). [60] шум. **en-ki** (бог Энки, "владыка земли") — санс. **agni**⁷³ (огонь, бог Агни). [61] шум. **en-lil** (бог Энлиль, "владыка ветров") — санс. **indra**⁷⁴ (царь богов, бог Индра; царь). О Марутax сказано выше. Наконец, внимания заслуживает также давнее сопоставление [62] шум. **abzu** (водная бездна, пучина, Абзу) — санс. **apsu** (в водах, Лос.), **āpas** (pl., вода, Первозданные Воды). Из "далеких вод" Абзу пришел бог Энки, ведийский Агни также связан с Водами.

Главным лингвистическим выводом нашей статьи можно считать следующее: ИА атрибуция цивилизации долины Инда не может быть исключена, как считалось ранее сторонниками позднего прихода ариев в Индию (во II тыс. до н.э.). Поэтому дальнейший поиск и анализ возможных следов присутствия ариев в Индии и — через морскую и отчасти сухопутную торговлю — в Месопотамии следует считать уместным (с соответствующей корректировкой датировок — 3300—1900 гг. до н.э.). Поскольку собственно хараппская письменность до сего времени (2015 год) не дешифрована, значительную роль на первых порах должен сыграть поиск исторических свидетельств в иноязычных современных ей (по отношению к Хараппе — в шумерских) и в более поздних по письменной фиксации местных источниках (в данном случае, индоарийский эпос и литургия). Также крайне уместен дальнейший поиск параллелей в материальной культуре.

⁶⁷ EPDS, 2000 г. до н.э. См. также менее вероятное соответствие [54] шум. **ninda** / **inda** (хлеб, лепешка) — санс. **piNda** (жертвенная лепешка, клецка).

⁶⁸ EPDS, **kid** — 3000 г. до н.э., **kida** — 2000 г. до н.э. Связь маловероятна из-за наличия в санскритском слове церебрального согласного, восходящего, вероятно, к сочетанию "rt" (впрочем, само шумерское "d" может чередоваться с "r").

⁶⁹ EPDS, 3000 г. до н.э.

⁷⁰ EPDS, 2000 г. до н.э.

⁷¹ EPDS, 2000 г. до н.э. Возможно, в шумерском имела место метатеза при попытке передать слоговое "r": **mudur** < *murud.

⁷² EPDS, 3000 г. до н.э. Только в ИА языке слова "бог" (**deva**) и "небо" (**dyo**) восходят к одному корню — другие ИЕ языки не сохранили такой "прозрачности". Чтение "an" ("небо" по-шумерски) можно считать местным "переводом", т.к. в шумерском один и тот же знак передает значения "бог" и "небо", но чтения для них даются разные. Если слово **diġir** в самом деле восходит к ***dyo pitar**, то это пример апокопы среднего слога.

⁷³ Ср. *Шатапатха-брахмана* в редакции Мадхьяндина (далее — ШБМ) (The Śatapatha-Bṛāhmaṇa according to the text of the Mādhyandina school transl. by J. Eggeling. Part III. Oxford, 1894.), 6.1.2.1: "Праджапати с помощью (или: в образе) **Агни** совокушил с Землей. От этого союза родилось яйцо..." Энлиля называют сыном Ану (Неба) и Ки (Земли). Буквально **en-lil** значит "владыка ветров". Ср. далее ШБМ, 6.1.2.2: "А зародыш внутри того [яйца] был сотворен как **Ваю** (ветер)..." (см. след. примечание). **Энки**, в свою очередь, связывают с водами и нижним миром. Изображался окружённым источниками вод, с рыбьим хвостом и светильником (sic!). При раскопках возле его жертвенника найдено особенно много рыбьих костей. Имел эпитеты «хитроумный, многомудрый, совершенный разумом, Разум Обширный» (ср. соответствующие эпитеты Агни в РВ (Овсяннико-Куликовский Д.Н. К истории культа огня у индусов в эпоху Вед. Одесса, 1887.)). Ср. ШБМ, 6.1.1.9: "Из Речи он сотворил **Воды**..." Везде в этом разделе Агни назван сыном Праджапати и одновременно часто отождествляется с ним. Отождествление Индры с Ваю также не редкость. Таким образом, мы имеем групповую мифологическую параллель: шум. Ан-Ки, Энки и Энлиль — ИА Дьява-Притхиви (позднее, в ШБМ, Праджапати), Агни и Индру (и Ваю). Исследование этой параллели заслуживает отдельной публикации.

⁷⁴ Ср. напр. ШБМ, 6.1.1.1-2 (перевод наш): "...Риши, несомненно, были ветрами жизненной силы. ... И тем ветром жизненной силы, который был посреди (**madhye**) них, был, несомненно, **Индра**. И он своєю царской силой (**indriya**) зажег (**idh-**, другой корень) эти ветры жизненной силы..." Далее рассказывается, как семь отдельных ветров объединяются в божество в образе Птицы (тоже связь с ветром). Подобно Энлилю, Индра отделяет Небо от Земли. Индийскими языковедами имя **indra** возводится к корню **ind-** (властвовать, править), ср. нашу параллель N^o3 выше. Также возможно, хотя и мало правдоподобно шум. **lil** (ветер; дух, привидение) — санс. **anila** (ветер).

УДК 94(3)

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФИГУРЫ
ДЕВСТВЕННОЙ БОЖЕСТВЕННОЙ МАТЕРИ
В ЕГИПЕТСКОЙ РЕЛИГИИ, В ЗОРОАСТРИЗМЕ И В ХРИСТИАНСТВЕ**

**COMPARATIVE ANALYSIS OF FIGURES VIRGINITY OF THE DIVINE
MOTHER IN THE EGYPTIAN RELIGION, ZOROASTRIANISM AND
CHRISTIANITY**

С. Иванов

St. Ivanov

*Великотърновский университет им. Св. Кирилла и Мефодия,
Болгария, 5000, Велико Търново, ул. Теодосия Търновского, 2*

*University St. Cyril and Methody,
2, Teodosiy Tyrnovsky, Veliko Tyrnovo, 5000, Bulgaria*

E-mail: st_iordanov@yahoo.com

Ключевые слова: древнеегипетская религия, зороастризм, христианство, культ, мать.
Key words: ancient Egyptian religion, horoastrizm, Christianity, the cult of the mother.

Аннотация. В архетипном мифе о вечно умирающем и воскресающем божестве центральное место занимают история о непорочном зачатии и фигура Божественной матери, родившей и вырастившей Спасителя. Этот мифологический мотив отличается чрезвычайно древним происхождением и встречается во всех вариантах мифа. В настоящей статье мы проведем сравнительный анализ образа Божественной матери в зороастризме (митраизме), в древнеегипетской религии и в христианстве для того, чтобы выявить влияние языческих религий на христианство. Кроме сравнительного анализа образов Исиды (Изиды), Анахиты, Виспы-Таурваيري и Девы Марии, мы сопоставим основные моменты в архетипном мифе о рождении Спасителя.

Resume. The archetypal myth of ever-dying and rising deity occupy the central place the story of the Immaculate Conception and the figure of the Divine Mother, who gave birth to the Savior and grow. This mythological motif features extremely ancient origins and is found in all versions of the myth. In this article we carry out a comparative analysis of the image of the Divine Mother in Zoroastrianism (Mithraism), in ancient Egyptian religion and Christianity in order to reveal the influence of pagan religions to Christianity. In addition to a comparative analysis of the images of Isis (Isis), Anahita, Visp-Taurvairi and the Virgin Mary, we compare the main points in the archetypal myth of the birth of the Savior.

Проблемы, сформулированные подобным образом, в той или иной степени уже решались исследователями. Параллели между Исидой и Девой Марией были детально рассмотрены Д. Мердоком в «Christ in Egypt: Horus-Jesus Connection». П. Набарз выдвинул гипотезу о девственной матери Митры – Анахите. В своей книге «Mysteries of Mithras: The Pagan Belief That Shaped the Christian World» он привел много аргументов в пользу своей теории. Не на последнем месте следует отметить также книгу С. Бенко, касающую вопросы, связанные с языческим влиянием на культ Девы Марии. В этих исследованиях, однако, проблемы о параллелях между зороастризмом и христианством и, главным образом, о параллелях в представлениях о непорочном зачатии значительно меньше изучены. Не рассмотрены тексты о Виспе-Таурваيري и ее сестрах и их сакральных детях - трех спасителях, а они дают возможности дополнительных наблюдений по теме.

В настоящем изложении мы рассмотрим параллели между древнеегипетской религией, зороастризмом и христианством именно в связи с вопросом о влиянии первых на христианство, акцентируя их влияние, в первую очередь, на идею о партеногенезе. На

наш взгляд, самое сильное влияние на христианство оказала идея о партеногенезе зороастризма, воздействуя в очень сильной степени и на формирование культа Девы Марии.

1.1. Партеногенез. Во всех трех религиозных системах прослеживается история о Партеногенезе (рождении от девственницы и сохранении девственности после рождения). Одними из известнейших параллелей в архетипном мифе о вечно умирающем и воскресающем божестве являются параллели между Исидой и Девой Марией. Исида – в числе самых почитаемых богинь древнеегипетской религии. Мария – важнейшая женская фигура в христианстве.

В науке ведутся острые дискуссии по поводу утверждения о девственности богини Исиды. Подчеркивается тот факт, что она все же осуществила половой акт с телом мертвого Осириса, соответственно, она уже не была девственницей и ее нельзя сравнивать с Девой Марией. Критический анализ исторических источников позволяет нам заключить, что Исида представлена девственной богиней. Д. Мердок подробно рассмотрел эту гипотезу.

Геродот (Hdt., Hist., II, 41) идентифицировал египетскую богиню Изиду с греческой героиней Ио, символизировавшей Луну. В древнегреческой мифологии Ио представлена девственницей и жрицей Геры в Аргосе. В трагедии «Прометей Прикованный» также упомянуто о том, что Ио – девственница.¹ Новые доказательства девственности богини Исиды мы обнаруживаем в романе «Золотой осел», или «Метаморфозы» Апулея (Apul. Metam., XI, 5), в котором указано, что Исида была известна под многими именами: Минерва, Прозерпина, Беллона, Геката и пр. Понятно, что Апулей идентифицировал Исиду с древними средиземноморскими богинями – девственницами. Известно также, что Прозерпину – Персефону называли эпитетом «Кора» (дева, не познавшая мужчину). Плутарх тоже подтверждал факт, что Исида являлась олицетворением римской и греческой богини Прозерпины – Персефоны, известной эпитетом Кора (девственница).² Афина Паллада тоже являлась богиней-девой, а обращение «Парфенос» к деве Палладе часто встречается в источниках. Софокл называл ее девой, повелительницей коней.³ Французский археолог Андре Бернанд обнаружил греческую надпись, в которой упоминается титул «Парфений» вместе с именем Исиды.⁴

Мы наблюдаем процесс синкретизма между древними богинями Кибелой, Афиной, Афродитой, Деметрой, Персефой, Герой и египетской богиней Исидой, олицетворением непорочности.⁵ Следует отметить, что наблюдается некоторое несоответствие в культе Персефоны (Прозерпины): хотя она и известна эпитетом Кора (дева), она была похищена Аидом и стала его супругой. Как было уже указано, в древних мифах наблюдается интересный парадокс. Даже после родов Великая богиня осталась девственной, а сам процесс зачатия был, скорее, имагинерным актом с неравноценным партнером.⁶ Это аналогия с непорочным зачатием Девы Марии, реализованным не путем нормального полового акта, а божественным промыслом, оплодотворившим деву. По мнению д-ра Уитта, причина кроется в религиозном мышлении древних обитателей Средиземноморья, продолжавших воспринимать Великую богиню-мать девственницей даже после рождения ее сына.⁷ Вероятнее всего, еще в микенскую эпоху Великую богиню-мать почитали и как деву, и как мать, сочетающую взаимоисключающие принципы непорочности и зачатия.

¹ March, J. Cassell's Dictionary of Classical Mythology. Cassell & Co, 1998. P. 422; Есхил. Прикования Прометей. София, 2003. С. 36.

² См. Goodwin, W. Plutarch's Morals. Boston, 1878. P. 88.

³ См. Софокл. Драмы. Москва, 1990. С. 100.

⁴ Murdock, D. Christ in Egypt: Horus - Jesus Connection. 2011. P. 738-745.

⁵ Mark, P. Classical Mythology. Oxford University Press, 2003. P. 366; Carpenter, E. Pagan and christian creeds their origin and meaning. London, 1920. P. 157-158.

⁶ Murdock, D. Was the persian goddess Anahita the pre-christian virgin mother of Mithra. URL: <http://findpdf.net/reader/Was-the-Persian-Goddess-Anahita-the-Pre-Kaveh-Farrokh.html> (дата обращения: 09.03.2013)

⁷ Wit, R. Isis in the Ancient World. Baltimore, 1997. P. 141.

Мотив о непорочном зачатии получил широкое распространение в Древнем Египте. Фараон Рамсес (Рамзес) V отправил свою дочь, принцессу Исиду, служить в храме бога Ра (жрицы бога Ра давали обет целомудрия), это первая известная нам девственная принцесса (жрица).⁸ Идентичные сведения мы находим в древнеегипетском папирусе, хранящемся в Британском музее за номером Papyrus Brit. Mus., 10, 188. Древний текст рассказывает о религиозных мистериях Исиды и Осириса. В ритуале принимали участие две молодые девушки, выполнявшие роли Исиды и ее сестры Нефтиды, при этом обязательным условием являлась девственность обеих.⁹

Углубленное изучение «Текстов саркофагов» позволили египтологам обнаружить текст с конкретным упоминанием Исиды, как hwn.t или девственницы.¹⁰

В эпоху эллинизма имя Исиды вновь связывалось с девственностью, ее неизменно отождествляли с богинями-девами Эллады. Эратосфен в своем сочинении созвездиях (Eratost., *Katas.*, IX), в параграфе о знаке зодиака Дева, дал описание богинь Исиды, Деметры и Тюхе (Тихе), так как они были олицетворением девственности. Но, наверное, важнейшим доказательством тезы о непорочности Исиды является надпись, выгравированная на перстне (датированном I-II вв. н.э.), в которой Исида названа эпитетом *Immaculates* (незапятнанная, непорочная).¹¹

Это тесная параллель с Девой Марией, которую Церковь также определяет непорочной и незапятнанной.¹² Дополнительные аргументы в поддержку этой тезы привел и сэр Джеймс Фрейзер, исследовавший древний ритуал, распространенный в Сирии и Египте, который, вне всякого сомнения, связан с Астартой (Иштар) и Исидой. Древние египтяне почитали египетскую Деву, проводя странный ритуал.

Празднующие уходили во внутрь определенного святилища в точно назначенное время, сразу после полуночи они выходили из храма с радостными криками: «Дева родила! Свет становится сильнее!» Египтяне даже представляли новорожденное солнце в образе младенца, которого в день рождения, во время зимнего солнцестояния, выносили на улицу, чтобы верующие преклонились. Нет никаких сомнений, что зачавшая, чтобы родить сына двадцать пятого декабря, – это великая восточная богиня, которую семиты называют Небесной девой или просто Небесной богиней.¹³

Преклонение перед девой в Египте засвидетельствовано также Пасхальной хроникой, сообщающей, что и до сих пор в Египте отмечают беременность девственницы и рождение ее сына, которого они выносят каждый год в колыбели, чтобы люди почтили его.¹⁴

Соответственно, культ Исиды постепенно трансформировался в культ Девы Марии.¹⁵ Попытки христианских богословов доказать оригинальность и уникальность образа Девы Марии входят в противоречие с научными исследованиями культов древних средиземноморских богинь. В заключение дополним, что египетской мифологии известен и мотив о коитусе между богом и смертной женщиной. Подобным способом зачата принцесса Хатшепсут – бог Атум овладел ее матерью, царицей Ахмес (Яхмес, Ахмос, Яхмос), и от этой связи родилась будущая могущественная властительница (идентично оплодотворению смертной женщины Девы Марии Святым Духом).¹⁶

⁸ Morris, L. *Historical Dictionary of Ancient Egypt*. Toronto, 2008. P. 195.

⁹ Sauneron, S. *The Priests of Ancient Egypt*. London, 1960. P. 69.

¹⁰ Oracle, G.; Botterweck, J. *Theological Dictionary of the Old Testament*, vol. 2. 1975. P. 338-339.

¹¹ *Catalogue of Engraved Gems of the Classical Style*. New York, 1920. P.170.

¹² Молитви към пресвета богородица. URL: http://www.pravoslavieto.com/molitvoslov/molitvi/kum_Bogoroditsa.htm (дата обращения: 05.11.2013)

¹³ Фрейзър, Дж. Златната клонка. София, 1984. С. 448.

¹⁴ Mitchell, L. *The Christian mythology unveiled, lectures*. London, 1842. P. 100, Bonwick, T. *Egyptian belief and modern thought*. London, 1978. P. 143.

¹⁵ Geitner, L. *Mary and Isis*. URL: http://www.academia.edu/912004/Mary_and_Isis (дата обращения: 08.01.2013)

¹⁶ King, L. *Legends of Babylon and Egypt in relation to hebrew tradition*. London, 1918. P. 104-106.

Дева Мария также обладает характеристиками вечно девственной богини. В источниках ее часто называют Приснодевой. Евангелие о Рождестве Пресвятой Богородицы напрямую цитирует название Приснодева.¹⁷

Концепция о Приснодеве объясняет факт, почему даже после рождения Богородица продолжала быть девственной. Парадокс зачатие – девственность продолжает языческую модель божественного рождения Спасителя. Важнейшим старозаветным пророчеством о Марии является слово пророка Исаяи (Ис. 7:14) о девице, которая родит сына и назовет его Еммануил.

Евангельские тексты сообщают факт о девственности Марии до рождения Христа. Евангелист Матфей (Мат. 1:18) отмечает, что после обручения Марии с Иосифом, еще до их соития, оказалось, что она «непрадна от Духа Святого». Евангелист Лука сообщает о благой вести (т. наз. «Благовещении»). Марии явился Архангел Гавриил, сообщивший ей, что она выбрана Богом для того, чтобы от нее родился Спаситель, хотя она и не познала мужчины (Лк. 1:26-31). Согласно евангельским текстам, плотник Иосиф хотел уйти от будущей супруги, но получил откровение свыше и остался с ней, не «познав» ее.

*Иосиф же муж Ее, будучи праведен
и не желая огласить Ее, хотел
тайно отпустить Ее. Но когда он помыслил это, – се,
Ангел Господень явился ему во сне и сказал:
Иосиф, сын Давидов! не бойся принять
Марию, жену твою, ибо родившееся
в Ней есть от Духа Святаго¹⁸.*

Протоевангелие Иакова подтверждает и дополняет данные канонических евангельских текстов о девице.¹⁹ На базе догматических текстов и Священного Предания Церковь восприняла доктрину о девственности и после родов. Но эта доктрина, или «*post partum*», не воспринята однозначно всеми отцами церкви. Тертуллиан и Иовиниан высказали свои сомнения по поводу этой идеи. Впоследствии доктрину защитили отцы церкви, в результате чего был воспринят термин «Приснодева», официализированный на Пятом Вселенском соборе в Константинополе. С начала IV в. общепринятой стала формула: «Девой зачала, девой родила, девой осталась». Учение о приснодевственности Марии было создано в ответ на отрицание девственности также представителями гностицизма, конкретнее, Керинфом.

Арианство отрицало культ Богородицы. Похожие взгляды были восприняты и в различных направлениях македонизма, ставшего наследником арианства. Они распространялись всю вторую половину IV века и в начале V в., но официально их осудили лишь на Третьем Вселенском соборе. Дискуссия между отцами церкви шла не только по вопросу о сути непорочного зачатия, но и о сохраненной девственности после рождения Христа.

Зороастризм тоже разрабатывал мотив о Партегенезе. Идеи о девственной матери и непорочном зачатии присутствуют и в митраизме. Чтобы доказать свою тезу, мы рассмотрим последовательно образы богинь Анахиты и Виспы-Таурваири – матери Саошианта (Саошьянта). Подобно Богородице и Исиде, девственная Анахита зачала Митру от бога и даже после его рождения осталась непорочной. Рассуждая об этом, нам следует остановиться и на параллелях между иранскими религиозными концепциями и христианством. Концепция о девственной матери, которая родит Спасителя, является чрезвычайно древней, и она засвидетельствована в иранской религиозной литературе, созданной в первом тысячелетии до нашей эры. Как мы уже отметили, культ Богородицы зародился гораздо позже этого периода и адаптировал многие из идей зороастризма – партенегенез, зачатие девственной матери от бога и идею о святой матери. Современные исследования митраистской проблематики раскрыли связи между богом Митрой, богиней Анахитой и Партегенезом. Были приведены и новые доказательства

¹⁷ The Gospel of the Nativity of Mary. URL: <http://www.gnosis.org/library/natmary.htm> (дата обращения: 07.12.2013)

¹⁸ Цит. по: Библия, издание на Св. Синод на БПЦ. София, 2012. С. 1195.

¹⁹ Апокрифы древних христиан: Исследование, тексты, комментарии. Москва, 1989. С. 120-123.

в пользу теории рождения бога Митры от девственной матери Анахиты – идентичной с евангельскими рассказами о зачатии Девы Марии и рождении Христа.

В армянских источниках сохранилась легенда о рождении Митры от девственной матери. В древней Армении митраизм был широко распространенной религией, в чьих источниках мы обнаруживаем версию мифа, согласно которой бог Митра родился от связи между Ахурой Маздой и смертной женщиной. Армянский автор Елисей (Егише) Вардапет отмечает, что Митра рожден женщиной и был сыном верховного маздеистского бога Ахуры Мазды.²⁰ Некоторые сведения мы обнаруживаем в уже упомянутой «Истории» Езника Кохбаца (Eznik de Kolb) (Ezn., Refut. of the Sec., II, 8). Автор подробно описал зурванистскую ересь и отметил тот факт, что Ахура Мазда погибнет, но его потомство, рожденное девицей, выживет и победит Анхра-Майнью.

Несмотря на то, что в авестийской литературе мы не обнаруживаем прямых сведений о зачатии Митры, за исключением сведений в «Михр-Яшт» (Yt. 10:1), полностью посвященном Митре, в котором содержится информация о том, что Митра был создан Ахурой Маздой. С учетом того факта, что значительная часть авестийских религиозных памятников не сохранились до наших дней, существует довольно большая вероятность того, что армянские авторы пользовались оригинальными персидскими текстами (недошедшими до нас), описывающими рассматриваемый мотив.

Дискуссионным является также вопрос о фигуре девственной матери Митры. Опять же в армянских источниках упоминается о том, что она была смертной женщиной, но такие ученые, как П. Набарз и Д. Мердок придерживаются мнения, что речь идет о персидской богине Анахите, приводя многочисленные аргументы в защиту своего утверждения. Анахита, богиня воды, земли и плодородия, символизирует чистоту и непорочность, ее имя Ardvī Sura Anahita было эпитетом непорочности.²¹ Культ богини является чрезвычайно древним, он засвидетельствован в первом тысячелетии до нашей эры. В армянской мифологии Анаит (Анахита) была супругой верховного бога Арамизда (Ахуры Мазды) и известна эпитетами «Златорожденная», «Золотая мать» и «целомудренная мать».²² Архетипом богини Анахиты является Великая богиня-мать, почитаемая в районе Ближнего Востока с глубокой древности. Очень часто Анахиту идентифицировали и с матерью богов – эпитет, которым часто называли также фригийскую богиню Кибелу.

В древних мифах мы наблюдаем следующий парадокс: даже после родов богиня оставалась девственной, сам процесс зачатия был скорее воображаемым актом с неравноценным партнером.²³ Это аналогия с непорочным зачатием Девы Марии, реализованным не путем нормального полового акта, а божественным промыслом, оплодотворившим девственницу.

Соответственно, мы обнаруживаем следы древнего космогонического мифа о союзе неба и земли, который позже был адаптирован христианством.²⁴

Существует глубокое сходство между обработкой земли земледельцами и сексуальным актом.²⁵ В Библии мы также обнаруживаем косвенные сведения о связях между небом и землей и половом акте между ними.²⁶

По мнению С. Бенко, в космогоническом акте творения Мария является олицетворением Земли, а Бог – Неба.²⁷

Самую тесную параллель между образом Богородицы и Виспой-Турваири обнаруживаем в Авесте. Виспа-Турваири и Дева Мария. В отличие от египетской

²⁰ Langlois, V. Collection des Historiens Anciens et Modernes de L'Arménie, vol. 2. Paris, 1869. P. 194.

²¹ Nabarz, P. The Mysteries of Mithras: The Pagan Belief That Shaped the Christian World. Rochester, 2005. P. 146-149.

²² Мифы народов мира. Т. 1. М., 1987. С. 76; Арутюнян, С. Мифы и легенды Древней Армении. Ереван, 2007. С. 51-52.

²³ Murdock, D. Was the persian goddess Anahita the pre-christian virgin mother of Mithra. URL: <http://findpdf.net/reader/Was-the-Persian-Goddess-Anahita-the-Pre--Kaveh-Farrokh.html> (дата обращения: 09.03.2013)

²⁴ Benko, S. The Virgin Goddess: Studies in the Pagan and Christian Roots of Mariology. Brill, 1993. P. 207.

²⁵ Samuel, N. The Sacred Marriage Rite. Indiana University Press, 1969. P. 148.

²⁶ Lipsus, R. Die Apokryphen Apostelgeschichten und Apostel-legenden. Vol. 1. Braunschweig, 1883. P. 397.

²⁷ Benko, S. The Virgin Goddess: Studies in the Pagan and Christian Roots of Mariology. Brill, 1993. P. 212.

религии и митраизма, зороастризм представляет образ девственницы, родившей спасителя, как смертную женщину, какой была и Дева Мария. Мотив о смертной девушке перешел сначала в иудаизм через контакты еврейских богословов с зороастрийской религией (во время персидского владычества), а позже был аккумулирован и адаптирован христианством. Зороастрийская литература подробно описала чудотворное зачатие, которое произойдет в воде с девушкой, не связанной с мужчинами, а тело ее сына будет похоже на солнце, а королевская слава и хаварена всегда будут сопутствовать ему.

В Авесте подробно описан акт непорочного зачатия и отмечены имена трех Саошьянтов - Ухшьят-Эреты, Ухшьят-Немы и Астват-Эреты, и их матерей – девиц Вангху Федрихи, Эрдат-федрихи, Виспа-Таурваири (Yt. 13:142). После смерти пророка Заратустры семя хранилось в священном озере Кансава, и его стерегла богиня Анахита по приказу бога Нерьюсанга (Bundh. 73). В священном озере через интервал в три тысячи лет последовательно должны были искупаться три девы, которым суждено зачать священное потомство Заратустры (Yt. 19:91-95). Аналогии с библейскими текстами бесспорны, а влияние зороастризма на христианство очевидно. И Дева Мария, идентично Виспе-Таурваири, зачала непорочно, а ее сын Иисус, подобно Саошьянту, получит царскую славу.

Из указанных фактов можно сделать вывод о том, что идея о постоянной девственности в христианской религиозной концепции сформировалась относительно поздно (IV в.) под влиянием Священного Предания. В языческих религиях она существовала с глубокой древности (IV-III тыс. до н.э.) и прошла сложный путь развития для того, чтобы оказать сильное воздействие на мариологию.

1.2. Параллели в именах и эпитетах Изиды и Девы Марии. Дева Мария, аналогично Исиде и Анахите, получила название «Божия мать». Писатель Апулей в своем романе «Золотой осел» (Apul., Metam., XI, 3-5) описал эпизод, в котором Луций встретился с богиней Исидой и разговаривал с ней. В этой истории попавший в беду римлянин Луций вознес молитву о помощи Исиде, которую называл Небесной Царицей, потом попал в плен сна и получил сновидение. В какое-то мгновение явилась замечательно красивая женщина, которая поднялась над морем, одетая в покрывало, обсыпанное звездами и луной. Женщина стала объяснять юноше, что она мать всех и королева мертвых и бессмертных. Она призналась, что известна под многими именами, одним из которых является Исиде – мать богов, явившаяся перед ним в ответ на его молитвы. В этом отрывке параллели между Девой Марией и богиней Исидой очень тесные. Поскольку христианская церковь тоже прославляет Деву Марию Небесной Царицей (лат. *Regina Coeli*) и матерью Бога (Богородицей, Богоматерью). В трудах святых отцов церкви и христианской иконографии Дева Мария официально получила титул «Небесная царица». В специальной энциклике «Ad Caeli Reginam», изданной папой Пием XII, указано, что Мария названа «Небесной Царицей», так как ее сын, Иисус Христос, является царем Израиля и царем Вселенной.²⁸

Св. Ефрем называл Марию «госпожой» и «царицей».²⁹ Отцы церкви и апологеты христианства постепенно начали воспринимать этот титул. Основные тезисы мариологии, разработанные на Эфесском соборе, определяли Марию, как «Царицу Рая» и Божию мать. Этот процесс представлен лучше всего в иконографии западноевропейского искусства, представляющего Богородицу в царственном облике на троне, со скипетром, а ангелы возлагают на ее голову корону.

Из перечисленных фактов можно сделать заключение о том, что культы Изиды и Девы Марии были адаптированы к новым условиям и обрели новые функции и эпитеты. Дева Мария приняла все имена и эпитеты, первоначально принадлежавшие Исиде, в ее культ также были включены множество функций и аспектов древних богинь и мифологических персонажей, в числе которых Анахита и Виспа-Таурваири, Диана и

²⁸ Ad caeli reginam is an encyclical of Pope Pius XII. URL: http://www.vatican.va/holy_father/pius_xii/encyclicals/documents/hf_p-xii_enc_11101954_ad-caeli-reginam_en.html (дата обращения: 12.12.2013)

²⁹ Св. Ефрем Молитва 7. URL: http://azbyka.ru/otechnik/?Efrem_Sirin/molitv_bogorodice=7 (дата обращения: 07.03.2013)

др. Постепенно Дева Мария превратилась в мать Иисуса, бога и царя, который спасет человечество в конце дней.³⁰

Новые лингвистические исследования дают основание религиоведам установить прямую связь между личным именем Богородицы и египетскими божественными эпитетами. Египетская цивилизация оказала сильное культурное влияние на семитские народы, соответственно, и на иудеев. Это влияние четко заметно в еврейской религии, культуре и системе имен. В этом аспекте Д. Мердок подробно рассматривает гипотезу о египетском влиянии на выбор имени Мария в иудейской мифологии. В древности существовала древняя дохристианская богиня Меру, почитаемая в Индии, на греческом острове Кипре и басками. Имя Мария (Mari) встречается также в египетских священных текстах. В египетской религии эпитет Меру / MRU означал любовь и точнее всего подходил Исиде, олицетворявшей любящую мать. Эпитет MRU встречается в титулатуре ряда персонажей в древнем Египте – божеств, царей, священников, например: Meri-ab-taui, Meri-Amin-setep, Meri Aten, Meri-ka Ra, Meri-Moh, Meri-netep и пр.

В надписях храма в Абидосе Сети I назван «Мер-н-Птах», а также «Мер-Сокар», «Мер-Гор» – эпитет Меру был закреплен и за богами Анукетом, Хекетом, Кнумом, Птахом, Сокаром, Тотом и др. Даже сам Египет назывался Та-Мери или ТА MRU – «любимой землей».³¹ Альфред Видерманн перевел слово Meri в самых общих чертах, как «любящий/ая или любимый/ая». Как известно, богиня Исида слыла тем, что дарила любовь верующим, которые были ее любимыми детьми. Эта гипотеза четко контрастирует с общепринятым мнением о происхождении имени Мария (Mary в переводе с иврита – бунт). Но в области этимологии возможны различные толкования. Вполне возможно, что форма Мириам была одним из многих вариантов египетских имен, начинающихся с Meri.

Теорию о египетском влиянии на имя Марии поддерживали известный египтолог д-р Гарднер, который также подтверждал аналогии между еврейским именем Мириам, египетским эпитетом Mrt - Меру - Маруе.³²

1.3. Защита божественного ребенка. В этом ряду мыслей мы остановимся и на мотиве о нависшей над «божественным ребенком» угрозе и его защите божественной матерью в египетской религии и в христианстве, который обнаруживаем в Откровении Св. Иоанна.

И явилось на небе великое знамение: жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд.

² *Она имела во чреве, и кричала от болей и мук рождения.*

³ *И другое знамение явилось на небе: вот, большой красный дракон с семью головами и десятью рогами, и на головах его семь диадим.*³³

Текст передает рассказ о женщине-роженице, преследуемой зверем. В данном случае женщина является аллегорией Девы Марии, беременной Христом, а змей олицетворяет Сатану. В этой сцене мы обнаруживаем аналогии с мифом об Исиде и Осирисе. Зачав божественного сына Гора, Исида спряталась в болотистой местности, чтобы спасти своего ребенка от Сета.³⁴

Перед нами встают образы двух божественных матерей-защитниц – Исиды, защищавшей своего сына Гора от угроз Сета, и Марии, защищавшей младенца Иисуса от царя Ирода (в апокрифической литературе царь Ирод являлся орудием в руках Сатаны).

Египетская богиня растила своего сына и помогала ему отомстить за смерть отца, а впоследствии и занять положенное ему место в пантеоне богов. Дева Мария также защищала своего сына и приняла его миссию. Следовательно, можно считать, что,

³⁰ Geitner, L. Mary and Isis. URL: http://www.academia.edu/912004/Mary_and_Isis (дата обращения: 08.01.2013)

³¹ Murdock, D. Christ in Egypt: Horus-Jesus Connection. 2011. P. 204-211.

³² Tomkins, H. Biblical Proper Names, Personal, and Local illustrated From Sources External To Holy Scripture // Journal of the transactions of the victoria institute, vol. 16, London, 1883, p.137, Gardiner, A. The Egyptian Origin of Some English Personal Names // Journal of the American Oriental Society, 56, No 2. 1936. P. 195.

³³ См. Библия издание на Св. Синод на БПЦ, София, 2012. С. 1493-1494.

³⁴ Матве, М. Древнеегипетские мифы. Москва, 1956. С. 93-99.

унаследовав атрибуты и функции языческих богинь, Дева Мария превратилась в эталон материнства и супружеской верности, идентично Исиде, Кибеле и пр. Верующие продолжили вековую традицию восхвалять Небесную королеву и мать бога, заменяя имя Исиды именем Девы Марии. В апокрифических евангелиях мы обнаруживаем текст, сообщающий о том, что Дева Мария является частью Святой троицы, а, как нам известно, Анахита тоже была частью, соответственно, персидской божественной троицы.

1.4. Божественная троица и Дева Мария. В отличие от ортодоксального христианства, гностические евангелия создали новую концепцию Святой троицы, принимая Деву Марию, как часть ее (подобно Анахите в зороастризме). Доказательства этого мы обнаруживаем в апокрифических евангелиях, например, Евангелии египтян, датированном I – III вв. н.э. Согласно доктрине гностицизма, три силы происходят от Бога – Отца – Матери и Сына, притом вторая сила (огоада) – это мать-девственница.³⁵ На процесс конструирования гностической концепции христианской троицы сильное влияние оказал зороастризм. В маздеизме в верховной божественной триаде неизменно присутствовало женское божество – Анахита. Концепция триады сформировалась окончательно при наследниках Дария I – Дарии II (423-404 гг.), Артаксерксе II (405-359 гг.) и Артаксерксе III (359-338 гг.). Именно тогда персидские теологи создали миф о связи между Митрой и богиней Анахитой (ипостасью Великой богини-матери) и Ахурой Маздой. Эти три божества формировали божественную триаду персидской религии, наподобие эллинской и капитолийской троиц.³⁶

1.5. Параллели в иконографии Исиды и Девы Марии. Мы сделаем краткий обзор параллелей в ранних изображениях Исиды и Девы Марии с целью доказать египетское влияние на христианскую иконографию. Не будем останавливаться подробно на иконографии Исиды и Девы Марии, а лишь обратим внимание на ближайшие сходства между ними. Самая характерная параллель в иконографии, входящая в поле зрения ученых-искусствоведов, – это акт кормления грудью. Лактация представляла собой действие, обладающее в древнем Египте собственной символикой. Кормление грудью было сакральным проявлением, так как молоко излучало божественную суть, подпитывающую жизнь и сакральность.

Лактация тесно связана с иконографией Исиды. В период с 700 г. до н.э. мы можем установить быстрое нарастание популярности обрядовых статуй кормящей Исиды. Большая часть статуэток придерживались определенной модели: богиня сидит на троне, правая рука лежит на левой груди, а левой рукой она придерживает голову Гора.³⁷ Очевидно сходство с иконографией кормящей Девы Марии, хорошо знакомой нам из христианского искусства. Данный факт можно объяснить сознательным влиянием египетского культа Исиды на христианство. Корни иконографии кормящей Мадонны можно обнаружить в изображениях в римских катакомбах Присциллы (датированные III в. н.э.), являющихся значительно более поздними, чем похожие изображения Исиды. Другая группа ранних фресок, в которых с уверенностью можно идентифицировать изображение кормящей Богородицы, происходят из Египта (родины Исиды). По мнению С. Хиггинса, христиане умышленно репродуцировали образ Исиды. Неоспоримым доказательством египетского влияния на христианскую иконографию являются фрески, обнаруженные при раскопках в древнем монастыре Святого Иеремии в Саккаре (датированные VII в.н.э. и исследованные С. Хиггинсом), изображающие кормящую Деву Марию. Очевиден факт, что монахи копировали стиль древних египтян. Первая фреска обнаружена в монашеской келье (клетке А); размещенная в нише, она изображает ребенка Иисуса, сидящего на коленях Девы Марии, который держит ее за руки, пока она предлагает ему грудь. Второе изображение

³⁵ Евангелие Египтян. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/apokrif/Eg_Gosp.php (дата обращения: 03.05.2013)

³⁶ Murdock, D. Was the persian goddess Anahita the pre-christian virgin mother of Mithra. URL: <http://findpdf.net/reader/Was-the-Persian-Goddess-Anahita-the-Pre--Kaveh-Farrokh.html> (дата обращения: 09.03.2013)

³⁷ Higgins, S. Divine Mothers: The Influence of Isis on the Virgin Mary in Egyptian Lactans-Iconography // Journal of the Canadian Society for Coptic Studies, 3–4. 2012. P. 71-90.

почти идентично первому и находится в клетке 1725.³⁸ Вторая группа изображений, сходная с первой, локализована опять же в древнем Египте (в монастыре Ара Apollo at Wawit). И она, в самых общих чертах, представляет Деву Марию, кормящую Иисуса, идентично Исиде с Гором. В этом ряду мыслей мы можем прийти к заключению, что Деву Марию постепенно идентифицировали с великими богинями древнего мира, а верующие стали приписывать ей те же имена и функции, которые до этого принадлежали языческим богиням Кибеле, Артемиде, Исиде, Анахите. Самым специфическим из этих имен является «Небесная Царица», под которым была известна Исида.

Христианская иконопись репродуцировала образы Исиды и Гора, адаптировав их к образам Марии и Христа.³⁹ Поклонение Деве или Божией матери было введено Церковью именно тогда, когда начался процесс разрушения серапеумов, что вынудило поклонников Исиды тайно почитать богиню, но под другим именем – Девы Марии.

Из проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

1. В архетипном мифе о вечно умирающем и воскресающем божестве важное место занимает фигура божественной матери, родившей и вырастившей Спасителя.

2. Во всех трех религиозных системах мы наблюдаем мотив о партеногенезе, (сохранении девственности после рождения).

3. В ходе исследования мы проанализировали основные параллели (иконографию, этимологию, иерогамию) между Девой Марией, Исидой, Виспой-Турваири и Анахитой, которые невозможно объяснить совпадением.

4. Культы Исиды и Анахиты унаследовали архаические традиции культа Великой богини-матери и являются гораздо более древними, чем культ Девы Марии.

5. Мы пришли к заключению, что христианская религия ассимилировала и адаптировала древние мифы об Исиде, Анахите и Виспе-Турваири, преломив их через призму христианского мировоззрения.

Перевод на русский язык С. Польшиковой

Сокращения

Apul. = Apuleius. Metamorphoses

Bundh. = Bundahishn

Eratost. = Eratosthenes. Katasterismoi

Her. = Herodotus. Historia

Yt. = Yasht

Ezn. = Eznik of Colb

Быт. = Бытие

Ис. = Исаяя

Лк. = Лука

Мат. = Матфей

³⁸ Там же, с. 71-90.

³⁹ Benko, S. The Virgin Goddess: Studies in the Pagan and Christian Roots of Mariology. Brill, 1993. P. 216.

УДК 94 (3)

**К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ СЕЛЬСКОЙ ТЕРРИТОРИИ
ЕВРОПЕЙСКОГО БОСПОРА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ****ON THE QUESTION OF THE ORGANIZATION OF THE RURAL TERRITORY
OF THE EUROPEAN BOSPORUS IN THE NATIONAL HISTORIOGRAPHY****К.В. Пимков****K.V. Pimkov***Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н.Толстого,
Россия, 300026, г. Тула, пр. Ленина, 125**Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy, 125 Lenina St., Tula, 300026, Russia**e-mail: kurrussia@mail.ru*

Ключевые слова: историография, Европейский Боспор, Керченский полуостров, пространственная структура, сельские поселения, топография, типология и классификация.

Key words: historiography, European Bosporus, the Kerch Peninsula, spatial structure, rural settlements, topography, typology and classification.

Аннотация. Данное исследование представляет собой анализ и критику отечественной историографии, посвященной проблеме пространственного расположения поселений сельской хоры античного Европейского Боспора (Керченского полуострова). Специальных исследований по вопросу пространственной структуры поселений практически не производилось, однако, ряд специалистов затрагивали эту тематику, предлагая свою классификацию и типологию поселений сельской хоры Европейского Боспора. В ходе анализа и объективной критики историографии предлагается обновленная классификация памятников, основанная на их функциональном значении.

Resume. The study is an analysis and critique of national historiography on the problem of the spatial arrangement of rural settlements choirs European Bosporus. Special studies on spatial stuktur settlements almost was not made, but a number of experts touched on this subject, offering its classification and typology of rural settlements choirs European Bosporus. The analysis and objective criticism historiography with an update classification of monuments based on their functional significance.

Проблема изучения Европейского Боспора на протяжении долгого времени остаётся одним из самых развитых направлений в отечественном антиковедении. Изучению сельской хоры также посвящено немало исследований. Данная проблема наиболее глубоко разработана в трудах В.Д. Блаватского¹, И.Т. Кругликовой² Однако ряд аспектов указанной проблематики на настоящий момент остаются незатронутыми вовсе или изученными не в полном объеме. В частности, такой темой является организация сельской хоры Европейского Боспора, т.е. пространственной структуры этих поселений. Все опубликованные материалы либо не полны по территориальному охвату, либо посвящены решению других задач.

Основным источником по данной тематике служит археологический материал, и здесь исследователи сталкиваются с иной проблемой. В настоящий момент из поселений Европейского Боспора исследованы относительно в полной мере лишь Киммерик (от П. Дюбрюкса и В.Ф. Гайдукевича до В.К. Голенко) и Илурат (В.Ф. Гайдукевич – В.А. Горончаровский), а также городище у с. Ново-Отрадное (в первую очередь, И.Т. Кругликова). На сегодняшний день под руководством В.Г. Зубарева активно ведутся раскопки Белинского городища, опубликованные материалы и отчеты экспедиций

¹ Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953.

² Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975.

позволяют судить о типологии данного поселения и его пространственной структуре в римское время. Продолжает действовать Артезианская экспедиция Н.И. Винокурова, опубликованы материалы о хозяйственно-жилых кварталах Древней Паросты, что позволяет исследователям сделать сравнительный анализ пространственной организации с другими памятниками. В меньшей степени исследовано поселение у д. Ново-Николаевское, предположительно г. Савроматий (А.А. Масленников).

Всестороннее исследование данного вопроса невозможно без обобщения и структурирования имеющихся знаний. Попытки определения типов землеустройства и землевладения были предприняты ещё М.И. Ростовцевым, В.Ф. Гайдукевичем³, В.Д. Блаватским⁴, а ответ на вопрос о характере землевладения и типологии сельских поселений сводился в основном к следующему:

- система земельных отношений на Боспоре - разнообразнее той, что сложилась в Ольвии и Херсонесе;
- система деления сложилась, исходя из размера земельной собственности (мелкая, средняя, крупная);
- допускалось существование общинных структур как в полисной, так и варварской среде;
- на основании данных эпиграфики предполагалось существование храмового землевладения⁵.

И.Т. Кругликовой была предложена первая наиболее полная типология поселений сельской хоры Европейского Боспора. На основании письменных источников исследователь предлагает по аналогии с западной, следующую классификацию земли по принципу принадлежности: 1) деревни на частных землях; 2) деревни – поселения солдат; 3) деревни на городских землях; 4) деревни племён и объединений; или же: 1) земли, принадлежавшие городам; 2) расположенные на частных землях; 3) самостоятельные сельские общины, не зависевшие от городов⁶. Однако, учитывая небольшое количество источников письменного характера по истории Боспора, И.Т. Кругликова обращается к археологическим материалам. Ученый выделяет следующие типы поселений: 1) неукрепленные деревни; 2) поселения в хорошо защищенных природой местах или искусственными укреплениями; 3) неукрепленные, отдельно стоящие сельские участки; 4) укрепленные сельские виллы – центры крупных землевладений⁷. Исследователь помимо прочего отвергает концепцию Н.И. Соколовского о существовании на Боспоре поселений чисто военного назначения (крепости с примыкающими поселками)⁸. Но, на наш взгляд, отвергать мысль о поселениях чисто военного назначения неубедительно, так как имеющиеся на сегодня данные скорее всего указывают на существование поселений, главной и единственной задачей которых являлась оборона.

Следующим исследователем, предложившим свою типологию по данному вопросу, является А.А. Масленников, главным предметом исследования которого является территория сельской хоры Европейского Боспора. В работе «Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху»⁹ - автор предлагает свою типологию сельских поселений. В «Древностях Боспора» № 8 опубликована статья А.А. Масленникова и Т.Н. Смекаловой, которая одной из задач ставит исследование хозяйственно-административных и имущественных перемен сельской территории и их взаимосвязи с определёнными историческими событиями¹⁰. Проблема эволюции организации сельской территории Боспора развивается в

³ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949.

⁴ Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953.

⁵ Масленников А.А. Организация сельской территории античного Боспора (к проблеме изучения форм землевладения и землеустройства) // ПИФК. 2010. №1. С. 252-253.

⁶ Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. С. 147.

⁷ Там же. С. 148.

⁸ Там же. С. 161.

⁹ Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху М., 1998.

¹⁰ Масленников А.А., Смекалова Т.Н. Следы древнего землевладения и землепользования на хоре Европейского Боспора (введение в тему) // Древности Боспора. 2005. № 8. С. 276-307.

публикациях А.А. Масленникова «Организация сельской территории античного Боспора (к проблеме изучения форм землевладения и землеустройства)»¹¹, «От хижин к дворцам и казармам» (к эволюции домостроительства на хоре античного Боспора)»¹² и др.

А.А. Масленников, вслед за И.Т. Кругликовой, в первую очередь, делает акцент на разграничение понятий «сельская территория» и «боспорская хора». Под сельской территорией понимается весь район Восточного Крыма, термин же «боспорская хора» исторически более конкретен и включает в себя как земли полисов, так и территории, принадлежавшие собственно государству. Государственные территории, т.е. «царская хора» в основном образовывались за счёт территорий, принадлежавших местным племенам, хотя обстоятельства такого «присоединения» на данный момент точно не ясны¹³.

На основании выводов А.А. Масленникова типология сельской хоры представляется следующей:

Тип I – отдельно жилищно-хозяйственные комплексы:

- 1) сторожевые башни, башни-убежища;
- 2) укрепленные дома башенного типа.

Тип 2 – поселения с концентрической застройкой:

- 1) с площадью 500 – 800 кв. м.;
- 2) с площадью 1500 кв. м и более.

Тип 3 – поселения с линейной застройкой:

- 1) поселения с площадью приблизительно 0, 12 га;
- 2) поселения площадью 0, 5 га;
- 3) поселения площадью 1 и более га¹⁴.

На сегодняшний день данная типология является общепринятой, хотя некоторые её аспекты могут также быть подвергнуты справедливой критике. В частности, объемы проведенных археологических исследований не дают точной и полной картины относительно площади поселений, здесь исследователи могут полагаться полностью на данные ГИС. Таким образом, деление поселений Европейского Боспора на основании площади не может быть в достаточной мере эффективно.

Также необходимо выяснить, какие поселения носили в основном военно-стратегический характер, какие выполняли функции узлового города и торгового центра, играли ли крупные поселения роль административного центра. Попытку дать свою классификацию поселений делает А.Л. Ермолин¹⁵. В предложенной им модели системы расселения на Боспоре к середине III в. н.э. основными звеньями были: города, «малые города», крепости, укрепленные поселения. Но такая типология в полной мере не отражает картину имеющихся поселений, так как из неё выпадает целая группа памятников (неукрепленные деревни, усадьбы).

Таким образом, на данном этапе в отечественной историографии не имеется единой и универсальной классификации археологических памятников сельской хоры Европейского Боспора. Представленные типологии имеют ряд недочётов. Например, классификация И.Т. Кругликовой не отражает существование поселений в хронологическом пространстве; существуют примеры, того как неукрепленные деревни в процессе эволюции могли превращаться в укрепленные городища. Укрепленные сельские виллы, которые автор также выделяет в отдельную группу памятников, если и существовали, то на исследуемом в данной работе этапе они носили не только функции землевладельческих центров. Помимо прочего, И.Т. Кругликова отрицает тезис о существовании на Боспоре поселений чисто военного назначения, что само себе

¹¹ Масленников А.А. Организация сельской территории античного Боспора (к проблеме изучения форм землевладения и землеустройства). С. 252-264.

¹² Масленников А.А. От хижин к «дворцам» и «казармам» (к эволюции домостроительства на хоре античного Боспора) // ПИФК. 2013. № 2. С. 214-233.

¹³ Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. С. 26-27.

¹⁴ Масленников А.А. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху: Система расселения и этнический состав населения: дис. ... докт. ист. наук. М., 1993. С. 262.

¹⁵ Ермолин А.Л. Система расселения, обороны и этноконфессиональный состав населения Европейского Боспора в III-VI вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2012. С. 16.

противоречит факту появления на Керченском полуострове в первые века н.э. целой плеяды мелких фортов, имевших сигнально-оборонное значение. Из рассматриваемых в работе памятников к этому типу относятся памятники у с. Ново-Отрадное и с. Ново-Николаевское. Классификация А.А. Масленникова более конкретизирована и основательна, но, несомненно, не окончательная и должна быть дополнена. Следует отметить, что площадь поселения не может быть объективным критерием, взятым за основу типологизации, так как существующая база археологического материала недостаточна. Важным следствием изысканий ученого является тезис о прямой зависимости месторасположения поселений от ландшафта. Все анализированные в ходе работы памятники располагались непосредственно на возвышенности, более того, Белинское, Артезиан, Илурат имели и другие естественные преграды, обозначавшие их границы.

В представленных историографией типологиях не затронут один важный хронологический вопрос. Отметим, что рассмотренные прибрежные поселения существовали и до правления царя Аспурга. Другую датировку имеет ряд поселений внутри Европейского Боспора: Артезиан, Белинское, Илурат. Особняком здесь стоит Савроматий, чей век был весьма непродолжительным. Отсюда имеет место деление на «новые» внутренние и «старые» прибрежные поселения.

В дополнение к данным характеристикам следует добавить принцип деления памятников, исходя из их основного назначения. Возможно, что все приведенные в исследовании поселения имели функции военного характера, в той или иной степени. Однако, некоторые поселения отражали в себе признаки административных и торговых центров. Исходя из этого, следует выделить следующие типы:

1) Сигнально-оборонительные форты (Ново-Николаевское и Ново-Отрадное):

А) с постоянным гарнизоном;

Б) дозорные башни со сменными караулами;

2) Административные центры:

А) крупные, занимающие стратегическое положение, сочетающие функции мощной крепости, торгового и муниципального центра (Белинское);

Б) среднего размера, которые могли служить временной резиденцией местной администрации (Илурат);

3) Торговые центры:

А) центры определенного производства, например, виноделие (Артезиан);

Б) портовые города (Киммерик);

Подводя итог вышесказанному, необходимо подчеркнуть актуальность проблемы создания новой или обновления старых типологий сельских поселений и дальнейшего исследования данного вопроса.

УДК 94 (3)

**РЕСТАВРАЦИЯ КАПИТОЛИЯ И СТРОИТЕЛЬСТВО
В РИМЕ ПРИ ФЛАВИЯХ****THE RESTORATION OF THE CAPITOL AND THE CONSTRUCTION
IN ROME IN FLAVIAN TIME****М.М. Варинова****M.M. Varinova***Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.,
Россия, 410054, г. Саратов, ул. Политтехническая, 77**Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politinicheskaja St., Saratov, 410054, Russia**E-mail: varinovam@mail.ru*

Ключевые слова: Римская империя, Флави, династия Флавиев, восстановление Рима, реставрация Капитолия, храм Юпитера Капитолийского, храм Мира, амфитеатр Флавиев, Колизей, арка Тита.

Key words: Roman Empire, Flavians, Flavian dynasty, restoration of Rome, restoration of the Capitol, temple of Jupiter Capitoline, temple of Peace, Flavian amphitheatre, Colosseum, arch of Titus.

Аннотация. В ходе гражданской войны 68-69 гг. в Риме было разрушено множество важных архитектурных сооружений. Императоры новой династии Флавиев (69-96 гг. н.э.) не только восстанавливали их, но и строили новые, подчеркивающие значимость внутри- и внешнеполитических достижений принцев. В стремлении укрепить свои позиции Веспасиан, Тит и Домициан способствовали необычайному расцвету архитектурного искусства и созданию истинных шедевров, вошедших в копилку мирового культурного наследия. Статья представляет собой обзор основных восстановленных и отстроенных заново сооружений и акцентирует внимание на некоторых связанных с ними частных вопросах.

Resume. During the civil war, 68-69 in Rome many important architectural structures were destroyed. Emperors from new Flavian dynasty (A.D. 69-96) not only restored them, but also built new ones, emphasizing the importance of domestic and foreign policy achievements of the rulers. Striving to strengthen their position Vespasian, Titus and Domitian contributed to the extraordinary flourishing of architectural art and the creation of true masterpieces that are included in the Treasury of the world cultural heritage. The article represents a review of the main restored and rebuilt buildings and focuses on some related with it private matters.

Период правления римских императоров Флавиев (69-96 гг. н. э.) – традиционно относят к «серебряному веку» римской культуры. Основатель династии Веспасиан осознавал недостаток своего авторитета (Suet. *Vesp.* 7.2: *auctoritas et quasi maiestas quaedam ... deerat*) и никогда не забывал о том, что приобрел свою власть в ходе гражданской войны и благодаря армии. Факт признания сенатом права Веспасиана на императорский титул подтверждается изданием «*Lex de imperio*» (CIL.6.930 = CIL.6.31207 = ILS.244), который датируется декабрем 69 г. – январем 70 г.¹ В законе указывалось, что он принимает права в том же объеме, что были у Августа, Тиберия и Клавдия. При этом, если Август вынужден был прикрываться республиканским «фасадом», то Веспасиан мог пользоваться своей властью открыто и решительно, что позволяет исследователям сделать вывод о новом этапе развития принципата².

Тем не менее, сомнительные основания на высший империй и отсутствие родственных связей с домом Юлиев-Клавдиев вынуждали Флавиев активно использовать все возможные способы для укрепления своего положения. При этом в качестве образца

¹ Brunt P. A. *Lex de Imperio Vespasiani* // JRS. 1977. Vol. 67. Pp. 95-116.

² См. напр.: Крист К. История времен римских императоров от Августа до Константина. Ростов-на-Дону, 1997. Т. 1. С. 339-340.

Веспасиан использовал пример Августа и стремился подражать ему во всем. Как известно, основатель принципата принял Рим кирпичным, а оставил мраморным (Suet. Aug. 28: *marmoream se relinquere, quam latericiam acceperisset*) развернув активное строительство не только в столице, но и по всей империи.

Веспасиан, следуя его примеру, также активно принялся за восстановление Рима. Среди первоочередных его мер выделяется восстановление Капитолия, точнее, храма в южной части холма, в котором почитались Юпитер, Минерва и Юнона. Его руины напоминали жителям о недавних событиях (гражданской войне и пожаре в декабре 69 г.), а реставрация должна была, по-видимому, возобновить связь между римлянами и капитолийской триадой и показать, что мощь Рима не угасла и Империя продолжит свое процветание³. Действительно, Тацит называет храм Юпитера залогом римского могущества (*Hist. 3.72: a maioribus pignus imperii*), посвящает его истории целую главу и приводит предсказание друидов, связывающее его разрушение с предстоящим переходом господства над миром от Рима к народам, живущим по ту сторону Альп (*Ibid. 4.54*). Несмотря на то, что Капитолий был центром скорее республиканского Рима (там находился архив, иногда собирался сенат), а религиозный центр при Юлиях-Клавдиях смещается на Палатин⁴, Веспасиан придает восстановлению храма Юпитера первоочередное значение.

Все же решение о восстановлении Капитолия принимает сенат (*Ibid. 4.4*), начавший свое первое после смерти Вителлия заседание либо 21 декабря 69 г.⁵, либо несколькими днями позднее⁶. По вопросу финансирования «проекта» решение вынесено не было, поскольку народный трибун в процессе обсуждения воспользовался правом *veto* и запретил выносить решение в отсутствие принцепса (*Ibid. 4.9*).

При описании строительства храма возникает противоречие в источниках. С одной стороны, Тацит посвящает целую главу своей «Истории» рассказу о том, что в отсутствие принцепса, под руководством Луция Вестина и при непосредственном участии претора Гельвидия Приска и понтифика Плавтия Элиана, проводилась некая церемония, в ходе которой Гельвидий поддерживал священные повязки, которыми были увиты камень и опутывавшие его веревки (4.53: *vittas, quis ligatus lapis innexique funes erant*), после чего представители разных слоев населения тащили огромную глыбу (*saxum ingens traxere*), а в основание храма сыпались слитки из драгоценных металлов и руда (*passimque iniectae fundamentis argenti aurique stipes et metallorum primitiae*).

С другой стороны, Светоний (*Vesp. 8.5*) и Дион Кассий в изложении Ксифилина (65.10.2) описывают, как сам Веспасиан первым начал расчищать обломки на Капитолии и выносить их на собственной спине, подавая пример остальным присутствовавшим. Для современного человека несложно разрешить это противоречие простым объяснением, что Тацит описывал лишь церемонию заложения первого камня, тогда как непосредственно строительство началось уже после возвращения Веспасиана с Востока и при его участии. Но почему же тогда пожертвования засыпаются в основание храма после того, как перемещается камень, и почему при столь подробном рассказе совсем не упоминается момент установления ее на место?

По мнению Дж. Тоуненд, речь у Тацита идет не о *заложении* камня, а об его *извлечении* для расчистки места для строительства нового храма. Пожертвования «потревоженному» сакральному предмету засыпались в яму, откуда он был вытасчен.

³ Levick B. *Vespasian*. L.; New York, 1999. P. 126.

⁴ Wardle D. *Vespasian, Helvidius Priscus and the Restoration of the Capitol* // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. 1996. Bd. 45. H 2. P. 213.

⁵ Townend G. V. *The Restoration of the Capitol in A.D. 70* // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. 1987. Bd. 36. H. 2, *passim*. Данную дату исследовательница привязывает к началу работ по восстановлению храма, которое должно было, по ее мнению, состояться спустя ровно полгода после заседания сената. При этом церемонии на Капитолии она верно относит к 21 июня 70 года, поскольку Тацит называет точную дату: *XI kalendas Iulias* (*Hist. 4.53*). В переводах «Истории» на русский язык допущена ошибка: «одинадцатый день после июльских календ». Таким образом, дата переносится на 11 июля 70 года: Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Л., 1969. Т. 2. С. 169, прим. 141 (серия «Литературные памятники»); Тацит Корнелий. История / Пер. с лат. и коммент. Г. С. Кнабе. М.; Харьков. 2001. С. 278, прим. 141 (серия «Библиотека античной литературы»). При этом в англоязычной литературе датировка верная: Vasta M. *Flavian visual propaganda* // *Constructing the Past*. 2007. Vol. 8. Issue 1. P. 118; Levick B. *Op.cit.* P. 126.

⁶ Brunt P. A. *Op. cit.* P. 104-107.

Кроме того, она связывает этот камень с периодически упоминающимся у античных авторов *lapis in Capitolio*, который позднее получит имя *Terminus*⁷. Археологических подтверждений закладки огромной глыбы в основании храма не имеется, но Д. Уордл замечает одну деталь у Тацита, косвенно подтверждающую его наличие: здание стало выше, предположительно за счет нового фундамента и подиума для Терминуса⁸. По поводу пассажей у Светония и Диона Кассия он предполагает, что Веспасиан по приезду завершил обряд (как *Pontifex Maximus*), после чего камень можно было вернуть назад и начать строительство. Отсутствие упоминаний о Гельвидии Приске же объясняется тем, что биографы были сконцентрированы на фигуре самого императора, в чьих руках были сосредоточены и инициатива, и руководство процессом⁹. Закончено строительство в общих чертах было, видимо, к триумфу в честь победы над иудеями в июне 71 г., по крайней мере храм был доведен до состояния, в котором он мог восхищать и служить достойным фоном для триумфального шествия¹⁰.

Несмотря на приложенные усилия, храм Юпитера Капитолийского простоял недолго, в 80 г. он снова был серьезно поврежден пожаром¹¹, а восстанавливать его пришлось уже Домициану (*Suet. Dom. 5*). В честь завершения строительства храма в 86 г. были устроены Капитолийские игры. О том, какое они имели значение, говорит тот факт, что одним из призов для победителя было римское гражданство. Сохранилось посвящение Зевсу Олимпийскому от некоего Тита Флавия Метробия, датированное 217-й олимпиадой¹². Свое имя, а также принадлежность к трибе *Quirina* он, возможно, получил благодаря победе на этих играх. Однако в представлении определенной части римского общества восстановленный Домицианом Капитолий стал символом тиранической жестокости и морального разложения¹³.

Другое восстановленное Веспасианом и заслуживающее внимания здание – храм божественного Клавдия на Целийском холме. Светоний (*Vesp. 9.1*) намеренно искажает факты, приписывая его строительство Агриппине, а не Нерону¹⁴. Зачем же он это делает? Дело в том, что личность последнего была все еще популярна, особенно на востоке империи¹⁵, не раз появлялись самозванцы, выдававшие себя за Нерона¹⁶. Задачей Веспасиана было уничтожить память о нем и связать свои деяния с именем Клавдия. Для этих целей и был восстановлен храм, который был в свое время не достроен и стал частью ансамбля «Золотого дома» Нерона, а статуя императора – Колосс – была переделана в статую бога Солнца (*Plin. NH. 34.18.45*).

Дискредитировать «артиста на троне» призван был и Марциал, который в своей «Книге зрелищ» восхваляет Веспасиана за то, что благодаря его покровительству Рим вернулся, и принадлежавший лично эгоистичному Нерону дворец теперь радуется народ (*Spect. 2.: Reddita Roma sibi est et sunt te preside, Caesar, / deliciae populi, quae fuerant domini*). Тут же он воспеваает Колосса, храм Клавдия, амфитеатр, о котором речь пойдет ниже и термы, воздвигнутые уже Титом.

⁷ Townend G. B. Op. cit. P. 245.

⁸ Wardle D. Op. cit. Pp. 211-212.

⁹ Ibid. P. 216-217.

¹⁰ Vasta M. Op. cit. P. 119.

¹¹ В актах арвальских братьев имеется запись о посвящении императору Титу, относящаяся к 7 января 80 г. и посвященная, по-видимому, будущему восстановлению храма Юпитера: McCrum M., Woodhead A. G. *Select Documents of the Principates of the Flavian Emperors, Including the Years of Revolution*, A. D. 68–96. Cambridge, 1961. Pt. 11.

¹² Сохранилось три памятника с именем этого человека. Метробий один раз был победителем Олимпийских игр, дважды – игр в Эфесе; см. Friesen S.J. *Twice Neokoros: Ephesus, Asia, and the Cult of Flavian Imperial Family // Religion in the Graeco-Roman World*. Ed. by R. Van Den Broek, H.J.W. Drijvers, H.S. Versnel. Vol. 116. Leiden-N.Y.-Köln, 1993. P. 117.

¹³ Frederick D. *Architecture and surveillance in Flavian Rome // Flavian Rome: Culture, Image, Text / Ed. by A. J. Boyle, W. J. Dominic*. Leiden; Boston, 2003. P. 200.

¹⁴ Vasta M. Op. cit. P. 121.

¹⁵ Kreitzer L. *Hadrian and the Nero Redivivus Myth // Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft und die Kunde der älteren Kirche*. 1988. Bd. 79, H. 1-2. P. 98.

¹⁶ Pappano A.E. *The False Neros // The Classical Journal*. 1937. Vol. 32, № 7. Pp. 385-392.

Еще один пример почитания Клавдия – его храм в Камулудуне, построенный в 49 г. в покоренной Британии по инициативе наместника Остория Скапулы¹⁷. По всей видимости, строительство храма было завершено уже после смерти и официального обожествления Клавдия, но во время восстания Боудикки он был разрушен. Судя по археологическим раскопкам на территории храма Божественного Клавдия в Камулудуне, реконструкция его шла довольно долго и завершилась только при Веспасиане¹⁸. Светоний (*Claud.* 45) сообщает о том, что Нерон отменил божественные почести для своего приемного отца, якобы восстановленные Веспасианом. Возможно, это очередное намеренное искажение реального положения дел, поскольку явных подтверждений словам биографа не находится.

Говоря о постройках Флавиев нельзя обойти вниманием те, что были посвящены одному из их крупнейших достижений – подавлению восстания иудеев, которое за счет своих масштабов в официальной пропаганде получило название Первой Иудейской войны. Как уже было отмечено, в июне 71 г. Веспасиан и Тит справили совместный триумф в честь взятия Иерусалима. Сцены из этой процессии воспроизведены на Триумфальной арке Тита, на них можно рассмотреть и некоторые из трофеев, привезенных из Иерусалимского храма. Датировка строительства сооружения – предмет дискуссии. Существует точка зрения Д. МакФайдена, который относил арку Тита ко времени Нервы или даже Траяна¹⁹, но она не получила широкого распространения. В большинстве своем современные исследователи принимают традиционную датировку – ранние годы Домициана, стремившегося подчеркнуть свою связь с отцом и братом и их достижениями в Иудейской войне²⁰. Не исключено, что это вторая арка, а первая, построенная собственно Титом, не сохранилась²¹.

После окончания празднеств в честь победы в короткие сроки (уже в 75 г., судя по сообщению Диона Кассия – 65.15.1-2) был воздвигнут храм богине Мира (*Templum Pacis*). Основной посыл грандиозного строительства очевиден: Веспасиан установил мир в империи – залог ее процветания и долголетия. Храм был богато украшен произведениями живописи и скульптуры, в том числе произведениями искусства из Иерусалимского храма (*Ios. B.Iud.* 7.5.7; *Suet. Vesp.* 9). Плиний Старший называл его прекраснейшим сооружением, которое когда-либо видел мир (*NH.* 36.24.102: *templum Pacis Vespasiani Imp. Aug., pulcherrima operum, quae unquam vidit orbis*). Выставление напоказ шедевров мирового искусства, видимо, также подчеркивало сходство Веспасиана с Августом и отличие от Нерона²². Храм являлся центральным сооружением Форума (*Forum Vespasiani*), который также практически не сохранился²³.

Однако из сохранившихся построек наиболее выдающейся был заложенный при Веспасиане знаменитый амфитеатр Флавиев, получивший в Средние века название Колизей. Задуман он был еще Августом (*Suet. Vesp.* 9), а освещен – Титом (*Suet. Tit.* 7). Колизей отражал благодарность Веспасиана армии, поддержавшей его в недавней гражданской войне. Он возводился на месте вызывавших возмущение парка и пруда Нерона (частей ансамбля «Золотого дома»), что было еще одним свидетельством стремления нового режима перестроить центр Рима для использования римскими гражданами. Это выглядело благодеянием на фоне эгоистичных выпадов Нерона, настраивало римское общество доброжелательно по отношению к новым принципсам и вполне вписывалось в общее стремление Веспасиана стереть память о последнем

¹⁷ Taylor L.R. *The Divinity of the Roman Emperor*. Middletown, 1931. P. 206; Gradel I. *Emperor Worship and Roman Religion*. Oxford, 2002. P. 81 ff.

¹⁸ Fishwick D. *The Imperial Cult in Roman Britain* // *Phoenix*. 1961. Vol. 15, № 3. P. 161 ff. *Ibid.* *Templum Divo Claudio Constitutum* // *Britannia*. 1972. Vol. 3. P. 164-181.

¹⁹ McFayden D. *The Date of the Arch of Titus* // *The Classical Journal*. 1915. Vol. 11, № 3. P. 131-141.

²⁰ Schmidt E. *The Flavian Triumph and the Arch of Titus: The Jewish God in Flavian Rome*. URL: <https://escholarship.org/uc/item/9xw0k5kh>.

²¹ Colledge M. *Art and architecture* // *Cambridge Ancient History*. 2nd ed. Cambridge, 2008. Vol. 11. Pp. 969.

²² Vasta M. *Op. cit.* P. 124.

²³ Об этом храме и прилегавшем к нему форуме см. Anderson J.C. *Domitian, the Argiletum and the Temple of Peace* // *The American Journal of Archeology*. 1982. Vol. 86, № 1. Pp. 101-110; Noreña C.F. *Medium and Message in Vespasian's Templum Pacis* // *Memoirs of the American Academy in Rome*. 2003. Vol. 48. Pp. 25-43; Taraporewalla R. *The Templum Pacis: construction of memory under Vespasian* // *Acta Classica*. 2010. Vol. 53. Pp. 145-163.

представителе династии Юлиев-Клавдиев. С другой стороны, амфитеатр выполнял и другую важную задачу. Он не просто в очередной раз связывал новую династию с Августом и демонстрировал возрождение Рима, он еще и символизировал восстановление *принципата* как единоличной формы правления после гражданской войны²⁴.

На момент освящения в 80 г., по предположению Л. Стирлинг, амфитеатр еще не был окончательно достроен, а спешка Тита, по ее мнению, объясняется желанием то ли подчеркнуть связь с отцом, то ли отвлечь внимание от катастрофы, произошедшей в Помпеях годом ранее. О значимости этого грандиозного строения для пропаганды говорит тот факт, что его изображения помещались на монетах²⁵.

Восстановление Рима после Гражданской войны позволило Веспасиану достигнуть еще одной цели – войти в ряд *summi viri*, как и Август, восстанавливавший памятники прошлого²⁶. В правление Тита и Домициана строительство продолжалось. Причем если Веспасиан вынужден был больше усилий и средств потратить на восстановление величия Рима, то его младший сын мог позволить себе уже не столько восстанавливать постройки, как, например, Капитолий или Большой Цирк после пожара, сколько осуществлять новые грандиозные строительные замыслы – храм рода Флавиев, собственный форум (правда, достроенный Нервой и носивший его имя) или Храм Юпитера Охранителя на месте дома, в котором Домициан укрывался от вителлианцев 19 декабря 69 г.²⁷ Это позволило ему в отличие от отца указывать на восстановленных памятниках не имена предшественников, а только свое имя (Suet. *Dom.* 5; cf. Dio. Cass. 65.10.1^a).

Активное строительство продолжалось и за пределами Рима, причем строились не только религиозные, но и общественные сооружения²⁸. После землетрясения в Коринфе в 77 г. центр города был перестроен на более мощном основании²⁹. Усилия императоров оценивались по заслугам. Сохранилось 13 посвящений Домициану (иногда вместе с Домицией Августой) из малоазийского города Афродисии. Примечательно, что ни в одной из них он не назван ни *teos*, ни даже «сыном бога»³⁰.

Подводя итоги, необходимо отметить, что все цели, которые ставил перед собой Веспасиан, приступая к восстановлению Рима, были достигнуты. Вновь построенные сооружения не только укрепили положение новой династии, но и стали частью всемирного культурного наследия. Небывалый размах архитектурного строительства в условиях ослабленной гражданской и другими войнами империи – одно из выдающихся достижений столь недолго правящей династии. Еще в III в. двух первых Флавиев причисляли к разряду лучших правителей Империи, и во многом это была заслуга их умелой и талантливой политики в области общественно значимых мероприятий, составлявших этический каркас *civitas Romana*. Следование этому негласному кодексу создавало благоприятную репутацию римскому гражданину, а игнорирование могло повлечь тяжкие для его имиджа последствия – таково общее правило, но детали играли подчас огромную роль. Почти все герои римской древности (кроме разве что второго царя Нумы Помпилия) прославились своими военными подвигами, что недвусмысленно характеризует одну из самых значимых доблестей добропорядочного гражданина, но при всем этом поразительно, что самый воинственный из Флавиев – Домициан – в античной традиции предстает как один из самых деспотичных правителей Рима. К тому же Домициан был ревностным блюстителем религиозных ценностей – еще одна важная составляющая положительного имиджа. Но все эти «добродетели» не спасли его от *damnatio memoriae*.

²⁴ Gunderson E. The Flavian amphitheatre: all the world as stage // Flavian Rome: Culture, Image, Text / Ed. by A. J. Boyle, W. J. Dominic. Leiden; Boston, 2003. P. 642 ff.

²⁵ Stirling L. Op. cit. P. 81.

²⁶ Vasta M. Op. cit. Passim.

²⁷ Jones B. W. The Emperor Domitian. L.; New York, 2002. Pp. 87-99.

²⁸ Colledge M. Op. cit. Pp. 966-971.

²⁹ Idem. P. 971.

³⁰ Friesen S.J. Op. cit. P. 34.

УДК 94(37).07

**ЖЕНЩИНЫ В «ДЕЯНИЯХ» АММИАНА МАРЦЕЛЛИНА:
К ВОПРОСУ О ГЕНДЕРНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ «ПОСЛЕДНИХ РИМЛЯН»****WOMEN IN AMMIANUS MARCELLINUS' «RES GESTAE»:
ON THE ISSUE OF GENDER REPRESENTATIONS OF THE «LAST ROMANS»****В.А. Дмитриев****V.A. Dmitriev***Псковский государственный университет, Россия, 180000, г. Псков, пл. Ленина, 2**Pskov State University, 2 Lenina St., Pskov, 180000, Russia**E-mail: dva_psk@mail.ru*

Ключевые слова: Аммиан Марцеллин, женщины, гендерные представления, Древний Рим, Поздняя Римская империя, гендерная история.

Key words: Ammianus Marcellinus, women, gender representations, Ancient Rome, The Later Roman Empire, gender history.

Аннотация. В статье анализируются гендерные представления одного из «последних римлян» – Аммиана Марцеллина – как выразителя взглядов позднеримской языческой элиты. Для историка было характерно типичное для античности архаичное восприятие женщины как существа более низкого по сравнению с мужчиной порядка. В общественной жизни Рима женщины, с точки зрения Аммиана, играли в целом отрицательную роль, не выполняя предписанные им социальные функции и подчас копируя мужские модели поведения. При этом если римские матроны и царствующие особы, хотя и редко, все же вызывают у автора «Деяний» определенное уважение, то характеристики представительниц низших слоев общества почти всегда имеют негативный характер. Заметное влияние на систему гендерных представлений Аммиана оказала его явная склонность к морализму, проявляющаяся в завышенных ожиданиях относительно нравов римского общества и вытекающей отсюда резкой критике образа жизни современных ему римлян – не только женщин, но и мужчин.

Resume. The article contains the analysis of gender representations of Ammianus Marcellinus as the spokesman of the Late Roman pagan elite and one of “the last of the Romans”. The typical archaic perception of women as the beings of lower level than men was the characteristic feature of Ammianus’ worldview. According to Ammianus, the Roman women in general played a negative role in public life, did not discharge their social functions and sometimes copied men’s behavior models. Moreover, if the Roman matrons and women who were the members of ruling families, deserved certain Ammianus’ respect, the characteristics of members of lower social classes have almost always negative nature. The system of Ammianus’ gender representations was also under the strong influence of author’s tendency towards moralism. This have resulted in Ammianus’ excessive (essentially – unrealizable) moral expectations from Roman society and, hence, the sharp criticism of lifestyle of historian’s contemporaries, not only women but also men.

Изучение античной цивилизации с точки зрения гендерной истории достаточно давно и плодотворно осуществляется как в зарубежной, так и российской историографии. Одним из направлений в рамках данной области исследований является гендерно-исторический анализ античных письменных источников, в том числе – произведений греко-римских писателей-историков. В связи с этим по-своему парадоксален тот факт, что практически вне поля зрения отечественных специалистов до сих пор оставались «Деяния» Аммиана Марцеллина (ок. 330–ок. 400), являющиеся одним из важнейших источников по истории Поздней Римской империи.

В данном отношении значительно лучше дело обстоит в зарубежной историографии, где имеется ряд исследований, рассматривающих труд Аммиана сквозь призму гендерной истории¹. В то же время, следует отметить, что иностранных коллег

¹ Karau L. Das Bild der Frauen in den “Res Gestae“ des Ammianus Marcellinus. Diss. Berlin, 1971; Sabbah G. Présences féminines dans l’Histoire d’Ammien Marcellin. Les rôles politiques // *Cognitio gestorum. The Historiographic Art of Ammianus Marcellinus. Proceedings of the Colloquium, Amsterdam, 26–28 August 1991* / Ed.

преимущественно интересовали сюжеты, скорее, просопографического характера, связанные с конкретными представительницами императорских семейств и тем, какую роль они играли в политике, проводимой их родственниками-мужчинами; комплексного же анализа «гендерного текста» Аммиана Марцеллина эти исследования не содержат.

Говоря о труде Аммиана Марцеллина как источнике по гендерной истории, нужно иметь в виду, что, хотя Аммиан и жил в период, когда христианство уже превратилось в официальную религию Римской империи, и христиане составляли если не большую, то весьма значительную часть подданных римских императоров², он, тем не менее, был типичным представителем «последних римлян» – языческой интеллектуальной элиты ушедшего в прошлое античного Рима³, и разделял свойственные людям этого круга взгляды и установки. Последние же, в свою очередь, вытекали из традиционного мировоззрения римского социума, сформировавшегося задолго до эпохи, в которую жил и творил автор «Деяний». Это замечание важно в том плане, что, являясь носителем традиционных римских ценностей, Аммиан Марцеллин, как и подавляющее большинство античных авторов, демонстрирует сугубо мужской взгляд на жизнь римского общества⁴. В связи с этим в своем произведении он уделяет внимание лишь тем представительницам противоположного пола, поступки которых в той или иной мере оказали влияние на судьбы главных героев «Деяний» – мужчин. Иначе говоря, для Аммиана женщины как самостоятельные субъекты общественно-политической жизни не существуют.

На страницах сочинения Аммиана Марцеллина мы встречаем следующие женские персонажи (в алфавитном порядке их имен):

1. Анепсия (*Anepsia*) – жена Викторина, являвшегося, в свою очередь, близким другом префекта претория Галлии (371–376) Максимиана (Amm. Marc. XXVIII. 1. 34, 35, 49, 50, 54, 56)⁵.

2. Ассирия (*Assyria*) – жена командующего пехотой (*magister peditum*) Барбациона (Amm. Marc. XVIII. 3. 2–4)⁶.

3. Гезихия (*Hesychia*) – римская матрона (*quaedam matrona*) (Amm. Marc. XXVIII. 1. 47)⁷.

4. Гиспанилла (*Hispanilla*) – девушка, руки которой добивался некий адвокат Марин (Amm. Marc. XXVIII. 1. 14).

5. Евсевия (*Eusebia*) – вторая жена императора Констанция II (337–361) (Amm. Marc. XV. 2. 8; XVI. 10. 18; XXI. 6. 4)⁸.

6. Елена (*Helena*) – жена императора Юлиана (361–363), дочь императора Константина Великого, сестра императора Констанция II и Константины (жены цезаря Галла) (Amm. Marc. XV. 8. 18; XVI. 10. 18, 19; XXI. 1. 5)⁹.

7. Кларита (*Claritas*) – знатная римлянка (*femina... originis altae*) (Amm. Marc. XXVIII. 1. 28)¹⁰.

8. Константина (*Constantina*) – жена цезаря Галла (351–354), дочь императора Константина Великого (306–337), сестра императора Констанция II и Елены (жены императора Юлиана) (Amm. Marc. XIV. 1. 2, 3, 8; 7. 4; 11. 6; XXI. 1. 5)¹¹.

by J. den Boeft, D. den Hengst, H. C. Teitler. Amsterdam; Oxford; N.Y.; Tokyo, 1992. P. 91–105; Wieber-Scariot A. Zwischen Polemik und Panegyrik. Frauen des Kaiserhauses und Herrscherinnen des Ostens in den “Res gestae” des Ammianus Marcellinus. Trier, 1999; Tougher S. Ammianus Marcellinus on the Empress Eusebia: A Split Personality? // Greece & Rome. 2000. Vol. 47. № 1. P. 94–101.

² Hopkins K. Christian Number and Its Implications // Journal of Early Christian Studies. 1998. Vol. 6.2. P. 185–226.

³ Уколова В. И. «Последний римлянин» Боэций. М., 1987. С. 5; Уколова В. И. Поздний Рим: пять портретов. М., 1992. С. 35–37.

⁴ Drijvers J.W. Review: Anja Wieber-Scariot: Zwischen Polemik und Panegyrik. Frauen des Kaiserhauses und Herrscherinnen des Ostens in den Res gestae des Ammianus Marcellinus. Trier: Wissenschaftlicher Verlag Trier 1999. 464 S. (Bochumer Altertumswissenschaftliches Colloquium. 41.) // Gnomon. 2003. Bd. 75. S. 566.

⁵ Anepsia // Jones A. H. M., Martindale J. R., Morris J. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 1. A.D. 260–395 (далее – PLRE. Vol. 1. – В. Д.). Cambridge, 1971. P. 66.

⁶ Assyria // PLRE. Vol. 1. P. 118.

⁷ Barnes T. D. More Missing Names (A. D. 260–395) // Phoenix. 1973. Vol. 27. № 2. P. 144.

⁸ Eusebia // PLRE. Vol. 1. P. 300–301.

⁹ Helena 2 // PLRE. Vol. 1. P. 409–410.

¹⁰ Claritas // PLRE. Vol. 1. P. 206.

¹¹ Constantina 2 // PLRE. Vol. 1. P. 222.

9. Констанция (*Constantia*) – дочь Констанция II и Фаустины, жена императора Грациана (375–383) (Amm. Marc. XXI. 15. 6; XXVI. 7. 10; 9. 3; XXIX. 6. 7, 8)¹².

10. Максима (*Maxima*) – жена Хилона, викария (368) и проконсула Африки (375) (*Chilo ex vicario et coniux eius Maxima nomine*) (Amm. Marc. XXVIII. 1. 8, 9)¹³.

11. Олимпиада (*Olympias*) – невеста императора Константа (337–350), впоследствии – жена армянского царя Аршака II (350–367) (Amm. Marc. XX. 11. 3)¹⁴.

12. Фаузиана (*Fausiana*) – знатная римлянка (*femina non obscura*) (Amm. Marc. XXVIII. 1. 48, 49)¹⁵.

13. Фаустина (*Faustina*) – третья (и последняя) жена императора Констанция II (Amm. Marc. XXI. 6. 4; XXVI. 7. 10)¹⁶.

14. Флавиана (*Flaviana*) – знатная римлянка (*femina... originis altae*) (Amm. Marc. XXVIII. 1. 28)¹⁷.

Ряд женщин Аммиан упоминает анонимно, без указания их имен:

1. Теща Клемация (*Clematii ...socrus*) (Amm. Marc. XIV. 1. 3), являвшегося ок. 353/354 г. наместником Палестины¹⁸.

2. «Женщина низкого происхождения» (*mulier vilis*) (Amm. Marc. XIV. 7. 4).

3. Жена некоего Дана (Amm. Marc. XVI. 8. 3)¹⁹.

4. «Подкупленная повивальная бабка» (*obstetrix corrupta mercede*) (Amm. Marc. XVI. 10. 19).

5. Девушка-рабыня, принадлежавшая Ассирии (см. выше) (Amm. Marc. XVIII. 3. 2, 3).

6. Жена Антонина, протектора, бежавшего в 359 г. к персам²⁰ (Amm. Marc. XVIII. 5. 3, 3).

7. Жена Краугазия²¹, знатного жителя Нисибиса, перешедшего на сторону персов (*Craugasii Nisibeni cuiusdam uxorem, in municipali ordine genere, fama, potentiaque circumspetti*) (Amm. Marc. XVIII. 10. 1–4; XIX. 9. 3–8).

8. «Знатная девушка» (*splendida virgo*) (Amm. Marc. XIX. 9. 7).

9. Жена Ормизда, сына сасанидского царевича, носившего то же имя и бежавшего из Персии в Рим²², являвшаяся «богатой и знатной матроной» (*matrona opulenta et nobilis*) (Amm. Marc. XXVI. 8. 12)²³.

10. Дочь Анепсии (см. выше) (Amm. Marc. XXVIII. 1. 35).

11. Жена Апаудула, раба Анепсии (*Apaudulus nomine servus Anepsiae*) (Amm. Marc. XXVIII. 1. 49).

12. Рабыня Агинация, викария Рима (368–370), казненного в 375 (376) г. (Amm. Marc. XXVIII. 1. 56)²⁴.

13. Мать императора Грациана (Amm. Marc. XXVIII. 1. 57).

Как мы видим, в приведенных перечнях абсолютно преобладают представительницы римской элиты: из 27 персоналий лишь пять (№№ 2, 4, 5, 11, 12 второго списка) не относятся к высшим слоям общества, а из 14 женщин, чьи имена Аммиан называет (тем самым, выделяя их из общей массы лиц женского пола), шесть, т.е. около половины, вообще являются представительницами правящей династии. Кроме того, поименно Аммиан Марцеллин упоминает исключительно аристократок, в то время как в списке анонимных женских персонажей аристократическое происхождение мы

¹² Constantia 2 // PLRE. Vol. 1. P. 221.

¹³ Maxima 1 // PLRE. Vol. 1. P. 572.

¹⁴ Olympias 1 // PLRE. Vol. 1. P. 642.

¹⁵ Barnes T. D. More Missing Names (A. D. 260–395). P. 144; Boeft J., den, Drijvers J. W., Hengst D., den, Teitler H. C. Philological and Historical Commentary on Ammianus Marcellinus XXVIII. Leiden; Boston, 2011. P. 96–97.

¹⁶ Faustina // PLRE. Vol. 1. P. 326.

¹⁷ Flaviana 1 // PLRE. Vol. 1. P. 342.

¹⁸ Clematius 2 // PLRE. Vol. 1. P. 213–214.

¹⁹ Хотя в «Деяниях» о Дане не сообщается никаких подробностей, следует предположить, что он был весьма знатным человеком, поскольку его личным врагом был сам Руфин – руководитель канцелярии префектуры претория Иллирика (*apparitionis praefecturae praetorianae... princeps*) (Amm. Marc. XVI. 8. 3). В связи с этим Дж. Рольфе, автор одного из английских переводов «Деяний», скорее всего, был неправ, считая Дана «каким-то рабом» (см.: Ammianus Marcellinus / Transl. by J. C. Rolfe. Vol. 1. London; Cambridge (Mass.), 1935. P. 233).

²⁰ Antoninus 4 // PLRE. Vol. 1. P. 74–75.

²¹ Baldwin B. Some Addenda to the Prosopography of the Later Roman Empire // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. 1976. Bd. 25. H. 1. S. 119.

²² Hormizdas 3 // PLRE. Vol. 1. P. 443–444.

²³ Anonima 26 // PLRE. Vol. 1. P. 1040.

²⁴ Aginatius // PLRE. Vol. 1. P. 29–30.

можем констатировать только в 8 случаях из 13 (чуть более 60 %), причем из оставшихся пяти фигур три – это рабыни (или жены рабов), говоря о которых, Аммиан указывает лишь имена их хозяев. Следует также заметить, что все пять героинь «Деяний», имеющих низкий социальный статус, упоминаются Аммианом Марцеллином лишь постольку, поскольку они в силу обстоятельств оказались причастны к отношениям между знатными особами; в противном случае в сочинении Аммиана на их существование не содержалось бы и намека.

Вместе с тем, иногда Аммиан использует условные или же собирательные женские образы, не имея в виду кого-либо конкретно: жена (*uxor*) какого-либо высокопоставленного лица (Amm. Marc. XIV. 1. 7; XXVIII. 4. 26); «матроны» (*matronae*) (Amm. Marc. XIV. 6. 16; XXVIII. 4. 33); «женщины высокого происхождения» (*feminae... originis altae*) (Amm. Marc. XXVIII. 1. 28); христианские монахини (*virgines Christiano ritu cultui divino sacratae*) (Amm. Marc. XVIII. 10. 4); жены Констанция II (Amm. Marc. XXI. 16. 16); «мимические актрисы» (*mimae*), «танцовщицы» (*saltatrices*) (Amm. Marc. XIV. 6. 19); «многочисленные женщины с завитыми волосами, полирующие ногами мозаичные полы, кружась в стремительном танце и изображая бесчисленные образы» (т.е. танцевальные актрисы) (*feminae... multae... curritae... pedibus pavimenta tergentes iactari volucriter gyris, dum exprimunt innumera simulacra*) (Amm. Marc. XIV. 6. 20); проститутки (Amm. Marc. XXVIII. 4. 9). В ряде мест женщины Аммианом прямо не упоминаются, но их присутствие явно подразумевается. В частности, речь идет о сюжетах, в которых жители тех или иных населенных пунктов или областей выступают как целостный коллектив, единство которого (чаще всего – перед лицом смертельной опасности) автор желает подчеркнуть. В таких ситуациях историк употребляет обороты «без различия пола» (*sine sexus discrimine*) (Amm. Marc. XIX. 8. 4; XXIV. 4. 25), «обою пола» (*utriusque sexus*) (Amm. Marc. XIX. 2. 14; XXIV. 2. 21), «всякого возраста и пола» (*aetas omnis et sexus*) (Amm. Marc. XXII. 2. 4), «без различия возраста и пола» (*sine distantia enim aetatis uel sexus*) (Amm. Marc. XXXI. 6. 7), имея в виду в равной степени как мужчин, так и женщин.

Анализируя сведения, сообщаемые Аммианом Марцеллином об участии женщин в описываемых им событиях, не может не броситься в глаза явный диссонанс между ожидаемой (идеальной) и реальной ролями женщин в общественной жизни. Ярче всего этот мотив звучит в рассказе о жестоких репрессиях, осуществлявшихся цезарем Галлом при активном содействии со стороны своей супруги Константины; Аммиан пишет: «Упорное стремление выведывать тайны все росло, благодаря поощрению со стороны царицы [Константины. – В. Д.], толкавшей своего мужа в пропасть; а ей следовало бы, по свойственной женской природе мягкости, вернуть его полезным советом на путь правды и гуманности, как поступала некогда супруга Максимиана, памятного своею жестокостью государя» (Amm. Marc. XIV. 1. 8) (пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни). В целом ряде других мест Аммиан, пусть и не так явно, также дает понять, что поведение подавляющего большинства римлянок (причем самого разного социального статуса), с его точки зрения, совсем не соответствует нормам морали.

В этом следует видеть не только влияние гендерных стереотипов и установок, свойственных Аммиану как представителю мужской части римского социума, исповедующему консервативные «отеческие» ценности, но и его хорошо известную склонность к критике нравов современного ему общества, иногда переходящей в откровенное морализаторство²⁵. Справедливости ради нужно сказать, что в данном отношении Аммиана нельзя назвать сексистом: по его мнению, образ жизни и поступки современных ему мужчин (за исключением разве что императора Юлиана и еще 2-3-х персонажей, да и то с оговорками) не менее далеки от исповедуемых историком нравственных идеалов.

Говоря о гендерных представлениях, отразившихся в сочинении Аммиана Марцеллина, нельзя не отметить, что историк – в полном соответствии с традиционным

²⁵ Соболевский С. И. Историческая литература III–V вв. // История римской литературы. Т. 2. М., 1962. С. 434; Удальцова З. В. Мироззрение Аммиана Марцеллина // Византийский временник. 1968. Т. 28. С. 38–58; Удальцова З. В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV–VII вв.). М., 1974. С. 46; Gimazane J. Ammien Marcellin: sa vie et son oeuvre. Toulouse, 1889. P. 316–399; Thompson E. A. The Historical Work of Ammianus Marcellinus. Cambridge, 1947. P. 132; Demandt A. Zeitkritik und Geschichtsbild im Werk Ammians. Bonn, 1965. S. 11–12; Seager R. Ammianus Marcellinus. Seven Studies in his Language and Thought. Columbia (MO), 1986; Blockley R. Ammianus' Marcellinus's Use of Exempla // Florilegium. 1994. P. 53–64; Brandt A. Moralische Werte in den Res gestae des Ammianus Marcellinus. Göttingen, 1999.

для античности сугубо маскулинным взглядом на мир²⁶ – считает женщин созданиями заведомо более низкого порядка, чем мужчины. Это проявляется, прежде всего, в употреблении им экспрессивно окрашенных выражений, негативная смысловая денотация которых обусловлена свойствами, традиционно приписываемыми женской натуре. Например, императора Констанция II автор «Деяний» упрекает за то, что тот сочетал «совершенную и простую» христианскую религию со «старушечьим суеверием» (*anilis superstitio*) (Amm. Marc. XXI. 16. 18), а поступок Ассирии, написавшей своему мужу письмо, в котором она неосторожно намекала на императорские (скорее всего, несуществующие) амбиции супруга и которое стало главной причиной казни их обоих, Аммиан Марцеллин объясняет очень просто – «женской глупостью» (*vanitas muliebris*) (Amm. Marc. XVIII. 3. 1).

В то же время, Аммиан полагает, что, по сравнению с мужчинами, женщины (по крайней мере, знатного происхождения) заслуживают более мягкого и гуманного к себе отношения. Так, описывая волну террора, обрушившегося на жителей Рима в 368 г., историк специально отмечает тот факт, что «такие же бедствия распространялись и на женщин» (*ne minus feminae quoque calamitatum participes fuere similitum*) (Amm. Marc. XXVIII. 1. 28). Далее Аммиан повествует о вопиющих, по его мысли, случаях, когда почтенные римские матроны подвергались преследованиям и жестоким пыткам (Amm. Marc. XXVIII. 1. 28, 47), которые он характеризует как тяжкое злодеяние (*nefas*) (Amm. Marc. XXVIII. 1. 28). Ту же мысль Аммиан Марцеллин проводит и тогда, когда, рассказывая о военных событиях, сообщает об уничтожении жителей захваченных городов «без различия пола». Судя по контексту, Аммиан, указывая на убийство не только мужчин, но и женщин, тем самым, подчеркивал особую жестокость завоевателей – причем как противников империи в лице персов (Amm. Marc. XIX. 8. 4) или готов (Amm. Marc. XXXI. 6. 7), так и самих римлян (Amm. Marc. XXIV. 4. 25). Впрочем, в последнем случае упоминание о поголовном истреблении населения вражеских территорий наполнено, скорее, позитивным смыслом и призвано продемонстрировать воинскую доблесть римской армии, утверждающей таким путем величие и могущество Рима²⁷.

Как было отмечено выше, женщины сами по себе Аммиана как историка не интересовали: они всегда выступают в «Деяниях» как сопутствующие персонажи и лишь постольку, поскольку имели какое-то более или менее заметное отношение к судьбе мужчин. Каким же был «женский фактор» в жизни римского общества с точки зрения Аммиана Марцеллина?

Здесь наш историк остается верен себе: из всех, перечисленных выше, римлянок лишь одна (!) была удостоена им исключительно положительной характеристики – ею оказалась супруга Ормизда, состоявшего на римской службе сына персидского царевича, «богатая и знатная женщина, которая своим внушавшим уважение поведением и прославившей ее настойчивостью впоследствии спасла своего мужа в крайне опасном положении» (Amm. Marc. XXVI. 8. 12) (пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни) (о какой именно опасности идет речь, Аммиан не уточняет)²⁸.

²⁶ Кипервар Е. А., Севелова М. А. Предпосылки зарождения представлений о гендере в античной философии // Омский научный вестник. 2012. № 3 (109). С. 82–84. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что античность являлась, выражаясь словами Ж. Липовецкого, эпохой «первой женщины», когда женщина воспринималась как «необходимое зло, втиснутое в рамки лишенных всякой привлекательности занятий; это низшее существо, систематически недооцениваемое или же презираемое мужчинами» (Липовецкий Ж. Третья женщина: Незыблемость и потрясение основ женственности / Пер. с фр. Н. И. Полторацкой. СПб., 2003. С. 340).

²⁷ Так, безжалостное, без различия пола и возраста (*virile et muliebre secus sine aetatis ullo discrimine*), истребление варваров-германцев, которых Аммиан уподобляет скоту (*ut pecudes*), названо в «Деяниях» «достопамятным деянием» (*facinus memorabile*) (Amm. Marc. XVI. 11. 9), а резня, учиненная римскими солдатами во взятой ими штурмом персидской крепости Майозамальхе, в ходе которой «разгневанные победители рубили всех, не различая ни пола, ни возраста» (Amm. Marc. XXIV. 4. 25), характеризуется Аммианом как «славное» (*gloriosus*) дело (Amm. Marc. XXIV. 4. 31).

²⁸ Общее положительное отношение Аммиана к Ормизду (и, соответственно, его супруге), возможно, было обусловлено знакомством писателя с отцом последнего (см.: Дмитриев В. А. Аммиан Марцеллин и персы (восточная цивилизация в восприятии римского историка IV в. н.э.). Дисс. ... канд. ист. наук. Великий Новгород, 2003. С. 35, 105, 108), также Ормиздом, который, будучи одним из сыновей шаханшаха Ормизда II (303–309) и братом Шапура II Великого (309–379), ок. 324 г. бежал из Ирана в Рим, спасаясь от преследований со стороны персидской знати (Seeck O. Hormisdas (3) // Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa. Bd. 8. Hbd. 16. Stuttgart, 1913. Sp. 2410; Seeck O. Sapor (2) // Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung begonnen von

Позитивные оценки, хотя и с существенными оговорками, звучат также в адрес Евсевии, жены императора Констанция II, которая, по словам Аммиана, «выделялась красотой и нравственными качествами и при своем высоком положении проявляла гуманность» (Amm. Marc. XXI. 6. 4) (пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни). За что же ее так высоко ценит автор «Деяний»? Объяснение является весьма простым и не выходит за рамки мировоззрения Аммиана как римского традиционалиста, являвшегося, к тому же, поклонником Юлиана Отступника: в 354 г., когда будущий император-язычник, обвиненный в неповиновении Констанцию II, оказался под угрозой смертной казни, Евсевия спасла ему жизнь, убедив своего супруга пощадить юношу (Amm. Marc. XV. 2. 8). Однако, даже она не избежала критических выпадов со стороны Аммиана Марцеллина, по словам которого именно императрица была виновницей бесплодия супруги Юлиана: «Царица Евсевия подвергала преследованиям Елену, сестру Констанция, жену Цезаря Юлиана, которая была приглашена в Рим под видом сердечного к ней расположения. Будучи сама бесплодной всю свою жизнь, Евсевия коварством заставила ее выпить особое снадобье, чтобы каждый раз, как она забеременеет, у нее случался выкидыш... Такую ревностную заботу прилагали для того, чтобы не дать появиться потомству от доблестного мужа» (Amm. Marc. XVI. 10. 18, 19)²⁹ (пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни).

Подавляющее же большинство³⁰ героинь «Деяний» – от представительниц придворной знати до безымянных рабынь – предстают перед нами в качестве обманщиц, интриганок, доносительниц, распутниц, заговорщиц, а то и коварных убийц. Вот лишь несколько примеров. Константина, жена цезаря Галла, «Мегера в человеческом облике» (*Megaera quaedam mortalis*), являвшаяся «не менее жадной до человеческой крови, чем ее супруг» (Amm. Marc. XIV. 1. 2), не только всячески потакала зверствам мужа, но и сама искала для него новые жертвы. Теща знатного александрийца Клемация, не сумев склонить своего зятя к интимной связи, составила на него ложный донос, на основе которого тот был убит без суда и следствия (Amm. Marc. XIV. 1. 3). Жена Дана, решив припугнуть своего мужа и вступив в сговор с его врагом Руфином, обвинила его в оскорблении величества; после расследования дела Дан был оправдан, а вот его супруга и Руфин были казнены (Amm. Marc. XVI. 8. 3–6). Некая повивальная бабка, будучи подкуплена недоброжелателями будущего императора Юлиана (вероятно, императрицей Евсвией), убила его новорожденного сына, слишком коротко урезав ему пуповину (Amm. Marc. XVI.10.19). Юная рабыня Ассирии донесла на свою госпожу и ее супруга, в результате чего оба они были казнены (Amm. Marc. XVIII. 3. 1–4). Хилон, бывший викарий, и его жена Максима сфабриковали против нескольких человек обвинение в колдовстве, вследствие чего последние были схвачены и брошены в тюрьму (Amm. Marc. XXVIII. 1. 8). Римская матрона Фаузиана состояла в тайной интимной связи с двумя членами сената – Эвмением и Абиеном, что стало основанием для судебного преследования всех троих; Абиен, уличенный, помимо преступной связи с Фаузианой, еще и в совращении Анепсии, укрывавшей его в своем доме, впоследствии был казнен (впрочем, как и Анепсия, признанная виновной в развратном образе жизни) (Amm. Marc. XXVIII. 1. 48–56).

Помимо описания аморального поведения конкретных женщин, Аммиан изображает типичные, с его точки зрения, картины римской жизни, в которых фигурируют обобщенные женские образы. Историк с нескрываемым презрением пишет о знатных римлянках, которые, подражая мужчинам, беспорядочно мечутся (*discurrunt*) по городским улицам и площадям «с покрытой головой и в наглухо закрытых носилках» (*opertis capitibus et basternis*), окруженные толпами рабов, больше похожими на «разбойничьи шайки» (*praedatorii globi*) (Amm. Marc. XIV. 6. 16), о женах, которые всеми

G. Wissowa. Reihe 2. Bd. 1. Hbd. 2. Stuttgart, 1920. Sp. 2334). В свою очередь, позитивное отношение автора «Деяний» к Ормизду старшему могло быть продиктовано тем, что при императоре Юлиане (являвшем собой, с точки зрения Аммиана, пример идеального монарха) тот был близок ко двору, занимал высокие посты и даже, по некоторым данным, рассматривался в качестве кандидата на персидский трон в случае победоносного завершения Юлианом персидского похода 363 г. (Liban. Ep. 1402).

²⁹ Подробнее о роли Евсевии в придворной жизни см.: Tougher S. Ammianus Marcellinus on the Empress Eusebia: A Split Personality? // Greece & Rome. 2000. Vol. 47. № 1. P. 94–101; Tougher S. The Advocacy of an Empress: Julian and Eusebia // The Classical Quarterly. 1998. Vol. 48. № 2. P. 595–599.

³⁰ Исключение составляют лишь те немногочисленные женские персонажи, которые или вообще не удостоились со стороны Аммиана каких-либо оценочных суждений (Фаустина, Олимпиада, Елена), или же выведены в «Деяниях» не более чем заслуживающими сочувствия жертвами (Кларита, Флавиана, Гезихия, жена раба Анепсии).

правдами и неправдами добиваются от мужей завещания, составленного в их пользу, а затем не могут дождаться смерти своих супругов (справедливости ради следует заметить, что мужья занимались тем же самым) (Amm. Marc. XXVIII. 4. 26).

Особую неприязнь у Аммиана Марцеллина вызывают пользующиеся всеобщим уважением актрисы и танцовщицы³¹, которые, вместо того, чтобы, как приличествует порядочным женщинам, рожать и воспитывать детей, зарабатывают на жизнь исполнением танцев на потеху толпе (Amm. Marc. XIV. 6. 20). Сюда же относятся и римские «жрицы любви»; по словам Аммиана, как только в Риме появляется какая-нибудь новая «продажная девка, или обслуживавшая чернь шлюха из захолустного городка, или торгующая своим выдавшим виды телом проститутка» (*meretrix, aut oppidanae quondam prostibulum plebis, vel meritoria corporis vetus lupa*) (Amm. Marc. XXVIII. 4. 9), она тут же становится объектом внимания со стороны представителей знати, которые «сбегаются наперегонки, пристают ко вновь прибывшей, говорят в качестве похвалы разные сальности, превозносят ее, как парфяне свою Семирамиду, египтяне – Клеопатру, карийцы – Артемизию или пальмирцы – Зенобию. И это позволяют себе люди, при предках которых сенатор получил замечание от цензора за то, что позволил себе поцеловать жену в присутствии собственной их дочери, что тогда считалось неприличным» (Amm. Marc. XXVIII. 4. 9) (пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни)³².

Для Аммиана Марцеллина вообще характерно особое внимание к семейным добродетелям (как женским, так и мужским). Причем, судя по всему, святость супружеских уз он ставил даже выше верности Римскому государству и императору. В этой связи можно вспомнить три сюжета «Деяний». Первый из них представляет собой, фактически, отдельный мини-роман, повествующий об истории знатного жителя Нисибиса Краугазия и его жены, имени которой Аммиан не называет³³. После того, как в плен к персам попала супруга Краугазия, тот сделал все возможное, чтобы воссоединиться с нею даже ценой государственной измены (Amm. Marc. XVIII. 10. 1; XIX. 9. 3–4). Особо Аммиан Марцеллин подчеркивает преданность жены Краугазия своему мужу; женщина, как пишет историк, «горевала при мысли, что ей предстоит переселение как бы в чужой мир без супруга» и «считала для себя одинаково тяжелым как оставаться вдовой, так и вступить в новый брак» (Amm. Marc. XIX. 9. 3, 4) (пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни).

Героем второго сюжета является знатный римлянин Антонин, который из-за несправедливого судебного преследования бежал к персам, взяв с собой и всех своих домочадцев (жену, детей, прислугу) (Amm. Marc. XVIII. 5. 2, 3). Примечательно то, что в обоих случаях поступки своих героев, объективно являющихся государственными преступниками, Аммиан в значительной мере оправдывает – он, хотя и отмечает, что и Краугазий, и Антонин фактически совершили предательство, тем не менее, ясно дает понять, что всему виной стало неблагоприятное стечение обстоятельств (а в отношении Аммиана к Краугазию и его супруге чувствуется даже нескрываемое сочувствие).

К «семейным историям» Краугазия и Антонина примыкает пассаж, посвященный еще одной супружеской паре – Ормизду (сыну бежавшего в 324 г. в Рим персидского царевича) и его жене³⁴. Когда она, сопровождая мужа во время одной из военных кампаний, случайно оказалась под угрозой пленения вражескими солдатами, Ормизд, как пишет Аммиан, проявил «большую доблесть» (*tantus vigor*) и сумел спасти ее, выпустив по

³¹ Как пишет Аммиан, однажды по причине нехватки продовольствия из Рима были изгнаны «чужестранцы, представители знания и науки, хотя число их было весьма незначительно»; в то же время «оставлены были прислужники мимических актрис и те, кто выдали себя за таковых на время; остались также три тысячи танцовщиц со своими музыкантами и таким же числом хормейстеров» (Amm. Marc. XIV. 6. 19) (пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни).

³² Возможно, многие из критикуемых Аммианом моделей женского поведения были, помимо реальных, навеяны творчеством Катона Старшего, также известного своим морализмом (см.: Mastroianni I. G. Beyond Rhetoric: Echoes of Cato's Moralism in Ammianus' Res Gestae // Cahiers des études anciennes. 2013. Vol. 50. P. 115–137).

³³ Weisweiler J. Unreliable Witness: Failings of the Narrative in Ammianus Marcellinus // Literature and Society in the Fourth Century AD: Performing Paideia, Constructing the Present, Presenting the Self / Ed. by L. van Hoof and P. van Nuffelen. Leiden, 2014. P. 121–129.

³⁴ См.: Boeft J., den, J. W. Drijvers, Hengst D., den, Teitler H. C. Philological and Historical Commentary on Ammianus Marcellinus XXVI. Leiden; Boston, 2008. P. 232–233.

врагу тучу стрел (*uxor sagittarum nube diffusa defensa*) (Amm. Marc. XXVI. 8. 12)³⁵. При этом следует заметить, что речь идет о событиях, произошедших во время восстания узурпатора Прокопия (365–366), сторону которого принял Ормизд, а воинами, чье нападение отразил последний, являлись бойцы императорской армии, отправленной на подавление мятежа. Иными словами, здесь, как и в двух предыдущих сюжетах, взаимная преданность супругов (жена сопровождает мужа в военном походе, а муж спасает ее от смертельной опасности) ставится Аммианом выше лояльности действующему императору – симпатии нашего автора находятся явно на стороне Ормизда, а не его оппонентов, что тем более показательно для Аммиана, являвшегося решительным противником разного рода узурпаций, восстаний, мятежей и вообще всяких покушений на власть императора и единство империи³⁶. Как было отмечено выше, это – уникальный для Аммиана случай, поскольку здесь он дает женскому персонажу своей книги безусловно положительную характеристику, а обусловлена столь высокая оценка, опять же, ролью женщины как верной супруги, должным образом исполняющей свои моральные обязательства по отношению к мужу.

Тема супружеских отношений звучит и в целом ряде других мест «Деяний», однако, в отличие от описанных выше сюжетов, в них муж и жена демонстрируют, как правило, совсем не добродетельное поведение: они плетут интриги, стряпают доносы, составляют заговоры – как совместными усилиями, так и в отношении друг друга. При этом, с точки зрения Аммиана Марцеллина, уподобление женщин своим супругам (да и вообще мужчинам (Amm. Marc. XIV. 6. 16; XXVIII. 4. 33)) в подобного рода делах является крайне предосудительным: жены, по его мнению, напротив, должны удерживать своих мужей от несправедливых, а тем более жестоких поступков (Amm. Marc. XIV. 1. 8).

Итак, Аммиан Марцеллин изображает подавляющее большинство своих современниц несоответствующими нравственным идеалам. В таком случае возникает вопрос: а какие же качества, по его мнению, должны быть присущи женщине? Прямо об этом историк почти ничего не говорит, но, вне всякого сомнения, изображая яркую картину упадка нравов в современном ему римском обществе, он ясно дает понять, что в идеале все должно быть с точностью до наоборот. Отсюда можно сделать вывод, что, согласно Аммиану, добродетельная римлянка должна соответствовать следующему комплексу критериев: высокий социальный статус; наличие семьи, включающей не только мужа, но и детей; сдержанность в словах и поступках; мягкость характера; гуманность (особенно в отношении лиц с более низким социальным положением); женственность; внешняя красота; целомудрие.

Таким образом, для гендерных представлений Аммиана Марцеллина и его современников из числа поборников староримских ценностей и традиций был характерен вполне типичный для античности взгляд на женщину как существо более низкого по сравнению с мужчиной порядка. В общественной жизни Рима женщины, с точки зрения Аммиана, играли в целом отрицательную роль, не соответствуя своему предназначению и во многом уподобляясь мужчинам. При этом если римские матроны и царствующие особы, хотя и редко, все же вызывают у автора «Деяний» определенное уважение (или, по крайней мере, сочувствие), то характеристики представительниц низших слоев общества имеют почти всегда негативный (в лучшем случае – нейтральный) характер. Одной из важнейших социальных ролей женщины для Аммиана Марцеллина является роль благодетельной супруги. Также не может не броситься в глаза морализм Аммиана, проявляющийся в явно завышенных ожиданиях относительно быта

³⁵ Вероятно, авторы «Филологического и исторического комментария к 26-й книге Аммиана Марцеллина» правы, когда утверждают, что здесь имеет место один из часто встречающихся у Аммиана топосов (см.: Voelt J., den, J. W. Drijvers, Hengst D., den, Teitler H. C. *Philological and Historical Commentary on Ammianus Marcellinus XXVI*. P. 232). Действительно, трудно себе представить, чтобы один человек, пусть даже и непревзойденный стрелок из лука (а Ормизд, имевший персидские корни, вполне мог таковым являться (об искусстве персидских лучников см.: Дмитриев В. А. «Всадники в сверкающей броне». Военное дело сасанидского Ирана и история римско-персидских войн. СПб., 2008. С.102–108)), действительно смог выпустить «тучу стрел» (*sagittarum nubes*). Однако это не меняет сути совершенного Ормиздом самоотверженного поступка.

³⁶ Так, говоря об успехах Констанция II в гражданских войнах, Аммиан пишет, что этот правитель «был весь забрызган гноем, истекавшим из внутренних нарывов государства», а сами эти успехи называет «достойными скорее сожаления» (Amm. Marc. XXI. 16. 15) (пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни). Того же Прокопия автор «Деяний» вполне однозначно характеризует как «мятежника и противника внутреннего спокойствия» (*rebellis et oppugnator internae quietis*) (Amm. Marc. XXVI. 9. 10).

и нравов римского общества и вытекающей отсюда резкой критике образа жизни современных ему римлян – не только женщин, но и мужчин.

УДК 94

ПОНЯТИЕ О ДОЛГЕ В ТРУДАХ АФАНАСИЯ АЛЕКСАНДРИЙСКОГО**CONCEPT OF WORKS DEBT IN ATHANASIUS OF ALEXANDRIA****И.В. Зайцева****I.V. Zaitseva**

Белгородский юридический институт МВД РФ, Россия, 308024, г. Белгород, ул. Горького, 71

Belgorod Law Institute Russian Ministry of Internal Affairs of Russia, 72 Gorkogo St., Belgorod, 308024, Russia

E-mail: zajcevil@mail.ru

Ключевые слова: раннее христианство, Римская империя, Афанасий Александрийский, долг, деонтология.

Key words: early Christianity, the Roman Empire, Athanasius of Alexandria, debt, deontology.

Аннотация. Данная статья предлагает к рассмотрению идею долга в трудах раннехристианского отца церкви Афанасия Александрийского. В этой связи автор рассматривает такие труды, как «Учение о воплощении слова», «Учение о Святом Духе», а также праздничные послания, которые адресовались различным категориям населения раннехристианского мира. В работе сделан анализ указанных трудов, а также дано обоснование понятия «христианский долг» в соответствии с основным содержанием богословских трактатов Афанасия Великого.

Resume. This article proposes to consider the idea of debt in the writings of the early Christian church father Athanasius of Alexandria. In this regard, the author considers such works as «The doctrine of the incarnation of the Word», «The doctrine of the Holy Spirit», as well as public messages that are addressed to different categories of the population of the early Christian world. The paper made analysis of these works, as well as the substantiation of the concept of «christian debt» in line with the main content of theological treatises Athanasius.

Научный интерес к вопросам долга в трудах раннехристианских отцов церкви связан, прежде всего, с теми острейшими морально-нравственными проблемами, которые на сегодняшний день стоят перед всем мировым сообществом. Вопросы долга, служения, в современном мире расцениваются как обременительные рудименты предшествующих эпох, необязательные, а порой и нежелательные для исполнения. Данная позиция порождает деонтологический кризис общественного сознания, его концентрацию на мире удовольствий и отсутствии обязательств людей друг перед другом. В этой связи представляется крайне актуальным не просто возродить интерес к вопросам человеческого долга, но и на примере жизни и трудов великих отцов церкви обозначить основные направления рассматриваемой категории.

Методика исследования предполагает использование цивилизационного подхода в истории, позволяющего увидеть самые разные грани исторического процесса в движении. Теория локальных цивилизаций (А. Дж. Тойнби) предоставляет возможность изучения сложных систем, в качестве которых рассматриваются локальные цивилизации, в совокупности ее элементов, в данном случае, нас интересует период римской цивилизации на этапе становления христианства в качестве государственной религии. Еще одной методологической основой работы является «интеллектуальная история», активно разрабатываемая в последние десятилетия в ИВИ РАН (альманах «Диалог со временем» и др.). При подготовке данной работы нами использовался метод системного анализа, структурно-диахронный метод, герменевтический метод, приём исторического описания.

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим результатам. Римская империя в III-IV веках нашей эры переживала кризисное состояние. Политическая власть была очень слаба, поскольку большую часть времени римские

императоры посвящали междоусобным войнам, а не решению внутригосударственных вопросов. Резкий экономический упадок привел к серьезному расслоению общества и изменению духовно-нравственной обстановки. В этой связи усиливается роль христианских апологетов, которые своим авторитетом приподнимали деонтологическую и морально-нравственную основу состояния Римской империи, сами при этом, подвергаясь многочисленным жестоким гонениям и всевозможным лишениям¹.

Одним из них был Афанасий Александрийский (Αθανάσιος ὁ Μέγας), который по праву относится к Великим Отцам Церкви IV века. Его жизнь и деятельность связаны с постоянной борьбой за христианское вероучение с арианством, отстаиванием символа веры и воспитанием среди христиан единомыслия. Родившись в христианской семье, он не получил обширных знаний в светских науках, зато в полном объеме постиг христианский гносис. Епископ Александр Александрийский, будучи его наставником, рукоположил Афанасия в сан диакона. Через год после Никейского собора 325 г. Александр умер, оставив Афанасия своим преемником. При этом и сама паства также была рада этому обстоятельству, о чем сохранилось свидетельство Александрийского собора 325 г.: «все множество жителей, все, принадлежащие к Кафолической Церкви, собравшиеся вместе и единодушно, как бы в одном теле вопияли, взывали, требуя во епископы Церкви Афанасия, и всенародно молили о сем Христа в продолжение многих дней и многих ночей»².

Находясь на посту епископа, Афанасий отличился непримиримым отношением к арианскому вероучению, понимая недоказательность его положений, прежде всего в отрицании троичности Бога. Они полагали, что Бог как сущее уже есть полноценная монада, которой нет необходимости делиться своим бытием с Сыном. Исходя из этого, Сын и Святой Дух являются посредниками между Богом и людьми, а не частью Бога. Подобный догмат расходился и с самим понятием христианского долга. Если долг христианина – побороть свои грехи и тем самым приблизиться к Богу, сравняться с его Сыном, в своем искуплении, то такое по определению невозможно, учитывая, что согласно Арию, Бог сам является полноценной и неделимой субстанцией. Отметим при этом, что в рассматриваемый период его жизни Афанасий являлся единственным православным епископом восточной церкви и ему, практически в одиночку, приходилось отстаивать свои положения о Единстве Бога.

Большую пользу развитию христианства принесло то, что сам Афанасий, довольно часто уединявшийся к отшельникам в пустыню, прекрасно понимал уклад монашеской жизни и цели ухода многих христиан из мира, не желающих мириться с жесткой церковной иерархией. Пытаясь разрешить спор, он первым произвел лидеров аскетов – Антония и Пахомия в епископы, проведя тем самым клерикализацию монашества³. На протяжении всей своей жизни Афанасий Александрийский находился под гнетом гонений со стороны римских императоров, не утратив при этом уважения к политической власти.

За свою жизнь Афанасий написал внушительное количество сочинений, многие из которых представляют большую ценность для исторической науки в целом, и для патристики в частности. Одно из самых обстоятельных по своему содержанию изданий его трудов принадлежало знаменитой конгрегации святого Мавра. Работу над изданием вели Моран и Монфокон в XVII-XVIII вв. Завершил издание Монфокон, приложив очень большие усилия к научному изучению работ Афанасия Александрийского, обобщив все рукописи книгохранилищ Европы. В данной статье мы рассмотрим понятие о долге на основании таких его работ, как «Учение о воплощении слова», «Учение о Святом Духе», а также праздничных посланий, адресованных частным лицам, монахам, епископам.

«Учение о воплощении слова» является, по сути, самым ранним творением данного автора. Его важность состоит в том, что оно дает понимание исследователям раннего христианства того, что есть любовь, долг, в чем сущность христианства, как

¹ Крист К. История времен римских императоров от Августа до Константина. Т. 1. Ростов-на-Дону, 1997. С. 146.

² Архимандрит Киприан (Керн) Антропология Св. Григория Паламы. Париж, 1950. С. 139.

³ Павловская А.И. Афанасий, епископ Александрийский и его епархия // Вестник древней истории. 2001. № 1. С. 60.

понимать цель христианской жизни. Все эти моменты отражаются через интерпретацию библейского учения о создании человека по образу и подобию Бога. Заметим, что предметом обращения в данной теме для Афанасия выступает не сам долг как таковой, а те причины и предпосылки становления христианского мира и вероучения, которые должны привести каждого человека к пониманию долга и возвращению к тому первичному Божественному состоянию, в котором находились Адам и Ева до изгнания из рая. Прежде всего, к ним относятся идея о боговоплощении человека для спасения от тления через слово и идея искупления. То есть, изначально долгом для человека было сохранение райского места, в которое их поместил Бог, но этого не произошло. В дальнейшем, долгом стало спасение человеческой души через слово, для того, чтобы, по мнению Афанасия, «лучше увидеть Отца»⁴. Идея об искупительном значении Христовой смерти стала необходима для приведения к вере колеблющихся иудеев, чтобы доказать им, что «Бог воочеловечился, чтобы человек обожился»⁵.

«Учение о Святом Духе» - это, по сути, переписка Афанасия Великого с епископом Тмуитским Серапионом, который также оставил после себя значительное число трудов, среди которых можно выделить следующие: «Против Манихеев», «Толкование на псалмы», «Послание об Отце и Сыне», а также «Евхологий», интересный своими молитвами и чинопоследованиями, найденный профессором А.А. Дмитриевским на Афоне в 1894 г., а потом уже только «найденный» вновь Wobbermin'ом, которому долго в науке приписывалась честь «editio princeps»⁶. Данная переписка включает в себя четыре письма, историческая подлинность и время написания которых не вызывает у научного мира сомнений, поскольку в самом начале первого послания Афанасий пишет, что он получил письмо Серапиона в пустыне, и что «жестокое воздвигнуто против нас гонение»⁷. Следовательно, можно сделать вывод, что переписка относится к годам третьего изгнания Афанасия (356–362), проведенного им в египетской пустыне.

Суть этих писем сводится к вопросу о почитании Святого Духа или, точнее, к опровержению доводов так называемых «Тропиков», которые являлись предшественниками Македония, и получили они свое наименование от греческого слова тролос, что значит «поворот», «оборот», «обратный ход»⁸. Появились они, возможно, первоначально где-то в дельте Нила и попали в поле зрения Серапиона, который и обратился за разъяснениями к александрийскому епископу, как с ними бороться и где найти соответствующие доводы для полемики против них. Афанасий отвечал на это, что духоборчество является скрытым арианством, и долг каждого разумного человека - распознать это на ранних этапах и вести непримиримую борьбу с его любыми проявлениями.

Обратимся теперь к праздничным посланиям, которые адресовались Афанасием Александрийским по тому или иному поводу частным лицам, монахам или епископам. Подобные послания сохранились и от более ранних александрийских епископов. Как правило, они являлись обязанностью александрийских епископов, когда те ежегодно обращались к пастве после праздника Богоявления. В них определялось время Пасхи и, соответственно с этим, время начала поста, прекращения поста, конец Пятидесятницы и различные пасхальные образцы. Такие послания Афанасия Великого долгое время были неизвестны мировой науке, пока в 1848 г. в одном из монастырей Пресвятой Богородицы в нитрийской пустыне W. Cureton не нашел один из таких сборников праздничных посланий. По мнению Архимандрита Киприана, это не оригинальный греческий текст, а сирийский перевод. Сборник состоит из 15 посланий, относящихся к первым двадцати годам епископства св. Афанасия (329–335, 338, 339, 341, 342, 345–348)⁹. Греческий текст этих посланий не сохранился, но были найдены их коптские отрывки. Заметим, что и до открытия сборника были известны отрывки из XXII, XXIV, XXVII, XXVIII, XXIX, XXXIX,

⁴ Barnes T.D. Athanasius and Constantius: theology and politics in the Constantinian Empire. Cambridge, Mass., 1993. P. 39.

⁵ Brakke D. Athanasius and Asceticism. Baltimore, 1998. P. 80.

⁶ Архимандрит Киприан (Керн) Антропология Св. Григория Паламы. Париж, 1950. С. 140.

⁷ Попов И.В. Религиозный идеал св. Афанасия Александрийского. Сергиев Посад, 1904. С. 80.

⁸ Там же. С. 81.

⁹ Архимандрит Киприан (Керн) Антропология Св. Григория Паламы. Париж, 1950. С. 142.

XL, XLII, XLIII, XLIV и XLV посланий. Особенно ценным из них является отрывок из знаменитого XXXIX послания (367 г.), который содержит в себе полный список ветхо- и новозаветных книг, признававшихся в александрийской церкви и вошедших в церковный канон священных книг¹⁰.

По самому эпистемиологическому содержанию данные послания содержали в себе нравственные установления, которые наибольшим образом усваивались паствой именно во времена великих христианских праздников. Идея долга в этом смысле проходит красной нитью по их текстам. Так, например, в послании к императору Иовиану Афанасий пишет о том, что долг каждого императора держаться как правила Никейского Символа, который был подтвержден всеми Поместными Церквями. В этом послании излагается сам Символ, и завершается это послание исповеданием божества Святого Духа и единосущия Святой Троицы. Написано послание по просьбе императора Иовиана, который не мог самостоятельно разобраться, в чем суть разногласий, и просил, чтобы это ему пояснил такой авторитетный человек как Афанасий Александрийский.

В заключение заметим, что в процессе своей деятельности Афанасий Александрийский рассматривал долг исключительно с позиций христианского апологета, подразумевая, что только жизнь в рамках христианских заповедей и есть необходимое обязательство для каждого человека. Труды Афанасия хотя и не передают полностью всей деонтологической константы его вероучения, но её частичное отражение безусловно имеет место быть.

¹⁰ Там же. С. 143.

УДК 94 (3)

**ЛАНДШАФТНЫЕ И ДРУГИЕ ОСОБЕННОСТИ НОВОГО САКРАЛЬНОГО
ПАМЯТНИКА ГОРОДИЩА «БЕЛИНСКОЕ»¹****LANDSCAPE AND OTHER PECULIARITIES OF THE NEW
SACRAL MEMORIAL OF ANCIENT SETTLEMENT «BELINSKOE»****В.Г. Зубарев, С.В. Ярцев****V.G. Zubarev, S.V. Yartsev***Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н.Толстого,
Россия, 300026, г. Тула, пр. Ленина, 125**Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy, 125 Lenina St., Tula, 300026, Russia**E-mail: s-yartsev@yandex.ru*

Ключевые слова: Боспорское царство, Иоанн Златоуст, христианство, арианство, агапы, алтарь, готы.

Key words: The Bosphorus Kingdom, St. John Chrysostom, Christianity, Arianism, agapae, altar, Goth.

Аннотация. В статье подробно рассматриваются ландшафтные и другие особенности нового сакрального памятника из раскопок городища «Белинское» в Крымском Приазовье (северо-западная часть Европейского Боспора – Керченского полуострова), открытого раскопками экспедиции Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого под руководством В.Г. Зубарева в 2008-2014 гг. По мнению авторов, возведение в позднеантичный период на городище необычной алтарной вымостки является отражением борьбы, которую проводил Иоанн Златоуст против арианской ереси. Статья приоткрывает завесу над заключительным периодом истории городища.

Resume. The article considers in detail landscape and other peculiarities of the new sacral memorial from the excavations in ancient settlement Belinsкое. According to the authors, the erecting of the altar in the late antique period in the ancient settlement is the reflection of the struggle of St. John Chrysostom against Arian heresy.

В ходе археологических исследований городища «Белинское» в 2008-2014 гг., в восточной его части, был выявлен необычный для этого памятника сакральный комплекс, состоящий из круглых в плане сооружений и алтарной вымостки. Памятник был частично опубликован² и предварительно отнесён к позднеантичному времени³. Однако, на момент первой публикации памятника его площадь была исследована не до конца и, как показали последующие раскопки, ряд выводов, сделанных нами ранее, требуют существенного уточнения. В первую очередь, это касается алтарной вымостки, на которой были обнаружены граффити, интерпретируемые нами как раннехристианские символы.

Вымостка сложена из плоских обработанных камней желтого ракушечника и белого известняка местного происхождения. Её форма в горизонтальной плоскости близка к треугольной. Ориентация восточная. Центральный камень вымостки являлся культовым тарапаном или небольшим переносным алтариком, помещённым в кладку в перевёрнутом виде. Интересно, что ещё одно подобное изделие было найдено недалеко от алтарной вымостки в завале камней. Раннехристианские символы – крест и крест в круте – были процарапаны на нескольких камнях. Время появления символов, а также их

¹ Работа выполнена в рамках задания Минобрнауки РФ № 2014/389 (НИР № 1799).

² Зубарев В.Г., Ярцев С.В. Новый сакральный комплекс на городище «Белинское» в Восточном Крыму // ПИФК. 2014. №1. С. 86-101.

³ Зубарев В.Г., Ярцев С.В. К вопросу о датировке нового сакрального комплекса на городище «Белинское» в Восточном Крыму // Классическая и византийская традиция. 2014. Белгород, 2014. С. 105-109.

интерпретация неоднозначны. Подобные знаки известны в некоторых малоазиатских церквах, обращённых из языческих храмов. По мнению христиан, они уничтожали силу демонов, населявших храм⁴. Наличие таких знаков на вымостке свидетельствует в пользу её интерпретации как части святилища.

На двух плитах алтаря сохранились слабые следы воздействия огня, однако, скорее всего, это не связано с обрядовой деятельностью, а указывает на вторичность их использования. С запада вплотную к вымостке на специально насыпанный слой золистой супеси был положен грубо оббитый камень (белый известняк) с чашеобразным углублением в центре (жертвенник?). Судя по всему, он зафиксирован *in situ*, хотя незначительная его часть по углам и была утрачена. Сохранившийся фрагмент имел форму близкую к треугольной. Верхняя граница камня располагалась несколько выше уровня вымостки, однако его единство с последней несомненно.

Заключительный период в истории городища (вторая четверть IV - первая четверть V вв.) характеризуется целым рядом серьёзных изменений как в застройке городища в целом⁵, так и в отношении культовых объектов на его территории. В частности, в это время появляются и получают развитие святилища, которые использовались отдельными группами населения городища, что, возможно, отражает общую для позднеантичного общества тенденцию к разделению по сословному признаку. Три таких святилища были найдены в северной части городища (обращает на себя внимание то обстоятельство, что располагались они в разных кварталах, разделённых улицами). Все они имели ограждение, внешний вход и вымостки, на которых помещались алтарные загородки, заполненные золой, и жертвенники. В качестве последних использовались антропоморфные изваяния, крышки пифосов и зернотёрки⁶.

Вновь выявленный восточный культовый комплекс на городище, по всей видимости, следует отнести (по крайней мере, на начальном этапе) именно к этой группе святилищ. Однако, бросающиеся в глаза отличия (отсутствие стен ограды, треугольная форма алтарной вымостки и наличие раннехристианской символики на плитах) позволяют предположить, что в данном случае имело место значительно более длительная эксплуатация святилища, в том числе, и в качестве места для совершения христианских обрядов.

Ещё одна отличительная особенность восточного комплекса заключается в наличии рядом с ним нескольких синхронных по времени круглых каменных сооружений. Их связь с сакральной сферой, как будто бы, очевидна⁷. А отсутствие подобных сооружений вблизи святилищ на северном участке делает восточный комплекс по-своему уникальным. Что касается времени использования святилища христианами, то однозначный вывод делать пока рано. Несомненно, широкое проникновение христиан в

⁴ Стопами святых апостолов: античность и христианство в Эгейском регионе // Церковно-исторический альманах Смоленской духовной семинарии. Смоленск. 2012. С. 62-63.

⁵ Зубарев В.Г., Седых Е.Е. Планировка и основные этапы застройки городища «Белинское» во II – первой половине V вв. н. э. // БИ. Вып. XXVIII. 2013. С. 260-262.

⁶ Зубарев В.Г. Культовые комплексы сельской территории позднеантичного Боспора (на примере городища «Белинское») // Гуманитарная наука в Центральном регионе России: состояние, проблемы, перспективы развития. Материалы VII региональной научно-практической конференции. Том 1. 2005. С. 131-135.

⁷ Каменные круги Белинского городища были рассмотрены нами в сравнении с каменными кругами синхронного времени на некрополе Илурата. Они были интерпретированы как место, где совершались агапы, в том числе и с поминальными функциями, популярные среди ранних христиан в первых веках н.э. На это указывают такие факты, как вырубленный христианский крест с рыбой и птицей, в центре одного из кругов на Илурате, наличие систем для пролива жидкости на Илуратском памятнике и жертвенной каменной чаше на Белинском городище, и связь их с погребениями. Однако каменные круги были не характерны для ранних христиан, поэтому варварская основа данных памятников также очевидна. Здесь отчетливо прослеживается сармато-аланское, германское и даже позднескифское влияние. Изначально круги, по-видимому, играли роль святилищ, где происходила связь мира живых и мира мертвых. Обряды здесь совершались с опорой на человеческие погребения, кровавые жертвоприношения (как правило, животных) и возлияния вином. Не исключено, что именно по этим причинам, впоследствии данное место и было выбрано христианами для проведения агап. При этом два круга были переложены или даже сложены заново уже в хазарское время. Вероятно, переселенцы были уверены, что эти памятники как-то связаны с производством вина, столь важного для них сейчас. Поэтому и пытались умилостивить сверхъестественные силы, которые, как они предполагали, и раньше обеспечивали божественную поддержку этому процессу (См. подр.: Зубарев В.Г., Ярцев С.В. Новый сакральный комплекс на городище «Белинское» в Восточном Крыму // ПИФК. 2014. №1. С. 86-101).

этот район следует отнести к более позднему времени. На это, в частности, указывают находки на некрополе на стене одного из склепов граффито христианского креста в соседстве с салтовской тамгой и раннесредневекового христианского надгробия. В то же время, полностью исключить связь христианских символов с позднеантичным периодом мы не можем, так как весь сопутствующий материал в непосредственной близости от алтарной вымостки датируется именно этим временем. Предлагаемая ниже версия развития событий является одним из возможных вариантов такой интерпретации.

Прежде всего, попробуем ответить на вопрос о возможности использования культового комплекса христианами. Как уже отмечалось алтарная вымостка и немного возвышающийся над ней жертвенник с чашеобразным углублением представляют собой функциональное единство. Этому имеются аналогии в раннем христианстве. Именно тогда алтарь – престол – жертвенник составляли неразделимость одного объекта⁸. Известно, что в христианстве алтарь и жертвенник разделились только с течением времени в ходе усложнения форм обрядности. Под ними в первую очередь следует понимать проскомидию (изготовление на жертвеннике хлеба и вина) и евхаристию (преосуществление на престоле хлеба и вина в Тело и Кровь Иисуса Христа).

Начало процесса выделения жертвенника в качестве обособленного элемента, предназначенного исключительно для подготовки евхаристии, датируется достаточно поздним для нас временем – началом V в. Тогда была введена в практику литургия св. Василия Великого (вокруг престола). И, хотя еще несколько веков продолжали сосуществовать различные типы литургий и престолов⁹, в общинах, связанных с Константинопольским патриархатом, литургия св. Василия Великого распространяется уже с V в.¹⁰ Можно предположить, что и алтарь с Белинского городища как раз и представляет собой уже отделившийся от жертвенника тип, предназначенный для службы вокруг престола. Этому соответствует и полное отсутствие рядом остатков фундаментов стен. Но тогда камень с чашеобразным углублением, примыкающий к алтарной вымостке, должен был играть какую-то иную роль, несколько отличную от обычного жертвенника. Тем более, что как сама алтарная вымостка, так и приставленный к ней камень с чашеобразным углублением не сильно возвышаются над современной им дневной поверхностью, что не может не вызывать дополнительных вопросов.

Не исключено, что настоящим жертвенником нашей алтарной вымостки являлся обнаруженный в соседней яме, датируемой позднеантичным периодом, довольно массивный строительный блок из белого известняка местного происхождения, имеющий сквозное отверстие посередине (жертвенник, сделанный из строительного блока, взятого из какой-то более ранней постройки).

Каменные жертвенники со сквозными отверстиями были известны у некоторых варваров, например у поздних скифов¹¹. Однако в нашем варианте жертвенник имеет очень широкое, практически занимающее всю «рабочую» поверхность камня, отверстие с одной стороны (диаметром 0,45 м), и почему-то, довольно узкое, с другой (диаметром 0,17 м). Отмечая безусловную принадлежность этого жертвенника к широкому кругу, так называемой «пронимальной символики»¹², заметим, что речь, судя по диаметру отверстия, может идти о пропуске через него предметов, а не о проливе жидкости. Расширение же сквозного отверстия с одной стороны, возможно, было необходимо для пропускания чего-либо сквозь отверстие непосредственно руками. И здесь мы вновь находим аналогии в практике ранних христиан.

Речь в данном случае идёт о христианских престолах особого типа со сквозным отверстием IV в. Считается, что подобный престол предназначался для обряда

⁸ Беляев Л.А. Христианские древности. Введение в сравнительное изучение. СПб., 2000. С. 175; Голубцов А.П. Из чтений по Церковной археологии и литургике. СПб., 1995. С. 67-68.

⁹ Шевченко Ю.Ю. К вопросу о методике датировки первохристианских пещерных храмов Восточной Европы // Материалы по Археологии и Истории Античного и Средневекового Крыма. Севастополь; Тюмень, 2011. Вып. III. С. 56-58.

¹⁰ Шевченко Ю.Ю. Реалии «Литургической археологии» в датировке первохристианских пещерных храмов Восточной Европы // Христианство в регионах мира (Христианская архаика). СПб., 2011. Вып. 3. С. 95-96.

¹¹ Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму. САИ. Вып. Д1. 7. М., 1991. С. 11-12.

¹² Щепанская Т.Б. Пронимальная символика // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы // Сборник МАЭ. СПб., 1999. Вып. XLVII. С. 149-190.

«пронимания» хлеба, преосуществляемого в Тело Христа, посредством Его пропускания через указанное отверстие¹³. Если это так, то жертвенник из ямы вполне мог изначально занимать свое место где-то вблизи алтарной вымостки или даже на ней. Правда, мы не беремся произвести точную реконструкцию первоначального вида памятника, ведь расположение жертвенника-престола должно соответствовать своей основной функции — проведению обряда «пронимания» через сквозное отверстие.

Следующая особенность алтарной вымостки с Белинского городища - это ее, отчетливо выраженная, треугольная форма. На первый взгляд, в этом нет ничего удивительного, ведь такая форма встречается среди языческих алтарей (например, алтари подтреугольной формы из святилищ Таракташ II¹⁴ или Илурата¹⁵). Однако заметим, что все данные алтарные сооружения примыкали к стенам помещений. При этом алтарь на Илурате, непосредственно связанный с человеческими жертвоприношениями, был вообще сооружен в самом углу здания. В этой связи, мы не можем быть уверены в том, что при возведении указанных языческих алтарей, они принципиально планировались именно треугольной формы. Нет здесь также и систем для пролива жидкости и отверстий для совершения обряда «пронимания». Кроме того, алтарная вымостка с Белинского городища датируется более поздним временем, поэтому она, безусловно, должна отражать совсем другие идеологические процессы, происходившие в античном обществе на переломе эпох.

Мы далеки от стремления трактовать любой треугольный знак или предмет треугольной формы позднеантичного времени, как христианский. В то же время несомненно, что треугольник рано и довольно прочно занял свое сакральное место в христианской теологии, став символическим знаком для обозначения Святой Троицы¹⁶. Более того, в христианской архитектуре, эта фигура чаще всего встречается именно в форме алтарной части храма. Так, треугольник, например, хорошо просматривается на плане алтарной части базилики в виде трифолия (трехлепестковом в плане сооружении)¹⁷ или же, трехгранной апсиды Святой Софии 415 г. в Константинополе¹⁸. Тем не менее, собственно для престола треугольная форма не характерна. Поэтому, если алтарная вымостка с Белинского городища все же имела отношение к христианству, то должна была сложиться экстраординарная ситуация для сооружения ее именно в такой формы.

Ответ на этот вопрос, возможно, даёт анализ изображений треугольников на раннехристианских древностях V–VI вв., подробно рассмотренных в свое время графом А.С. Уваровым. Для нас особый интерес представляют изображения, где буквы Альфа и Омега размещены в треугольниках, которые в данном случае выступают в качестве символа Святой Троицы¹⁹. Учитывая то обстоятельство, что появление указанных букв в сочетании, например, с крестом и христомграммой, обычно связывается с противостоянием арианской ереси²⁰, не исключено, что и треугольники также играли важную роль в этой борьбе.

Для того, чтобы правильно оценить ситуацию в контексте нового культового объекта на Белинском городище, необходимо хотя бы в самых общих чертах охарактеризовать положение в области распространения христианства за пределами Империи в этот период. Стремление римлян распространить христианство среди готов еще в первой половине IV в. привело к принятию некоторыми варварами арианства. Вся эта история, как известно, была неразрывно связана с деятельностью выдающегося

¹³ Шевченко Ю.Ю. К вопросу о методике датировки ... С. 63.

¹⁴ Шаров О.В. Святилища на склонах горы Таракташ в восточном Крыму // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. СПб., 2009. С. 460-461.

¹⁵ Коренцвит В.А. Святилище в Илурате // Боспорский феномен. Сакральный смысл региона, памятников, находок. СПб., 2007. Т. I. С. 160-163.

¹⁶ Зинько Е.А. Христианские мотивы в росписях пантикапейских склепов // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 79-80.

¹⁷ Земскова В.И. Христианская базилика и Иерусалимский храм: единство традиции и преемство архитектуры. СПб., 2012. С. 85-86.

¹⁸ Mathews Th. F. The Early Churches of Constantinople: Architecture and Liturgy. London, 1971. Fig. 4.

¹⁹ Уваров А.С. Христианская символика. Ч.1. Символика древне-христианского периода. М., 1908. С. 42-43.

²⁰ Завадская И.А. Христианские расписные склепы Крыма в контексте развития погребальной росписи в ранневизантийский период // МАИЭТ. XV. 2009. С. 115.

представителя готского народа Вульфилы. Подвергаясь жестоким преследованиям со стороны готских вождей, в конце 40-х гг. IV в. ему пришлось вместе со своими единомышленниками уйти на территорию Империи в Нижнюю Мёзию²¹. Проживая здесь, готы настойчиво сохраняли свою веру в арианской форме. Возможно, такое постоянство свидетельствует о стремлении варваров обеспечить свою этническую идентичность²².

Христианство проникало не только в готскую среду. Еще со времен морских походов варваров во второй половине III в. захваченные в плен христиане, в том числе и священнослужители, «вступив в общение с варварами, немалое их количество обратили к благочестию и приготовили к восприятию христианства» (Philostorg. Hist. eccl. II, 5). В дальнейшем, когда после войны с гуннами, в Крым отошла группировка готов, тесно связанная с Боспором союзническими отношениями, процесс христианизации приобрел особую остроту²³.

Нам неизвестна форма христианства, которую принимали жившие на границах Боспора меотийцы. Появившиеся же здесь в последней четверти IV в. готы, по-видимому, совсем не случайно демонстративно стали придерживаться Никейского православия. Даже по тому особому вниманию, которое уделял религиозному положению дел у них тогдашний Константинопольский епископ Иоанн Златоуст, очевидно, что сложившаяся ситуация была крайне напряженной. В письме диаконисе Олимпиаде, написанном патриархом в 404 г., он писал, что «...достойный удивления епископ Унилы, которого я недавно поставил и послал в Готию, совершивши много великих дел, умер. И прибыл Мадурий с письмами правителя готов, в которых последний просил послать к ним епископа. И вот, так как против грозящей катастрофы я не вижу никакого другого средства, чтобы поправить дело, кроме промедления и отсрочки (им ведь невозможно теперь плыть ни в Боспор, ни вообще в те страны), то ты постарайся пока задержать их по причине зимы» (Joannis Chrysostomi, II, col., 618).

Точные имена людей, наличие проблемы и конкретные действия по ее разрешению, не позволяют согласиться с мнением, что текст, написанный рукой священника, не предполагает точности географических «привязок»²⁴. Более того, речь в тексте явно идет о территории Боспора, так как просить епископа придунайские готы-ариане у Иоанна, известного своей активной борьбой против арианства, не могли. Более того, просто невероятной выглядит деятельность православного епископа Унилы совершившего у готов-ариан «много великих дел», если считать последних, как делает, например В. Томашек, дунайскими готами²⁵. Заметим также, что из-за зимы невозможно было плыть туда, куда по причине установления гуннской гегемонии в степях Северного Причерноморья другим способом добраться было невозможно. Это, в первую очередь, Херсонес и земли Боспорского царства, которые сохранились как самостоятельные государства. На территорию же Придунавья вполне можно было добраться и сухим путем.

²¹ Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. СПб., 2001. С. 177-180; Зиньковская И.В. Королевство Эрманариха: источники и историография. Воронеж, 2010. С. 56-62.

²² Вольфрам Х. Готы. СПб., 2003. С. 129.

²³ Именно по причине христианства этих готов, их бывает трудно выделить археологически на Боспоре, тем более, что готская военно-аристократическая верхушка, скорее всего, вошла в это время в состав правящего боспорского класса, как считают некоторые ученые (Šćukin M., Kazanski M., Sharov O. Des les Goths aux huns: Le nord de la mer noire au Bas – empire et a l'epoque des grandes migrations / Archaeological Studies on Late Antiquity and Early Medieval Europe (400-1000 A.D.): Monographs I. British Archaeological Reports International Series 1535. Oxford, 2006. S. 186). Тем не менее, появление черняховского материала второй половины IV – начала V вв. на Боспоре (от Фанагории до Заморского), явно свидетельствует о сдвиге части готского населения, в ходе гуннского нашествия, в том числе, и на территорию Боспора (Магомедов Б.В. Черняховская культура и Боспор // Боспорские исследования. Симферополь, 2001. Вып. I. С. 246-249; Левада М.Е., Осадчий Р.Н. К вопросу об этнических процессах в Северном Причерноморье на рубеже гуннского времени (на примере распространения некоторых типов гончарных кувшинов в черняховских могильниках) // Боспорские чтения. Керчь, 2004. Вып. V. С. 229; Šćukin M., Kazanski M., Sharov O. Op. cit. S. 185-186).

²⁴ Могаричев Ю.М. Крымская Готия: от язычества к христианству // Восточная Европа в древности и средневековье. Язычество и монотеизм в процессах политогенеза. М., 2014. С. 198.

²⁵ Tomaschek W. Die Goten in Taurien. Wien, 1881. S. 10.

Текст письма, безусловно, свидетельствует о сложной ситуации сложившейся на Боспоре. По-видимому, если дунайские готы, пребывая на территории империи, в том числе, из недавно прибывших, массово переходили в арианство, то уже одно только это могло оказывать негативное влияние на их боспорских соотечественников и поэтому вызывать необходимость принятия срочных мер противодействия, тем более, что существует прямое свидетельство, что дунайские готы в это время насильственно «склоняли все племена своего языка к признанию этой секты» (Iord. Get. 133). Именно по этой причине невозможность срочной отправки к готам нового епископа представлялась Константинопольскому епископу «катастрофой». Все это хорошо согласуется со спецификой борьбы Иоанна Златоуста с арианской ересью, включавшей в себя помимо проповедей и написания обличительных гомилий активную поддержку сторонников Никейского православия.

Кровавые события столичного мятежа готов-ариан во главе с Гайной в 400-401 гг., безусловно, способствовали активизации этой борьбы. Тогда епископ не пошел на категорические требования Гайны предоставить готам-арианам отдельную церковь внутри Константинополя (ариане имели церкви лишь за его чертой), но зато позаботился о том, чтобы православные готы не испытывали ни в чем недостатка. Даже церковь последним он передал рядом с императорским дворцом и рукоположил епископов, знающих готский язык²⁶. Более того, «он сам весьма часто хаживал туда беседовать, употребляя при этом разумевшего тот и другой язык переводчика, да и умевших говорить по-готски побуждал делать это же. Все сие, совершая внутри города, он уловил много обольщенных и показал им истину апостольской проповеди» (Theod., 5, 30).

Особую же роль в противостоянии арианской ереси и, в первую очередь, поздней ее форме, которой придерживались аномеи, Иоанн Златоуст уделял такому понятию, как «снисхождение». Под ним он понимал «то, когда Бог является не так, как Он есть, но показывает Себя столько, сколько имеющий созерцать Его способен к этому» (Hom. contra anom. III, 3). Любопытно, но ведь именно такое отличие в подготовке новообращенных христиан, является главной причиной развития символики в новой религии. По словам известного Отца церкви IV в. епископа Иерусалимского Кирилла, «Слышать Евангелие всем дозволяется, но слава благовествования предоставлена только присным Христовым. Посему неспособным слушать Господь говорил в притчах, ученикам же объяснял притчи наедине. Ибо сияние славы просвещенным — ослепление неверным. Все тайны, которые ныне Церковь излагает тебе, выходящему уже из оглашенных, нет обычая излагать язычнику, ибо не излагается язычнику таинственное учение об Отце, Сыне и Святом Духе. Да и оглашенным о тайнах не говорим ясно, но о многом часто выражаемся прикровенно, чтобы знающие верные разумели, а незнающие не терпели вреда»²⁷.

Борьба с арианской ересью напрямую затрагивала тему христианских символов. В отличие от ариан, уверенных в возможности познания Бога, сторонники Никейского православия были убеждены, что человеческий разум, несмотря на свою сотворенность Богом не может постичь божественной сущности. Он познает только лишь образы и символы, хотя и может проникнуть в сущность и овладеть ею²⁸.

Исходя из этого, треугольная форма алтарной вымостки с Белинского городища (если допустить, что она являлась символом Святой Троицы) вполне может отражать один из наиболее острых этапов противостояния ортодоксального православия с арианством. В какой-то мере (правда, весьма условно) подтверждением такой трактовке могут служить особенности местоположения культового объекта в связи с окружающим ландшафтом, которое довольно точно совпадает с описанием местоположения божьего престола из известной Книги Еноха.

Эта книга была очень популярна в раннехристианскую эпоху и в то время входила в канон Священного Писания²⁹. Согласно ей, «престол из камня сапфир» находится на

²⁶ Казенина-Пристанскова Е.Т. Золотые уста. Жизнь и труды Иоанна Златоуста. Ровно, 2003. С. 74.

²⁷ Кирилл, архиепископ Иерусалимский. Творения. М., 1855. С. 103.

²⁸ Мейендорф И. Введение в святоотеческое богословие. Киев, 2002. С. 146.

²⁹ На современный момент книга Еноха является канонической в Эфиопской церкви (Hénoch / Ed. A. Caquot // La Bible. Écrits intertestamentaires. Paris, 1987. P. 465-469, 471-625).

срединной горе «из алебастра», которая «поднимается до неба к престолу Божию». При этом на восток и на юг от нее, должны располагаться еще по три горы из драгоценных камней. «Из тех, что на восток, одна была из алого камня, другая из жемчуга, третья – из яшмы. Те, что на юге, были из камня огненного цвета» (Енох 18, 6-9)³⁰.

Местоположение возвышенности, на которой расположено городище «Белинское» отчасти приближается к этому описанию. На юг от данной возвышенности открывается вид на хребет Каменистый, высотой около 140 м. С востока просматриваются крутые склоны противоположной стороны Аджиэльской балки, напоминающие горный хребет с отдельными вершинами. И хотя наивысшая точка плато, на котором расположено городище, находится на юге, пологие склоны южного участка и доминирование холмообразных вершин на севере в сочетании с некоторой удаленностью отсюда Аджиэльской балки, не создают эффекта горы в окружении других вершин. Только одно место на восточной окраине городища (а именно здесь располагался интересующий нас комплекс) приближается к описанию местоположения божьего престола. Эффект высокой горы достигается здесь за счет крутых обрывистых склонов плато в сторону Аджиэльской балки и значительного обзорного вида на окрестные возвышенности. Добавим к этому довольно любопытную находку крупной бусины из яшмы с восточной стороны алтарной вымостки (третья гора с востока в описании Еноха из яшмы) и картина становится вполне законченной.

Выбор места для совершения священных обрядов в рамках любой религии занимает важное место. Христианство не исключение. Поэтому проведённая выше аналогия, на наш взгляд, вполне уместна и могла быть в действительности, если (подчеркнём ещё раз) наше предположение об использовании алтарной вымостки ранними христианами верно.

Ещё одним свидетельством, косвенно подтверждающим борьбу ортодоксальной Церкви с арианской ересью в варварской среде, может служить смена жертвенников, имевшая место на комплексе с алтарной вымосткой (напомним, что один из этих жертвенников – камень с чашеобразным углублением – зафиксирован *in situ* возле вымостки, а второй – со сквозным отверстием – найден сброшенным в яму). Оба типа жертвенников имеют аналогии в библейских сюжетах или в обрядовой практике ранних христиан. В истории о даровании Моисею на Синае скрижалей завета под ногами Бога Израилева упомянуто «нечто, подобное изделию из сапфира» (Исх. 24: 10-11) (обратим внимание на местоположение этого «нечто»). В неканонической книге Ветхого Завета – Книге Премудрости Иисуса сына Сирахова – отмечается, что в этот день священник Иерусалимского храма «простирает свою руку к жертвенной чаше, лил в нее из винограда кровь и выливал ее к подножию жертвенника в воню благоухания Всевышнего (Сир. 50:17). По мнению В.И. Земсковой, в пересекающихся предметах-понятиях библейской традиции: камне, сапфире и чаше и надо искать истоки знаменитой Чаши из драгоценного камня, участвовавшей в обряде Великого Четверга в Латеране³¹.

Если согласиться с этим мнением, то камень с чашеобразным углублением у алтарной вымостки на городище «Белинское» на уровне ног священника олицетворял собой каменную чашу вышеуказанной библейской традиции. В этом случае замена жертвенника со сквозным отверстием на данную каменную чашу, ставшую своеобразным новым жертвенником, в сочетании с оформлением в то же время алтарной вымостки в виде треугольника могло произойти в ходе обострения борьбы с арианской ересью. И это вполне согласуется с мнением, что исключение христианских престолов со сквозными отверстиями произошло из-за их активного использования или даже установки в эпоху «арианских симпатий» известных римских императоров³².

Для Константинопольского епископа библейская традиция, имеющая отношение к камню, сапфиру и чаше, безусловно, была связана с евхаристией³³, через учение о которой он и боролся с арианской ересью. Считается, что для Иоанна Златоуста в

³⁰ Перевод В.И. Земсковой (Земскова В.И. Ук. соч. С. 223).

³¹ Земскова В.И. Ук. соч. С. 218-223.

³² Шевченко Ю.Ю. К вопросу о методике датировки ... С. 63.

³³ «...явились на месте Бога, и ели, и пили» (Исх. 24: 10-11); ср. с «...кто будет есть хлеб сей или пить чашу Господню недостойно, виновен будет против Тела и Крови Господней» (1 Кор. 11: 27).

евхаристии через Сына мы вступаем в общение с Отцом и Святым Духом, ведь, по словам самого епископа «един дар и едина сила Отца и Сына и Святаго Духа» (In Ioh. Nom. 86, 3). При этом сильное воздействие Троичного догмата на данную литургию, однозначно связывается учеными с необходимостью ответа на ересь второй половины IV в.³⁴

Главным предметом для Константинопольского епископа, при помощи которого Христос приобретает и украшает всех своей Кровью, выступает именно чаша, ведь «наша кровь, образующаяся из пищи, не сразу становится кровью, но сначала бывает чем-то другим; а эта Кровь не так, но тотчас же напоет душу и сообщает ей некую великую силу» (In Ioh. Nom. 46, 3), а «находящееся в чаше есть то самое, что истекло из ребра господа, того мы и причащаемся ... благословляя за то, что Он пролил ее для избавления нас от заблуждения и не только пролил, но и преподал ее всем нам. Итак, говорит, если ты желаешь крови, то обограй не жертвенник идолов пролитием крови бессловесных, но Мой жертвенник Моей Кровью» (In 1 Cor. Nom. 24, 1).

С этой точки зрения необходимо рассматривать и выявленные рядом с алтарной вымосткой круглые каменные сооружения, которые мы связываем с христианскими трапезами любви – агапами. Связь агап, особенно на первых этапах их существования с евхаристией, хорошо известна. Именно таинство евхаристии объединяло христиан, возвышало агапу на степень большую, чем простая трапеза для насыщения³⁵. И хотя в IV в. предпринимались попытки их запретить, агапы не исчезли, будучи изначально и глубоко укоренившимся обычаем Церкви³⁶.

Иоанн Златоуст, который хотя и с осторожностью (ведь телесная трапеза, по его словам, не должна «разлиться в грех»³⁷), но всё же признавал, что агапы служили «к поддержанию любви, утешению бедности, благоупотреблению богатства, внушению великого любомудрия, сохранению смиренномудрия» (In 1 Cor. Nom. 27, 1). Даже начертание креста епископ приветствовал, не только на домах, на стенах, на дверях, на окнах, но и призывал носить его везде, в том числе, и за трапезой³⁸. Такая поддержка агап, скорее всего, была связана с тем, что в духовной основе трапез любви лежало исповедание Троицы в тринитарной литургической формуле Никейского православия. Эта связь прослеживается, как через само таинство евхаристии, так и через непосредственное влияние самой вечери. В VI в., когда агапы переживали возрождение, в переписке по этому поводу папы Григория I Великого с епископом Наталисом не случайно была упомянута трапеза Авраама, на которой были приняты три ангела. Именно здесь, по словам папы «Он, приветствуемый един в трех ангелах, показал троичное подразделение единого существа»³⁹.

Итак, исходя из датировки, функциональных особенностей, необычной треугольной формы и расположения нового культового комплекса на городище «Белинское», можно предположить, что этот комплекс какое-то время активно использовался христианами. Мы далеки от мысли считать таковыми всех жителей городища. Напротив, как показали раскопки в других частях поселения, в период поздней античности здесь наблюдается всплеск культов ярко выраженной хтонической направленности языческого толка⁴⁰. Культовый комплекс в восточной части городища с его христианской символикой к настоящему времени является, пожалуй, единственным исключением. В то же время именно это исключение позволяет предположить, что в числе новых этнических групп, обосновавшихся на поселении к середине IV в., могли оказаться те же готы, уже обращённые в христианскую веру, но веру арианского толка, впоследствии перешедшие в лоно ортодоксальной Церкви. Этот процесс и нашёл своё материальное воплощение в рассмотренном нами культовом объекте.

³⁴ Тафт Р.Ф. Богословские построения IV века в Византийской Анафоре святителя Иоанна Златоуста // Православное учение о церковных таинствах: Материалы V Международной богословской конференции РПЦ (Москва, 13–16 ноября 2007 г.). М., 2009. Т. 1. С. 416.

³⁵ Соколов П.Н. Агапы, или вечери любви, в древнехристианском мире. М.; СПб., 2011. С. 18.

³⁶ Там же. С. 143-144.

³⁷ Там же. С. 145.

³⁸ Завадская И.А. Ук. соч. С. 121.

³⁹ Соколов П.Н. Ук. соч. С. 150.

⁴⁰ Зубарев В.Г. Некоторые особенности сакральной жизни населения сельской территории Европейского Боспора в первых веках н.э. (по материалам городища «Белинское») // ДБ. Т. 6. 2003. С. 141-142.

УДК 94(3)

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ЦЕНТРЫ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ
И «АКАДЕМИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ» СТУДЕНТОВ****THE INTELLECTUAL CENTERS OF LATE ANTIQUITY
AND «ACADEMIC MOBILITY» OF STUDENTS****А.М. Болгова****A.M. Bolgova***Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85**Belgorod National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: Bolgova@bsu.edu.ru

Ключевые слова: Ранняя Византия, поздняя античность, образование, школы, студенты, интеллектуальные центры, академическая мобильность.

Key words: Early Byzantine Empire, Late Antiquity, education, school, students, intellectual centers, academic mobility.

Аннотация: В данной работе предпринимается попытка представить картину роли ведущих интеллектуальных и образовательных центров Ранней Византии в связи с выбором студентами высших школ и учителей для своего обучения. Отсюда проистекает проблема «академической мобильности», то есть смены школы и города обучения в связи с различными причинами. Основными причинами рассматриваемого явления были поиски оптимальной образовательной программы, а также, по античной традиции, выбор личности учителя. Используемые в работе термины, связанные с образованием (школа, учитель, студент, академическая мобильность), даны в современном значении, их применение к позднеантичным реалиям отчасти условно.

Resume. In this paper an attempt is made to present a picture of the role of the leading intellectual and educational centers of the Early Byzantine Empire in connection with the selection of high school students and teachers for their education. Hence the problem of "academic mobility", or the change of the school and the city of education due to various reasons. The main causes of this phenomenon have been searching for an optimal educational program, as well as for the ancient tradition, the choice of the individual teacher. Used in the terms related to education (school, teacher, student, academic mobility), are in the modern sense, their application to the realities of the Late Antiquity is partly suspended.

В период поздней античности (IV – 1 пол. VII вв.) в Восточном Средиземноморье происходила постепенная трансформация античного мира в византийский, раннесредневековый. Важнейшим звеном процесса континуитета становится античная школа, классическое образование. Христианство в этой сфере не смогло предложить ничего нового. Богословские школы остались узко специальными. Массовая грамотность по-прежнему обеспечивалась светскими (а порой и языческими) учителями-грамматиками. Высшая школа поздней античности включала в себя «профили» – риторический и философский, помимо специальных школ – юридических, медицинских, и т.д. По-прежнему античным оставался принцип организации школы вокруг учителя-схоларха, обраставшего помощниками, а затем и кафедрами.

Эволюция высшей риторической школы – наиболее массовой и востребованной модели «высшего образования» в данный период может быть прослежена от школы Либания в Антиохии (сер. IV в.), до Газской риторической христианской школы (VI в.).

В мировой историографии имеются отдельные исследования по истории «высших школ». Значительно меньше работ о «студентах» поздней античности. Аутентичного термина для обозначения этой социальной группы, который был бы общепринят в современной науке, не существует. Поэтому, с учетом условности и определенной модернизации, мы будем использовать современный термин для обозначения всех

категорий учащихся, слушателей, воспитанников учителей позднеантичной высшей школы - студенты. Это же касается и других терминов, связанных со сферой образования.

Пожалуй, лишь два автора могут в последнее время считаться имеющими отношение к разработке проблем истории студентов в Ранней Византии. Это Раффаэла Крибиоре¹, изучавшая различные аспекты истории школы Либания, и Эдвард Уоттс, изучавший Афинскую и Александрийскую философские школы, а также ряд других проблем истории образования в поздней античности. Собственно проблему «мобильности» студентов в Ранней Византии сформулировали лишь Эдвард Уоттс² и Скотт Брэдбери³.

Источниками по проблеме служит обширный эпистолярный Либания, сочинения Отцов церкви, учившихся в высших школах поздней античности, труды представителей Газской школы и др.

Диалог видного деятеля Газской школы начала VI в. Энея Газского «Феофраст», имеющий христианское содержание, но облеченный в классические формы, начинается со случайной встречи двух школьных товарищей – Евксифея и Эгипта, в Александрийском порту. Оба они изучали философию в Александрии, пока Евксифей не решил возвратиться в родную Сирию. Несмотря на сложившиеся в городе связи, Евксифей не планирует вернуться в Александрию. Он лишь ожидает в порту окончания бурного шторма, помешавшего ему отправиться из Сирии в Афины. Цель его путешествия - стремление усовершенствовать свои знания в области философии. Хотя Евксифей уже ранее получил определенную философскую подготовку, он считал свое образование неполным. По его мнению, он мог бы сложиться как философ полностью, только если он будет обучаться в Афинах. Как Евксифею, так и значительной части читательской аудитории Энея Газского было очевидно, что Афины имеют репутацию величайшего интеллектуального центра в Восточном Средиземноморье. Это было действительно наилучшее место для самого основательного погружения в идеи как древних, так и современных мыслителей. Для таких интеллектуалов, как Евксифей, поездка в Афинские школы наиболее существенной частью философского образования.

Вид путешествия, которое предпринял Евксифей, был типичным для Поздней античности. Тогда, как и теперь, слава известнейших образовательных центров была главной причиной того, что множество студентов предпринимали длительные путешествия, чтобы посетить лучшие из существовавших школ.

Многие подпадали под влияние наиболее авторитетной Афинской школы, как юный Либаний. Когда Либаний достиг юношеского возраста, Ясон, его друг из Каппадокии, соблазнял его рассказами об афинских учителях, их риторическом мастерстве, и об их школах (Lib. Or. I, 11). Либанию пришлось достаточно долго слушать эти рассказы, пока он не смог сам отправиться в Афины на учебу⁴. Впоследствии, оглядываясь назад, на это время своей жизни, Либаний писал: «Я думаю, что подобно Одиссею, я должен был вступить в прошлый брак с богиней, чтобы увидеть дым Афин» (Or. I, 12). Образ школы, который охватывал Либания в отрочестве, не покинул его и в 22 года: он подтолкнул его предпринять путешествие в Афины. Подобно Евксифею, Либаний не мог сопротивляться пленительному образу Афинской школы.

Таким же образом юные студенты вливались в известные интеллектуальные центры; выпускники прежних лет ведущих школ путешествовали в иные места этой культуры, желая посетить другие школы. Поездки в школы, кроме того, играли важную роль в сборе студентов в интеллектуальные центры и в сохранении их связей с этими центрами после того, как они их покидали. Понятно, что интеллектуальные центры обладали определенной привлекательностью. Однако, в античности, как и ныне, школы

¹ Cribiore R. The school of Libanius in Late Antique Antioch. Princeton, 2007.

² Watts, Edward. Student Travel to Intellectual Centers: What Was the Attraction? // Travel, Communication and Geography in Late Antiquity: Sacred and Profane / Eds. L. Ellis, F.L. Kidner. Aldershot / Burlington, 2004. P. 13-23 (XIX, 164 p.).

³ Bradbury, Scott. Libanius' Letters as Evidence for Travel and Epistolary Networks among Greek Elites in the Fourth Century // Travel, Communication and Geography in Late Antiquity: Sacred and Profane / Eds. L. Ellis, F.L. Kidner. Aldershot / Burlington, 2004. P. 73-80.

⁴ Позднее Либаний вспоминал (Or. I, 11), что «от этих историй определенное желание (попасть) в эту страну (Афины) охватило мою душу».

и образовательные центры были как более престижными и «модными», так и менее. Обычно имел место длительный процесс их развития. Когда интеллектуальный центр становился целью студенческих путешествий, он располагался обычно в крупном городе или около густонаселенных мест. Индивидуальные истории типа Либания показывают, что крупный город уже хорошо установился в качестве цели студенческих путешествий.

Причины, заставлявшие иногородних студентов путешествовать в основные школьные центры в позднеантичном мире, до некоторой степени возможно объяснить. Сохранились источники, дающие различные типы свидетельств о том, что все эти путешествия были не случайны. В поздней античности было много случаев, когда группы студентов из одного региона империи тянулись к одному и тому же интеллектуальному центру на протяжении определенного времени. Такие группы студентов формировались весьма быстро, существовали несколько десятилетий, а затем со временем рассыпались через несколько поколений студентов из данного региона, прошедших через этот город.

Есть множество примеров такого рода. Из них видно, что группы каппадокийцев составляли школу их земляка Юлиана и его преемника Проэресия в Афинах в IV в.⁵ Также множество уроженцев Газы можно обнаружить в Александрии в последние десятилетия V в.⁶ Несомненно, лучше всего известной и наиболее ясно документированной студенческой «миграцией» является движение александрийских язычников в Афинскую неоплатоническую школу Плутарха, Сириана и Прокла в V в. Коллекция свидетельств, относящихся к этим студентам и их поездкам делает возможным объяснить, как интеллектуальные центры привлекали такое большое количество студентов из одного региона, и кто из студентов, в конечном счете, там оседал, проделав множество поездок.

«Миграции» александрийских студентов-философов в школу Плутарха начинаются около 400 г., когда Сириан, член александрийской семьи с хорошими связями, поехал в Афины учиться у Плутарха.⁷ Немного времени спустя за ним последовал его земляк Гиерокл. Давая наше современное понимание александрийской интеллектуальной жизни того времени, может оказаться неожиданным найти двух александрийских студентов желающими учиться вне этого города во времена, когда Гипатия имела свой наивысший авторитет. В VII книге «О Провидении» Гиерокла автор дает маленькое упоминание о том, кто совершает путешествия в школу Плутарха в то время.⁸ Он пишет: «Доктрине, которой обучали Аммоний, Плотин и Ориген, также следовали Порфирий и Ямвлих. Они и их ученики все были частью священного народа. Истинно во время Плутарха, что один из моих учителей и обучил меня этой доктрине. Все эти люди были в дополнение к философии Платона и прославили учение в его чистом состоянии».

⁵ Один из центров притяжения каппадокийцев в середине IV в. устанавливается по письмам Григория Назианзина. Они рассказывают о четырех каппадокийцах (о нем самом, о Василии Кесарийском, Евстохии и Стагире), которые обучались в Афинах в течение последних лет тамошней карьеры Проэресия. Давая их предшественнику Юлиану с их регионом, становится неожиданным, что Проэресий не привлек этих студентов отсюда вместе. Хотя он целенаправленно не говорит о географическом происхождении студентов Проэресия, Евнапий подтверждает, что Проэресий предпочитал привлекать наиболее сильно из всех регионов студентов из Каппадокии. Евнапий установил, что Проэресий набирал студентов из Понта, Карии, Ликии, Лидии и соседних с ними регионов (Vit. Sophist. 487). Каппадокия безусловно подходит под это описание.

⁶ Нам известны два газийца, которые обучались в Александрии в конце V в. Эти двое (Эней Газский и Захария Схоластик), однако, ограничивают количество подтверждений того, что газская интеллектуальная жизнь в конце V – начале VI вв. сильно зависела от сообщества ученых в Александрии. Один из высших пунктов карьеры Прокопия Газского был риторский венец, который он выиграл в Александрии (Proc. Gaz. Ep. 48, 96) и, несмотря на это, он также встречает газийца по имени Диодор. В дополнение, как Эней, так и Захария пишут диалоги («Феофраст» и «Аммоний»), которые были созданы в Александрии, представляют александрийские характеры, и показывают философские идеи, характерные для Александрийских школ того времени. Кроме того, александрийцы, подобные Гессию, заполняют их переписку (Aen. Ep. 19-20; Proc. Ep. 16, 102, 125, 164). Студенческие поездки между Газой и Александрией не особенно известны из наших источников, но отдельные интимные связи между интеллектуальными сообществами двух городов сильно укреплялись тем, что Эней и Захария были не только двумя газийцами, путешествовавшими в Александрию в то время.

⁷ Дата устанавливается по 136 письму Синезия (ок. 410 г.), когда Сириан занимал уже ведущие позиции в школе Плутарха. Вывод основывается на хронологии Алана Кэмерона (Barbarians and politics... p. 409-411).

⁸ Фотий. Библиотека. 214. 173а. В этом контексте замечено, что Дамаский оценивает Гипатию как «математика» вместо «философа» в Vita Isidori, fr. 106f (Damascius. The Philosophical History / Ed. P. Anastassiadi. Athens: Apamea, 1999). См. Epit. 164 (Vitae Isidori Reliquiae / Ed. C. Zintzen. Hildesheim: G. Olms, 1967).

Гипатия и ее последователи явно отсутствовали в списке божественного народа Гиерокла. Причины этого были ясны. Тип философии, который она практиковала, был доктринально отличен от идей Ямвлиха.⁹ Такие люди как Гиерокл, пренебрегали цепью платоновских интерпретаций, предлагаемых ее учителями как нечистое и неистинное в объяснении подлинных философских оснований.¹⁰

Гиерокл не был единственным александрийцем, который покинул дом, потому что он нашел доктрины, касавшиеся александрийских учителей, нечистыми. Почти 20 лет спустя Прокл совершит подобное путешествие из Александрии в школу Плутарха по сходной причине. Об этом пишет в его биографии Марин (*Vita Procli*, 10). Прокл не жил в Афинах, потому что не имел навыков мастерства среди александрийских философов. Он оставил город, потому что его учителя были несклонны или неспособны учить истинному (для него) смыслу текстов. Прокл знал, что приемлемая для него истина сохранена только Плутархом в Афинах.

Школа Плутарха также заслужила великую репутацию, благодаря своему руководителю. Например, Гиерокл отводил Плутарху место наиболее влиятельного мыслителя в истории. Прокл разделял это мнение. Он даже призывал одного из своих студентов приехать в Афины и работать в неоплатонической школе в знак благодарности и памяти Платона, Ямвлиха и Плутарха. В глазах его последователей Плутарх находился в обществе наиболее уважаемых его сверстников.

Таким образом, в Ранней Византии имела место весьма развитая «академическая мобильность» студентов. Они искали по всей империи подходящие для них школы, идеи и учителей. Этот процесс происходил исключительно в частном порядке и никак не регулировался властями различных уровней. Таким образом, это явление проистекает из характера античной школы, но расцветает именно в позднеантичное время в связи с подъемом интеллектуальной жизни и сложными процессами культурного континуитета.

⁹ Из-за полного отсутствия философских сочинений Гипатии можно привести только один факт ее интереса к идеям Ямвлиха, проистекающий из трудов ее студента Синезия. Далее. Говорят, что труды Синезия полностью не имеют упоминаний о Ямвлихе и его идеях. Его цитаты включают 126 упоминаний Платона, 20 Аристотеля, 9 Плотина, 3 Порфирия, и ничего из Ямвлиха (*Fitzgerald A. The Letters of Synesius. Oxford: CUP, 1926. P. 16*). Есть, конечно, совершенное различие между ссылками на Плутарха и Ямвлиха у Гиерокла.

¹⁰ Интерес, который показывает Гиерокл к неоплатонической философии в сочинении «О Провидении», не уникален. Лучшая иллюстрация этого тренда может быть найдена у Дамаския в дискуссии о Господине.

УДК 902.9+902.6:930.27(477.75)

ИКОНОГРАФИЯ ИМПЕРАТОРОВ-ИКОНОБОРЦЕВ КАК СРЕДСТВО ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ

ICONOGRAPHY ICONOCLASTIC EMPERORS AS A MEANS OF LEGITIMIZING POWER

М.М. Чореф

M.M. Choref

Нижневартровский государственный университет, Россия, 628605, г. Нижневартовск, ул. Ленина, 56

Nizhnevartovsk state university, 56 Lenina St., Nizhnevartovsk, 628605, Russia

E-mail: choref@yandex.ru

Ключевые слова: василевс, иконоборцы, иконопочитатели, инсигнии, солид, цезарепапизм.
Key words: basileus, iconoclasts, Insignia, solid, Caesaropapism.

Аннотация. Уже не первое поколение медиевистов изучает иконоборческий период истории Византии. За века исследования удалось выработать весьма плодотворные теории трактовки археологического материала и письменных источников того периода. Но анализу монетного материала должного внимания не уделялось. Пытаясь исправить это упущение, мы проанализировали стилистику изображений императоров, правивших Византией в этот период. Как оказалось, ее эволюция позволяет не только проследить развитие представлений о сущности императорской власти, но и объяснить негативное отношение византийских хронистов к ряду императоров, отнюдь не зарекомендовавших себя сторонниками Исауров.

Resume. Not the first generation of medievalists studying the iconoclastic period in the history of Byzantium. For centuries the study was to develop a very fruitful theory of interpretation of archaeological materials and written sources of the period. But the analysis of the monetary material is not given due attention. Trying to correct this omission, we analyzed the style of the images of emperors, who ruled the Byzantine Empire during this period. As it turned out, its evolution can not only trace the development of ideas about the nature of imperial power, but also explain the negative attitude of the Byzantine chroniclers to a series of emperors, was not proven themselves as supporters of the Isaurian.

Немаловажную роль в формировании римской и византийской цивилизаций сыграла идея *imperialium*. Она, как правило, была строго персонифицирована. Ее носителями были изначально выборные, а позже, с VI в., и наследственные правители¹. Вокруг них создавался особый культ. Причем прославлялись не только достижения, но и происхождение, а также личные качества носителей власти. Наиболее действенным средством воздействия на массы являлись монеты государственного чекана. Ведь, кроме всего прочего, они были самыми распространенными и долговечными носителями информации.

Эволюция представлений о сущности императорской власти требовала разработки новых методик их оформления. Так, с принятием христианства появилась тенденция пропагандировать не только различного рода подвиги, совершенные новоявленными василевсами, но и их смирение. Чем иным можно объяснить культ свв. императоров Юстиниана² и Ираклия³? Только ли их военными победами? Или

¹ Вальденберг В.В. Государственное устройство Византии до конца VII века (Серия «Византийская философия»). СПб., 2008. С. 34–59.

² Мы вынуждены обратить внимание читателя на этот аспект, так как все еще является предметом научной дискуссии. Несмотря на неоднократный выход в свет работ, посвященных этому вопросу, некоторые современные ученые продолжают смотреть на правление Юстиниана I Великого сквозь призму «Авёкбота»

все же христианскими подвигами и богословскими спорами? Последнее объяснение нам видится куда более вероятным. Ведь не случайно Ираклидов и последующих византийских императоров титуловали василевсами⁴. Не нами подмечено, что именно цезарепапизмом можно объяснить эволюцию отдельных элементов царского облачения⁵. Но мы видим задачу несколько по-иному. Насколько нам известно, до сих пор основное внимание уделялось исключительно анализу императорских инсигний⁶. А сама монетная композиция толком не изучалась. А она, как нам кажется, и служила основным средством обоснования права на власть⁷.

Попытаемся проследить ее эволюцию на примере изображений иконоборцев и их противников на золоте константинопольской чеканки, выпущенном в первой четверти VIII — первой половине IX вв.

Начнем с солидов Льва III (717—741) первых лет его правления (рис. 1,4). Заметим, что они довольно точно повторяют тип золотых его предшественников (рис. 1,1—3). Отдельные нюансы заметны, но не существенны. Так, на аверсах этих солидов отгиснуты изображения василевсов в стеммах, с державами⁸ в правых руках. Правда, Вардан Филиппик (711—713) и Феодосий III Адрамитий (715—717) облачены в лоросы. Причем первый из этих правителей держит в левой руке консульский жезл. Но зато Анастасий II Артемий (713—715) и его преемник, как и Лев III, изображались с акакиями. Кроме того, на реверсе золотых размещен один и тот же символ — Крест на Голгофе, обрамленный надписью «VICTORIA AVC̅U» (рис. 1,1—4). Всевластие, успешность и благочестие императора были подчеркнуты как нельзя лучше.

Однако уже в 720 г. оформление золотых монет изменилось. Оно отразило приобщение к власти Константина V (741—775). Но, заметим, что монетарии могли бы оформить их в стиле золотых, выбитых от имен иных пар императоров. Хотя бы ближайшей по времени: Юстиниана II (685—695, 705—711) и Тиверия (рис. 1,5). Т.е. разместить портреты правителей на одной стороне монеты. Но они так не поступили. На рассматриваемых монетах изображения Льва III и Константина V разнесены на аверс и реверс (рис. 1,6), что, заметим, ранее на золоте не наблюдалось⁹. Полагаем, что подмеченное явление заслуживает объяснения.

Первым делом обратим внимание на инсигнии правителей. Они облачены в хламиды и стеммы и держат в руках державы и акакии. Складывается впечатление, что старались подчеркнуть одинаковый статус правителей. Но с какой целью?

Ответ на это вопрос дает весьма неординарное для монетного дела Византии явление — отсутствие на солидах Льва III и Константина V культовых символов. Получается, что или они были весьма далеки от религии, или, что вероятнее, нашли

Прокопия Кесарийского. И это притом, что св. Юстиниан, внесенный в святцы уже в VI в., равно почитается как православной, так и католической церквями. К сожалению, даже публикация исследований по этому вопросу за счет РПЦ (См.: Геростергиос А. Юстиниан Великий — император и святой. М., 2010), так и не изменила ситуацию в лучшую сторону.

³ О нумизматическом отражении культа Ираклия (См.: Чореф М.М. К истории монетного дела византийской Таврики в кон. VI — нач. VII вв. // Материалы Научной конференции «Ломоносовские чтения» 2010 года и Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2010». Севастополь, 2010. С. 139—143; Он же. От «Imperatorēs divī» к «Ev tout̅v̅ vikac̅», или религиозные искания первых Ираклидов: нумизматический аспект // Вестник НГТУ. 2012. № 4. С. 69—78; Он же. «Exegi monumentum», или следы культа Ираклидов из Северного // VI Международная конференция по Церковной археологии «Херсонес — город святого Климента». Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2011. С. 48—50).

⁴ Подробнее см.: Чореф М.М. От «Imperatorēs divī» к «Ev tout̅v̅ vikac̅»... С. 72.

⁵ Поляковская М.А. Византийский дворцовый церемониал XV в.: «театр власти» / науч. ред. Т.В. Куц. Екатеринбург, 2011.

⁶ Грабар А. Император в византийском искусстве. М., 2000; Поляковская М.А. Византийский дворцовый церемониал XV в...

⁷ Полагаем, что в монетной композиции нет случайных элементов.

⁸ Т.е. globus cruciger. Примечательно, что Феодосий III Адрамитий держит в руках державу, увенчанную патриаршим крестом. Мы находим это явление крайне интересным и вернемся к его анализу в свое время.

⁹ Правда, подобным образом оформлялись медные монеты Юстина II (565—578), Тиверия II Константина (578—582), Маврикия Тиверия (582—602), Фоки (602—610) и Ираклия I (610—641) а также Ираклона (641) и Константа II (641—668). На их аверсах выбивали изображения правителей, а на реверсе фигуры святых (sic!) императоров (См.: Чореф М.М. К истории монетного дела византийской Таврики. С. 139—143; Он же. От «Imperatorēs divī» к «Ev tout̅v̅ vikac̅»... С. 69—78; Он же. «Exegi monumentum», или следы культа Ираклидов. С. 48—50).

иную, неординарную возможность апеллировать к духовным чувствам подданных. Попытаемся ее найти.

Как помним, важнейшим событием правления Льва III стало начало иконоборчества. Развернувшаяся в результате дискуссия была важна для всего христианского мира. Причем императоры принимали в ней активнейшее участие, подчеркивая, тем самым, свои претензии на безусловную ортодоксию. Складывается впечатление, что они, таким образом, пытались развить религиозные идеи Константа II (641—668), убежденного, что императоры могут и должны руководить церковью, т.е. являться первосвященниками. Правда, Исавры не пытались примирить различные направления восточного христианства¹⁰ — в этом уже не было нужды. Но они постарались зарекомендовать себя ультраортодоксальными, для чего отвергли культ икон как пережиток язычества. Именно этим они и обосновывали свои притязания. Но, в таком случае, они, как и первые Ираклиды, должны были сакрализировать свою династию¹¹. Вполне ожидаемо их приобщение к лику святых. В таком случае, изображения почитаемых правителей могли служить культовыми символами, что мы, собственно, и наблюдаем. Полагаем, что первый Исавр мог быть приобщен иконоборцами к лику святых еще при жизни.

К слову, заметим, что Константин V при жизни отца был куда менее влиятелен. И на их совместных фракциях солидов его изображали с обозначениями номинала¹² в правой руке (рис. 1,8). Но даже это обстоятельство не позволяет отказаться от нашей теории. Ведь ее как нельзя лучше подтверждает сам факт выпуска монет узурпаторов. Обратим внимание на золотой Тиверия Петасия¹³ (729—730/1) (рис. 1,9). На его аверсе выбито зеркально развернутое изображение правителя, а на реверсе — ординарный Крест на Голгофе. И такое оформление не случайно. Ведь Тиверий Петасий был сторонником иконопочитания.

Подтверждает наше предположение и общеизвестные факты из истории монетного дела Артавасда (742—743) и Никифора (742—743), захвативших власть в столице в 742 г. На рис. 1,10 приведено изображение солида, вероятно, первой их эмиссии. Ведь эта монета выполнена в стиле ординарных золотых Льва III. Правда, Никифор облачен не в хламиду, а в лорос. Но это вполне объяснимо. Подобное отличие свидетельствует о разнице в статусах императоров на момент выпуска монеты. Похоже, что Артавасд был *senior Augustus*. Однако со временем стиль оформления монет этих правителей значительно изменился. На монете, изображенной на рис. 1,11, фигура василевса присутствует только на аверсе, а на реверсе выбит Крест на Голгофе, казалось бы, уже давно вроде бы забытый монетариями столицы. Изменились и императорские инсигнии. Правитель держит в правой руке патриарший крест. На позднейшей монете этих императоров¹⁴ отец и сын изображены с этими же культовыми символами (рис. 1,12).

Полагаем, что упомянутые кресты появились на монетах не случайно. Они были своеобразными говорящими символами новой идеологии — возврата к иконопочитанию. Его использование говорило о признании этими императорами духовного приоритета церкви.

Наше предположение основывается не только на анализе золота Артавасда и Никифора. Как нельзя лучше его подтверждают тенденции развития монетного типа при Константине V и его наследниках. По возвращении в столицу император выпустил оригинально оформленные золотые монеты, на обеих сторонах которых были выбиты изображения правителя и его отца в стеммах и хламидах, держащих в

¹⁰ Идет речь о попытке объединить халкидонитов и монофиситов на платформе идеи монофелитизма.

¹¹ Иракий при жизни считался Мессией и был провозглашен святым (См.: Лурье В.М. История византийской философии. Формативный период. СПб., 2006. С. 292; Чореф М.М. От «Imperatorēs divī» к «Ev toútō víkas»... С. 72).

¹² Чореф М.М. К вопросу о номиналах бронз раннесредневекового Херсона // МАИАСК. Симферополь, 2008. Вып. 1. С. 121, 128, прим. 39.

¹³ Считаем необходимым привлечь эту монету, хотя она и не была отчеканена в Константинополе. Ее анализ позволит нам точнее смоделировать ситуацию, сложившуюся в империи в изучаемый период.

¹⁴ Т.к. василевсы облачены в хламиды, то у нас есть основания полагать, что заинтересовавшая нас монета могла быть выпущена в период, когда их права на власть были уравнены.

руках акакии и восьмиконечные кресты в жесте благословения. Очевидно, что Лев III к тому времени являлся общепризнанным святым покровителем династии императоров-первосвященников. Чем же еще можно объяснить факт его появления на деньгах времен самостоятельного правления его сына? Причем, судя по монетам, традиция почитания венценосных предков сохранялась достаточно долго. Она прослеживается еще на золоте Льва IV Хазара (775—780). Причем их культ изменил представление об императорских инсигниях. Так, Лев III на монетах его сына и внука (рис. 1,14—16) изображен не в хламиде, а в лоросе. Очевидно, что он не мог быть посмертным консулом. Да и при жизни его в этом одеянии не изображали. Полагаем, что лоросу стали предавать иное значение. Судя по монетам, в него обряжали почитаемых предков правящих императоров, причисленных к лику святых. В ином случае, чем еще можно объяснить то обстоятельство, что на позднейших золотых фигуры Льва III и Константина V были драпированы в одинаковые одежды?

И это новшество было более чем уместным. Ведь сама идея сакрализации власти Исавров требовала размещения на их монетах фигур всех почитаемых предшественников. В результате уже при Льве IV Хазаре исчезла возможность украшать монеты изображениями инсигний (рис. 1,15,16) — тривиально не хватало места.

Однако не всегда лорос служил одеянием почитаемых предков. Регентство и царствование Ирины (797—802) ознаменовалось выпуском золотых монет (рис. 1,17—19), на аверсе которых было выбито изображение правительницы в этом же одеянии. И это явление немаловажно. Полагаем, что с этого времени лорос опять стал знаковым одеянием соправителя. В то же время значимость хламиды осталась прежней. Не случайно Константина VI (780—797) изображали только в ней (рис. 1,17,18). Ведь он являлся законным наследником дома Исавров.

Стоит обратить внимание еще на один аспект. В левой руке у Ирины (рис. 1,17—19) появился новый символ власти — скипетр, увенчанный крестом. Полагаем, что и эта инсигния была знаком соправителя.

После недолгого правления Ирины к власти пришел Никифор I (802—811). Он был ставленником столичной знати и иконопочитателем. Однако в столичных религиозных кругах особого пиетета к нему не было. Полагаем, что тиранический характер его власти лучше всего проявился в возврате к традиции оформления монет, возникшей при Константине V. Как и на более ранних монетах, Никифор I изображается в хламиде с восьмиконечным крестом, поднятым для благословения (рис. 2,1,2). Очевидно, что император, как и его дальние предшественники, пытался контролировать Церковь.

Примечательно, что эти изобразительные традиции сохранились и при преемниках Никифора I и Ставракия (811). Иконопочитатель Михаил I Рангаве (811—813), а также иконоборцы Лев V Армянин (813—820), Михаил II Травл (820—829) и Феофил (829—849) на монетах периода их самостоятельного правления (рис. 2,3—6) всегда изображались с поднятым для благословения восьмиконечным крестом. Столь же традиционно изображали и их соправителей. Так, Константина, сына Льва V Армянина (813—820), изображали в том же стиле, что и его тезку на монетах Льва III (рис. 1,6—8, 2,4). А деспоты Феофилакт и Феофил (829—842) на монетах их отцов привычно держат в руках скипетры и драпированы в лоросы (рис. 2,3,5,6).

Новые веяния появились только в период самостоятельного правления Феофила. На ранних монетах (рис. 2,7) его изображали в лоросе, с державой и скипетром в руках, т.е. как соправителя, хотя легенда «*ΘΕΟΦΙΛΟΣΒΑΣΙΛΕΥΣ» («Θεόφιλος βασιλεύς») — «Феофил царь» свидетельствовала о приобщении его к верховной власти. Не менее неординарен и реверс. На нем появился патриарший крест на Голгофе. А обрамляющая его надпись «CVPIEBONHNTOSOVLO*Χ» («Κύριε βοήθει τῷ σῶ δουλο *Χ») — «Господи, помоги рабу твоему *Χ»¹⁵ является не обычным

¹⁵ Два последних символа легенды реверса представляют собой эмиссионные обозначения (См.: Чореф М.М. К вопросу о возможности эмиссии золота в византийском Херсоне // МАИАСК. Севастополь—Тюмень, 2011. Вып. 3. С. 335—340).

восхвалением императора, а приниженной мольбой к Богу. Очевидно, что отношение власти к Церкви значительно изменилось. И не случайно на позднейших монетах Феофила и его сыновей Константина и Михаила III (842–867) (рис. 2,8–10) изображали с державами, увенчанными все тем же патриаршим крестом. А сам верховный правитель держал в руках небольшой крестик той же разновидности. Получается, что идея Исавров не сработала. И Феофил вернулся к политике пиетета по отношению к духовенству. Однако он все еще не считал возможным признать культ икон — изображение Иисуса Христа вернулась на монеты только при Михаиле III (рис. 2,11,12). Очевидно, что в этом сказалось влияние его матери Феодоры. И с той поры византийские монеты представляют собой своеобразные иконы, пропагандирующие божественное покровительство императорской власти.

Собственно, последнее правление выходит за рамки иконоборческого периода. Но все же считаем возможным анализировать монеты этого времени, так как именно тогда произошло последнее важное изменение в императорской иконографии, увязываемое с темой нашего исследования. Как хорошо видно на солиде, изображенном на рис. 2,12, автократора стали изображать в лоросе. И эта традиция закрепилась надолго (рис. 2,13).

Итак, в результате анализа композиций константинопольских солидов периода иконоборчества нами была прослежена определенная тенденция. Получается, что исчезновение культовых символов с монет Исавров можно объяснить их цезарепапистскими убеждениями. О стремлении сакрализировать императорскую власть говорит и культивированная ими традиция размещения на монетах изображения предков. Немаловажно и то, что при тех же правителях наметилась тенденция переосмысления императорских инсигний. Так, лорос при них стал облачением святых предков правителя, а восьмиконечный крест — символом власти.

Следующая новация произошла к концу VIII в. Ирине удалось не только вернуть иконопочитание, но и изменить значение императорских инсигний. При ней лорос стал облачением соправителей.

Не менее интересны нововведения второго периода иконоборчества. Правящие тогда императоры, мечтая упрочить свою власть, апеллировали к первым Исаврам. Для этого они переняли символику прежних правлений. Впрочем, аналогично поступали и их оппоненты-иконопочитатели. Складывается впечатление, что выбор инсигний не зависел от религиозных предпочтений, а определялся отношением к Церкви как к мощнейшему общественному институту. В этом смысле важным признаком примирения светской и духовной властей стало принятие императорами нового символа власти — патриаршего креста. Само его использование убедительно свидетельствует об отказе василевсов от ярого цезарепапизма Исавров.

Ну и наконец, завершение иконоборческих споров, судя по монетному материалу, очевидно, стоит связывать с деятельностью Феодоры. Ей удалось не только сохранить пиетет к патриархии, свойственный Феофилу, но и передать власть над ней иконопочитателям. Теперь не почитаемые предки-императоры, а Иисус Христос и святые навсегда стали покровителями императорского трона.

Список сокращений

- МАИАСК** – Материалы по археологии и истории античного и средневекового
Крыма
НГГУ – Нижневартковский государственный гуманитарный университет

Рис. 1. Солиды Исавров, а также их предшественников и противников
Fig. 1. Solid of Isaurians, as well as their predecessors and opponents

1–3,5 — солиды предшественников Исавров: Вардана Филипшика (1), Анастасия II Артемия (2), Феодосия III Адрамития (3), а также Юстиниана II и Тиверия (5); 4, 6–8,13–17 — золотые Исавров: Льва III (4,6–8), Константина V (13,14), Льва IV Хазара (15,16), Константина VI и Ирины (17,18); 9–12,19 — монеты иконопочитателей: Тиверия Петасия (9), Артавасда и Никифора (10–12) и Ирины (19).

Рис. 2. Золотые монеты императоров первой — третьей четвертей IX в.
Fig. 2. Old coins of the emperors of the first - the third quarter of the IX Cent. A.D.

1,2 — времен правления Никифора I и Ставракия; 3 — Михаила I Рангаве и Феофилакта; 4 — Льва V и Константина; 5,6 — Михаила II Травла: первой эмиссии (5) и после приобщения к власти Феофила (6); 7–10 — Феофила и его соправителей; 11,12 — Михаила III; 13 — Василия I (867–886) и Константина.

УДК 94(560:497)«1797/1807»

**ОБРАЗ ПАСВАНОГЛУ ОСМАН-ПАШИ НА СТРАНИЦАХ «ПОЛИТИЧЕСКОГО
ЖУРНАЛА» (1797 –1807 ГГ.): ОПЫТ ДИСКУРС-АНАЛИЗА**

**THE IMAGE FOR PASVANOĞLU OSMAN PAŞA IN THE POLITICAL
JOURNAL (1799 – 1807): THE EXPERIENCE OF DISCOURSE ANALYSIS**

О.В. Моргун

O.V. Morgun

Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина, 61022, г. Харьков, пл. Свободы, 4

V.N. Karazin Kharkiv National University, 4 Svobodi St., Harkov, 61022, Ukraine

E-mail: ov.morgun@gmail.com

Ключевые слова: периодическая печать, «Политический журнал», Османская империя, Пасваноглу Осман-паша, Видин.

Key words: periodical press, the Political Journal, Ottoman Empire, Pasvanoğlu Osman Paşa, Vidin.

Аннотация. В конце XVIII – начале XIX вв. «Политический журнал», издаваемый в Гамбурге, который с 1790 г. переводился на русский язык, являлся важным источником международных политических известий для российской аудитории. В 1797-1807 гг. этот журнал освещал некоторые аспекты деятельности Пасваноглу Осман-паши – правителя Видина (города на северо-западе Болгарии), – который стремился обрести независимость от османского правительства. В статье предпринимается попытка представить анализ образа Пасваноглу Осман-паши в сообщениях «Политического журнала» в контексте политических процессов в Османской империи, в особенности, взаимоотношений между центральной властью и местными элитами.

Resume. In the late eighteenth and early nineteenth centuries the Political Journal published in Hamburg, which from 1790 had been translated to Russian, was an important source of international political tidings for Russian audience. In 1797-1807 the journal covered some aspects for activity of Pasvanoğlu Osman Paşa – governor of Vidin (town in north-western Bulgaria) – who sought for independence from the ottoman government. The article presents analysis of Pasvanoğlu Osman Paşa's image in the reports of the Political Journal.

В конце XVIII в. политические процессы в Османском государстве во многом определялись конфликтом между центральной властью и аянами. Применительно к концу XVI – XVII вв. аянами обычно обозначают представителей местных элит, выполнявших посредническую функцию между государственными чиновниками и коренным населением. В результате сложной трансформации в 1790-е гг. из среды аянов выделились лица, которые смогли стать полунезависимыми правителями отдельных провинций. Деятельность Пасваноглу Осман-паши (далее – Пасваноглу) – аяна Видина на рубеже XVIII-XIX вв. – привлекла к себе интерес европейской и российской общественности. Цель данной статьи – используя некоторые элементы дискурс-анализа, охарактеризовать образ Пасваноглу в дискурсе «Политического журнала»¹ (далее – ПЖ) 1797-1807 гг.

В общественных науках сформировалось несколько определений дискурса. И если лингвисты склонны понимать под дискурсом определенную совокупность речевых актов или текстов, то представители других направлений, в том числе, и критического дискурс-анализа, считают, что дискурс совмещает в себе ряд различных социальных практик². Т.

¹ «Политический журнал, с показанием ученых и других вещей, издаваемый в Гамбурге обществом ученых мужей» в переводе с немецкого выходил в Москве с 1790 г., начиная с 1802 г. стал публиковаться под названием «Политический журнал, или современная история света», в дальнейшем название опять менялось (См.: Лисовский Н.М. Библиография русской периодической печати 1703–1900 гг. Петроград, 1915. С. 28).

² Hamilton H., Schiffrin D., Tannen D. Introduction // The Handbook of Discourse Analysis. Oxford, 2001. P. 1.

ван Дейк полагает, что применение мультидисциплинарного подхода, совмещающего подробное исследование структур текста вместе с анализом социального и когнитивного контекста, позволяет провести проблемно-ориентированный дискурс-анализ³.

Дискурс ПЖ имеет свои рамочные ограничения, которые в несколько упрощенной форме можно охарактеризовать по следующим пунктам.

1. Вид информации: сообщения в периодическом издании;
2. Период издания: 1790–1830 гг.;
3. Место издания: Москва;
4. Характер издания: общественно-политический журнал, переводной журнал;
5. Периодичность издания: ежемесячно;
6. Издатель: типография Московского университета;
7. Местонахождение оригинального издания: Гамбург;
8. Идеология издания: консервативная;
9. Цель издания: отображать современные политические процессы;
10. Средство государственного контроля: цензура;
11. Читательская аудитория: представители высших и средних социальных слоев;
12. Пространство распространения: территория Российской империи;
13. Внешние обстоятельства: Великая Французская революция 1789-1799 гг.;
14. Внутренняя ситуация: рост внимания российской общественности к международным процессам.

Продолжительная публикация переводного журнала в тот период, когда журнальные издания существовали обычно не более 10 лет⁴, была обусловлена строгой антифранцузской риторикой, которой придерживался редактор оригинального гамбургского издания Г.Б. фон Ширак в условиях Великой Французской революции и Наполеоновских войн⁵. Екатерининское правительство, усилившее цензуру в последнее десятилетие XVIII в., с тем, чтобы оградить русское общество от революционных идей, было заинтересовано в выпуске журнала, отстаивавшего консервативную идеологию⁶. Кроме того, востребованность данного издания объясняется еще и тем, что ПЖ, в отличие от газет, предоставлял обобщенную картину политических событий за месяц⁷. В рассматриваемое время редакторами российского издания ПЖ были профессора Московского университета П.А. Сохацкий и М.Г. Гаврилов⁸.

Во 2-й пол. XVIII в. переводная литература и публицистические издания были важным источником информации об Османской империи⁹. При этом, как считает С.Ф. Орешкова, «политическая публицистика толкала, прежде всего, на выявление слабости и внутренних конфликтов»¹⁰. Сюжеты о Пасваноглу полностью соответствовали этой общей тенденции.

Рубеж XVIII–XIX вв. стал для Османской империи временем крайнего ослабления центральной власти и дестабилизации провинциального управления на фоне резкого ухудшения внешнеполитической обстановки¹¹. Внутренние предпосылки этих процессов, прослеживаемые с конца XVI в., связаны с трансформацией традиционных османских государственных институтов¹². В корне перемен находилось возникновение и

³ Dijk T. van. Discourse, context and cognition // *Discourse Studies*. 2006. Vol. 8. P. 161.

⁴ Берков П.Н. История русской журналистики XVIII в. М.-Л., 1952. С. 22.

⁵ Popkin J.D. Political Communication in the German Enlightenment: Gottlob Benedikt von Schirach's *Politische Journal* // *Eighteenth-Century Life*. 1996. Vol. 20. No. 1. P. 35-36.

⁶ Берков П.Н. Ук. соч. С. 313.

⁷ Popkin J.D. Op. cit. P. 28.

⁸ Неустроев А.Н. Историческое розыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703–1803 гг. СПб., 1875. С. 625.

⁹ Данциг Б. М. Ближний Восток в русской науке и литературе. М., 1973. С. 74, 77-78.

¹⁰ Орешкова С.Ф. Некоторые размышления о развитии тюркологии и османистики // *Turcica et Ottomanica*. М., 2006. С. 22.

¹¹ Подробнее о войнах Османской империи в конце XVIII – начале XIX в. см.: Новичев А.Д. История Турции. Т. 2. Л., 1968. С. 36-43, 74-98; Shaw S.J. *History of the Ottoman Empire and Modern Turkey*. Vol. 1. 10 ed. Cambridge, 1997. P. 258-260, 268-270; Shaw S.J., Shaw E.K. *History of the Ottoman Empire and Modern Turkey*. Vol. 2. 11 ed. Cambridge, 2002. P. 12-14; История Османского государства, общества и цивилизации. Т. 1. М., 2006. С. 54-56, 59-61 и др.

¹² Подробнее см.: İnalçık H. *Military and Fiscal Transformation in the Ottoman Empire, 1600-1700* // *Archivum Ottomanicum*. 1980. Vol. 6. P. 283-337; Pamuk Ş. *Institutional Change and the Longevity of the Ottoman Empire, 1500 - 1800* // *Journal of Interdisciplinary History*. 2004. Vol. 35. No. 2. P. 225-247 и др.

становление социальной прослойки аянов. Конец XVIII в. был отмечен усилением крупных аянов, которые, обзаведясь вооруженными свитами, получили контроль над целыми провинциями и выступили зачинщиками вооруженного противостояния с османским правительством. Кроме того, многие крупные аяны успешно воспользовались неспособностью административного аппарата гарантировать правопорядок на местах¹³. Крайне остро эта проблема проявилась в Румелии – европейской части Османского государства, – где в 1790-е гг. активизировались массовые разбойнические движения. Характерной особенностью данных движений являлось то, что в ряды разбойников (*kırsal eşkiyası* или *dağlı eşkiyası*) в крупных масштабах стали вливаться солдаты, демобилизованные после войны с Российской и Габсбургской империями¹⁴. В такой ситуации крупные аяны, сумевшие поставить разбойников под свой контроль, получили двойную выгоду. Во-первых, они гарантировали спокойствие в своих сферах влияния, обретая тем самым симпатии коренного населения, а во-вторых, смогли сделаться покровителями разбойников, извлекая при этом свою часть добычи из грабежей, которые те теперь производили в соседних землях¹⁵. Данные разрушительные процессы стали главным выражением беспорядков, охвативших почти всю Румелию в рассматриваемый период¹⁶.

Пасваноглу был одним из наиболее влиятельных местных правителей. Вплоть до смерти Видинского аяна в 1807 г. осуществление набегов в направлениях Белграда и Валахии являлось важным источником его доходов. В феврале 1798 г. османский султан Селим III инициировал начало масштабной восьмимесячной осады Видина. Благодаря вторжению французской армии в Египет и нерешительности некоторых аянов, направивших свои силы к Видину, данная кампания закончилась для правительства безрезультатно, а Пасваноглу был снова прощен¹⁷. Еще в 1792 г. с целью централизации власти Селим III приступил к реализации серии реформ, получивших свое имя от новообразованного военного подразделения – корпуса «низам-ы джедид» (*nizam-ı cedid* – «новая система»)¹⁸. Корпус «низам-ы джедид» был регулярным военным подразделением, устроенным по примеру европейских армий. Пасваноглу также поддерживал в своем войске строгую дисциплину и активно привлекал европейских офицеров, однако попытки Селима III восстановить центральное управление вызвали вооруженное сопротивление со стороны правителя Видина.

Переходя к анализу сообщений о Пасваноглу, следует также остановиться на методике дискурс-анализа. Т. ван Дейк, изучая новости как дискурс на примере современной периодической печати, считает, что анализ дискурса новостей может проводиться на уровне локальных и глобальных структур¹⁹. К последним относятся семантические макроструктуры и формальные суперструктуры. Под макроструктурами подразумеваются находящиеся во взаимосвязи центральные темы, образующие основной смысл текста. Суперструктуры представляют собой схемы для организации общего содержания текста. По мнению Т. ван Дейка, схемы включают в себя несколько категорий: *краткое содержание, главное событие, предшествующие события, последствия, история, контекст, вербальные реакции* (цитаты), *комментарии*. Эти категории могут располагаться в разной последовательности и состоять из нескольких компонентов. Так, в современной прессе категория *краткое содержание* выражается, как правило, в заголовке и введении. *Главных событий* в тексте может быть несколько.

¹³ Подробнее см.: Sadat D.R. Rumeli Ayanlari: The Eighteenth Century // The Journal of Modern History. 1972. Vol. 44. No. 3. P. 346-359; Мейер М.С. Аяны и их место в османской истории // Туркологический сборник, 1979. М., 1985. С. 51-56; Adanır F. Semi-autonomous Forces in the Balkans and Anatolia // The Cambridge History of Turkey. Vol. 3. New York, 2006. P. 170-178; Zens R. Provincial Powers: the Rise of Ottoman Local Notables (Ayan) // History Studies. 2011. Vol. 3/3. P. 433-444 и др.

¹⁴ Миллер А.Ф. Мустафа-паша Байрактар. Оттоманская империя в начале XIX века. М.-Л., 1947. С. 112-114; Anscombe F. Albanians and Mountain Bandits // The Ottoman Balkans, 1750-1830. Princeton, 2006. P. 89.

¹⁵ Zens R. Provincial Powers ... P. 445-446.

¹⁶ Ustun K. The New Order and Its Enemies: Opposition to Military Reform in the Ottoman Empire, 1789-1807: Ph. D. dissertation. New York, 2013. P. 199-205.

¹⁷ Zens R. Pasvanoğlu Osman Paşa and the Paşalık of Belgrade // International Journal of Turkish Studies. 2002. No. 8:1-2. P. 98-100.

¹⁸ Подробнее см.: Shaw S.J. The Origins of Ottoman Military Reform: The Nizam-ı Cedid Army of Sultan Selim III // The Journal of Modern History. 1965. Vol. 37. No. 3. P. 291-305; Ustun K. Op. cit. P. 108-145 и др.

¹⁹ Dijk T. van. News Analysis. Case Studies of International and National News in the Press. Hillsdale, New Jersey, 1988. P. 13-17.

Категория *история* отображает общий исторический фон, в то время как категория *предшествующие события* содержит в себе действия, непосредственно определяющие развитие *главного события*. Как считает Т. ван Дейк, категория *контекст* используется «для организации информации о действительной ситуации ... в которой действительное главное событие является важным компонентом»²⁰.

Хотя периодика конца XVIII – начала XIX вв. принципиально отличается от современной прессы, ориентированной на массового читателя, все вышеперечисленные категории суперструктур присутствуют и в текстах ПЖ.

Основная часть сообщений о Пасваноглу публиковалась в двух постоянных рубриках: «Известия о разных государствах» и «Всеобщее известие о политических достопамятностях». В первой рубрике сообщения группировались по странам, и, соответственно, новости об Османском государстве выходили под заглавием «Турция». Во второй рубрике размещались краткие сообщения, которые по причине малого объема либо тематической направленности не соответствовали первой рубрике. В том случае, если сообщение печаталось в первой рубрике, то в него входили все вызвавшие внимание редактора известия о внутренней и внешней политике Османской империи. Эти тексты, в которых могли описываться события совершенно разного характера, имели особую структуру, позволяющую в некоторых случаях разделять их на несколько независимых частей.

К данным частям можно применить большинство категорий, выделенных Т. ван Дейком при анализе современной прессы. Так, категория *Краткое содержание* присутствовала в каждой части, но по причине употребления общего названия ко всем сообщениям, она была представлена в первых предложениях выбранной части. Характерно, что из-за стилистических особенностей, определявших образование больших тематических абзацев, *краткое содержание* довольно часто даже не выделялось отдельными абзацами. Тем не менее, данный способ выражения *краткого содержания* имеет прямое сходство с заголовком и введением (вводкой) в современной печати.

Все сообщения в ПЖ о Пасваноглу имеют общий *контекст* – массовые возмущения практически во всех провинциях Османского государства. И если организаторами вооруженного сопротивления против центральной власти в Румелии были крупные аяны²¹, то, например, в Египте эту роль выполняли мамлюкские беи. В рамки массовых возмущений, которые, как полагал редактор журнала, привели Османскую империю в такое «расстроенное положение, которое подходило обстоятельствам Польши до первого раздела»²², вписывались также и движения ваххабитов, и первое сербское восстание. Таким образом, деятельность Пасваноглу расценивалась, в качестве одного из внутренних факторов, приближавших, как казалось, неизбежную дезинтеграцию Османской империи.

В 1797 г. в ПЖ появились три сообщения, в которых было упомянуто имя Пасваноглу. Первое сообщения вышло в книге за май. *Краткое содержание* выражено одним предложением: «Со всех сторон Оттоманская Порта угрожаема была во внутренности: почти во всех провинциях ее европейских многие Паши взбунтовались в одно время». *Главным событием* является появление «зачинщика» – Пасваноглу. *Предшествующие события* – складывание «тайных связей» между Пашами и формирование многочисленных вооруженных группировок (по данным ПЖ – до 40 тыс. чел.), которые занимались разбоем в большей части Румелии вплоть до Эдирне. *Последствия* – попытки правительства вернуть под свой контроль территории, охваченные грабежами, и безуспешные переговоры с Пасваноглу²³.

Во втором и третьем сообщениях за июнь и сентябрь соответственно, содержатся малые по объему абзацы о Пасваноглу. Беспокойства в Румелии являются *кратким содержанием*, а активность Пасваноглу, находящаяся в русле этих беспокойств, составляет одно из *главных событий*. Во втором сообщении высказывается предположение, что неповиновение Пасваноглу связано с «приближением французской

²⁰ Dijk T. van. Structures of News in the Press // Discourse and Communication. Berlin, New York, 1985. P. 86-88.

²¹ Термин «аян», имеющий собирательное значение в современной османистике, не использовался в ПЖ, так как в европейской и российской печати того времени для обозначения представителей османского правящего класса обычно применялся титул «паша».

²² Всеобщее известие о политических достопамятностях // ПЖ. 1802. Ч. 2. Кн. 1. С.118.

²³ Известия о разных государствах. Турция // ПЖ. 1797. Ч. 2. Кн. 2. С. 302-304.

армии к Вене», так как «по заключению между Францией и Австрией мира, мятежный Паша тотчас велел распустить свое войско»²⁴. Видимо, это мнение можно объяснить вышеупомянутой антифранцузской риторикой, которая часто прослеживается и в последующих сообщениях о Пасваноглу²⁵. В третьем сообщении указывается, что правительство, используя политику временных союзов, прибегает к помощи некоторых «Пашей» для устранения беспокойств, и «Пасван Оглу ... только публично должен был играть роль бунтовщика»²⁶.

В 1798 г. большинство сообщений об Османской империи было посвящено двум ключевым пробелам – осаде Видина и вторжению французской армии в Египет. В целом, за этот год появилось 13 сообщений о Пасваноглу.

Сообщение за январь начинается с *комментария*: «Оттоманская империя представляет новый пример, что внутренние волнения по себе одни не могут ниспровергнуть государства и его постановления, когда правительство само не выпустит вожжей из рук своих». *Краткое содержание* – появление нового «опасного неприятеля в давнем мятежнике Пасван Оглу». Далее излагаются *предшествующие события* – успешные предприятия Пасваноглу (разгром «Паши Пассаровичского»²⁷, занятие многих городов, в т. ч. Оршова, набеги в сторону Белграда, победа над «корпусом Паши Травникского»²⁸). *Главное событие* – формирование султанской армии численностью около 50 тыс. чел. *История* – развитие «беспокойных движений» в «Албании, Македонии, Боснии, Греции и других провинциях»²⁹. Таким образом, редактор ПЖ стремится показать, что правительство принимает адекватные меры в условиях начинающегося мятежа с целью восстановить законную власть.

В книге за март было помещено два сообщения о Пасваноглу. В первом сообщении дается краткая биография Пасваноглу, который, по мнению редактора ПЖ, получил «геростратову славу». После краткого описания происхождения, внешности, увлечений и характера Пасваноглу, сообщается, что «всех зависящих от его повелений он содержит в благоговении», а в его войске, численностью «30000 из которых 12000 конных», поддерживается строгая дисциплина, и «малейший проступок наказывается смертью»³⁰. Во втором сообщении приводятся последние новости о Пасваноглу. *Краткое содержание* – успешные действия султанской армии против Пасваноглу. *Главные события* – поражения войск Пасваноглу и их отступление в направлении Видина. *Последствия* – «великие вооружения со стороны Порты» для осады Видина. Указывается, что армия в 150 тыс. чел. под командованием капудан-паши (командующего флотом) Кючюк Хюсейн-паши расположилась у Адрианополя. В категории *история* содержатся интересные сведения о привлечении европейских наемников в войско Пасваноглу: «Большая часть армии его – говорится в ПЖ, – состояла из ... поляков ... Также при его войсках было много французских офицеров»³¹.

В апрельском сообщении *главное событие* – решение Кючюк Хюсейн-паши о переговорах с Пасваноглу – кажется редактору несколько странным на фоне *предшествующих событий* – занятия крепостей Никополи и Оршова (последних укрепленных позиций Пасваноглу за пределами Видина), увеличения султанской армии

²⁴ Там же. С. 457-458.

²⁵ В сообщениях ПЖ о Пасваноглу за 1798 г. прослеживается 5 антифранцузских пассажей (Ч. 1. Кн. 1. С. 140-141; Ч. 1. Кн. 3. С. 410; Ч. 2. Кн. 2. С. 295; Ч. 3. Кн. 1. С. 141; Ч. 3. Кн. 2. С. 263).

²⁶ Известия о разных государствах. Турция // ПЖ. 1797. Ч. 3. Кн. 3. С. 452-454. Само же содержание политики временных союзов довольно точно описано в одном из сообщений за 1804 г.: «... когда Паша принимает беспокойные движения, или отрекается от повиновения Порте: то против него настраивают другого Пашу и обещают ему по преодолении своего противника все, чего он только желать может. Если сей слишком усиливается: то (бунтовавшему) сопернику его под рукою дают надежду, что он прощен будет, и таким образом они искореняют друг друга ...» (ПЖ. 1804. Ч. 2. Кн. 1. С. 34-35).

²⁷ Пожаревац – город в центральной части современной Сербии.

²⁸ Травник – город в центральной части современной Боснии и Герцеговины.

²⁹ Известия о разных государствах. Турция // ПЖ. 1798. Ч. 1. Кн. 1. С. 140-142.

³⁰ Всеобщее известие о политических достопамятностях // ПЖ. 1798. Ч. 1. Кн. 3. С. 315-317.

³¹ Известия о разных государствах. Турция // ПЖ. 1798. Ч. 1. Кн. 3. С. 409-411.

до 250 тыс. чел.³² и выхода османского флота в Черное море для дальнейшего следования в направлении Дуная³³.

В начале книги за май дается следующий комментарий: «Возмущение Пасвана Оглу есть темная загадка». *Краткое содержание* – неожиданные успехи Пасваноглу. Прослеживаются два *главных события*. Первое – две успешные контратаки Пасваноглу по причине «не подчиненности [султанских] войск, измены по разному соглашению, господствующей между разными офицерами и Пашами». Второе – выдвижение большой султанской армии и флота к Видину. «В Сербии – сообщается в ПЖ, – стоял беглербег³⁴ Румелийский, начальствуя над войском в числе 70000 человек ... отправилась флотилия из многих галер и канонерских шлюпок, находившихся под командою Инге Мегмед Бея, дабы на Дунае подкреплять сухопутные препятствия ... главная сила двинулась под главным предводительством храброго Капитан Паши, Гусейна Паши»³⁵.

Июньское сообщение также начинается с комментария: «... возмущение Пасвана Оглу по видимому спешит к последнему своему акту». *Краткое содержание* – тяжелые поражения Пасваноглу. Представлены два *предшествующих события*. Первое – кратковременные успехи Пасваноглу. В частности, приводится интересное замечание о том, что Пасваноглу, воодушевляя солдат к сопротивлению, играл на их религиозных чувствах, заявляя, «что ему являлся пророк Мугамед, который даже подарил ему меч, и в виде польского офицера сражался в битвах против армии султановой». Второе – приближение армии Кючюк Хусейн-паши к Видину и флотилии Индже Мехмет-бея к Дунаю. *Главное событие* – тяжелое поражение Пасваноглу после отказа от мирных переговоров. «... Гусейн Паша – сообщается в ПЖ, – решился силой напасть на мятежников в Видине, кои с 30000 отборных азиатских войск стеснены были в сосредоточенной позиции. Новая вылазка Пасвана Оглу после кровопролитной ошибки, в которую почти половина мятежников легла на месте, совсем отбита»³⁶.

С июля в известиях о Турции стала доминировать сюжеты о французском экспедиционном корпусе в Египте, а тексты о Пасваноглу заметно сократились по объему. В июльской книге новости о Египте уже представлены в начале, т. е. они сразу же приобрели первостепенное значение, а осада Видина описана в двух небольших абзацах, в которых рассказывается о мелких победах и поражениях с обеих сторон³⁷.

В книге за август сообщение посвящено новой активности Пасваноглу. *Главные события* – взаимные атаки. Сообщается, что «Пасван Оглу с числом около 16000 человек сопротивлялся высланной против него силе более, нежели 80000 человек. Но тот малый корпус по превосходным укреплениям Видина, коего положение на реке Дунае равняется положению Майнца на Рейне, ... сдерживал перевес». *История* – скрытая поддержка Пасваноглу. В ПЖ говорится, что «... в Белграде и Сербии целые отряды войск перебежали к Пасван Оглу. В самом Константинополе дерзость простиралась до того, что, несмотря на строгое запрещение, слышны были публичные похвалы Пасвана Оглу»³⁸.

Сентябрьское сообщение – малое по объему. *Краткое содержание* – ухудшающееся положение Пасваноглу. *Главные события* – очередные безуспешные переговоры о мире и отправка из Стамбула подкрепления к Видину в количестве 13 тыс. чел.³⁹

В октябре имя Пасваноглу упоминается в двух сообщениях. В первом, где *главными событиями* выступают объявление войны Османским государством Франции и победа английского флота при Александрии, в качестве одного из *последствий* данной битвы указывается и ухудшение положения Пасваноглу. «Сей – сообщается в ПЖ, – столь до сих пор дерзкий и непобедимый мятежник, основывавший надежду свою на диверсии французской армии, пришел теперь в тесное положение, когда число

³² Данные о численности как осаждавшей, так и обороняющейся армии во многих сообщениях ПЖ преувеличены. Так, например, считается, что в осаде Видина была задействована 80-тысячная армия (См: Zens R. Pasvanoğlu ... P. 99).

³³ Известия о разных государствах. Турция // ПЖ. 1798. Ч. 2. Кн. 1. С. 145-148.

³⁴ Бейлербей – должность, соответствующая военному губернатору в Российской империи.

³⁵ Известия о разных государствах. Турция // ПЖ. 1798. Ч. 2. Кн. 2. С. 292-295.

³⁶ Известия о разных государствах. Турция // ПЖ. 1798. Ч. 2. Кн. 3. С. 443-446.

³⁷ Известия о разных государствах. Турция // ПЖ. 1798. Ч. 3. Кн. 1. С. 141-143.

³⁸ Известия о разных государствах. Турция // ПЖ. 1798. Ч. 3. Кн. 2. С. 263-265.

³⁹ Известия о разных государствах. Турция // ПЖ. 1798. Ч. 3. Кн. 3. С. 414-415.

приверженных его со дня на день умалялось»⁴⁰. Это столь маловажное в дискурсе французского вторжения замечание, играет ключевую роль в истории осады Видина, поскольку французский экспедиционный корпус приковал к себе основные османские силы, и его ослабление позволило продолжить осаду Видина. Второе сообщение за этот месяц содержит краткие, но важные известия в один абзац. *Главное событие* – занятие 30-тысячным султанским корпусом «приступом при упорной битве внешних укреплений Видина»⁴¹.

В начале сообщения за ноябрь помещен довольно интересный *комментарий*, в котором Пасваноглу именуется «новым турецким Пугачевым» – сравнение особо близкое русскому читателю. *Краткое содержание* – «новые выгоды» Пасваноглу. *Главное событие* – две успешные контратаки от стен Видина. Следующий пассаж из этого сообщения демонстрирует один из приемов, которые использовал Пасваноглу при обороне Видина: «Уже храбрые турецкие войска – говорится в ПЖ, – по завоевании предместья и внешних крепостных строений, в жарких атаках подступили к крепости Видин, как внезапное подорвание многих скрытых мин остановило дальнейшие их успехи и причинило им великий вред». Вскоре после данного инцидента последовала успешная вылазка из крепости, во время которой был нанесен большой урон осаждающему лагерю. *Последствия* – отступление султанской армии от Видина⁴².

В книге за декабрь напечатано небольшое сообщение о Пасваноглу, в котором можно выделить два *главных события*. Первое – отправка новых подкреплений к Видину. Второе – попытки Пасваноглу после снятия осады «обольстительными прокламациями и другими способами ... преклонить к себе жителей и умножить число своих приверженцев»⁴³.

В последующие годы внимание к Пасваноглу заметно уменьшилось. В 1799 г. в ПЖ новости о нем содержатся в 6, в 1800 г. – 9, в 1801 г. – 7, в 1802 г. – 3, в 1803 г. – 2, в 1806 г. – 1, в 1807 г. – 1 сообщениях. Некоторые из этих сообщений состояли всего из нескольких предложений. Также в 1801 г., 1802 г., 1803 г. и 1805 г. вышло по одной обзорной статье о положении Османского государства, в которых, помимо прочего, имелись сведения о Пасваноглу. Не располагая возможностью в рамках данной статьи проанализировать все эти тексты на уровне суперструктур, мы попытаемся провести анализ отдельных сообщений и выделить центральные темы в дискурсе о Пасваноглу в ПЖ за 1799-1807 гг.

Размещенный в книге за апрель 1799 г. *комментарий*: «Новый турецкий Пугачев, Пасван Оглу, сыграл роль свою счастливее, нежели его предшественник в России»⁴⁴, в какой-то мере объединяет все сообщения за этот год. В ПЖ излагается следующая хронология примирения Пасваноглу с султаном. В январском сообщении говорится о готовности к переговорам с обеих сторон⁴⁵. Известия в книге за февраль практически полностью посвящены ситуации в Египте, следствием которой и стали переговоры великого визира Коджа Юсуф-паши с Пасваноглу. По результатам переговоров последний признал власть султана и обязался передавать правительству все предусмотренные налоги⁴⁶. Сообщение в книге за август продемонстрировало, как Пасваноглу сумел выгодно воспользоваться временным союзом с правительством. Разбив мятежников в районе Оршовой, он получил от султана титул трехбунчужного паши⁴⁷. Однако уже в декабре указывается, что Пасваноглу, снова названный «турецким Пугачевым», опять взбунтовался против султана⁴⁸.

Центральными темами в сообщениях о Пасваноглу за 1800-1806 гг. являются организованные им грабежи и вооруженные столкновения в Валахии, Болгарии и Сербии, действия правительства по усмирению возмущений, временные примирения Пасваноглу с правительством и его конфликты с другими аянами.

⁴⁰ Гаттишериф Оттоманского Султана, заключающий в себе объявление войны Франции. Другие исторические достопамятности о Турции. Юсуф Паша // ПЖ. 1798. Ч. 4. Кн. 1. С. 17-18.

⁴¹ Известия о разных государствах. Турция // ПЖ. 1798. Ч. 4. Кн. 1. С. 130-131.

⁴² Известия о разных государствах. Турция // ПЖ. 1798. Ч. 4. Кн. 2. С. 275-277.

⁴³ Известия о разных государствах. Турция // ПЖ. 1798. Ч. 4. Кн. 2. С. 391.

⁴⁴ Известия о разных государствах. Турция // ПЖ. 1799. Ч. 2. Кн. 1. С. 138.

⁴⁵ Известия о разных государствах. Турция // ПЖ. 1799. Ч. 1. Кн. 1. С. 127-128.

⁴⁶ Известия о разных государствах. Турция // ПЖ. 1799. Ч. 1. Кн. 2. С. 256-257.

⁴⁷ Известия о разных государствах. Турция // ПЖ. 1799. Ч. 3. Кн. 2. С. 276-277.

⁴⁸ Известия о разных государствах. Турция // ПЖ. 1799. Ч. 4. Кн. 3. С. 449-450.

Книга за апрель 1800 г. содержит сообщение, которое на примере Пасваноглу демонстрирует характер междоусобных конфликтов на Балканах в рассматриваемый период. *Краткое содержание* – «партикулярная война [Пасваноглу] с другими Пашами». *Предшествующие события* – захват «Пашой Лессницким» четырех деревень возле Ниша⁴⁹, подаренных Селимом III брату Пасваноглу. *Главное событие* – занятие отрядами Пасваноглу этих деревень и осада Ниша. *Последствия* – совместные действия «Паши Лессницкого» и «Паши Белградского» против Пасваноглу, завершившиеся перемирием между враждующими сторонами⁵⁰.

В книге за ноябрь 1802 г. была опубликована обстоятельная статья о текущем положении Османской империи, в которой, в частности, содержится и краткая биография Пасваноглу. В статье приводится интересный аргумент о причинах успешной обороны Видина: «из всех крепостей – полагает редактор ПЖ, – построенных Пасваном Оглу вокруг Видина, ни одна лучше не защищала сего места, как Алкоран. Ибо Магометовы законы не позволяют, чтобы на место, населенное и обороняемое магометанами, учинено было неприятельское нападение. Сим воспользовался Пасван Оглу, и не смел из стен Видина выходить на чистое поле»⁵¹.

Наибольший интерес за этот период вызывает сообщение в книге за май 1806 г. В нем говорится об отношении Пасваноглу к сербскому восстанию. *Краткое содержание* – гонения на православное население. *Контекст* – сербское восстание. *Предшествующие события* – убийство «Греческого Видинского епископа» и арест многих православных («раясов»). *Главное событие* – поражение отряда Пасваноглу от сербов и его отступление к Видину. Эта ситуация вызвала крайнее недоумение автора сообщения, так как ранее Пасваноглу на страницах ПЖ систематически изображался в виде мятежника⁵². «Хотя прежде думали – говорится в ПЖ, – что Пасван Оглу соединится с сербами, однако ж он явно объявил себя величайшим врагом сих бунтовщиков». *Последствия* – опасения о возможных гонениях на православных во владениях Пасваноглу⁵³.

Посмертное сообщение о Пасваноглу датировано мартом 1807 г.⁵⁴.

Таким образом, дискурс-анализ текстов о Пасваноглу на страницах ПЖ позволяет сделать некоторые выводы. В частности, можно утверждать, что деятельность Пасваноглу довольно регулярно освещалась ПЖ и была представлена в контексте общей слабости Османской империи, которая выражалась не только в поражениях от внешнеполитических соперников, а и в серии внутренних конфликтов. Пасваноглу изображается в образе мятежника – «нового турецкого Пугачева», восставшего против законной власти. Все сообщения о Пасваноглу за 1798 г. характеризуются развернутой структурой, что позволяет применить к ним анализ на уровне суперструктур, разработанный Т. ван Дейком. В сообщениях отображены переменные успехи и поражения наступающей и обороняющейся армии. Хотя Пасваноглу стремился, по крайней мере, публично, позиционировать себя защитником традиционных порядков, жесткая антифранцузская риторика привела к ошибочному мнению, что он активно пользуется революционными идеями, проникшими в Османское государство после Великой Французской революции. С момента высадки французского экспедиционного корпуса в Египте новости об осаде Видина начинают играть второстепенную роль в текстах об Османской империи. Высокая активность Пасваноглу в 1799-1806 гг. и далее обеспечила присутствие известий о нем в ПЖ. Однако с 1803 г. количество сообщений о Пасваноглу заметно сокращается. С одной стороны, это объясняется общим

⁴⁹ Лесковац и Ниш – города на юго-западе современной Сербии.

⁵⁰ Известия о разных государствах. Турция // ПЖ. 1800. Ч. 2. Кн. 1. С. 137-138.

⁵¹ Состояние Турции. Поправки известий о Пасван Оглу // ПЖ. 1802. Ч. 4. Кн. 2. С. 24-25.

⁵² Фактически Пасваноглу еще с 1790-х гг. организовывал грабежи в сербских землях, из которых он извлекал значительную выгоду. Более того, в 1801 г. он поддержал массовое выступление янычар в Белграде, которое, хотя и без упоминания Пасваноглу, описано в ПЖ (1801. Ч. 2. Кн. 2. С. 34-36). Вскоре в Белграде установилась власть янычарских дайы (начальников), поддерживавших контакты с Пасваноглу, произвол которых и стал причиной сербского восстания (Zens R. In the Name of the Sultan: Hacı Mustafa Pasha of Belgrade and Ottoman Provincial Rule in the Late 18th Century // International Journal of Middle East Studies. 2012. Vol. 44. No. 1. P. 136-140).

⁵³ Известия о разных государствах. Турция // ПЖ. 1806. Ч. 2. Кн. 2. С. 150-151.

⁵⁴ Известия о разных государствах. Турция // ПЖ. 1807. Ч. 1. Кн. 1. С. 282.

уменьшением внимания к Османской империи на фоне основных международных процессов, а с другой – началом сербского восстания 1804 г.

УДК 94(5)

**БОРЬБА ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ КОНГРЕССИСТСКИХ МИНИСТЕРСТВ
С НЕГРАМОТНОСТЬЮ В ИНДИИ В 1937-1939 гг.****THE FIGHT OF THE PROVINCIAL CONGRESS MINISTRIES AGAINST
ILLITERACY IN INDIA IN 1937-1939****Л.А. Белоусова****L.A. Belousova***Липецкий государственный педагогический университет, Россия, 398020, г. Липецк, ул. Ленина, 42**Lipetsk State Pedagogical University, 42 Lenina St., Lipetck, 398020, Russia**E-mail: klioljuda@gmail.com*

Ключевые слова: Индийский национальный конгресс, конгрессиистские министерства, схема Вардхи, образовательная реформа, коммунальные проблемы.

Key words: Indian National Congress, Congress ministries, Wardha Scheme of education, education reform, communal problem.

Аннотация. Индийский национальный конгресс, сформировавший в 1937 г. большинство провинциальных министерств, получил возможность попробовать свои силы в управлении страной на провинциальном уровне. Предметом исследования является проблема безграмотности в Британской Индии и способы ее решения провинциальными правительствами в 1937-1939 гг. Именно в этот период закладывается основа национальной системы образования и делается попытка уничтожения безграмотности в масштабах всей страны – проблемы, остающейся актуальной и в настоящее время в Индии. В статье анализируются особенности образовательной реформы и причины того, что в некоторых провинциях она привела к обострению коммунальных проблем.

Resume. The Indian national congress which created the majority of the provincial ministries in 1937 had an opportunity to try the hand in a country government at the provincial level. An object of research is the illiteracy problem in the British India and ways of its solution by the provincial governments in 1937-1939. During this period the foundation of a national education system was laid and the attempt to eliminate illiteracy – the problem remaining actual in India even now - was made in the whole country. Some aspects of educational reform are analyzed in the article as well as the reasons why it led to an aggravation of municipal problems in some provinces.

В 1935 г. Британским парламентом был принят Закон об управлении Индией, который наделил провинциальные правительства большими полномочиями. Законом были разделены полномочия, относившиеся к центральной и провинциальным законодательным органам. Среди 54 пунктов, входивших в список провинциальной компетенции, были вопросы местного самоуправления, полиции, здравоохранения, коммуникаций, образования и др. На выборах в провинциальные правительства, которые прошли по этому закону в 1937 г., победу в восьми провинциях одержала крупнейшая партия страны – Индийский национальный конгресс (далее - ИНК). Конгресс ставил своей главной целью достижение Индией политической и экономической независимости, но перед провинциальными министерствами стояло множество социальных проблем, требующих решения. Среди них важное место занимал вопрос уничтожения безграмотности, т.к. образование является важным фактором в развитии политического сознания нации. Цель исследования заключается в анализе задач, методов и результатов заявленной министерствами борьбы с неграмотностью в условиях ограниченных полномочий.

Подавляющее большинство индийцев не обладали элементарными навыками чтения и письма: согласно докладу заместителя министра по делам Индии и Бирмы лорда Эдварда Стенли, в 1921 г. процент грамотного населения Индии составлял 8,2; в 1931 – 9,5%. Безграмотность основной части жителей страны привела к тому, что главным источником политических идей становилась харизматическая личность. Это

подтверждает пример выборов, прошедших в 1937 г., когда из-за низкого уровня образования населения правительство было вынуждено окрасить коробки для голосования в разные цвета, чтобы избиратели могли отличить политические партии. Губернатор Мадраса, наблюдавший за выборами, вспоминал: «Сомнительно, что хотя бы 40% избирателей знали имя кандидата, за которого отдавали голос. Большинство из них следовало за лозунгом «Голосуй за Ганди и желтую коробку»¹.

Программа реформирования образования провинциальных министерств базировалась на идеях Мохандаса Карамчанда Ганди, одного из лидеров национально-освободительного движения. Согласно ей, обучение детей должно было вестись посредством ручного труда, а развитие способностей – через ремесло. Основные тезисы по образовательной программе были приняты на Национальной конференции по вопросам образования, прошедшей в Вардхе 22-23 октября 1937 г.: 1. Семилетнее базовое образование должно было стать бесплатным и обязательным для всех; 2. обучение должно было вестись на родном языке; 3. процесс образования должен был строиться вокруг какой-либо формы ручного труда (выбор того, какому виду труда отдать предпочтение, основывался на том, какое ремесло было востребовано в среде проживания учащегося); 4. отмечалось, что в будущем система образования сможет перейти на самообеспечение, и деньги от продажи изделий ручного труда учащихся покроют вознаграждение учителя². Главную цель схемы ее основатель видел в том, чтобы научить людей зарабатывать себе на жизнь, но кроме того, по Ганди, школа была направлена на развитие демократических идеалов, а «после достижения страной независимости, именно образование должно было способствовать выработке характера всего народа»³. Для разработки образовательной реформы на основе схемы Вардхи и доклада британских специалистов Вуда и Эббота, в 1938 г. Центральным консультативным советом по вопросам образования (Центральный консультативный совет по вопросам образования – совещательный орган, созданный в 1920 г. для проведения научно-исследовательских работ в сфере образования и оказания помощи местным правительствам) было назначено два комитета под председательством Б.Г. Кэра, министра Бомбея. Комитетом был сделан вывод, что эти две схемы не противоречат друг другу и могут быть объединены⁴. Основной особенностью принятой системы образования была ее ориентация на ручной труд, почти все школьные предметы должны были преподаваться посредством ремесла.

Конгресс, позиционирующий себя как всеиндийская партия, пытался выработать национальную систему образования, которая была способна решить не только проблему безграмотности, но и безработицы, поэтому схема Вардхи была им принята. Она отвечала индийским условиям, в которых доступ к образованию был ограничен не только экономическими факторами, но и кастовыми преградами.

В своей программе устранения безграмотности конгрессистские министерства ориентировались, в первую очередь, на индийскую деревню, где большинство взрослого населения не умело читать и писать. Одной из причин низкого уровня грамотности был преждевременный уход детей из школ, еще до достижения ими необходимых навыков и знаний. Согласно отчету, опубликованному правительством Индии, в 1935 г. закончили 4 класса 31% в Мадрасе, 41% в Бомбее, 25% в Соединенных провинциях, 14% в Бенгалии из поступивших в 1931 г. в 1 класс⁵. Эта тенденция была связана с такими факторами, как отдаленное расположение школ и необходимость помогать родителям в домашних делах и заработке денег.

В 1938 г. в Бихаре был создан Образовательный совет, возглавленный министром просвещения Саидом Махмудом, и уже в начале 1939 г. 50 школ в одном районе стали участниками образовательного эксперимента. Были внесены изменения в образовательное законодательство: в Бихаре и Ориссе были приняты законы о

¹ Цит. по: A Centenary History of the Indian National Congress. Vol. 3. 1935-1947 / Ed. by M.N. Das. Bombay, 1985. P. 140.

² Ibid. P. 191.

³ Sharma R.N., Sharma R.K. History of Education in India. New Delhi, 1996. P. 150.

⁴ Sargent J. Progress of Education in India, 1937-1947. Vol. 1. Delhi, 1948. P. 75.

⁵ Desai M. Prastic Measures and no Tinkering. Harijan. 5 (47). 1938. P. 408.

начальном образовании, что позволило комитету в Патне и аналогичным комитетам в Бихаре ввести обязательное начальное образование в своих областях. Кроме того, в Ориссе было выделено финансирование из провинциального бюджета на образование для мальчиков-неприкасаемых⁶.

Министерство Соединенных провинций начало с создания двух комиссий для анализа того состояния, в котором находится образование в провинции, итогом работы которой стало назначение 6 комитетов для реконструкции существующей системы образования на основе схемы Вардхи. В Соединенных провинциях в 1938 г. были созданы центры повышения квалификации для местных учителей, и к лету 1939 г. система базового образования была введена в 59 школах в четырех компактных областях и 28 изолированных школах⁷.

Одной из основных проблем, с которой пришлось столкнуться министерствам, было недостаточное финансирование, для преодоления этой трудности, в Соединенных провинциях и в Бихаре было принято решение строить классы для учащихся из бамбука и ивового прута.

Конгрессистские министерства в Бомбее приняли поправку в закон о начальном образовании, которые поощряли частных лиц и муниципалитеты создавать новые школы. Кроме того, почти в 100 школах была введена образовательная схема Вардхи⁸. В Бомбее конгрессистам пришлось столкнуться с кастовыми различиями: профессиональная занятость и уровень образования были во многом определены кастовыми традициями.

В Центральных областях был проведен эксперимент с введением системы Vidya Mandir (пер. – «Храмы знаний»). Целью была ликвидация неграмотности по минимальной цене. Согласно этой схеме, стоимость школы включала только возведение здания и покупку смежного земельного участка, который, как надеялись, будет приобретен сторонниками схемы. Оплату труда учителей предполагалось получать от продажи земельной продукции с участка и предметов ручного труда учащихся⁹. В 1938 г. 68 предложенных участков земли были приняты, 153 учителя прошли школу обучения Vidya Mandir и уже в 1939 г. 93 школы начали функционировать, но к 1940 г. стало ясно, что школа не в состоянии быть самокупаемой, и для ее развития нужно вкладывать бюджетные средства¹⁰. Помимо этого, схема встретила серьезное сопротивление со стороны мусульманского меньшинства еще до их знакомства с законопроектом из-за использования в названии схемы наименования «Мандир», что означало храм последователей индуизма. На заседании законодательного собрания Центральные провинций в марте 1938 г. лидер оппозиции заявил, что название Видья Мандир неприемлемо для них, так как оно представляет собой нападение на исламскую культуру.

В 1939 г. правительство Ассама поручило чиновникам из сферы образования изучить работы схемы Вардхи в Центральные, Соединенные провинции и Бихаре для того, чтобы на этой основе открыть школы нового типа в своей провинции. Мадрасским правительством в 1939 г. был открыт центр начальной подготовки, но уже в апреле 1940 г. он закрылся.

Проблема безграмотности касалась не только детей школьного возраста, но и многих взрослых. В декабре 1938 г. Центральный образовательный совет создал комитет по вопросам образования под председательством Сайида Махмуда, министра образования Бихара. Комитет подчеркнул важность грамотности для взрослых и отметил необходимость хорошей подготовки учителей, использование аудио-визуальных средств в процессе обучения. В Бихаре кампанию по устранению неграмотности среди взрослых начал министр просвещения, обратившийся к преподавателям, студентам и школьникам

⁶ Sargent J. Progress of Education in India, 1937-1947. Vol. 1. Delhi, 1948. P. 52.

⁷ Menon V.P. From Movement to Government. The Congress in the United Provinces, 1937-1942. New Delhi, 2003. P. 108.

⁸ Shankardass R.D. The First Congress Raj (Provincial Autonomy in Bombay). Delhi, 1982. P. 207.

⁹ A Centenary History of the Indian National Congress. Vol. 3. 1935-1947 / Ed. by M.N. Das. Bombay, 1985. P. 194.

¹⁰ Coupland R. The Indian Problem. Report on the Constitutional Problem in India. Vol. 2. Indian Politics (1936-1942). New York, 1944.

с призывом посвятить этому летние каникулы. Были использованы все имеющиеся ресурсы: здания школ, колледжей, денежные и натуральные пожертвования.

В июне 1938 г. было 10216 центров грамотности с 157 тыс. учащимися, а в марте 1939 г. существовало уже 14259 центров с 319 тыс. студентов, классы грамотности получили большое распространение в промышленных районах и даже начали свою работу в тюрьмах провинции.

За год на кампанию грамотности было потрачено 100770 рупий, а результатом стало то, что около 450000 человек научились читать и писать¹¹.

В Соединенных провинциях число вечерних школ для взрослых увеличилось с 391 в 1938 г. до 2834 в 1939 г., а в 1940 г., как сообщалось, 230 тыс. человек стали грамотными. Для привлечения большего внимания к проблеме взрослой неграмотности, в декабре 1938 г. был проведен «День грамотности», где основным лозунгом был «обучи одного человека или заплати 2 рупии». Много добровольцев принимало участие в программе «сделай одного грамотным или заплати деньги, чтобы это сделали от твоего имени». В первый «День грамотности» в Объединенных провинциях было открыто 768 библиотек. Заслугой министерств было привлечение внимания образованной части населения к проблеме безграмотности и пробуждение их активной гражданской позиции¹².

Конгрессиистское правительство предпринимало меры по расширению грамотности среди женщин и запланированных каст: студенты хариджаны в колледжах и средних школах получали правительственные стипендии, а все существующие школы для девочек были преобразованы в полноценные средние школы с более высоким уровнем образования. В Бомбее работало 665 школ и классов для взрослых с числом учащихся более 21 тыс. человек¹³. Необходимость образования населения была связана и с тем, что отсутствие грамотности тормозило технический прогресс. Для решения этого вопроса некоторые заводы провинции открывали для своих рабочих и их детей школы основного и технического образования.

Одна из проблем в области образования касалась высокого уровня безработицы среди выпускников высших учебных заведений. Бахадур Сапру, деятель Либеральной партии Индии отмечал, что многие выпускники университетов из-за отсутствия рабочих мест вынуждены устраиваться на низкооплачиваемую работу констеблей и продавцов¹⁴. Эту проблему конгрессиисты также надеялись преодолеть посредством обучения ремеслу. Овладение профессией должно было заставить тех студентов университетов, которые не приспособлены для высококвалифицированной работы, начать карьеру после более ранней ступени обучения, но решить эту проблему за два года не удалось.

Реформы в сфере образования встречали много противников, в первую очередь, в лице мусульман – схема Вардхи рассматривалась ими как индуистская. Во-первых, схема отвергалась из-за уверенности, что под развитием хиндустани, подразумевается распространение санскритизированного хинди и подавление урду. Негативное отношение мусульман к схеме также вызывало предложение совместного обучения девочек и мальчиков, отказ от уроков религии в школе и навязываемое Ганди уважение всех религий¹⁵. Кроме того, в самом Конгрессе были споры о схеме Вардхи, основную критику вызывал пункт о детском труде, который воспринимался исключительно как эксплуатация детского труда, а также идея Ганди о самоокупаемости школ, что превращало их в промышленную отрасль. Противники схемы называли среди ее недостатков то, что она малоприспособлена для городских детей, не все предметы могли преподаваться через обучение ремеслу, при большом акценте на начальном уровне образования, она игнорировала средний и высший уровни, в итоге реализация даже этой схемы была дорогостоящей.

Таким образом, реформы, проводимые конгрессиистскими министерствами, были направлены в первую очередь на улучшение ситуации в индийской деревне, которая в

¹¹ Desai M. Liquidating Illiteracy. Harijan. 7 (26). 1939. P. 223.

¹² Laubach F.C. India Shall Be Literate. Jubbulpore, 1940. P. 10.

¹³ Shankardass R.D. The First Congress Raj (Provincial Autonomy in Bombay). Delhi, 1982. P. 214.

¹⁴ Sapru T.B. Education and unemployment in India // The Asiatic review. XXXIII (115). 1937. P. 511-528.

¹⁵ Gandhi M.K. Some Objections. Harijan. 6 (23). 1938. P. 185.

течение длительного времени воспринималась как придаток к городу. Обучение через ремесло должно было способствовать тому, что ребенок, пройдя начальную ступень образования, оказывался знаком с тем видом деятельности, который был востребован в его родной области, таким образом, предполагалось устранить безграмотность во всей стране и более рационально распределить трудовые ресурсы. Министерства открывали школы в тех местах, где не было ни одной, и их усилия привели к реальному распространению начального образования.

Серьезным недостатком образовательных реформ было то, что Конгресс проводил свою политику, мало ориентируясь на замечания со стороны других партий и религиозных групп, что вызывало возмущение, создавало поводы для обвинения Конгресса в ущемлении прав меньшинств и тормозило распространение школьного образования. Ошибкой провинциальных правительств и Конгресса в целом было игнорирование национальных проблем, воодушевленные победой на выборах, они откладывали решение коммунальных вопросов на неопределенное время, т.е. после обретения страной независимости. Оправданием для министерств служило то, что при ограниченности ресурсов, действуя только в конкретных провинциях, они пытались решить непосильную задачу в самые короткие сроки и при минимальных бюджетных затратах. О том, насколько это было трудноразрешимой задачей, говорит то, что спустя почти 70 лет после раздела Индии проблема безграмотности остается нерешенной. Однако, активное добровольческое движение, начавшееся по инициативе министерств, способствовало не только повышению числа образованных индийцев, но было важной ступенью на пути к серьезным социальным преобразованиям и формированию гражданской ответственности.

УДК 94(100)

СТРАТЕГИЯ И ПРИОРИТЕТЫ «БОЛЬШОЙ ТРОЙКИ» (1941-1943 ГГ.)

STRATEGIES AND PRIORITIES OF THE «BIG THREE» (1941-1943)

Ц.М. Чикаидзе, Ч.Т. Томаев

Ts.M. Chikaidze, Ch.T. Tomaev

Северо-Осетинский государственный университет, Россия, 362025, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 44-46

North-Ossetian State University, 44-46 Vatutina St., Vladikavkaz, 362025, Russia

E-mail: tsisnamy@mail.ru, chermen_77@mail.ru

Ключевые слова: второй фронт, «Большая Тройка», советско-германский фронт, ленд-лиз, Сталин, Рузвельт, Черчилль.

Key words: second front, «the Big Three», the Soviet-German front, lend-lease, Stalin, Roosevelt, Churchill.

Аннотация. В статье рассматриваются факторы, определявшие военно-политические планы и приоритеты США и Великобритании в отношении открытия второго фронта в период 1941-1943 гг. С конца 1943 г. маршал Г. К. Жуков отмечал, что Советский Союз уже прочно удерживал стратегическую инициативу, обладая мощными силами и средствами борьбы, и не так остро нуждался в открытии второго фронта, как в предыдущие два года. Тем не менее, в Москве по-прежнему рассчитывали на активные действия, со стороны западных союзников «Большой тройки» на европейском театре, что, несомненно, ускорило бы завершение войны, существенно сократив потери СССР.

Resume. The article examines the factors that determined the military-political plans and priorities of the US and the UK in relation to the opening of a second front in the period of 1941-1943. Since the end of 1943, Marshal Zhukov pointed out that the Soviet Union has firmly held the strategic initiative, possessing powerful forces and means of struggle, and not so badly needed in the opening of a second front, as in the previous two years. Nevertheless, Moscow still hoped for aggressive action on the part of the Western allies "Big Three" in the European theater, which, undoubtedly, would accelerate the end of the war, significantly reducing the loss of the Soviet Union.

После нападения фашистской Германии на Советский Союз и с самого начала образования антифашистской коалиции возникла задача согласования действий вооруженных сил государств, противостоящих фашистскому блоку. Это было необходимо для того, чтобы с максимальной целесообразностью использовать имевшиеся силы и ресурсы для победы над агрессором. Так советско-германский фронт сразу же стал основным и решающим фронтом Второй мировой войны. Уже 22 июня 1941 г. премьер-министр Великобритании У. Черчилль заявил о готовности его страны оказать помощь Советскому Союзу в войне, заявив, что опасность, угрожающая России – это опасность, которая грозит как Англии, так Соединенным Штатам. Сам английский премьер-министр полагал, что Советский Союз не сможет долго противостоять Германии, согласно его мнению, при условии продержаться до наступления зимы Красной Армии, дало бы англичанам неопределимые преимущества передышки и возможность подготовиться к соприкосновению агрессору¹.

12 июля 1941 г. в Москве было подписано советско-английское соглашение «О совместных действиях в войне против Германии». Обе страны брали на себя обязательства оказывать друг другу «помощь и поддержку всякого рода в настоящей войне против фашистской Германии», не вести переговоры и не заключать перемирие или мирный договор с нею, кроме, как с обоюдного согласия². Однако переговоры между

¹ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн.1. М., 1991. С. 341.

² См. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т.1. М., 1946. С. 130-132.

Великобританией и СССР в июне – августе 1941 г. по вопросу о военных операциях британских войск на европейском континенте не привели к практическим результатам. «Своей пассивно выжидательной политикой английское правительство помогает гитлеровцам. То обстоятельство, что Англия нам аплодирует, а немцев ругает – нисколько не меняет дела. Видимо они хотят нашего ослабления»³, – так характеризовалась позиция английского правительства советским руководством.

Что касается Соединенных Штатов, то в Вашингтоне придерживались достаточно взвешенной военной доктрины. На состоявшейся 24 июня 1941 г. пресс-конференции президент Ф. Рузвельт заявил, что, нельзя определить в какую форму выльется американская помощь СССР и что предпримут Соединенные Штаты до того, как станет известно о потребностях России. В то же время подчеркнулось, что США предоставят Советскому Союзу всевозможную помощь⁴. С целью получения информации о боеспособности Красной Армии в Москву в конце июля 1941 г. прибыл личный советник Рузвельта Г. Гопкинс, курировавший вопросы по осуществлению ленд-лиза. Находясь в СССР, он пришел к выводу, что Советский Союз располагает необходимыми людскими и материальными ресурсами для ведения продолжительной войны. Одним из результатов поездок Гопкинса в Великобританию и СССР стала совместная англо-американская инициатива о проведении в Москве трехстороннего совещания по организации военной помощи Советскому Союзу. И если визит Гопкинса дал Москве надежду на такую помощь, то последовавшая спустя два месяца конференция трех великих держав положила начало воплощению ее в жизнь.⁵

В сентябре 1941 г., когда военное положение Советского Союза серьезно осложнилось, советское правительство вновь поставило перед Великобританией вопрос об открытии второго фронта в Европе. В послании Черчиллю Сталин отмечал: «Немцы считают опасность на Западе блефом и перебрасывают все свои силы на Восток, будучи убежденными, что фронта на Западе не будет. Выход из положения – создать второй фронт на Балканах или во Франции способный оттянуть 30-40 немецких дивизий»⁶.

На состоявшейся 29 сентября – 1 октября 1941 г. Московской конференции «Большой тройки» – СССР, США и Англии, были приняты ряд конкретных соглашений, направленных на мобилизацию ресурсов союзных стран для борьбы против фашистской Германии. Поскольку США на тот момент не находились в состоянии войны, их представители участвовали в конференции неофициально. Декларация, представленная Советским Союзом, определяла конкретную программу антифашистской коалиции. В качестве первостепенной выдвигалась задача – «Добиться скорейшего и решительного разгрома агрессоров, мобилизовать для ее выполнения все силы и средства и определить наиболее эффективные способы и методы осуществления этой цели»⁷.

Однако в Великобритании не только считали неосуществимым открытие второго фронта в 1941 г., но и ставили под сомнение вероятность его создания в 1942 г. «Вторжение на европейский континент в 1942 г. зависит от событий, которые трудно предвидеть»⁸. Возможным считалось оказание содействия на Крайнем Севере и продолжение бомбардировок Германии. Вместе с тем, предполагались военные действия в Ливии против германо-итальянских войск численностью до 1 млн. чел. к лету 1942 г.

США предоставили СССР из средств, ассигнованных по ленд-лизу, беспроцентный заем на сумму 1 млрд. долл. Это явилось важным фактором в политике поддержки СССР. И, хотя, ко времени битвы под Москвой во многом определившей дальнейший ход войны, поставки союзников еще не могли оказать заметного влияния на ход военного

³ Земсков И.Н. Дипломатическая история второго фронта в Европе. М., 1982. С. 30.

⁴ Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия. Июнь 1941 – август 1942. М., 1967. С. 82.

⁵ Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн. СССР и США в 1940-х гг. М., 2006. С. 26.

⁶ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т.1. М., 1982. С. 28-29.

⁷ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т.1. М., 1946. С. 144-147.

⁸ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т.1. М., 1982. С. 30-31.

противостояния, их политическое значение было очевидным⁹. По советским данным, с 1 октября 1941 по 30 июня 1942 г. СССР получил из США 267 бомбардировщиков, 278 истребителей, 363 средних танка, 420 легких танков¹⁰.

Занимая пост министра снабжения и являясь советником Черчилля, лорд Бивербрук был в достаточной степени осведомлен о тактической диспозиции и военном потенциале Великобритании. Им констатировалось, что нападение на СССР создало для Англии, помимо новых возможностей, еще и новую угрозу. Если СССР потерпит поражение, то Гитлер сможет направить все силы против Англии. «С нашей стороны ждать сейчас безумие. Мы должны нанести удар, пока еще не поздно»¹¹. Английский премьер, по видимому, не разделявший мнения военных советников о скорой победе Германии, полагал, что СССР выстоит и без второго фронта. К тому же, премьер-министр проявлял скупость в выделении поставок американской техники из английской «доли» по ленд-лизу, в отличие от Бивербрука, ратовавшего за щедрость в данном вопросе.

Хотя Советский Союз нуждался в военной помощи, тем не менее, это было только частью общей проблемы, суть которой состояла в том, чтобы заставить Германию рассредоточить свои силы, и тем лишить ее военных преимуществ борьбы на одном фронте. «Спротивление русских отвлекло от Западной Европы немецкие войска, задержав наступательные действия держав оси на других театрах возможных операций»¹². Однако немцы могли безнаказанно перебрасывать свои дивизии на Восток, потому что генералитет Великобритании считал континент запретной зоной для английских войск. И в 1941 г. речь шла о проведении на европейском континенте операций ограниченных масштабов против Германии. Эти операции были возможны и явились бы реальной помощью СССР¹³. Тем не менее, английское правительство не собиралось их предпринимать. Позицию Англию в этом вопросе характеризует высказывание Черчилля; он писал, что действия Британия по оказанию помощи СССР «в первые годы нашего союза представляли собой пустоту», но он «старался заполнить ее вежливыми фразами». Скрытые мотивы британской стратегии не отличались тщательной завуалированностью. Великобритания неизменно поддерживала свои позиции в Европе путем поддержания баланса сил на континенте. С целью сохранения незыблемости своих позиций, продолжала ей следовать «и не может позволить Германии или России доминировать на континенте. Политика изматывания, блокады, окружения, истощения моральных и материальных ресурсов ее противников, а не проведение решительных наступательных операций»¹⁴.

Позиция западных держав в отношении открытия второго фронта в 1941 г. определялась не только военными, но и политическими факторами. Поощряя Советский Союз к сопротивлению агрессору обещаниями о помощи, и выжидая развитие событий на советско-германском фронте, Англия и США намеревались спланировать свое участие в войне, исходя из собственных интересов.

В декабре 1941 г. когда основные силы вермахта увязли в тяжелых боях под Москвой, британским генералитетом разрабатывался курс на первоочередное использование английских вооруженных сил в ближневосточном регионе и Средиземноморье. В соответствии этими планами, военные действия с основными сухопутными силами Германии, дислоцированными на европейском континенте, возлагались полностью на СССР. Правительство Соединенных Штатов поддерживало английские стратегические разработки.

Учитывая, что США продолжали оставаться невоюющим союзником, а правительство Великобритании отказывалось открыть второй фронт, советское

⁹ Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941-1945. М., 2004. С. 206.

¹⁰ См.: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Документы и материалы. Т.1. М., 1984. С. 16-17.

¹¹ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 1. М., 1958. С. 612-613.

¹² Там же. С. 613.

¹³ Кулиш В.М. Раскрытая тайна. Предыстория второго фронта в Европе. М., 1965. С. 60-67.

¹⁴ Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн. СССР и США в 1940-х гг. М., 2006. С. 54.

руководство не поднимало данного вопроса в последние месяцы 1941 г., хотя немцы яростно рвались к Москве.

В декабре 1941 г. в Москву прибыл министр иностранных дел Великобритании А. Иден. Визит его объяснялся стремлением Лондона и Вашингтона «успокоить» советское правительство. В свою очередь, советское правительство предложило английской делегации заключить соглашение о признании довоенных советских границ. Иден отказался пойти на это, мотивируя свою позицию просьбой президента Рузвельта не заключать соглашений о послевоенном урегулировании в Европе без консультаций с американской стороной.¹⁵ Если правящие круги Англии и США с раздражением воспринимали предложения о восстановлении *status quo ante bellum*, когда СССР стоял на пороге национальной катастрофы и практически в одиночестве нес всю тяжесть войны с Германией, то можно было предположить, как возрастет требовательность западных держав в более благоприятных для них обстоятельствах. Не случайно Черчилль писал А. Идену в Москву, что никто не может предсказать, как сложится баланс сил, и где будут стоять победоносные армии в конце войны.¹⁶ Реальные цели британской политики включали экономию своих людских ресурсов – обмен солдат на время и ослабление России как великой державы за счет оттягивания открытия подлинного второго фронта против германской армии.

Так в вопросе второго фронта в Европе в 1941 г. нашли отражение две противоположные военно-политические концепции, проявившиеся в полной мере позднее. С одной стороны, Советский Союз с самого начала выступал за эффективное использование всех сил, способных нанести как можно скорее сокрушительные удары по общему врагу – гитлеровской Германии, и второй фронт мог улучшить военное положение всех участников антигитлеровской коалиции. С другой стороны, правительства Англии и США, намереваясь сберечь свои силы и переложить основное бремя войны на СССР, оттягивали введение в действие главных людских и материальных ресурсов на западе Европы. Помощь военными материалами и вооружением, которую они стали оказывать СССР с осени 1941 г., была недостаточна и не совсем соответствовала огромному вкладу Советского Союза в войну против общего врага.

Под пристальным вниманием Берлина находился и огромный регион Ближнего и Среднего Востока, рассматриваемый в качестве плацдарма для последующей экспансии в среднеазиатские республики и Британскую Индию. Действия Германии угрожали господству Великобритании в странах Арабского Востока, ослабляли ее глобальные стратегические позиции, препятствовали мобилизации людских и сырьевых ресурсов этих стран для ведения войны. С капитуляцией Франции в июне 1940 г., ее ближневосточные владения представляли наиболее уязвимое звено, проникнув через которые, немецкие войска могли изолировать Турцию, спровоцировать выступление националистов арабских стран, создать угрозу с востока Суэцкому каналу и Египту. Лишь переброска немецких войск для вторжения в СССР, где они безнадежно завязли, отвела от арабских стран к востоку от Ливии угрозу германской оккупации, и значительно ослабила напряжение, испытываемое английскими войсками.

Таким образом, военно-стратегические и политические решения правительств Великобритании и США свидетельствовали о стремлении затянуть сроки войны, а вопрос об открытии второго фронта в 1941 г. всерьез не рассматривался. Подобная политика создавала определенные проблемы в взаимоотношениях между союзниками. И от советской дипломатии потребовались настойчивые последовательные усилия и большая выдержка для сохранения единства действий внутри антигитлеровской коалиции.

Решающие перемены в этой политике должен был, как казалось, принести наступавший 1942 г. Разгром основных сил немецких войск под Москвой и последующие наступательные операции советских войск положили конец мифу о непобедимости гитлеровской военной машины. Потерпев первое крупное поражение, фашистская Германия, была поставлена перед неизбежностью ведения затяжной войны. Немецкое командование было вынуждено перебросить на советско-германский фронт из Германии и

¹⁵ Ржешевский О.А. А. Иден в Москве (1941 г.) Неизвестные страницы // Британия и Россия. М., 1997. С. 197-201.

¹⁶ Уткин А.И. Дипломатия Франклина Рузвельта. Свердловск, 1990. С. 214-215.

окупированных стран Европы 39 дивизий и 6 бригад¹⁷. Обострились противоречия и в коалиции держав «Оси». Колоссальный вклад советской дипломатии дал возможность нейтрализовать милитаристскую Японию, нападение которой на Советский Союз было отложено.

В Лондоне и Вашингтоне тоже стали более реалистично оценивать роль СССР в антигитлеровской коалиции, ряды которой расширялись и крепились. 1 января 1942 г. в Вашингтоне представителями 4-х великих держав (СССР, США, Англии и Китая) и 22 других государств была подписана Декларация Объединенных Наций, юридически закрепившая военно-политический союз антифашистских государств.¹⁸

Различие подходов Великобритании и США к проблеме второго фронта определялось приоритетами их внешнеполитической стратегии. Вступление США в войну против Германии и Японии вызвало у британского правительства некоторое облегчение, и, вместе с тем, опасение, что начало войны на Тихом океане приведет к ослаблению американской помощи Англии, отказу Ф. Рузвельта от принятой ранее концепции «Германия, прежде всего» и концентрации основных сил США против Японии. Поэтому английская сторона поспешила предложить американскому президенту встречу для обсуждения совместной стратегии войны, разработки срочных военных мероприятий, распределения сил и средств и создания объединенного аппарата.¹⁹

Ввиду чрезмерной загруженности кризисной ситуацией в военных действиях на Тихом океане, американская сторона подготовилась к конференции менее скрупулезно, чем англичане. Руководствуясь военными соображениями, противником «номер один» признали Германию, поскольку последняя обладала «значительно большими потенциальными возможностями в промышленном отношении и в области науки, чем Япония».²⁰ 22 декабря 1941 г. на открывшейся в Вашингтоне конференции, получившей условное название «Аркадия», Ф. Рузвельт твердо придерживался принципа «Победа или поражение Германии решат судьбу Америки». И если принцип был определен, то оставалось неясным, как он будет реализован.

По мнению У. Черчилля, если войска Третьего рейха стабилизируют советско-германский фронт, станет действительностью оккупация Испании, Португалии, а также выход на североафриканские рубежи. На этот случай им был предложен вариант действий англо-американских войск, предполагавший высадку американских войск в Марокко. Британским военным формированиям же предстояло наступление бы со стороны Египта, и в случае удачи, оба союзника встретились бы в Тунисе. Однако американский президент не придавал особой значимости Северной Африке, его интересовала, прежде всего, судьба Европы как таковой, а не маргинальные успехи на периферии.²¹ Определяющим аргументом английского премьера стал довод о том, что в антигитлеровскую коалицию войдут французы Северной Африки, что разрушит согласие между Берлином и режимом Виши.

В конечном счете, США приняли решение подойти к эпицентру глобального конфликта с фланга. Трамплином для европейской кампании должна была стать Северная Африка. Рузвельт предложил высадить американский десант в районе Касабланки и двинуться в сторону англичан воюющих в Ливии. Основаниями для подобного решения служили следующие факторы: предотвращение оккупации этого региона Германией, усиливавшей нажим на петеновский режим, расчет на помощь французов; к тому же, захват Северной Африки, позволял за счет относительно небольших потерь получить выход к европейскому континенту.

Ситуация же на советско-германском фронте становилась критической: провал Харьковской операции и поражение на Керченском полуострове угрожали крахом всего южного крыла фронта, а значит – потерей низовья Волги и бакинской нефти. Военная

¹⁷ История Второй мировой войны. 1939–1945. М., 1975. Т.4. С.323.

¹⁸ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т.1. С. 170–171.

¹⁹ Мэтлофф М., Снелл Э. Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941–1942 гг. М., 1955. С. 114.

²⁰ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. М., 1958. С. 16.

²¹ Уткин А.И. Дипломатия Франклина Рузвельта. Свердловск, 1990. С. 206.

помощь союзников становилась как никогда необходимой. В этой обстановке и состоялся известный визит В. М. Молотова в Лондон и Вашингтон. Предстояло решить сложнейшую задачу – добиться от союзников обязательства скорейшего открытия второго фронта. На переговорах английская сторона уклонялась от четкого ответа, предстояло испытать на прочность и Соединенные Штаты. В целом, Советский Союз ничего не терял от напора в данном вопросе. В лучшем случае, можно было с помощью согласия США добиться принятия обязательств Англией, а если оно в конечном случае окажется голословным – использовать его для поддержания морального духа советского народа, психологического воздействия на страны «оси» и как рычаг давления на союзников в будущем²².

Нарком иностранных дел В. М. Молотов провел свою дипломатическую партию на профессиональном уровне. Не приукрашивая положения на советско-германском фронте, он резюмировал, что в 1943 г., (который упоминался Рузвельтом как год высадки в Нормандии) трудности союзников увеличатся, поскольку не станет такого сильного противника Германии как советская армия в 1942 г., но и потому, что Гитлер сможет опираться на часть территории Советского союза, включая нефтяные районы. Поэтому отсрочка второго фронта до 1943 г. чревата риском для СССР и опасностью для США и Англии. Оспаривать подобные доводы было сложно. Максимум того, что мог предложить Рузвельт на 1942 г., был «Следжхэммер» – высадка во Франции, силами 8-10 англо-американских дивизий. Советские представители сочли это явно недостаточным, настаивая на оттягивании с Восточного фронта 40 германских дивизий. Интересен тот факт, что Ф. Рузвельт ссылаясь на нехватку тоннажа, предложил существенно сократить поставки по ленд-лизу в СССР, чтобы ускорить создание второго фронта. В. М. Молотов усомнился в подобной постановке проблемы, акцентируя внимание на том факте, что открытие второго фронта будет оправданным и целесообразным, если будет крепок первый, т.е. советско-германский фронт.

Так считал не только Молотов. Глава имперского генерального штаба Великобритании сэр А. Брук, которого невозможно было заподозрить в симпатии к СССР, на заседании Объединенного комитета начальников штабов признавал: «Любая операция во Франции станет невозможной в случае поражения русских, которое позволит немцам перебросить крупные подкрепления в Западную Европу».²³

В ходе визита Молотова в Вашингтон было подготовлено советско-американское соглашение о принципах взаимной помощи в ведении войны против агрессии, которое обязывало обе страны содействовать друг другу и заменяло предыдущие договоренности по ленд-лизу. Это соглашение наряду с советско-английским договором завершило формирование договорной основы антифашистской коалиции²⁴, в чем сторонники сближения с СССР видели нечто большее, чем залог победы в войне. Гопкинс позднее писал: «Мы просто не можем перестроить мир вдвоем с англичанами без привлечения к этому русских как равных партнеров»²⁵.

В Лондоне В. М. Молотов представил советско-американское коммюнике, предполагавшее открытие в 1942 г. второго фронта в Европе, к которому присоединилась и Великобритания. Обещание англичан было весьма условным. В памятной записке, переданной Черчиллем Молотову, по итогам переговоров возможность «заднего хода» была зарезервирована: упоминалась подготовка к десанту в августе или сентябре 1942 г., но проведение операции ставилось в зависимость от «разумности» и «обоснованности», что позволяло Лондону не предпринимать активных действий. Оперативность, с которой английский премьер-министр после завершения встречи с В. М. Молотовым направился в США, во многом была обусловлена опасением, что американское правительство могло поддержать СССР в вопросе открытия второго фронта в Европе.²⁶ Александр Кадоган, заместитель министра иностранных дел Великобритании, отмечал: «Премьер-министр

²² Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн. СССР и США в 1940-х гг. М., 2006. С. 55.

²³ Там же. С. 56-57.

²⁴ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Документы и материалы. Т. 1. М., 1984. С. 47.

²⁵ См.: Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн. СССР и США в 1940-х гг. М., 2006. С. 59

²⁶ Земсков И.Н. Дипломатическая история второго фронта в Европе. М., 1982. С. 95.

выехал в Вашингтон для того, чтобы убедить Рузвельта, что вторжение союзников на европейский материк в 1942 г. не является практически выполнимой операцией, что бы ни сказали американцы Молотову.²⁷ У. Черчилль дал согласие на опубликование коммюнике, чтобы «ввести противника в заблуждение».²⁸ В воспоминаниях А. Идена фигурирует мнение том, что английское правительство вынуждено было согласиться с формулировкой о втором фронте, поскольку ее приняли в Соединенных Штатах, и поэтому не было смысла «играть на руку противнику противоречивыми коммюнике»²⁹. Американские военные историки, анализируя позицию Ф. Рузвельта, подчеркивали, что его заявление об открытии второго фронта в 1942 г. «имело целью лишь обнадежить советское правительство»³⁰.

В период войны в Лондоне и Вашингтоне формально придерживались заключенного в марте 1942 г., соглашения, согласно которому Ближний и Средний Восток рассматривался как зона английской стратегической ответственности. Однако военные позиции Великобритании на ближневосточном театре были растянуты до предела, и в значительной степени опирались на военную помощь США. Активизация Соединенных Штатов в ближневосточном регионе и созданные в Каире и Багдаде военные миссии повысили в глазах госдепартамента значимость и саудовской монархии. В приоритетах действующих сторон «Большой тройки» очевидным становилось обеспечение собственных интересов. Если для Великобритании это ассоциировалось с сохранением контроля над арабской нефтью, то в Вашингтоне стремились получить доступ к ней³¹. Превосходящий военно-стратегический потенциал американское правительство использовало, чтобы в рамках союза потеснить Британскую империю с нефтяного пространства Саудовской Аравии.

Советско-английские и советско-американские переговоры в мае-июне 1942 г. свидетельствовали о том, что союзники по антигитлеровской коалиции, независимо от громогласных заявлений политических деятелей проводили политику, фактически не содействующую завершению Второй мировой войны. Выигрыш во времени для США и Великобритании на практике означал дополнительные усилия и страдания для оккупированных фашистским блоком стран. Так, при подписании советско-английского и советско-американского коммюнике в подходе союзников к проблеме открытия второго фронта в Европе отсутствовал серьезный подход к взятым на себя по отношению к Советскому союзу обязательствам. Это по существу оказывало содействие фашистской Германии в войне.

В инструкции американской делегации, выезжавшей в Лондон в июле 1942 г. с целью согласования места военных действий, акцентировалось внимание на том, что, при любых условиях (устойт Россия или нет), Ближний Восток должен быть удержан. Потеря региона грозила утратой доступа к Суэцкому каналу и Сирии; потере Персидского залива в результате наступления с севера и запада, а вместе с тем, потерей доступа ко всей нефти Персидского залива.³² В результате переговоров США уступили Великобритании, отказавшись от военных операций в Европе, согласились на высадку союзных войск в Северо-Западной Африке. Результаты переговоров явились «замаскированной победой английской позиции», что отменяло вторжение на европейский континент даже в 1943 г. Как отмечал А. Брук, американские генералы были убеждены, что англичане обманом втянули их в боевые действия в Африке³³. Объясняться по этому вопросу с генералиссимусом И.В. Сталиным предстояло У. Черчиллю.

Тем временем, советские войска в упорных боях оказывали все более жесткое сопротивление противнику, сбивая темпы продвижения немецких дивизий, но вермахт еще находился в зените своей мощи, и исход сражений оставался неопределенным. В Берлине разрабатывался план, предполагавший поэтапную операцию наступления через Кавказский хребет, захват нефтяных районов Азербайджана и овладение к сентябрю 1942

²⁷ The Diaries of Sir Alexander Cadogan. 1938-1945 / Ed. by D. Dilks. L., 1971. P.466.

²⁸ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн.1-2. М., 1991. С.341.

²⁹ Eden A. The Memoirs. The Reckoning. L., 1965. P. 382-383.

³⁰ Мэтлофф М., Снелл Э. Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941-1942 гг. С. 271.

³¹ Встречными курсами: политика СССР и США на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке в 1939-1947 гг. / отв. ред. В.Т. Юнгблуд. – Киров, 2014. С. 235.

³² Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т.2. М., 1958. С. 235.

³³ Ellis J. Brute Force in the Second World War. Allied Strategy and Tactics. L., 1990. С.290 -291.

г. перевалов Ревандуз и Ханаган на иранско-иракской границе для дальнейшего продвижения на Багдад³⁴. Так в августе 1942 г. немецкие войска рвались к предгорьям Кавказа, а танковая армия Э. Роммеля находилась на расстоянии 100 км от дельты Нила.

Предваряя свой монолог о втором фронте, У. Черчилль, в августе находясь в Москве, полагал, что они со Сталиным будут говорить «как друзья». Он сообщил, что не может дать Советскому Союзу гарантий на 1942 год, в связи с подготовкой Англии и США в 1943 г. к крупномасштабным операциям. С «военной точки зрения» Председатель государственного комитета обороны считал, что операция по захвату побережья Северной Африки, позволит получить выход в тыл Э. Роммеля и закрыть странам «оси» путь на Дакар.

Угроза потери контроля над ближневосточным регионом была настолько реальной, что после поражения англичан под Тобруком, 16 августа 1942 г., Черчилль в беседе со Сталиным задавался вопросом, сумеет ли Красная Армия предотвратить захват Баку и помешать Германии «затем рвануться на юг через Турцию или Персию», с целью реализовать операцию «Феликс». На это советский лидер уверенно ответил: «Мы остановим их»³⁵. Более того, в Москве с пониманием отнеслись к отправке из Ирака на египетский фронт бомбардировщиков, предназначенных для СССР по ленд-лизу³⁶.

Ролью советско-германского фронта для Британии определялось отношение основной массы ее населения к событиям на востоке Европы. Для общественного мнения Великобритании и США детали операций на востоке оставались неясными, «и, соответственно, полного осознания их значимости не доставало»³⁷. Британское руководство было встревожено массовыми проявлениями просоветских симпатий, тем не менее, лейтмотивом министерства информации стало восхваление СССР как союзника, минимизировав упоминание «коммунизма»³⁸.

Германская угроза Ближнему Востоку была окончательно устранена в начале 1943 г., когда после разгрома под Сталинградом были нейтрализованы немецкие планы прорыва через Кавказ в Иран и Ирак, а в Тунисе была успешно завершена операция «Торч»³⁹. Премьер-министр, находясь в Алжире, писал 3 июня 1943 г.: «Уничтожение и пленение всех войск противника в Тунисе, увенчавшееся взятием в плен 248 тыс. чел., означает триумфальное завершение подвигов, начавшихся сражением под Аламейном и вторжением в Северо-Западную Африку»⁴⁰.

Военный министр США Г. Стимсон писал Рузвельту в августе 1943 г.: «Английская концепция состоит в том, что Германия может быть разбита рядом отвлекающих ударов на периферии, и что единственные тяжелые сражения, которые потребуются провести, будут проведены Россией. Ни один из этих актов войны булавочных уколов не дает оснований полагать, что мы сможем одурачить Сталина и убедить его в том, что мы выполнили свое торжественное обязательство»⁴¹.

Подводя итоги военно-тактических позиций конца 1943 г., маршал Г. К. Жуков отмечал, что Советский Союз уже прочно удерживал стратегическую инициативу, обладая мощными силами и средствами борьбы, и не так остро нуждался в открытии второго фронта, как в предыдущие два года⁴². Тем не менее, в Москве по-прежнему рассчитывали на активные действия, со стороны западных союзников «Большой тройки» на европейском театре, что, несомненно, ускорило бы завершение войны, существенно сократив потери СССР.

³⁴ Дашичев В. И. Стратегия Гитлера. Путь к катастрофе. 1933-1945.: исторические очерки, документы и материалы. Т. 3. М., 2005. С. 167.

³⁵ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн.2. М., 1991. С. 524.

³⁶ My Dear Mr. Stalin. The Complete Correspondence of Franklin D. Roosevelt and Joseph V. Stalin / Ed, with comment. by S. Butler. Yale University Press, New Haven, L. 2005. P. 75.

³⁷ Глентц Д. М. Представления американцев об операциях на Восточном фронте в годы Второй мировой войны // Вопросы истории, 1987. № 8. С.33.

³⁸ McLaine, Ian. Ministry of Morale: Home Front Morale and the Ministry of Information in World War II. L., 1979. P. 199-201.

³⁹ Френкель М.Ю. Вторая мировая война: глобальная стратегия и Африка. М.,1995. С. 54.

⁴⁰ Монтгомери Б. Мемуары фельдмаршала. М., 2006. С. 179.

⁴¹ Цит. по: Трухановский. Антони Иден. М., 1984. С.236.

⁴² Жуков. Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1974. Т.2. С. 211.

УДК 32

**АРМЯНО-ФРАНЦУЗСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ,
НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ В 1992-2008 гг.****ARMENIAN-FRENCH COOPERATION IN THE FIELD OF CULTURE, SCIENCE,
AND EDUCATION (1992-2008)****Э.Г. Акопян****Е. Накорюан***Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23**Nizhny Novgorod University, 23 Gagarina St., Nizhny Novgorod, 603950, Russia**E-mail: h-edo@mail.ru*

Ключевые слова: наука, культура, образование, Франкофония, Франция, Армения, МОФ.
Key words: science, culture, education, La Francophonie, France, Armenia, the OIF.

Аннотация. Упорядочение двусторонних отношений в научно-культурной сфере создало широкие возможности для расширения сотрудничества между Арменией и Францией, с учетом похожего исторического опыта. Культурные связи между двумя народами возникли еще несколько столетий назад и имеют богатую историю. Сотрудничество между Францией и Арменией в научно-культурной сфере в основном осуществляется между академиями, вузами, школами, музеями, другими культурными и образовательными заведениями в рамках различных программ. Став членом МОФ, Армения стала активно участвовать в различных процессах, в частности, в Ереване были проведены различные обсуждения, международные совещания и конференции, затрагивающие организационные вопросы и вопросы перспективы. Активизация культурных связей в основном связана с развитием торгово-экономического сотрудничества, в отличие от научно-образовательного, которое во Франции рассматривается как способ распространения языка, образовательной системы, и в основном финансируется на средства Франции.

Resume. Ordering of bilateral relations in the scientific and cultural sphere has created opportunities for the expansion of cooperation, taking into account the similar historical experience. Cultural relations between the two peoples date back several centuries ago, and have a rich history. Cooperation between France and Armenia in the scientific and cultural sphere is mainly carried out between the academies, universities, schools, museums and other cultural and educational institutions in the various programs. Becoming a member of the OIF, Armenia has been actively involved in various processes, particularly in Yerevan were held various discussions, international meetings and conferences, involving organizational issues and perspectives. Revitalization of cultural relations is mainly related to the development of trade and economic cooperation, as opposed to scientific and educational, which in France is seen as a way to spread the language of the education system, and mainly financed by the French.

Упорядочение двусторонних отношений в научно-культурной сфере создало широкие возможности для расширения сотрудничества, с учетом похожего исторического опыта. Культурные связи между двумя народами возникли еще несколько столетий назад и имеют богатую историю.

Благодаря изучению французского языка многие видные армянские деятели культуры получали образование во Франции. В настоящее время французский язык является объединяющим фактором в рамках Международной организации франкофонии, членство в которой создало условия для культурного сближения и преодоления языковых барьеров.

Сотрудничество между Францией и Арменией в научно-культурной сфере в основном осуществляется между академиями, вузами, школами, музеями, другими культурными и образовательными заведениями в рамках различных программ.

Начало сотрудничеству между Республикой Армения и Французской Республикой в сфере культуры, образования и науки было положено 4 ноября 1995 г. подписанием соглашения «О культурном, научном и техническом сотрудничестве между правительством Республики Армения и Французской Республики»¹.

Была предусмотрена реализация целого ряда программ в сфере образования и науки, наиболее важными из них является переподготовка специалистов во Франции в области языка и других смежных направлений. Она должна касаться широких слоев общества: школьники, учителя, преподаватели, а также обмена студентов университетов, лингвистических вузов, профессиональных технических училищ².

Армянская община Франции также играет активную роль в культурной жизни страны, в частности, это касается Армянского культурного союза Франции /UCFAF/, который был основан еще в 1949 г. Его основной целью было распространение армянской культуры, углубление дружбы между армянским и французским народами³.

Ведется активное сотрудничество между высшими учебными заведениями двух стран. Сотрудничество между НАН РА и французскими научно-образовательными центрами началось еще в советский период, с годами оно все более углублялось и стало традиционным.

Таким образом, в 1993 г. был подписан договор о сотрудничестве между Бюраканской обсерваторией и Французским национальным центром научных исследований /CNRS/, в рамках которого французская сторона профинансировала научные исследования в сфере астрономии.

Тесное сотрудничество велось также между Институтом физических исследований РА и различными научными центрами Франции, в частности, в области базовой и прикладной лазерной физики, с Институтом Кюри /Париж/ в области сверхпроводимости и физики твердых тел. Были осуществлены программы по сотрудничеству между университетами Пари-Норд /Париж/, Клода Бернара /Лион/, университетами Анже и Бургона⁴.

Сотрудничество между Ереваном и французскими городами ведется в сфере экономики, науки, туризма и местного самоуправления. 19 ноября 1999 г. в Ереване была подписана «Декларация»⁵ о создании средне специального армяно-французского учебного заведения.

Активизация культурных связей в основном связана с развитием торгово-экономического сотрудничества, в отличие от научно-образовательного, которое во Франции рассматривается как способ распространения языка, образовательной системы, и в основном финансируется на средства Франции. Особенность культурных связей в основном заключается в принципе равенства, равного вовлечения в организацию, например, дней культуры, которое, как правило, закрепляет результаты, достигнутые в экономической сфере.

5 октября 2001 г. открытием выставки в мэрии города Антони началась декада армянской культуры «Взгляд из Армении». Выставка представляла прошлое и настоящее Армении, а также историю Геноцида армян. В завершение дней армянской культуры прошло открытие памятника, посвященного армяно-французской дружбе и 1700-летию принятия христианства в Армении. Открытие совпало с двумя юбилейными датами: 10-летием независимости Армении и 1700-летием принятия христианства в Армении в качестве государственной религии⁶.

14 декабря 2001 г. в Гренобле прошел большой вечер армяно-французского согласия, посвященный году сотрудничества с Арменией⁷. Решение о провозглашении 2001 г. годом сотрудничества с Арменией было принято 27 января 2001 г. на ежегодном

¹ См.: Соглашение «О культурном, научном и техническом сотрудничестве между правительством Республики Армения и Французской Республики». URL: <http://www.armenia-foreignministry.am/doc/conventions/5-41-francecult-educ-04-11-95-a.pdf>

² См.: Историко-дипломатический архив МИД РА. Список 55. Дело № 22. С. 81-82.

³ См.: Историко-дипломатический архив МИД РА. Список 55. Дело № 22. С. 99.

⁴ См. Там же. Дело № 180. С. 65.

⁵ См. Там же.

⁶ См.: Историко-дипломатический архив МИД РА. Список 3. Дело № 195. С. 123.

⁷ См. Там же. С. 134.

съезде Франция-СНГ, проведенном в городе Пуатье. С 24 мая по 8 июня 2002 г. в Клараре⁸, 4 ноября 2002 г. в Ардеше и 18-24 октября 2004 г. в Ле-Павийон-су-Буа прошли дни Армении и армянской культуры⁹. Даже в тех областях Франции, где нет крупных армянских общин, велик интерес к армянскому народу. Вообще невелико число тех стран, которым удавалось несколько раз достойно представить культурное наследие собственной страны.

20 октября 2002 г. в знаменитом парижском Международном центре искусств состоялось открытие памятника-хачкара¹⁰. Многим армянским деятелям искусства и культуры этот центр предоставил возможность представить свои произведения, армянское искусство и культуру французскому обществу, и памятник был своеобразным выражением благодарности. В городе Шавиль также есть памятник, посвященный армяно-французской дружбе¹¹.

8 января 2003 г. посол РА во Франции Эд. Налбандян от имени президента РА вручил медаль Мхитара Гоша депутату НС Франции, мэру Исси-ле-Мулино и бывшему министру Андре Сантини за вклад в укрепление армяно-французской дружбы. На протяжении нескольких лет Андре Сантини своей деятельностью способствовал укреплению межпарламентского сотрудничества между двумя странами, участвовал в реализации многих программ в Армении и Нагорном Карабахе. Велика его заслуга также в деле признания Францией Геноцида армян 1915 года и принятия соответствующего закона¹².

А 27 ноября 2003 г. в посольстве РА в Париже состоялась презентация книги французского геополитика Франсуа Тюаля «Кризис в Нагорном Карабахе: осажденная крепость?»¹³. Эта книга в основном будет интересна экспертам, занимающимся конфликтами.

21 сентября 2006 г. в День независимости Армении начался год Армении во Франции, который завершился 14 июля, в День взятия Бастилии. В рамках года Армении в 165 городах Франции прошло 850 культурных, экономических и благотворительных мероприятий. Несомненно, проведение года Армении во Франции имело большое политическое значение, поэтому его проведение потребовало от дипломатов и политиков больших усилий и дипломатической настойчивости.

Чрезвычайный и Полномочный Посол РА во Франции Эд. Налбандян сказал: «Мы хотим показать не только то, что есть в Армении, но и то, чем богата Диаспора. Вначале мы планировали провести 100 мероприятий, но когда мы провели «инвентаризацию» наших сокровищ, то поняли, что мероприятий будет намного больше»¹⁴. В рамках программы «1000 юных послов» – 1000 армянских детей отправились во Францию в качестве маленьких послов Армении. Они познакомились со страной, живя во французских семьях¹⁵. Главный акцент мероприятий был сделан на культуре и истории.

Главным мероприятием начала года Армении во Франции стал концерт Шарля Азнавура на Площади Республики. Открытие площади Франции в Ереване превратилось в праздник, президенты Кочарян и Ширак тепло пообщались с жителями столицы. В очень теплой обстановке прошел также второй концерт Азнавура в опере Гарнье в Париже с участием двух десятков французских звезд.

Следует коснуться также сотрудничества между Арменией и Франкофонией. РА дважды (1994 г. и 1996 г.) делала попытку войти в состав Международной организации франкофонии (МОФ). 15 сентября 1993 г. первый президент РА Левон Тер-Петросян обратился к президентам и руководителям правительств франкоговорящих стран, президенту Республики Маврикий Кассаму Утему и председателю высшего совета Франкофонии Франсуа Миттерану с просьбой принять Армению в состав организации.

⁸ См.: Историко-дипломатический архив МИД РА. Список 5. Дело № 22. С. 26.

⁹ См. Там же. С. 119.

¹⁰ См. Там же. С. 118.

¹¹ См.: Историко-дипломатический архив МИД РА. Список 5. Дело № 22. С. 110.

¹² См.: Историко-дипломатический архив МИД РА. Список 5. Дело 47. С. 99.

¹³ См. Там же. С. 102.

¹⁴ См.: Сайт газеты «Аравот»: www.aravot.am.

¹⁵ См.: Сайт газеты «Аравот»: www.aravot.am.

Несмотря на письмо Л. Тер-Петросяна и поддержку Шарля Азнавура этот вопрос не был решен в пользу Армении.

15 марта 1995 г. он еще раз обратился к председателю постоянного совета Франкофонии в Котону, президенту Республики Бенин, Эмилио Зинсу, однако вновь безрезультатно. Причиной тому были субъективные и объективные факторы. Субъективным фактором можно считать поверхностное отношение, недостаточную обоснованность заявок, то, что указанные причины не были достаточно вескими. Объективным фактором было то, что уровень франкоязычности в РА не соответствовал требованиям.

С помощью Франкофонии Франция стремится не только расширить распространение французского языка во всем мире, но и превратить сообщество франкоговорящего населения в настоящее сотрудничество – языковое и культурное, а также экономическое и политическое.

Ереван был полноправным членом международной конференции мэров франкоговорящих городов, несмотря на то, что Армения не была членом МОФ. Это объяснялось тем, что Франкофония имела ряд программ, в которых могли участвовать государства, не имеющие статуса члена. За двумя неудавшимися попытками последовало временное молчание.

С ноября 1995 г. в Армении начала свою работу французская радиостанция RFI, чьи круглосуточные передачи помогают студентам и франкоговорящей общественности улучшить свои знания. Позднее в здании посольства была открыта большая библиотека, где можно было найти разнообразную литературу. Были созданы также все условия для просмотра фильмов на французском языке.

Включение Армении в состав МОФ давало целый ряд преимуществ: политических, экономических, культурных и др., хотя МОФ сейчас включает не только Францию, но и более 50 стран от Америки и Европы до Африки и Азии.

Для того, чтобы соответствовать требованиям для вхождения в состав МОФ в апреле 2000 г. по случаю 30-летия МОФ Армения основала неправительственную организацию поддержки Франкофонии в Армении /ПФА/, конечной целью которой было достигнуть членства Армении в МОФ.

Армения подала заявку на членство и в апреле 2008 г. министр иностранных дел Армении Эд. Налбандян, встретившись 22 апреля в Париже с генеральным секретарем МОФ Абду Диуфом¹⁶, подтвердил намерение Армении углубить свою вовлеченность в деятельность организации¹⁷. Затем последовало одобрение Постоянного совета Франкофонии и Министерской сессии, затем решение министров иностранных дел стран-членов Международной организации Франкофонии, принятое 15 октября. 24-я Министерская сессия Международной организации Франкофонии и 12-й саммит президентов и руководителей правительств стран-членов состоялись 15-18 октября в Квебеке. Принимали участие представители 70 стран, а также Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун и председатель Еврокомиссии Хосе Мануэль Баррозу¹⁸. Армению представлял министр иностранных дел Эд. Налбандян, выступивший с докладом.

Став членом этой организации, Армения стала активно участвовать в различных процессах, в частности, в Ереване были проведены различные обсуждения, международные совещания и конференции, затрагивающие организационные вопросы и вопросы перспективы. Армения и МОФ год от года расширяют рамки сотрудничества.

Таким образом, мы можем констатировать, что отношения между Арменией и Францией в научно-образовательной и культурной сфере активно развиваются, подтверждением чему служит множество фактов. Без подобного сотрудничества невозможно представить полноценные двусторонние отношения.

¹⁶ См.: Информационный сайт: www.tert.am.

¹⁷ См.: Информационный сайт: www.panorama.am.

¹⁸ См.: Официальный сайт Министерства культуры РА: www.mincult.am.

УДК 94(4)

**БОЛГАРСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.
В НОВЕЙШЕМ ОСВЕЩЕНИИ****BULGARIAN SOCIAL DEMOCRATS IN LATE XIX – EARLY XX CENT.
AT THE LATEST LIGHT****В.М. Духопельников****V.M. Dukhopelnikov***Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина
Украина, 61022 г. Харьков, пл. Свободы, 4**Kharkiv National University name V.N. Karazin
Ukraine, 61022 Kharkiv, Svobody sq. 4**e-mail: history@karazin.ua*

Ключевые слова: монография, рецензия, Болгария, Россия, социал-демократия.
Key words: Monograph, Review, Bulgaria, Russia, The Social-democrats.

Аннотация. В рецензии дается краткий анализ содержания и основных выводов по монографии М.В. Тортика «Между молотом европейской модернизации и наковальной евразийских империй: миражи центризма в социал-демократической практике Болгарии и России (конец XIX – начало XX ст.)». Впервые на русском языке дается глубокий анализ истории болгарской социал-демократии в период между обретением независимости и Первой мировой войной. Делается вывод о добротном характере монографии и раскрытии основной заявленной в ней проблематики.

Resume. In a review of the brief analysis of the content and the main conclusions of the monograph by M.V. Tortika "Between a rock and a hard place European modernization Eurasian empires: the mirage of centrism in the social-democratic practice of Bulgaria and Russia (the end of XIX - early XX century)." For the first time in Russian history gives a deep analysis of the Bulgarian Social-Democrats in the period between independence and the First World War. The conclusion about the nature of good-quality monographs and summary of issues stated therein.

Монография М.В. Тортика (Лобановой) «Между молотом европейской модернизации и наковальной евразийских империй: миражи центризма в социал-демократической практике Болгарии и России (конец XIX – начало XX ст.)» является итогом многолетней и кропотливой работы, связанной с изучением политического климата (рассматриваемого через призму деятельности социал-демократических партий) в Болгарии и России на рубеже XIX – XX ст.

Первое, что в данном случае хотелось бы отметить, это компаративный стиль проведенного автором исследования, который она вполне оправданно сочетает с элементами комплексной, и что особенно ценно в историческом исследовании, цивилизационной, методологии. Одновременно, данная работа опирается на обширную документальную платформу, которую составляют, во-первых, материалы Центрального государственного архива Республики Болгария (ЦДА на РБ). В этом случае речь идет о документации, связанной с деятельностью болгарских социал-демократических партий, а так же о материалах, отложившихся в персональных фондах их наиболее ярких представителей. Во-вторых, автором привлекаются материалы коллекций, отражающие деятельность российской социал-демократии на Балканах, в Турции и непосредственно в Российской империи. Последние являются частью таких уникальных архивных собраний как Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) и Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

Отдельно следует отметить нестандартный подход М.В. Тортика (Лобановой) к вопросам формирования левоцентристской оппозиции, безусловно, существовавшей в рамках РСДРП, к которой автор причисляет не только венскую группу Л.Д. Троцкого, но и представителей хорошо известных в украинской, российской и зарубежной историографии «голосовцев». Так же привлекательной выглядит выдвинутая автором идея о левоцентристской ориентации Бунда, национальная идеология которого в этом случае не только не теряет своего индивидуального характера, но, напротив, становится элементом внутренней стратегии будущей автономной фракции.

Так же следует обратить особое внимание на вскрытые автором не только политические, но и цивилизационные связи, которые пронизывают саму толщу восточноевропейского марксизма, демонстрируя (на глубинном уровне) его самостоятельное лицо и более максималистский характер. Последнее, по мнению исследовательницы, как раз и проявилось в практике левого центризма в реальной жизни не способного смириться с прагматизмом более либерального крыла реформистской социал-демократии.

Комментарии осведомителей царской охраны, высказывания крупнейших идеологов российской и болгарской социал-демократических партий (причем, как радикального, так и реформистского образца) -- все это позволяет согласиться с выводами автора о трагическом пути носителей данной идеологии, выразители которой оказались неспособны к решительным политическим действиям, одновременно не желая мириться с присущим западной социал-демократии стремлением «...стрелять из пушек яблочными пирожками...» (с. 687). В этой связи значительный интерес представляет предложенный автором сюжет о связях болгарского социал-демократа К. Раковского с российско-германским социалистом А.Л. Парвусом (Гельфандом), иными словами о связях, которые прямо указывают на контакты некоторых российских и болгарских марксистов с представителями немецкого капитала, причем в условиях неминуемого международного кризиса.

Далее, более подробно хотелось бы остановиться на персонифицированном характере рассматриваемого исследования. В частности, работа содержит в себе многочисленные биографические сюжеты, объединенные, в то же время, общностью центральной задачи – изучением динамики в развитии восточноевропейского центризма на примере аналогичных фракций в Болгарии и России. Нестандартный подход автора позволяет заметить внутреннее родство психологических портретов Ю.О. Мартова и К. Раковского, В.И. Ленина, Д. Благоева и Г. Димитрова; отметить общность географических координат характерных для представителей болгарской и младотурецкой оппозиции. Достаточно вспомнить комментарий автора по поводу биографий и скрытых аналогий в судьбах таких внешне далеких друг от друга политиков как болгарский социалист К. Раковский и представитель младотурецкого движения, председатель палаты депутатов эпохи младотурецкой революции, Ахмед Риза-Бей (с. 75).

Здесь, впрочем, следует заметить, что обилие биографических данных в монографии М.В. Тортика (Лобановой) предполагает более полное развитие темы правых ликвидаторов. Как представляется, стремление автора определить платформу центристского вектора РСДРП, требует более подробного анализа логики экономизма и либерального марксизма в России. Более того, эта проблема могла бы еще больше выиграть в случае развернутого персонифицированного анализа правых социалистов во главе с А.Н. Потресовым, личность которого сама по себе может стать темой для крупного историко-биографического исследования.

Тем не менее, несмотря на приведенные выше рекомендации, нельзя не отметить, что монография М.В. Тортика (Лобановой) представляет собой самостоятельный, разносторонний и творческий анализ, который в будущем может стать точкой отсчета для более подробного изучения специфики восточноевропейского марксизма – феномена, безусловно, самобытного, яркого и, как представляется, изученного пока еще явно недостаточно.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 398.54

**«ДВОРЯНСТВО БЫВАЕТ ХУЖЕ ПОНОМАРСТВА»: МЕЛКИЙ ПОМЕЩИК В
НАРОДНЫХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ**

**«THE NOBILITY IS WORSE PONOMARSTVA»: THE SMALL LANDOWNER IN
NATIONAL PROVERBS AND SAYINGS**

В.А. Шаповалов, С.П. Шаповалова

V.A. Shapovalov, S.P. Shapovalova

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*

Belgorod National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: Shapovalov@bsu.edu.ru

Ключевые слова: мелкий помещик, мелкопоместное дворянство, народные пословицы, крестьянство.

Keywords: gentry, landed gentry, proverbs, peasantry.

Аннотация. В статье рассматриваются народные пословицы, в которых отражена жизнедеятельность мелкопоместных дворян XVII – XIX вв. Данные пословицы являются важным источником по социопсихологическому восприятию крестьянством представителей низшей страты помещного дворянства. Пословицы отразили социальную убогость мелких помещиков, их большую скученность в границах одного селения, занятие тяжелым физическим трудом, доминирующую тенденцию к разорению низшей страты помещного дворянства. В то же время, в пословицах прослеживается и элемент жалости к «мужикам-дворянам», чья жизнь это была борьба за выживание.

Resume. The article deals with the folk proverbs which reflect the activities of gentry in the seventeenth through the nineteenth centuries. These proverbs are an important source on the socio-psychological perception of the landed nobility's lower stratum by the peasantry. The given proverbs reflected the social misery of the gentry – their concentration in a particular rural settlement, their hard physical labor and the dominant trend of the gentry downfall. At the same time one can note an element of sympathy towards the *muzhiks-dvoriane*, whose life was devoted to the struggle for survival.

Основная часть пословиц рождалась как вывод из непосредственных наблюдений над реальной жизнью, иногда как отклики на крупное историческое событие, но их появление однозначно показывает те сферы жизнедеятельности, которые больше всего волновали народ¹. В народной среде XVII – начала XIX вв., то есть того периода, когда и была создана подавляющая часть пословиц и поговорок, главной проблемой в социальной сфере были взаимоотношения помещиков с крепостными крестьянами. Весь микромир крепостного крестьянина замыкался в рамках боярской или дворянской усадьбы, имения, где цикличность и направленность крестьянской жизни определялись

¹ Соколов Ю.М. Русский фольклор. М., 2007. С. 224.

волей барина. Суть этих взаимоотношений не могла не отразиться в народном фольклоре, в частности, в пословицах – кратких образных суждениях, имеющих переносный смысл и применяемых к различным случаям жизни, поговорках – образных выражениях, элементах суждения, приводимых неполно².

Важным является то, что пословицы и поговорки, в своей содержательной основе, дают возможность исследователям классифицировать их в рамках стратификационной структуры той или иной сословной общности. В частности, среди них отчетливо выделяются пословицы и поговорки, касающиеся мелкопоместных дворян. Авторам статьи известно более 100 пословиц и поговорок о помещиках, пятая часть из них посвящена беспоместным и мелкопоместным дворянам³. В народном сознании российское благородное сословие четко подразделялось на две категории: истинное барство, «голубая кровь», изначально отличавшееся «качествами и добродетелями»⁴, относившиеся к крупным помещикам и «панков», как называли в крестьянской среде представителей мелкопоместного дворянства, нередко ведших крестьянский образ жизни⁵. В мелких помещиках крестьяне не видели истинных бар не только из-за их бедности, часто граничащей с нищетой, но и на их глазах крупные помещики повсеместно издевались над своими соседями – мелкопоместными дворянами. В этой связи, применительно к XVIII в., М.М. Богословский подчеркивал: «В усадьбе крупного барина состоит помимо дворовой челяди особый штат приживальщиков из дальней и бедной родни или из мелких соседей, служащих мишенями потех, которые принимают грубый характер и тотчас переходят в насилие»⁶. С другой стороны, для крепостных крестьян статусность их помещика была не пустым звуком. Бедный и незнатный дворянин больше вызывал у них иронию, чем уважение. С точки зрения крестьян только «породистый» барин имел право владеть ими. В отдельных случаях социальная «неказистость» барина могла довести крестьян до открытого неповиновения. А.И. Дельвиг в своих мемуарах описывает последствие получения в начале XIX в. откупщиком А.Ф. Викулиным, женатом на внучатой сестре его деда княжне Кугушевой, ордена св. Владимира, что дало ему право на получение дворянского достоинства. Новоиспеченный дворянин сразу же купил себе населенное имение, но крестьяне отказались ему подчиняться. Причиной этого неповиновения была незнатность помещика. «Крестьяне в этих имениях не хотели повиноваться своему новому владельцу по причине его низкого происхождения. Дошло до бунта, как тогда было принято называть всякое ничтожное непослушание со стороны крепостных людей, и усмирения его войсками»⁷.

Все вышесказанное показывает относительно пренебрежительное отношение крестьян к мелким помещикам, что и нашло отражение в народном фольклоре, в частности, в пословицах и поговорках. Вероятнее всего это относилось в первую очередь к низшим подгруппам мелкопоместного дворянства, владевших до 10 дес. земли. Тем не менее, крестьяне осознавали дворянский статус мелких помещиков, принадлежность их к высшему сословию независимо от материального достатка. Это нашло отражение в трех следующих пословицах: «Хоть лыком шит – да барин», «Хоть не стоит лыка, да ставь за велика (отдельная вариация первой пословицы, но может быть отнесена и к мелким чиновникам)⁸, «С грошами пан и без грошей пан: все пан»⁹. Право помещиков владеть «крещеной собственностью» наложило отпечаток на психологию крестьян, выработало у

² Чичеров В.И. Русское народное творчество. М., 1959. С. 310.

³ Воскресенский В. Русская народная поэзия. Сборник сказок, былин, исторических и бытовых песен, обрядов, пословиц, загадок. СПб., 1902. С. 289; Иллюстров И.И. Сборник российских пословиц и поговорок. Киев, 1904. С. 90; К воле. Крепостное право в народной поэзии/ сост. Н.Л. Бродский. СПб., 1911. С. 156, 157; Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII – XIX веков/ отв. ред. М.Я. Мельц, В.В. Митрофанова, Г.Г. Шаповалова. М.-Л., 1961. С. 31, 34, 51, 101, 114; Рыбникова М.А. Русские пословицы и поговорки. М., 1961. С. 146 – 147.

⁴ Коцебу А. О дворянстве, его происхождении, распространении и не одинаковом введении между всеми почти народами земного шара. М., 1804. С. 20.

⁵ Борецкой А. Захудалое дворянство (из летних экскурсий) // Русская мысль. 1882. Кн. XII. С. 340.

⁶ Богословский М.М., проф. Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII века. Петроград, 1918. С. 40.

⁷ Дельвиг А.И. Полвека русской жизни. М., 2014. С. 4.

⁸ Воскресенский В. Указ. соч. С. 289.

⁹ К воле. Крепостное право в народной поэзии. С. 157.

них традицию подчинения. Мелкопоместные дворяне, в свою очередь, всячески стремились подчеркнуть перед крестьянами свой высокий социальный статус. На это обращал внимание современник, описывая усадьбы тамбовских мелких помещиков: «Очень много было этих усадеб, и почти все одинаково маленькие, полуразвалившиеся, с заросшими садиками. Только две или три между ними были хотя несколько побольше и поправильнее, то есть сколько-нибудь походили на обыкновенные помещичьи усадьбы средней руки.

Проезжая, мы видели некоторых из владельцев, расхаживающих у себя по двору в красных рубашках, совсем как кучера, или в широких грязных парусинных пальто, как стары повара, дворецкие отставные и прочие заштатные дворовые. Видали и их жен вдали, сидевших в усадьбе или на берегу, окруженных бедно и грязно одетыми детьми.

Но они все живо чувствовали себя дворянами, потому что мужики их, вообще их крепостные, как мы видели это из кареты, стояли перед ними без шапок, а они напротив, расхаживали и сидели с важностью, не забывая своего достоинства»¹⁰. В отличие от большей части помещиков верхних страт, мелкопоместные дворяне, социально утверждались в глазах собственных крестьян, более жестоко эксплуатируя последних. Связано, отчасти, это было еще и с тем, что в мизерных усадьбах не оставалось места для личного пространства крепостных крестьян. Это и вызывало у них ожесточение, граничащее с пренебрежением, в адрес своих «незадачливых» бар. С.Н. Терпигорев (С. Атава) продолжая эту тему, подчеркивал: «...отношение мелких к своим крепостным были положительно невозможные. Надо вообще принять за аксиому, что чем мельче был помещик, тем хуже и тяжелее жилось его мужикам...близость мелкого помещика к домашнему обиходу мужика была для последнего тем невыносима, что он у него был весь на виду: он от него ничего не мог уберечь и схоронить»¹¹.

Три вышеприведенные пословицы показывают всю сложность восприятия крестьянами своей правовой принадлежности мелким помещикам, где неотъемлемо присутствовало убеждение о «лыком шитой» породе их бар. Точно датировать создание данных пословиц весьма сложно, «так как огромное большинство их (пословиц – В.Ш.) потеряло своих авторов, стало анонимными. Помочь может лишь тщательный анализ с литературными и сравнительно-историческими экскурсами...»¹². Первые две пословицы, скорее всего, можно отнести к XVII – первой половине XVIII вв., так как есть вариант второй пословицы с упоминанием термина «воевода»¹³, который в народном фольклоре обычно упоминается в указанный период. Установить время создания третьей пословицы затруднительно, так как, термин «пан» традиционно связан с белорусским и украинским фольклором (не без польского влияния), при этом имел широкое распространение в южных и западных великорусских губерниях. Хронологический диапазон его активного использования в фольклоре в пределах XVI – начала XX вв., но это, в первую очередь, относится к Малороссии и Белоруссии, в великорусских губерниях он наиболее был распространен в XVII – первой половине XIX вв. Одна и та же пословица в отдельных регионах принимала несколько иные внешние формы, видоизменялась со временем, приобретая национальное звучание.

Большое количество мелкопоместных дворян, мизерность и скудность их «имений», владение одной или двумя душами, хорошо проиллюстрировано в нижеприведенных пословицах: «Сколько дворов, столько господ», «У всякого крестьянина по семи баринов»¹⁴, «Нес черт грибы в коробе, да рассыпал по бору: и выросли однодворцы»¹⁵. Последняя пословица имеет и иные вариации: «Тащил черт однодворцев в коробе, да рассыпал под гору», «Собрал черт всех однодворцев в решете и понес: гром грянул, он и выворотил их под Воронежем»¹⁶. В дореформенные времена мелкопоместные дворяне в рамках своего сословия составляли большинство, в ходе

¹⁰ Терпигорев С.Н. (Атава С.) Потревоженные тени. М., 1988. С. 269-270.

¹¹ Терпигорев. С.Н. (Атава С.). Оскудение // Сборник сочинений. Т.1. Ч. 1. СПб., 1899. С. 311.

¹² Соколов Ю.М. Русский фольклор. С. 226.

¹³ Там же. С. 230.

¹⁴ Воскресенский В. Указ. соч. С. 289.

¹⁵ Иллюстров И.И. Указ. соч. С. 90.

¹⁶ Там же.

дробления имений мелкими помещиками были населены целые селения. Если современник хотел, как либо, подчеркнуть быт мелкопоместных дворян, он обязательно указывал их многочисленность и бедность. Так, например, кн. Г.В. Кутушев в литературном очерке «Странник (эскиз провинциальной жизни)», посвященном дореформенному мелкопоместному дворянству, первым предложением сделал следующее: «В селе Благом много помещиков»¹⁷. и далее показывает их непредвзятый быт, дрязги, желание просто выжить. В отдельных селах мелких помещиков могло быть до сотни. В с. Никольском Новооскольского уезда Курской губернии в 50-е гг. XIX в. их насчитывалось 83¹⁸. И таких сел было множество. В подобных селах крестьянские избы соседствовали с «усадебными» мелких помещиков: «Мелкие усадебцы с домиками и надвратными строениями, крытыми соломой, при них садики с густо разросшими яблонями, грушами, вишнями, рябиной, черемухой, сиренью, а в недалеке три-четыре крестьянских двора – их крепостные. Из таких усадеб, вперемешку с крестьянскими избами, состояло все Всесвятское»¹⁹.

Скопление мелкопоместных дворян в рамках одного селения, их соседство с крестьянскими избами, быт мало чем отличавшийся от крестьянского стали сюжетной основой для рассматриваемых выше пословиц.

Известный этнограф рубежа XIX – XX в. О.П. Семенова-Тян-Шанская весьма точно подметила отношение «Ивана» (крестьянина – В.Ш.) к помещику: «...с одной стороны он не уважает барина за то, что он не умеет обращаться с землей и трудиться над ней по-мужицки, а с другой – величие барина. Очевидно, существует крестьянское эстетическое представление о барине, как о противоположности роющемуся в навозе купцу или мужику. Сектанты прямо завидуют барской свободе предаваться душеспасительным мыслям, такой свободе, которой нет у них, крестьян, принужденных изо дня в день заботиться о хлебе насущном среди неприглядного обихода деревенской трудовой жизни. По мнению крестьянина, в том именно и заключается, смысл быть богатым, - не считать грошей и не марать своего барского достоинства, около мелочей хозяйственного обихода...»²⁰. Ходить лично за сохой, убирать хлеб в поле и т.п., с точки зрения крестьян, не как не ассоциировалось с дворянским статусом. Но реальная жизнь была значительно сложнее и часть мелких помещиков в ежедневных трудовых буднях просто выживала. В самом начале пореформенного периода командированный чиновник описывал на границе Курской и Харьковской губерний целые хутора, населенные неграмотными мелкопоместными дворянами, которые занимались на уборку свеклы к местным сахарозаводчикам, пасли скот, страдали от хозяйственных притеснений более зажиточных соседних крестьян²¹.

Ежедневный тяжелый физический труд определенной части мелких помещиков сближал их, в рамках повседневности, с крестьянами. У последних подобный уклад жизни мелкопоместных дворян, при наличии их барского статуса, вызывал иронию, что нашло отражение в пословицах. Среди них: «Корегский барин сам орет (орать, орывать землю – пахать, взрывать её – В.Ш.), сам и пашет»; «Сам пашет, сам орет, сам и денежки берет»²²; «Не имеючи раба – сам по дрова»²³. Словосочетание «Корегский барин» И.И. Иллюстров объясняет так: «Население Кореги около Буя (Костромской губернии) большею частью бедными дворянами дало повод к этой поговорке»²⁴. Личное занятие хлебопашеством и другими видами сельскохозяйственных работ у мелкопоместных дворян (ввиду отсутствия крепостных крестьян, или наличие 1-2 душ) широко

¹⁷ Кутушев Г.В., кн. Странник (эскиз провинциальной жизни) // Отечественные записки. 1857. Т. СХІІ. Отд. 1. С. 1.

¹⁸ Труды Курского губернского статистического комитета. Вып. I Курск, 1863. С. 128-129, 135-136.

¹⁹ Терпигорев С.Н. (Атава С.) Потревоженные тени. С. 269.

²⁰ Шнейдер В.П. Памяти Ольги Петровны Семеновой. СПб., 1908. С. 16.

²¹ Хлопов Н.А. Мужики-дворяне (бытовой этюд)//Исторический вестник. 1903. Т.ХСІ. С. 1032-1033.

²² Иллюстров И.И. Указ. соч. С. 90.

²³ Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII – XX веков. С. 31.

²⁴ Иллюстров И.И. Указ. соч. С. 90.

практиковалось уже в первой трети XVII в.²⁵ и отчетливо прослеживалось вплоть до 1917 г.

Время создания данных пословиц, исходя из присутствия терминов «раб» и «орет», скорее всего, можно отнести к XVII – XVIII вв. Хотя возможна и первая половина XIX в.

Тяжелая, не дворянская жизнь мелких помещиков, несоответствие их сословного статуса повседневным реалиям, отсутствие у них каких-либо социальных перспектив вызывали у крестьян, как и у представителей других сословий, сарказм, что и отразилось в пословицах и поговорках: «Дворянином жить не сможет, а смердом быть не хочется», (вариация – «Смердом жить не хочется, а дворянином не сможет»), «Дворянство бывает хуже пономарства», «Не на рабов пенять, коли господин худ», «Хлеб да вода – наша дворянская еда»²⁶. «Ну и бара! – Пятак пара! Да и то в базарный день», «Все мое имение в воображении»²⁷.

Фольклорный сарказм здесь тесно соседствует с определенным элементом жалости, сочувствием тяжелому положению «мужиков-дворян», пониманием экономической природы их бедности. На это указывает сравнение жизни дворян с пономарями, чья бедность была притчей во языцех, сопоставление дворян и смердов. Это еще раз подтверждает весьма сложное социальнопсихологическое восприятие крестьянами дворян, особенно, поместных, в контексте стратифицированного восприятия.

Снисходительное, сословно дистанцированное отношение к мелким помещикам было и у дворян верхних страт. Это хорошо просматривается на примере официальных отчетов, мемуаров, литературы. Например, поэт И.П. Мятлев, выходец их аристократической семьи, в стихотворении «Разговор барина с Афонькой» (1845) показывает социальную убогость и недалекость мелкого помещика, который жаловался на своего крепостного крестьянина сенаторам:

«...Барин
Позвольте, господа сенаторы, какой он
грубиян.
Ну, скажи, пожалуйста, Афонька,
Ты жил в моей деревне –
Как мои мужики живут?
Афонька
Зажиточно
Барин
Да как зажиточно?..
Афонька
А так зажиточно,
что в семи дворах один топор:
Поутру дрова рубят,
А вечером в кулак трубят...»²⁸.

Далее в стихотворении Афонька рассказывает сенаторам о тяжелой доли крестьян и убогости быта в усадьбе мелкопоместного дворянина.

Отдельно необходимо остановиться на пословице: «Што это стало с панамми? Бувало один пан едет на шести конях, а теперь шесть панов едут на одном коне»²⁹. В ней отражены народные представления о доминирующей тенденции разорения помещичьего дворянства, превращения его большей части в мелких помещиков. Точно указать время создания пословицы весьма затруднительно. Процесс дробления крупных и средних поместий был постоянным, переход части средних помещиков, иногда и крупных, в

²⁵ Тихонов Ю.А. Дворянская усадьба и крестьянский двор в России 17 и 18 веков. М., 2005. С. 93-94; Лаптева Т.А. Провинциальное дворянство России в XVII веке. М., 2010. С. 321-322.

²⁶ Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII – XX веков. С. 31, 34, 51, 101, 114.

²⁷ Рыбникова М.А. Указ. соч. С. 147.

²⁸ Мятлев И.П. Разговор барина с Афонькой// Муза пламенной сатиры: Русская стихотворная сатира 1830 – 1870-х годов/ сост. Л.Ф. Ершов. М., 1988. С. 75-76.

²⁹ К воле. Крепостное право в народной поэзии. С. 157.

катеорию мелкопоместных, тоже был беспрерывен. Многие усадьбы просто перестали существовать. Данный процесс нашел широкий отклик в поэзии дворянских авторов, которые подтверждали мудрость народных пословиц о социальном упадке поместного дворянства. В частности, в стихотворении И.Ф. Анненского «Старая усадьба» выражена боль помещика об уходящем старом мире, упадке дворянского сословия:

«Сердце дома. Сердце радо. А чему?
Тени дома? Тени сада? Не пойму.

Сад старинный, все осины – тощи, страх!
Дом – руины...Тины, тины, что в прудах...

Что утрат-то!.. Брат на брата...Что обид!..
Прах и гнилость... Накренилось... А стоит...»³⁰.

В народных пословицах жизнедеятельность мелкопоместных дворян XVII - XIX вв. отражена весьма точно. Показана их социальная убогость, скученность мелких помещиков в рамках одного селения, крайняя бедность их крестьян, внутрисословная дистанцированность помещиков верхних страт от низших, личное участие в тяжелом физическом труде, но, при этом, стремление к подчеркиванию дворянского достоинства. Данные пословицы являются ценным источником не только по социальнопсихологической эволюции крестьянства, но и по изучению мелкопоместного дворянства.

³⁰ Анненский И.Ф. Старая усадьба // Поэзия дворянских усадеб/ сост. Л.И. Густова. СПб., 2008. С. 14.

УДК 94(47).066:908

**НАМЕСТНИЧЕСКИЕ ПРАВЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА****VICEGERAL BOARD IN THE SYSTEM OF STATE AUTHORITIES DURING THE
LAST QUARTER OF XVIII CENTURY****Д.Е. Уткин****D.E. Utkin***Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Россия, 150000, г. Ярославль, ул. Советская, д. 10.**Yaroslavl Demidov State University, 14 Sovetskaya St, Yaroslavl, 150000, Russia**E-mail: denevg92@mail.ru*

Ключевые слова: губернская реформа, наместническое правление, генерал-губернатор, штаты, канцелярский служащий.

Kew words: reform of the provincial government, vicegeral board, general-governor, staff, clerical worker.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопроса о месте наместнических правлений в структуре местного управления, введенного губернской реформой 1775 г. Сделан краткий анализ историографии и обзор источниковой базы по поставленной проблеме, проанализирована законодательная основа деятельности правлений, их главные функции, заложенные «Учреждениями о губерниях», численный состав служащих, а также рабочее расписание учреждения. Изучена проблема соотношения понятий «губерния» и «наместничество» и сделан вывод об их тождественности. Также автор приходит к выводу о центральной роли наместнических правлений в новой системе местных учреждений, выразившейся в их координирующей функции, и о решающей роли губернаторов и генерал-губернаторов в их работе. Вместе с тем обозначены еще нерешенные проблемы, такие как, внутренняя структура правлений.

Resume. The article is dedicated to questions concerning the place of vicegeral board in the structure of local authorities established by the reform of the provincial government of 1775. A brief analysis of historiography and the sources review on this topic are made in it, rightful principles of board's activities, its main functions laid in "Provinces institution", numerical structure of officers and their work schedule are analyzed. Also the problem of interrelation between terms "province" and "vicegerency" is examined and their identity is concluded. It is inferred that the coordinating role of vicegeral board in the new system of local authorities was central, and governors and general-governors played the crucial role in its functioning. Still unsolved issues of the board's internal structure are figured out at the same time.

Одним из важнейших законодательных актов, принятых в правление Екатерины II, стали «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» 1775 г. Этот документ ввел новую систему административно-территориального деления и управления империи. В результате постепенного введения в действие «Учреждений» было образовано 50 губерний. Главным органом государственной власти на местах становилось наместническое правление.

На настоящее время вопрос о функционировании наместнических правлений в системе органов государственного управления еще не получил достаточно полного освещения в исследовательской литературе. Исследователи, изучавшие губернскую реформу 1775 г., делали акцент на реализации реформы и ее последствиях. Некоторые сведения о Ярославском наместническом правлении приводились в диссертациях Т.Ю. Амплеевой¹ и В.М. Марасановой². Истории Воронежского наместничества была

¹ Амплеева Т.Ю. Ярославское наместничество: административно-территориальное устройство и управление: Дис.... канд. ист. наук. Ярославль, 1990.

² Марасанова В.М. История органов губернского управления в конце XVIII - начале XX вв. (На материалах Верхнего Поволжья): Дис. ... д-ра ист. наук. Ярославль, 2005.

посвящена диссертация Е.А. Шевченко³ а Тверскому – труды Н.В. Середы⁴. Период, предшествовавший реформе 1775 г. в Белгородской губернии, был исследован А.А. Колотушкиным⁵.

Источниковая база для изучения наместнических правлений и их роли в системе государственных учреждений империи весьма обширна. В первую очередь, это законодательные материалы: «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи», а также другие законы, относящиеся к деятельности губернских органов власти. Они опубликованы в «Полном собрании законов Российской империи» (далее ПСЗ) и отдельными изданиями. Другим значительным массивом источников выступают делопроизводственные материалы. Так, например, в Государственном архиве Ярославской области (далее – ГАЯО) находится фонд № 77 «Ярославское наместническое правление», содержащий 5120 дел, многосторонне характеризующих деятельность данного органа власти. Также ценную информацию можно найти в фонде № 72 «Канцелярия ярославского генерал-губернатора».

В трудах историков можно встретить различные определения наместнических правлений, например, как коллегиального органа, издававшего приказы⁶, или исполнительного органа генерал-губернатора, состоящего из 2-3 советников⁷. В связи с этим изучение реформ местного управления при Екатерине II требует более детального рассмотрения вопроса о деятельности наместнических правлений и о роли в них генерал-губернаторов.

Согласно «Учреждению о губерниях» наместническое правление определялось как «место, которое управляет в силу законов именем Императорского Величества всею губерниею»⁸, т.е. наделялось высшей исполнительной властью на своей территории. Председателем правления являлся генерал-губернатор («государев наместник»). В случае его отсутствия эту должность исправлял губернатор (правитель наместничества). В помощь последнему определялись два советника 6-го класса, которым надлежало исполнять его повеления.

Процедура принятия решений подробно не описывалась, но исходя из текста «Учреждений» можно прийти к выводу, что этот процесс не являлся коллегиальным, и право принятия решений закреплялось за наместником или правителем наместничества. Статья 103 указывала, что советники в случае несоответствия приказаний губернатора существующим законам, могут внести в правление свое письменное мнение, уведомив об этом генерал-губернатора и Сенат, но «приказаний губернаторских отменить не могут, и по оным исполнять обязаны»⁹. Эта статья показывает значительную власть правителя наместничества и отражает тот факт, что генерал-губернатор назначался сразу на несколько наместничеств и соответственно не мог присутствовать на заседаниях всех правлений. Поэтому для губерний, в которых наместник преимущественно отсутствовал, характерна более значительная роль губернатора.

По этому принципу, по-видимому, происходило и номинальное разделение наместнических правлений на «генерал-губернаторские» и «губернаторские», зафиксированное в книге штатов ПСЗ¹⁰. При этом главное различие в них было заложено именно этими документами, определяющими количество управленцев и их жалованье.

³ Шевченко, Е. А. История Воронежского наместничества: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2009. 23 с.

⁴ Середина Н.В. Реформа местного управления последней четверти XVIII в. и ее реализация в городах Тверской губернии // Источниковедение и краеведение в культуре России. М., 2000. С. 253-256; Середина Н.В. Городская реформа Екатерины II в Тверской губернии: источники и методы исследования: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005.

⁵ Колотушкин А.А. Законодательное регулирование деятельности губернских канцелярий в Российской империи в XVIII веке // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология. 2014. № 1(172). С. 71 – 81.; Он же. Белгородская губернская администрация: регламент, состав и основные направления деятельности (1727 – 1779 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2015. 25 с.

⁶ Мадариана И. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 448.

⁷ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 120.

⁸ Российское законодательство X – XX вв. в 9 т. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма / под ред. О.И. Чистякова. М., 1988. С. 184.

⁹ Там же. С. 187.

¹⁰ ПСЗ. I. Т. 44. Ч. 2. № 17494.

Так, в штатах Костромского и Вологодского наместничеств, составленных в период, когда они находились под властью ярославского генерал-губернатора А.П. Мельгунова, отсутствует оклад для наместника с припиской, что он «сверх жалования по чину получает на стол в Ярославском наместничестве»¹¹.

В законодательстве Екатерины II подобное разделение наместнических правлений не фиксируется и, по-видимому, термины «генерал-губернаторские» и «губернаторские» правления возникли уже в XIX в. во время кодификации законодательства и отражали реальное различие в комплектовании штатов, а не в компетенции учреждений XVIII в. Это подтверждается данными по Московской губернии, учрежденной в 1781 г. Она не попадала под власть генерал-губернаторов, и во главе ее стоял непосредственно император, а в его отсутствие – главнокомандующий. Ввиду этого привычная для других штатов формулировка «В правлении наместническом или губернской» сменяется на «В правлении губернской»¹².

В связи с этим встает вопрос о соотношении понятий «наместничество» и «губерния». На настоящий момент среди историков, высказывавшихся по этому поводу, нет единства. Так одни из них считают, что «наместничества» являлись более крупным административно-территориальными образованиями, включавшими в себя 2-3 губернии¹³, а другие указывают на тождественность этих понятий¹⁴.

Законодательство дает следующий ответ на данный вопрос. Уже первые три статьи «Учреждений» указывают на равнозначность понятий формулой «Губерния или наместничество». При этом для этих единиц предусматривается равное количество населения. Дальнейшее употребление терминов также не фиксирует никаких различий между ними: ни прямых, ни косвенно скрытых в тексте документа. Кроме того, что наиболее важно, в законах не описана такая территориально-административная структура и нет никаких указаний на включение губерний в наместничества. Не было предусмотрено и никакого единого органа власти в местном управлении выше по компетенции, чем наместническое правление каждой отдельной губернии. Единственным объединяющим звеном для нескольких административных субъектов являлся наместник. При этом правление, являвшееся «генерал-губернаторским» не выходило в своих полномочиях за рамки своей губернии, о чем свидетельствует состав соответствующего фонда ГАЯО. Кроме того в указах можно встретить указания на то, что учреждаемые наместничества «составлялись» из уездов¹⁵.

Таким образом, представляется возможным использование схемы «наместничество – несколько губерний» в качестве теоретической модели для изучения регионов, находившихся под властью одного наместника.

При наместническом правлении существовали должности губернского архитектора, землемера и механика или машинного и мельничного мастера. После «Жалованной грамоты дворянству» 1785 г. к правлению приписывался и губернский предводитель дворянства, что фиксируется в официальных адрес-календарях или «Месяцесловах»¹⁶. Также в правлении заседал один секретарь 11 класса, названный в книге штатов «общегубернским». При наместнике по штату числились два адъютанта и секретарь 11 класса, которые наряду с другими чиновниками попадали в официальные справочники служащих.

Также при наместническом правлении существовали должности губернского прокурора и двух стряпчих: казенных и уголовных дел. Они могли присутствовать на

¹¹ Штат Костромского наместничества. СПб., 1778. С. 1.; Штат Вологодского наместничества. СПб., 1780. С. 1.

¹² Государственный архив Ярославской области (далее ГАЯО). Ф. 77. Оп. 2. Д. 33. Л. 384.

¹³ См., например: Марасанова В.М. Реализация губернской реформы 1775 г. (На примере Ярославской и Костромской губерний) // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия История. 2007. №3. С. 81.; Злобин Ю.П. Институт генерал-губернаторов в России в XVIII веке: становление и развитие // Вестник Омского государственного университета. 2010. № 4. С. 6.

¹⁴ Шевченко Е.А. История Воронежского наместничества: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2009. С. 12.

¹⁵ ГАЯО. Ф. 77. Оп. 2. Д. 33. Л. 347, 396.

¹⁶ Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от рождества христового 1788. СПб., 1788. С. 152.

заседаниях правления и подавать жалобы, касающиеся сфер их надзора. Прокурор был носителем двух важных функций: он имел право преимущественного толкования новых законов и надзора за исполнением указов на территории наместничества. В том числе, губернский прокурор мог следить и за деятельностью наместнического правления и предотвращать возможные нарушения. Так, например, вскоре после начала деятельности Костромского наместнического правления губернский прокурор Остафьев подал пространную жалобу губернатору А.С. Шишкину. Суть его претензий сводилась, главным образом, к медлительности в делопроизводстве и нарушении должностных полномочий. Прокурор отмечал, что правление принимает челобитные от частных лиц, разрешает тяжбы, относящиеся к ведению палат, минуя сношения с ними, и нарушает вексельный устав. Переписка по этим нарушениям длилась в течение месяца, и прокурор находил новые недостатки в работе. Наместническое правление отрицало все обвинения¹⁷.

Штат канцелярских служащих определялся непосредственно на местах по усмотрению генерал-губернатора. Так, например, в 1777 г. в Ярославском наместническом правлении было 24 «приказных». Среди них: 1 протоколист, 2 регистратора, 1 архивариус, 4 канцеляриста, 6 подканцеляристов, 8 копиистов, 1 переплетчик и его ученик. Кроме них, правлению требовались вахмистр, 2 унтер-офицера и 6 сторожей. Совокупное жалование всех перечисленных составляло 2262 руб., а на канцелярские расходы отводилось 250 руб.¹⁸. Численность «канцелярского аппарата» при правлении не была постоянной. Так, в 1786 г. в Ярославском наместническом правлении был уже 31 канцелярский служащий, не считая 11 человек, взятых сверх штата (в основном это молодые дворяне и дети приказных в возрасте от 7 до 16 лет)¹⁹.

«Учреждения о губерниях» регламентировали и обязанности наместнических правлений, среди которых можно выделить: 1) Объявление в наместничестве законов и указов императора; 2) Надзор за исполнением узаконений, уставов благочиния и торговли; 3) Прекращение беспорядков, принятие мер к сохранению «всякого рода благонравия, порядка, мира и тишины». 4) производство взысканий за «непослушание, ропот, леность и медленность»²⁰.

При этом юрисдикция наместнических правлений охватывала лишь дела, не требующие разбирательств и быстрые к исполнению: «подписанные должником счета, или вексели, или контракты ясные и явные»²¹. К этой же категории относились дела о беглых крестьянах и рекрутах. Также в компетенцию правлений входил арест имений за долги. Этому органу власти должны были подчиняться все остальные присутственные места наместничества.

Кроме того, наместнические правления выполняли важную координирующую функцию между всеми учреждениями губернии друг с другом и с вышестоящим органом – Сенатом. Все указы, касающиеся различных мест, присылались в правление, а уже из него расходились по назначению, при необходимости копировались и т.д. В точности также местные органы управления присылали в правление свои рапорты и донесения, адресованные Сенату. Это касалось, например, необходимости публикации различного рода сведений в столичных газетах. Например, Ярославский приказ общественного призрения в 1778 г. просил наместническое правление направить в канцелярию Московского Императорского университета для печати в газетах известие о пожертвовании Иваном Затрапезновым 1000 руб. на нужды этого учреждения²².

В дальнейшем появлялись указы, регламентирующие деятельность наместнических правлений и их отношения с различными учреждениями. Эти дополнения были вызваны административной и делопроизводственной практикой: начало работы новых органов управления неизбежно влекло за собой необходимость уточнения компетенций. Так, например, указ 12 июля 1776 г. определял порядок

¹⁷ ГАЯО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 256. Л. 6 – 32.

¹⁸ ГАЯО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 7. Л. 23

¹⁹ ГАЯО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1097. Л. 1 – 12об.

²⁰ Российское законодательство X – XX вв.... С. 185.

²¹ Там же.

²² ГАЯО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 23. Л. 1.

сношений между правлениями и межевыми конторами²³, а указ 25 июня 1777 г. оговаривал некоторые особенности сношений главного губернского органа с городскими магистратами²⁴.

Достаточно сложным остается вопрос о внутренней структуре наместнических правлений. В формулярных списках по Ярославскому наместничеству среди канцелярских служителей зафиксирована должность «столоначальника», которую занимали 4 человека. При этом она фиксируется только с 1785 г., а наличие самих «столов» как структурного подразделения, на данной степени исследования темы, по документам отследить не удалось.

Наместническое правление заседало фактически каждый день за исключением выходных по регламенту (воскресенья) и праздников. Все, происходившее в правлении фиксировалось в специальных журналах. Главным образом в них заносилась информация о решенных делах и поступивших указах. Из этих же журналов мы можем почерпнуть информацию о распорядке дня рассматриваемого учреждения на примере первых недель работы Ярославского наместнического правления. Первыми в присутственные места прибывали советники в 7 часов утра. Они разбирали поступившие дела и готовились к прибытию генерал-губернатора или губернатора, появившихся около полудня. Само заседание длилось около 3-4 часов, после чего все покидали присутственные места. Советники возвращались к 5 – 6 часам пополудни и работали до 10-11 часов вечера. Иногда один из советников исполнял важные поручения и отсутствовал на заседаниях²⁵.

Реформа местного управления 1775 г. вводила новую стройную, по сравнению с предыдущими периодами, систему организации власти в губерниях. В ее центре стояли генерал-губернаторы и губернаторы, с подчиненными им наместническими правлениями, игравшими роль главного исполнительного и координирующего органа. Относительная несамостоятельность остальных местных учреждений, выраженная в невозможности сообщения с вышестоящими органами, минуя наместническое правление, позволяла наместникам и губернаторам контролировать все, что происходило на вверенных им территориях. Сами наместнические правления полностью подчинялись губернаторам, которые решали все вопросы, а советники играли роль помощников и исполнителей. Усиленный по сравнению с предыдущим периодом в развитии местного управления аппарат канцелярских служителей позволил вывести на новый уровень процесс делопроизводства. Штат приказных позволял в короткие сроки производить копирование всех необходимых указов для учреждений губернии, сортировать поступающие дела и должным образом хранить их.

В результате преобразований, заложенных реформой 1775 г., улучшилась управляемость территорий, в том числе за счет децентрализации управления и передачи некоторых функций из центральных органов власти в местные. Наместнические правления прекратили свое существование в 1796 г. в результате административных преобразований Павла I. Вместо них были созданы губернские правления, должность наместника была упразднена, а сам термин «наместничество» исчез из употребления²⁶. Тем не менее, дальнейшее развитие местного управления в Российской империи, вплоть до реформ 1860-х гг., происходило в направлении, заданном «Учреждениями для управления Всероссийских губерний».

²³ ПСЗ. I. Т. XX. № 14484.

²⁴ Там же. №. 14624.

²⁵ ГАЯО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1а. Л. 1 – 35.

²⁶ Ярославские губернаторы. 1777 – 1917. Историко-биографические очерки / В.М. Марасанова, Г.П. Федок. Ярославль, 1998. С. 8.

УДК 93/99:37

**ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО
ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ****А.В. Третьяков****A.V. Tretjakov***Курский государственный университет, Россия, 305000, г. Курск, ул. Радищева, 33**Kursk State University, 33 Radischeva St., Kursk, 305000, Russia**E-mail: dr_tretiyakov@mail.ru*

Ключевые слова: система, сельскохозяйственное образование, государство, земства, общества, частные лица, закон, модернизация.

Key words: system, agricultural education, state, zemstvo, societies, private persons, law, modernization.

Аннотация. Статья посвящена актуальной, но недостаточно разработанной в отечественной историографии проблеме - формированию и развитию системы сельскохозяйственного образования в России конца XIX-начала XX веков. Зарождение сельскохозяйственных учебных заведений, развитие и оформление их системы в России стало не только результатом реализации «Великих реформ» 60-70-х годов XIX в., но и важным условием устойчивого развития пореформенного аграрного хозяйства и модернизационных процессов во всей социально-экономической сфере государства. Сельскохозяйственное образование позитивно сказалось на эволюции хозяйственной жизни крестьян, активизировало процесс формирования рыночной ментальности сельского населения, втягивания в хозяйственно-производственную деятельность женщин. Прогрессивная общественность и сельские жители начинали усматривать в профессиональном образовании важное условие собственной общественно-экономической социализации. В силу этого в статье рассматривается работа государственных органов власти, земств, обществ и частных лиц по созданию и развитию системы сельскохозяйственного образования в пореформенной России

Resume. The article is devoted to the urgent but insufficiently developed in the home historiography topic – formation and development of the system of agricultural education in Russia at the end of XIX – beginning of XX centuries. The rise of agricultural educational institutions, development and registration of their system in Russia became not only the result of the realization of “Great reforms” in 1860-1870s, but also an important condition of steady development of the post-reform agriculture and modernization processes in the whole social and economical sphere of the state. Agricultural education told positively on the evolution of the agricultural life of the peasants, made more active the process of market mindset formation of the rural population, retraction of women into economic and manufacturing activities. Progressive community and rural people began to perceive in professional education an important condition of their own public and economical socialization. Thereby the article considers the work of state government bodies, zemstvo, associations and private persons on creation and development the system of agricultural education in post-reform Russia.

В отечественной дореволюционной, советской и постсоветской историографии вполне закономерно серьёзное внимание уделяли исследованию аграрной тематики. Это было вызвано не только тем, что сельское хозяйство являлось основным занятием большей части населения Российской империи, сложностью аграрных проблем, но и влиянием сельскохозяйственной жизни на все модернизационные процессы в пореформенной России, на социальную гармонию в государстве в условиях хозяйственно-экономической дифференциации населения. Да и российский пролетариат ментально не далеко ушёл от крестьянского миропонимания.

Отечественная историография аграрного вопроса решила многие научные проблемы этой весьма сложной и многогранной темы. Вместе с тем анализ отечественной научной литературы свидетельствует о том, что проблема формирования системы сельскохозяйственного образования в пореформенной России решена фрагментарно.

По нашему мнению объяснить такое положение можно двумя системообразующими факторами. Во-первых, изучению эволюционного развития

сельскохозяйственной жизни в России традиционно не уделялось должного внимания, а село в целом, как собственно и теперь, представлялось средством достижения государственно-олигархических амбиций на всех этапах исторического развития страны. Во-вторых, основная масса просвещённого населения, в большей части правившая бюрократия, да и сами крестьяне в специальном сельскохозяйственном образовании не усматривали должной пользы. В силу этого большая часть населения считала, что работать успешно на земле могут все главное показать, как нужно пахать и сеять.

«Организация сельскохозяйственных школ, - отмечал И.Н. Миклашевский, - представляет трудности, которых в большинстве случаев не знает организация других технических школ. Сельское хозяйство есть промысел, не требующий ни сложных машин и орудий, ни продолжительной выучки, чтобы владеть самыми усовершенствованными из них. Пахота и боронование, уход за растениями во время их произрастания, уборка их и т. д., равно как и все работы по уходу за домашними животными, отличаются крайнею простотою и легко усваиваются всяким сколь-нибудь смышленным крестьянским мальчиком»¹.

По нашему мнению именно такие умозаключения тормозили не только процесс подготовки профессиональной сельскохозяйственной элиты, специалистов-хозяев способных ориентироваться в постоянно меняющихся условиях, но и формировать систему практического сельскохозяйственного обучения и просвещения деревенской молодёжи. Однако эволюция форм землевладения и способов землепользования, а также совершенствование сельскохозяйственной техники и технологии производственной деятельности постепенно изменяли отношение правящей бюрократии, общественности к профессиональному сельскохозяйственному образованию. Под воздействием социально-культурных процессов, изменения условий хозяйствования эволюционизировала ментальность самого крестьянского сословия, всех землевладельцев и служащих по сельскохозяйственной части.

Анализ историографии и источникового материала показывает, что начиная с Петра I, профессиональной подготовке сельских жителей для работы в постоянно изменяющейся аграрной сфере на государственном уровне не уделялось должного внимания по причинам внешней простоты и невидимой сложности сельскохозяйственной повседневной жизни. В это время профессиональное образование не связывалось с повышением производительности труда. Важно подчеркнуть, что в настоящее время в исторической науке не разработано весьма важное для аграрной истории понятие – сельскохозяйственная жизнь. По нашему мнению под сельскохозяйственной жизнью следует понимать многогранный комплекс или образ жизни, состоящий из хозяйственно-производственной деятельности и обыденного поведения людей в каждодневных, но сложных геополитических и природно-климатических условиях.

Однако в условиях реализации «великих реформ» второй половины XIX века, формирования рыночных механизмов в российском обществе и в крестьянской среде медленно, но устойчиво формировалось понимание того, что образование в целом и профессиональное в частности всегда было и остаётся базовым фактором совершенствования хозяйственной деятельности. Оно позитивно сказывалось на формировании системы обеспечивающей сохранение и поддержание социальной гармонии в деревне, в условиях медленного вхождения сельского хозяйства в рыночные отношения способствовало изменению ментальности всех сельских жителей. В этих условиях традиционная ценность жить по принципу достатка уступала место рыночному мышлению, работе на получение прибыли.

Существенный вклад в обоснование необходимости создания и развития системы сельскохозяйственного образования в дореволюционной России внесли подвижники этого дела. В их число входила российская интеллигенция, земские деятели, научная общественность и прогрессивные сельские хозяева. Среди сторонников развития профессионального сельскохозяйственного образования выделяются: Е.Н. Андреев - основатель школ Русского технического общества, А.Г. Небольсин - председатель

¹ Миклашевский И.Н. Очерки из истории сельскохозяйственного образования в России. СПб., 1893. С. 1.

постоянной комиссии по техническому образованию, граф С. Ю. Витте - инициатор учреждения сельских ремесленных учебных мастерских, князь А.И. Васильчиков - активный сторонник развития земского самоуправления и сельскохозяйственного образования. Заметную роль в этом деле играли профессора И.А. Стебут, А.Н. Энгельгардт, Д.Н.Прянишников, Н.Д.Коцовский, Н.А.Осокин, генерал от инфантерии А.Н.Куропаткин, другие российские ученые и практические организаторы сельскохозяйственной деятельности.²

Особенное место в деле развития и пропаганде сельскохозяйственного образования имела практическая работа передовых землевладельцев. Они, как правило, выступали активными сторонниками земского движения как способа поддержки сельскохозяйственного профессионального образования. В их числе следует назвать землевладельцев и земских деятелей К.П. Арнольди, С.А. Ширая, Ф.И. Гейдука, баронессу Будберг, Н.А. и А.А. Ребиндеров, М.Н. Мариуца-Гринёву и других³.

Источниковой и историографический анализ показывают, что образовательная идеология и процесс поддержки организации сельскохозяйственных учебных заведений различных типов стал активнее развиваться в условиях реализации реформ 60–70-х годов XIX века. В движении в поддержку за развитие сельскохозяйственного образования оформились два стимулирующих друг друга крыла. Первое представляли практики-общественники (как правило, земские деятели). Второе составляли теоретики-учёные и прогрессивно мыслящая бюрократия.

Первые как землевладельцы, уловившие новые тенденции в развитии хозяйственной жизни и понявшие сущность рыночных отношений увидели в специальном сельскохозяйственном образовании важный фактор повышения эффективности экономической деятельности и стали в своих имениях учреждать сельскохозяйственные учебные заведения различных типов. Все они первоначально открывались на основе отдельных о них узаконений потому, что в России ещё отсутствовала единая законодательная база развития сельскохозяйственного образования.

В числе школ, открытых частными лицами по особым Положениям (законам), была учреждённая в 1875 г. в имении Н.А. и А.А. Ребиндеров в с. Шебекино Белгородского уезда Курской губернии Марьинская низшая сельскохозяйственная школа. Понимая значение труда обученного населения А.А. Ребиндер предложил «...крестьянам соседних сёл отдать в наймы своих детей-мальчиков 13–14-летнего возраста сроком на 5 лет за установленную хозяйством оплату, на хозяйственном продовольствии и одежде» для практического обучения их сельскохозяйственным профессиям^{4,3}. Можно спорить о субъективных целях деятельности передовых землевладельцев, но объективные последствия их работы, бесспорно, имели позитивный характер и давали фактический материал для теоретических обобщений учёным.

Практическая работа частных лиц, земств и обществ по открытию сельскохозяйственных учебных заведений способствовала накоплению фактического материала для аналитической и научной деятельности российских учёных и практической деятельности правившей бюрократии. Значение их деятельности состояло не только в том, что они раскрывали широкой общественности сущность сельскохозяйственного образования, но и вырабатывали рекомендации по созданию его системы.

Наибольший вклад в обоснование исторической необходимости развития сельскохозяйственного образования в России внёс профессор Петровской земледельческой и лесной академии И.А. Стебут. В основу своей концепции профессор

² См., например: Терещенко Д.А. Коммерческие профессиональные учебные заведения России в системе подготовки специалистов для промышленности и торговли во второй половине XIX – начале XX века в условиях складывающейся рыночной экономики // Научные ведомости. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2014. №1 (172). Выпуск 29. С. 108-113.; Шатохин И.Т., Шатохина С.Б. Российское дворянство и государственная служба в XIX – начале XX вв. // Научные ведомости. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2014. № 2 (192). Выпуск 32. С. 106-110.

³ См.: Третьяков А.В. Низшая сельскохозяйственная школа пореформенной России. Курск, 1997. 127 с.; Он же. Низшая сельскохозяйственная школа России в XIX – начале XX веков. Курск, 1998. 200 с.

⁴ Годовой отчёт Марьинской сельскохозяйственной школы для рабочих с 1877 по 1878 гг. Б.м., б.г. С. 1.

положил итоги социально-экономического развития пореформенной России, зарубежный опыт и собственную практику. Профессор И.А. Стебут показал как единство практическую и социально-политическую значимость системно развиваемого, организованного и последовательно совершенствуемого сельскохозяйственного образования. И. А. Стебут подчёркивал, что вопрос «... о сельскохозяйственном образовании...действительно важный для России, вступающей на новый путь сельскохозяйственной промышленности..., потому что сельскохозяйственная промышленность остаётся для каждой страны важнейшей отраслью промышленности, которая удовлетворяет первые потребности человека и, доставляя сырые продукты для фабрик и заводов, обуславливает своим состоянием в высокой степени политическую независимость государства»⁵.

Сельское хозяйство подчёркивал И.А. Стебут, будет успешно развиваться тогда, когда научное знание объединится с хозяйственной деятельностью путём организации специальных учебных заведений. «Россия,- писал он,- конечно, обходилась до сих пор почти без школ, поддерживая свои школы более из желания не отставать от других стран, нежели из общего сознания их необходимости для сельскохозяйственного дела». Однако в новых условиях пореформенной социально-экономической повседневности профессор Стебут говорил, «...что нам уже нужны сельскохозяйственные школы, даже и в том случае, если силы специального знания, которые они подготовят, могли бы себе найти применение лишь в будущем, вероятно, впрочем, недалёком»⁶.

В своих работах, учитывая различный образовательный уровень российского, и особенно крестьянского населения И.А. Стебут предложил систему развития сельскохозяйственного образования. Он подчёркивал, что «...устройство реальных школ: высших, средних и низших (элементарных, народных), которые сосредоточили бы в себе общеобразовательную и специально-подготовительную подготовку...» сельских хозяев будет наиболее верной формой распространения сельскохозяйственного знания. По убеждению И.А. Стебута для успешной работы все «...школы должны быть соединены с хозяйствами-высшие, сверх того, с опытными станциями и находится по возможности в земледельческих местностях при удобных путях сообщения и вблизи городов»⁷. В 1891 г. профессор И.А. Стебут на основе анализа реального положения дел в аграрной сфере утверждал, что: «Спрос на интеллигентные силы с сельскохозяйственным образованием со стороны улучшения положения нашего сельского хозяйства громаден!»⁸.

Следует подчеркнуть, что в империи, испытывавшей недостаток сельскохозяйственных учебных заведений практическая деятельность по «насаждению в России рассадников» образования и теоретическое осмысление результатов их работы способствовали разработке и формированию единой нормативно-правовой базы развития сельскохозяйственного образования. Мы не можем в полном объёме сказать, что образовательное законодательство регулировало процесс развития сельскохозяйственных учебных заведений уже потому, что они «насаждались», а законодатель только «дозволял» учреждать сельскохозяйственные школы на утверждённых принципах.

Первым общегосударственным законом, определявшим процедуру учреждения в России сельскохозяйственных школ стало «Нормальное Положение о низших сельскохозяйственных школах» Высочайше утверждённое 27 декабря 1883 года. Законодатель устанавливал, что низшие сельскохозяйственные школы «имеют целью распространение в народе основных познаний по сельскому хозяйству и необходимым для него ремёслам, преимущественно путём практических занятий. Школы сии могут быть: а) общие, предназначенные для обучения сельскому хозяйству вообще и б) специальные, открываемые для распространения знаний, относящихся до отдельных отраслей сельского хозяйства (как напр. по садоводству, огородничеству, пчеловодству

⁵ Стебут И.А. Сельскохозяйственное знание и сельскохозяйственное образование // Собрание Сочинений: 2 т. М., 1957. Т. 2. С. 543.

⁶ Там же. С. 544-545.

⁷ Там же. С. 570.

⁸ Стебут И.А. Нуждается ли русская интеллигентная женщина в специальном сельскохозяйственном образовании. М., 1891. С. 38.

виноделию). Те и другие учебные заведения разделяются, соответственно объёму учебного их курса, на школы первого»⁹.

Следует обратить внимание на то, что законодатель в условиях недостаточно развитой сети низших сельскохозяйственных школ разрешал всем субъектам, желающим и имевшим материально-финансовые возможности участвовать в процессе учреждения, открытия и содержания профессиональных сельскохозяйственных учебных заведений. «Означенные школы могут быть учреждены земством, обществами и частными лицами и, при том, с пособием или без пособия от правительства», – устанавливалось Положением¹⁰.

По мере упрочения рыночных отношений в аграрной сфере, активизации процесса технического оснащения частновладельческих хозяйств, относительно устойчивого развития сети общих низших сельскохозяйственных школ возникла неотложная потребность в подготовке кадров способных обслуживать и ремонтировать сельхозтехнику и иное оборудование. Для правового обеспечения работы по организации этих специальных учебных заведений было разработан государственный закон «Положение о сельскохозяйственных ремесленных учебных мастерских», Высочайше утверждённое 10 марта 1897 года. «Сельские ремесленные учебные мастерские, – устанавливал законодатель, – имеют целью готовить для сельского хозяйства рабочих, опытных в уходе за сельскохозяйственными машинами и орудиями, в ремонте их и изготовлении заново орудий и несложных частей названных машин, а также и других предметов сельского обихода, для производства коих требуется знание плотнично-столярного и кузнечно-слесарного мастерства»¹¹.

Все вышеназванные сельскохозяйственные школы и сельские ремесленные учебные мастерские являлись низшими всеобщими учебными заведениями. В соответствии с законодательством в них могли поступать мальчики определённого возраста (за тем станут открываться женские сельхозшколы), имевшие установленный образовательный ценз и выдержавшие предусмотренные вступительные испытания. В силу недостатка общеобразовательных школ всех ведомств в сельской местности в исключительных случаях разрешалось на учёбу принимать неграмотных. В соответствии с законодательством учащиеся делились на казённокоштных, своекоштных и приходящих. За обучение законодатель предусматривал определённую плату, но для учащихся обучение было, как правило, бесплатным. За их обучение платили земства, общества или частные лица. Естественно были учащиеся, которые обучались за родительскую плату.

Источники показывают, что по мере развития сети и системы низших сельскохозяйственных школ передовая общественность, сельские хозяева, прогрессивная часть правившей бюрократии стали выступать за создание сельскохозяйственных учебных заведений более высокого типа. Дело в том, что практическое обучение не предполагало серьёзной теоретической подготовки. А по мере развития аграрного хозяйства в рыночных условиях теоретическая подготовка становилась базой не только совершенствования производственной сферы, но и определения долгосрочных хозяйственно-производственных перспектив.

Первые в России средние сельскохозяйственные учебные заведения (земледельческие училища) были открыты на основе общего Положения о них, Высочайше утверждённого 30 мая 1878 г. и Устава земледельческих училищ, утверждённого министром госимуществ 10 марта 1888 года. В Уставе говорилось, что они «имеют целью доставлять учащимся в них молодым людям *теоретическое* и

⁹ Нормальное Положение о низших сельскохозяйственных школах. Высочайше утверждённое 27 декабря 1883 года // Полное Собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. третье, Т. 3. 1883. СПб., 1886. С. 491.

¹⁰ Там же.

¹¹ Положение о сельскохозяйственных ремесленных учебных мастерских, Высочайше утверждённое 10 марта 1897 года // ПСЗРИ. Собр. третье, Т. VII. 1897. СПб., 1900. С. 110.

практическое образование, потребное для правильного ведения ими сельского хозяйства»¹².

Развитие и совершенствование форм хозяйствования в аграрной сфере пореформенной России, опыт формирования системы профессионального сельскохозяйственного образования активизировали работу правительственных структур, общественности и частных лиц по открытию в России высших сельскохозяйственных учебных заведений. Следует подчеркнуть, что в отличие от земледельческих училищ и низших сельскохозяйственных школ они учреждались по особым о них Положениям (законам). Московский сельскохозяйственный институт был открыт в 1894 году на основе Положения о нём, Высочайше утверждённом 6 июня 1894 года. Институт говорилось в законе «имеет целью доставлять учащимся в нём высшее образование по сельскому хозяйству и по сельскохозяйственному инженерному искусству»¹³.

Из вышеизложенного видно, что в России к концу XIX в. действовали низшие, средние и высшие сельскохозяйственные учебные заведения. В них имели возможность поэтапно, в соответствии с уровнем предварительной общеобразовательной и специальной профессиональной подготовки обучаться представители всех сословий. Важно подчеркнуть, что выпускники низших сельскохозяйственных школ и земледельческих училищ, прошедшие добротную практику хозяйственной деятельности в соответствии с государственными, общественными и личными потребностями имели возможность продолжать обучение в институтах и осуществлять структурные преобразования в социально- хозяйственной жизни пореформенной деревни. Следовательно, в ходе «насаждения» сельскохозяйственных учебных заведений различных типов в России формировалась не только система сельскохозяйственного образования, но и система формирования отечественной сельскохозяйственной элиты.

Согласно статистическим материалам к началу 1900 года в Российской империи действовали 133 учебных заведения сельскохозяйственного профиля, подведомственные Департаменту земледелия. В их числе были один институт, 10 средних училищ и 122 низшие сельскохозяйственные школы различных типов¹⁴. Естественно, что на всю империю такого числа учебных заведений было недостаточно. Однако главное состояло в том, что уже определились основные направления подготовки сельскохозяйственных специалистов и работников массовых профессий.

Анализ источников, практики развития сети и системы сельскохозяйственного образования показывает, что в России на рубеже XIX–XX веков, кроме учебных заведений для молодёжи, стали активно учреждаться низшие сельскохозяйственные (народные, крестьянские) школы для обучения взрослых крестьян-хозяев. Они уже имели солидный опыт хозяйственной деятельности в новых условиях, но не могли на долгое время покидать свои хозяйства, но при этом испытывали настоящую потребность в новых теоретических и практических знаниях. Важно подчеркнуть, что профессиональные сельскохозяйственные знания всё активнее рассматривались землевладельцами и общественностью как средство реформирования хозяйственно-производственной жизни в условиях социально-экономической модернизации. Результатом модернизационных процессов в аграрной сфере стало развитие женских сельскохозяйственных учебных заведений различных типов.

Мы видим, что к началу XX века в России оформились две тенденции формирования и развития системы сельскохозяйственного образования: внешняя и внутренняя. Первая была связана с расширением сети низших, средних и высших учебных заведений по территории государства. Вторая состояла в эволюции типологии учебных

¹² Сборник сведений по сельскохозяйственному образованию. Выпуск VII. Распоряжения по сельскохозяйственным учебным заведениям за время 1865-1901 гг. СПб., 1901. С. 234.

¹³ Положение о Московском сельскохозяйственном институте. Высочайше утверждено 6 июня 1894 года // Сельскохозяйственные учебные заведения, подведомственные Департаменту Земледелия в конце 1895 года. СПб., 1896. С. XI.

¹⁴ Сборник по сельскохозяйственному образованию. Выпуск IV. Сельскохозяйственные учебные заведения по сведениям к 1 января 1889 г. СПб., 1900. С. VIII.

заведений по гендерно-возрастному принципу и способствовала втягиванию в систему обучения наибольшего числа мужчин и женщин.

Модернизация аграрного хозяйства, совершенствование техники и технологии производственной сельскохозяйственной деятельности, активное втягивание землевладельческого населения в рыночные отношения, развитие общего и профессионального образования, позитивное изменение отношения сельских хозяев к образованию в целом ставили вопрос о формировании единой и гибкой системы сельскохозяйственного профессионального образования.

Юридическое оформление единой системы сельскохозяйственного образования в России относится к началу XX века. Положение о сельскохозяйственном образовании в России, было Высочайше утверждено 26 мая 1904 года. Оно закрепляло единую трёхступенчатую по типам систему профессионального образования. «Сельскохозяйственные учебные заведения, – устанавливал законодатель, – разделяются на высшие, средние и низшие. Высшие... учреждаются на основе особых Положений. Сельскохозяйственные учебные заведения средние и низшие, а равно учебные заведения для распространения сельскохозяйственных знаний, учреждаются на основе настоящего Положения.

Средние... имеют целью доставлять учащимся в них практическое, на научной основе, образование по сельскому хозяйству, для подготовки их к сельскохозяйственной деятельности.

Низшие сельскохозяйственные училища учреждаются для подготовки к практической сельскохозяйственной деятельности. Низшие сельскохозяйственные школы имеют целью подготовку, преимущественно путём практических занятий, сведущих и умелых исполнителей по сельскому хозяйству. Практические...предназначаются для подготовки умелых техникув- рабочих по разным отраслям сельского хозяйства...

К числу учебных установлений для распространения сельскохозяйственных знаний относятся: сельскохозяйственные классы, курсы, чтения и беседы... народные чтения»¹⁵.

В повседневных условиях пореформенной России на хозяйственную арену стали активно выходить женщины. Их самостоятельное «землепашество» объяснялось преобладанием в ряде губерний женского населения над мужским. Кроме того развитие сельского хозяйства в «глубь» в рыночных условиях вело к формированию новых специальностей, которые могли осваивать женщины. Поэтому законодательно устанавливалось, что все сельскохозяйственные учебные заведения «могут быть мужские и женские и разделяются на общие, предназначенные для обучения сельскому хозяйству вообще, и специальные, имеющие целью обучение отдельным отраслям сельского хозяйства»¹⁶.

Источники показывают, что практическая реализация образовательного сельскохозяйственного законодательства, активно стимулировавшаяся непрерывными модернизационными процессами в аграрном хозяйстве, способствовала созданию в России достаточно стройной системы сельскохозяйственного образования и просвещения как основы формирования системы подготовки кадров для реформирующегося села и формирования российской сельскохозяйственной элиты.

В начале XX века в Российской империи устойчиво развивалась система сельскохозяйственного образования. Она формировалась в соответствии с потребностями аграрной модернизации и достижениями сельскохозяйственной науки. Достаточно последовательная и относительно скоординированная работа властных структур, земств, обществ и частных лиц способствовали развитию сети учебных заведений и системы профессионального образования. По состоянию на 1 апреля 1911 г. она включала в себя 260 учебных заведений. Из них 4 были высшими, 15 средними и 241 относилось к

¹⁵ Положение о сельскохозяйственном образовании. Высочайше утверждено 26 мая 1904года // ПСЗРИ. Собр. третье, Т. XXIV. 1904. СПб., 1907. С. 545-546.

¹⁶ Там же. С. 545.

низшим сельскохозяйственным школам. В 222 обучались только лица мужского пола, в 27 женщины, в 11 осуществлялось совместное обучение лиц женского и мужского пола¹⁷.

К 1917 г. их сеть в количественном и качественном отношении значительно улучшилась. В России уже активно работали 5 сельскохозяйственных высших учебных заведений и курсов по программе высших. В них профессиональную подготовку получали 3673 студента¹⁸. В 18 земледельческих училищах обучалось 3545 человек¹⁹. Обращает на себя внимание тот факт, что наиболее интенсивно развивалась сеть низших сельскохозяйственных школ всех типов и различной ведомственной принадлежности. В 1916 году в России действовало 408 учебных заведений. В них обучалось 12301 учащихся²⁰.

Вышеизложенное даёт основание считать сформировавшуюся систему сельскохозяйственного образования в пореформенной России историческим явлением. Необходимость и целесообразность её создания определялась и стимулировалась усложнявшимися задачами аграрных преобразований, стремлением обеспечить государственную целостность и безопасность. Она стала результатом социально-экономической эволюции в России и активного взаимодействия государственных структур, земств, обществ и частных лиц.

Став результатом модернизационных преобразований во всех сферах жизнедеятельности населения система сельскохозяйственного образования обеспечивала не только устойчивость реформирования аграрного сектора, эволюцию сельскохозяйственной жизни, но и всего народного хозяйства Российской империи. Она ускоряла процесс формирования сельскохозяйственной элиты, как части общества из всех сословий и классов российского общества по профессиональному признаку и стремлению участвовать в процессе реформирования частно-государственной сельскохозяйственной сферы.

Особенностью процесса создания системы сельскохозяйственного образования в России конца XIX-начала XX веков было то, что она стала формироваться по инициативе прогрессивно мыслящих землевладельцев, частных лиц, земств и обществ. Их практическая работа по учреждению учебных заведений, научное осмысление результатов стимулировали законотворческую активность государства. Создание нормативно-правовой базы организации подготовки специалистов сельского хозяйства различной квалификации в зависимости от уровня предварительной подготовки и личностных потребностей учащихся и студентов способствовало развитию всей системы образования и повышало качество модернизационных процессов.

Выпускники сельскохозяйственных учебных заведений становились организаторами производственной деятельности или уходили на государственную службу по сельскохозяйственной части. Хозяйственная деятельность не только вырабатывала новые способы хозяйствования, совершенствовала навыки работы, но на основе соединения теории и практики, трансформации ценностей способствовала изменению ментальности выходцев из различных сословий, занявшихся сельским хозяйством.

Вместе с тем этот процесс не стоит идеализировать, в его развитии имелось достаточно противоречий. Но главное состояло в том, что в социально-экономической жизни пореформенной России возникла потребность в профессиональной подготовке и сформировалась единая система сельскохозяйственного образования.

¹⁷ Сборник сведений по сельскохозяйственному образованию. Выпуск XVI. Сельскохозяйственные учебные заведения в 1910 г. СПб., 1911. С. XVII.

¹⁸ Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М., 1991. С. 151.

¹⁹ Краткие статистические сведения по подведомственным Департаменту Земледелия сельскохозяйственным учебным заведениям. Выпуск IV. Сведения к 1 января 1915 года. Пг., 1915. С. XI.

²⁰ Третьяков А.В. Низшая сельскохозяйственная школа России в конце XIX – начале XX веков. Курск, 1998. С. 189.

УДК 94(47).08

**ПРОМЫСЛОВЫЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ КРЕСТЬЯН
ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД****AGRICULTURAL DOMESTIC CRAFTS OF THE CENTRAL BLACK SOIL
REGION PEASANTRY DURING THE REFORMATION PERIOD****Е.Н. Бунеева, А.В. Перепелицын****E.N. Buneeva, A.V. Perepelitzyn***Воронежский государственный педагогический университет, Россия, 394043, г. Воронеж, ул. Ленина, 86**Voronezh State Pedagogic University, 86 Lenina St, Voronezh, 394043, Russia**E-mail: buneevaelena@mail.ru, avp64@mail.ru*

Ключевые слова: крестьянство, промыслы, хозяйство, работа по найму, сельскохозяйственные рабочие.

Key words: peasantry, domestic crafts, economy, hire works.

Аннотация. В статье дана социально-экономическая характеристика местных сельскохозяйственных промыслов крестьян Центрально-Черноземных губерний России в 60-90-е годы XIX века. Показано, что работа крестьян по найму в соседних помещичьих и крестьянских хозяйствах стала в пореформенный период массовым явлением. Таким способом крестьяне приспосабливались к изменившимся условиям жизни и хозяйствования, втягивались в товарно-денежные отношения.

Resume. Social-and-economic characteristics for the Central Black Soil region provinces indigenous agricultural domestic crafts in 1860-90 are given. Expounded that the peasants hire works in the indigenous squire's and peasant's farms are mass phenomena in the Reformation period. The peasants have accommodated by this way to the changing life conditions and management as well as to involving in trade—and—money relations.

Неустойчивое экономическое положение многих крестьянских хозяйств, наличие избыточной рабочей силы, острая потребность в денежных средствах – все это придавало особую значимость возможности получения крестьянами дополнительного заработка на месте своего проживания. На это обстоятельство обращали внимание в своих исследованиях многие отечественные историки-аграрники (А.М. Анфимов, Н.М. Дружинин, И.Д. Ковальченко, Л.В. Милов, П.Г. Рындзюнский и др.)¹. Основная масса работ по найму в сельском хозяйстве центрально-черноземных губерний выполнялась местными крестьянами. «Крестьянское дело, затронув всех, всех тронуло с места, – писал из Орловской губернии в 1863 году А.А. Фет. – Все говорит, действует, мечется, лезет из кожи. Работа – общий и едва ли не исключительный промысел. Рабочий – единственно модный человек. Он – герой нашего времени и знает это хорошо. За ним скажут во все стороны, и его стараются завербовать всеми средствами: кто паром под скотинку, кто земелькой под яровое, кто четвертью ржи до новины, кто водкой и, наконец, чистыми деньгами»². Воронежское губернское совещание прямо заявляло, что «при ограниченности крестьянских наделов и увеличении населения все ... работы в частных экономиях исполняются трудом местного населения», для чего «землевладельцами нанимаются преимущественно местные крестьяне и из ближайших сел»³. Пришлых

¹ Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904. М., 1980; Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе. 1861–1880. М., 1978; Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок, XVIII – начало XX в. Опыт количественного анализа. М., 1974; Рындзюнский П.Г. Утверждение капитализма в России. 1850–1880 гг. М., 1978.

² Фет А.А. Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство. М., 2001. С. 124.

³ Сборник заключений по вопросам, относящимся к пересмотру Положения 12 июня 1886 года о найме на сельскохозяйственные работы. Ч. I. СПб., 1898. С. 5–6.

работников принимали очень редко при условии достаточной оснащенности хозяйств живым и мертвым инвентарем, если выдавался хороший урожай, появлялся временный дефицит местных рабочих или требовалось понизить цены на рабочие руки.

Систематического и полного учета крестьян, подражавшихся на сельскохозяйственные заработки, не велось, поэтому приходится иметь дело с данными переписей и обследований, относящимися главным образом к 80–90-м годам XIX века.

Земскими подворными переписями в 11 уездах Воронежской губернии в 1884–1891 годах было зафиксировано 229 518 человек, занятых местными сельскохозяйственными промыслами (10,6 % всего населения), получивших за труд 5562889 рублей⁴. Больше других значилось чернорабочих – 120 074 человека (52,3 %), возчиков – 36 053 человека (15,7 %), батраков – 25 248 человек (11,0 %), пастухов – 18 594 человека (8,1 %) и полетчиков (сезонных работников) – 10 518 человек (4,6 %). На долю чернорабочих приходилась и самая большая сумма заработка – 2 252 602 рубля (40,5 %), возчикам причиталось 1 089 750 рублей (19,6 %), батракам – 928 598 рублей (16,7 %), пастухам – 453 027 рублей (8,1%), полетчикам – 235 867 рублей (4,2 %).

В Тамбовской губернии в 1880–1884 годах сельскохозяйственные промысловые занятия составляли предмет деятельности 45 918 крестьянских дворов (14,5 % всех дворов губернии)⁵. Наиболее часто переписями отмечались семейства, отпускавшие своих членов в батраки – 23 394 двора (50,9 %), в поденщики – 14 393 (31,3 %), в пастухи – 3667 (8,0 %). Преобладание дворов с нанимающимися в батраки над дворами с поденщиками объясняется, скорее всего, не действительным положением вещей, а большей трудностью в регистрации поденных работников. Следует не забывать о характерных для земской статистики недостатках, в том числе слабом учете поденного труда, несистематических и кратковременных занятий, приносящих невысокий доход. Кроме того, и воронежские, и тамбовские статистики не причисляли сдельные работы к промыслам, а они играли важную роль в проведении полевых работ, занимали значительное число крестьян. И все же, несмотря на отмеченные недостатки, показатели земской статистики свидетельствуют о широком распространении сельскохозяйственных заработков в крестьянской среде. По существу, выполнение крестьянами у соседей или помещиков различных работ являлось в пореформенной деревне обычным делом, к которому они обращались или по необходимости, или для пополнения доходной части бюджета.

По сведениям, полученным Комиссией 1901 года, число крестьян, промышленявших в 1900 году земледельческими промысловыми занятиями, в Воронежской губернии равнялось 63 308 (4,2 % сельского населения губернии рабочего возраста), в Курской губернии – 110 505 человек (7,8 %), в Орловской губернии – 88 879 человек (7,8 %), в Тамбовской губернии – 104 948 человек (7,1%)⁶. Ими было заработано соответственно по губерниям 5820 тысяч рублей, 7058 тысяч рублей, 6361 тысяча рублей, 8933 тысячи рублей.

Судя по этим данным, лишь в Воронежской губернии отношение рабочего контингента в земледельческих промыслах к общему числу местного промыслового населения было ниже, чем в целом по Европейской России, а в остальных трех губерниях – выше. На долю центрально-черноземных губерний приходилось 9,8 % численности местных земледельческих рабочих Европейской России и 8,2 % их заработка. При этом нужно иметь в виду, что, по всей вероятности, в материалах Комиссии 1901 года учитывались только полевые рабочие и не принимались в расчет работы по найму в крестьянских хозяйствах, так как заработок крестьян у землевладельцев и доход от земледельческих промыслов выражены одинаковыми показателями. Все же и в таком неполном виде эти материалы показывают, что сельскохозяйственным побочным заработкам принадлежало видное место в структуре крестьянских промыслов, так как ими занималось не менее четверти промыслового населения Воронежской губернии и не менее 40 % – Курской, Орловской и Тамбовской губернии.

Определенное представление о величине наемного рабочего контингента в аграрной сфере дают итоги Первой всеобщей переписи населения 1897 года. Работу по

⁴ Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии. Воронеж, 1897. С. 168–183.

⁵ Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Т. XIV. Тамбов, 1890. С. 198–210.

⁶ Материалы Комиссии 1901 г. СПб., 1903. Ч. I. С. 216–219.

найму в сельском хозяйстве в качестве главного занятия, являвшегося основным источником существования, назвали в Воронежской губернии 20 784 человека, в Курской губернии – 28151 человек, в Орловской губернии – 26262 человека, в Тамбовской губернии – 28366 человек⁷. Это были, прежде всего, постоянно занимавшиеся наемными работами крестьяне. Их основная масса находила приложение своему труду в земледелии (79,1 % в Воронежской губернии, 82,4 % в Курской губернии, 83,1 % в Орловской губернии и 85,7 % в Тамбовской губернии), в животноводстве (соответственно по губерниям 18,5 %, 15,0 %, 15,7 %, 11,8 %) и в прочих отраслях сельского хозяйства (2,4 %, 2,6 %, 1,2 %, 2,5 %). Другая часть сельскохозяйственных рабочих была учтена в числе лиц, занятых в сельском хозяйстве и имевших побочные заработки в аграрном производстве вне собственного хозяйства. К числу данного типа работников, к примеру, в Воронежской губернии относилось 23 236 крестьян, в Тамбовской губернии – 24 351 человек⁸. Суммируя оба вида показателей, получим, что по переписи 1897 года в Воронежской губернии сельскохозяйственными промысловыми заработками занималось 44 020 человек (2,0 % сельского населения), субъективно определявших их в качестве основного или дополнительного источника существования, в Тамбовской губернии – 52 717 человек (2,3 %). Касааясь достоверности этих цифр, следует учитывать мнение одного из первых разработчиков материалов переписи Б.П. Кадомцева: «Без сомнения, данные о сельскохозяйственных рабочих ... преуменьшены, а это преуменьшение произошло не только вследствие неверности и неточности статистического подсчета, но также благодаря тому, что перепись происходила зимою, когда потребность в сельскохозяйственных рабочих наименее велика. Невольно, поэтому, приходит на ум то соображение, что приведенная в переписи численность сельскохозяйственных рабочих ... соответствует сумме постоянного контингента сельскохозяйственных рабочих или близка к этой сумме»⁹. То есть, судя по всему, зафиксированное в переписи 1897 года число рабочих по найму в сельском хозяйстве примерно отражало количество постоянных наемных работников.

В целом, имеющиеся статистические погубернские данные не показывают в полной мере масштабы сельскохозяйственной промысловой деятельности крестьян. По ним трудно понять глубокую вовлеченность пореформенного крестьянства в процесс систематической продажи рабочей силы. Широкому распространению местных сельскохозяйственных промыслов способствовало то, что они не требовали оставлять привычного с детства каждому крестьянину земледельческого и скотоводческого труда, не заставляли покидать на длительное время своей усадьбы и земли. Даже в тех случаях, когда член крестьянской семьи нанимался батрачить, у него все равно оставалась возможность советом, заработанными деньгами, иногда даже личным трудом после работы в чужом имении поддерживать отношения с собственным хозяйством. В свою очередь, помещики и крестьяне, привлекавшие сельскохозяйственных рабочих, охотнее имели дело с живущими поблизости крестьянами, так как хорошо знали их трудовые достоинства и недостатки. Они могли полностью или частично употреблять в работе свой живой и мертвый инвентарь, их легче было заставить выполнять обязательства. Все это объективно выдвигало местные сельскохозяйственные промыслы на ведущие позиции среди других подсобных занятий. Сельскохозяйственные промыслы, докладывал податной инспектор Острогжского уезда Воронежской губернии, «составляют обыкновенно повседневное занятие земледельческого населения, приложимое только к чужому хозяйству», в них участвуют «почти все крестьянские дворы, за исключением разве самых зажиточных»¹⁰.

⁷ Численность и состав рабочих в России на основании данных Первой всеобщей переписи Российской империи 1897 г. Т. 1. СПб., 1906. Приложение. С. 2–3.

⁸ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. IX: Воронежская губерния. – Тетрадь 2. СПб., 1904. С. 220–230; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XLII: Тамбовская губерния. СПб., 1904. С. 222–230.

⁹ Кадомцев Б.П. Профессиональный и социальный состав населения по переписи 1897 г. СПб., 1903. С. 48–52.

¹⁰ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 573, оп. 25, д. 218, л. 249 об.

Для изучения сельскохозяйственных промыслов большое значение имеет учет форм найма и оплаты труда. Как известно, все многообразные формы найма могут быть сведены к натуральной и денежной системе.

Натуральная оплата труда была связана с отработочным и издольным наймом. При отработках крестьянин выполнял определенные работы в хозяйстве нанимателя за предоставленную ему в аренду землю, за пользование хозяйственными угодьями, за продуктовую ссуду и т.п. Наибольшее распространение эта форма получала там, где у крестьян ощущался острый земельный дефицит, поэтому чаще всего отработки возникали за пользование землей и право пастбы скота во владельческих угодьях. Отработочный найм отличался разнообразием условий. В частности, в задачу крестьянина могло входить производство своим инвентарем и скотом полного цикла работ на определенном земельном участке или только отдельных операций; часто помимо основного дела приходилось выполнять дополнительные работы или доплачивать деньгами. Цена рабочей силы определялась в этом случае, в первую очередь, нуждой рабочего и сложившимися обычаями.

Издольный натуральный найм давал крестьянину право на получение заранее оговоренной части урожая. Взамен полагалось произвести обработку снятой десятины, посев и уборку. Раздел продукции осуществлялся, как правило, необмолоченными снопами. Издольный найм мог применяться и к отдельным операциям, чаще всего к уборке и молотбе. От издольщиков также нередко требовали денежной доплаты или выполнения ряда побочных работ.

Денежный найм существовал в двух главных формах – сдельной и срочковой. Сдельный найм производился на обработку определенной площади земли, выполнение тех или иных видов земледельческих операций. Зарплата определялась объемом выполненных работ или количеством произведенной продукции. Крестьянин обычно нанимался со своим живым и мертвым инвентарем или, реже, трудился на хозяйском инвентаре.

Срочковый найм в зависимости от продолжительности службы имел три вида: годовой, сезонный, поденный. Таким работникам полагалась повременная оплата труда. Годовые и сезонные работники чаще всего жили у хозяев и находились на их содержании. Поденщики нанимались пешими или с лошадьми, питались собственной либо хозяйской пищей, жили, как правило, в своей семье.

С точки зрения эффективности для помещичьего хозяйства разные формы найма имели неодинаковое значение. А.А. Фет считал, что в земледелии существует четыре пути или способа производства: обработка всего или, по крайней мере, ближайшего поля наемными работниками; наемка крестьянских обществ от десятины; отдача крестьянам полей исполу; сдача крестьянам земли в аренду. «Первый способ самый дорогой, хлопотливый и требующий значительного оборотного капитала, зато, как ближе подходящий к ферменному хозяйству, заключающий в себе задатки всяческого развития. Только при нем возможно применение усовершенствованных орудий. Только при нем земледелие имеет будущность. Второй способ, удерживая главные преимущества первого, как, например, возможность скотоводства и удобрения полей, и требуя меньшей затраты капитала, влечет за собою дурное и несвоевременное исполнение работ, а иногда и совершенное неисполнение договоров. Третий способ, уносящий половину зерна, корму и топлива из хозяйства, влечет за собою уменьшение в хозяйстве наполовину прежней его производительности. Что касается до четвертого способа, то хотя он и носит громкое название арендаторства, но, в сущности, представляет высшую степень расточительного хозяйства, при котором ни скотоводство, ни удобрение полей уже немислимы. При значительности запасов черноземной полосы хозяева по обстоятельствам должны придерживаться одного из четырех способов или держаться нескольких одновременно»¹¹.

Как уже было сказано, в чистом виде та или иная форма найма встречалась редко, гораздо чаще в отдельном месте или даже хозяйстве практиковалась комбинация нескольких способов найма. С.А. Короленко, основываясь на отзывах хозяев, писал, что в

¹¹ Фет А.А. Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство. М., 2001. С. 311–312.

Воронежской губернии наряду с именными, «ведущимися исключительно наемными рабочими: годовыми, сроковыми, издельными и поденными, собственным инвентарем за свой счет и риск, встречаются хозяйства, основанные исключительно на обработке земли крестьянским инвентарем исполно или же издельно за пользование землею или за деньги. ... В большинстве хозяйств, впрочем, применяются все указанные способы, так что часть земель обрабатывается собственным инвентарем и наемными рабочими, часть за обработки или исполно и часть сдается крестьянам за деньги»¹².

Примерно такая же характеристика давалась в конце XIX века Воронежским губернским совещанием по пересмотру Положения о найме на сельскохозяйственные работы: «Все существующие виды найма на сельскохозяйственные работы встречаются в губернии, преобладающим можно назвать наем срочных рабочих в богатых экономиях. Но летом, во время уборки хлеба, практикуется преимущественно наем на сдельные работы. В последнее время, впрочем, начинают распространяться исполные работы, что объясняется упадком цен на хлеб и денежными затруднениями, которые переживают в настоящее время землевладельцы и крестьяне»¹³.

О многообразии способов снабжения частновладельческих хозяйств полевыми рабочими свидетельствуют и статистические материалы. В Воронежском уезде в 1884 году в 180 имениях, имевших более 50 десятин земли, сдельными рабочими обработку осуществляли 52,2 % хозяйств, уборку – 59,4 % хозяйств, батраками и сдельными рабочими соответственно – 15,0 % и 15,0 %, собственным трудом – 8,3 % и 7,8 %, батраками – 7,8 % и 3,9 %, поденщиками и сдельными рабочими – 3,9 % и 4,4 %, поденщиками – 5,0 % и 2,8 %, собственным трудом и поденщиками – 2,8 % и 2,8 %, батраками и поденщиками – 2,2 % и 1,1 %, собственным трудом и батраками – 1,7 % и 1,7 %, собственным трудом и сдельными рабочими – 1,1 % и 1,1 %¹⁴. Как видим, в большинстве экономий преобладало выполнение работ с помощью сдельных рабочих. Под этой категорией подразумевались главным образом крестьяне, нанимавшиеся на условиях денежного сдельного и, частично, натурального отработочного найма. Помимо хозяйств с исключительным использованием сдельного труда крестьян, еще в 20,0 % имений он употреблялся при обработке земли в сочетании с другими способами обеспечения рабочей силой, а в 20,5 % – при уборке. Обращает на себя внимание, что во многих хозяйствах сочетался труд батраков, наиболее надежных и производительных сроковых работников, и сдельных рабочих, обычно уступавших им по этим характеристикам, но дешевле обходившихся. В частных хозяйствах среднего размера (50–500 десятин) определенное участие в проведении сельскохозяйственных операций принимали сами владельцы земли и члены их семей, что было нехарактерно для крупных имений. Исключительно батраками обработка осуществлялась в 14 имениях, уборка – в 7; поденщики составляли главную рабочую силу в первом случае в 9 хозяйствах, а во втором – в 5. Кроме того, еще в ряде имений денежный срочковый наем использовался наряду с другими видами найма.

Несколько иная ситуация сложилась в 130 хозяйствах с более 50 десятинами земли Острогожского уезда Воронежской губернии. Ведущее место сохранялось за сдельными рабочими. Только ими обрабатывались земли 24,6 % имений, и производилась уборка урожая 61,8 % имений; сдельными работниками и батраками соответственно – 23,8 % и 0,8 %; батраками – 20,8 % и 2,3 %; собственным трудом – 16,9 % и 15,3 %; батраками и поденщиками – 10,8 % и 2,3 %; батраками, поденщиками и сдельными – 2,3 % и 2,3 %; поденщиками – 0,8 % и 13,0 %; поденщиками и сдельными – 0 % и 2,3 %¹⁵. Как видим, здесь, по сравнению с Воронежским уездом, более заметную

¹² Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. Вып. V. СПб., 1892. С. 39.

¹³ Сборник заключений по вопросам, относящимся к пересмотру Положения 12 июня 1886 года о найме на сельскохозяйственные работы. Ч. I. СПб., 1898. С. 6.

¹⁴ Сборник статистических сведений по Воронежской губернии. Т. 1: Воронежский уезд. Воронеж, 1884. С. 276–335.

¹⁵ Сборник статистических сведений по Воронежской губернии. Т. 2, вып. 3: Частновладельческое хозяйство и материалы для определения ценности и доходности земли по Острогожскому уезду. Воронеж, 1887. С. 20–61, 94–111.

роль играли батраки, особенно при обработке земли, и поденщики, главным образом, во время уборки; чаще практиковалась работа членов семей владельцев земли.

В общем, денежный сроковый наем, более свободный от различных кабальных условий, имел в Воронежской губернии заметное, хотя и не преобладающее распространение. Целый ряд имений ориентировались исключительно на годовых, сезонных и поденных рабочих, многие другие использовали их наряду со сдельными работниками. В любом случае, эти данные свидетельствуют, что Центральное Черноземье в пореформенный период не являлось регионом абсолютного господства натуральной системы найма. В то же время, несмотря на очевидность того, что обработка полей крестьянским инвентарем снижала урожайность хлебов, задерживала введение улучшений в земледелие, этот способ имел большое распространение, был удобен для хозяев меньшим экономическим риском и меньшими затратами. В свою очередь, нуждавшихся в деньгах и земле крестьян сдельные работы привлекали возможностью заработка без необходимости ухода в батраки и длительной отлучки из дома.

Сдельные работы, применявшиеся для вывоза навоза, распашки и уборки полей, косьбы трав, иначе еще назывались отрядными работами, потому что на них могли подрываться целыми обществами или товариществами с круговой порукой. В 10 уездах Воронежской губернии, по данным земских переписей 1884–1891 годов, 45 431 крестьянский двор (17,6 %) брал сдельные работы в помещичьих и крестьянских хозяйствах, причем этот процент значительно колебался по уездам: от 10,9 % в Коротоякском уезде до 26,8 % в Новохоперском уезде. Они принесли в крестьянский бюджет 946 723 рубля, в среднем по 20,8 рубля на одно хозяйство, взявшее работы¹⁶. В договорах не только детально оговаривалась последовательность, качество и количество сельскохозяйственных работ, возможные штрафные санкции, но также нередко содержались обязательства крестьян не курить в поле, не разводить костров возле леса, не пускать лошадей без пут, не сквернословить в экономии¹⁷.

На сдельные работы могли наняться только те хозяйства, в которых имелся в наличии рабочий скот и инвентарь. Выполнение обязательств по договорам обычно совпадало с работами в собственном хозяйстве, что заставляло крестьян торопиться, полностью выкладываться на поле, не жалея себя, чтобы успеть управиться на наделе. Если сдельным рабочим становился не лишний в хозяйстве человек, то «только крайняя нужда в деньгах или хозяйственная зависимость от экономии заставляли крестьян прибегать к такого рода заработкам»¹⁸. При найме на сдельные работы широко применялся заблаговременный наем, значительно снижавший цены за труд, практиковалась также частичная или полная натуральная оплата.

Часть хозяев предпочитала использовать натуральный издольный наем, но он играл вспомогательную роль. В имениях свыше 50 десятин Острогужского уезда Воронежской губернии из 75521,5 десятины владельческой запашки 7232,5 десятины (9,6 %) обрабатывалось из части урожая, 4885,5 десятины (6,5 %) – за отработки, оставшаяся площадь – за деньги¹⁹. Крестьянину, не выполнившему всех обязательств, не разрешалось убирать причитающуюся долю урожая. С другой стороны, и для крестьян, арендовавших землю, издольная съемка не имела главенствующего значения. Из 762 898 десятин арендованной ими в 11 уездах Воронежской губернии земли, только 9,4 %

¹⁶ Сборник статистических сведений по Воронежской губернии. Т. 3: Землянский уезд. Воронеж, 1887. С. 250, 255; Сборник статистических сведений по Воронежской губернии. Т. 4: Задонский уезд. Воронеж, 1887. С. 94, 99; Сборник статистических сведений по Воронежской губернии. Т. 5, вып. 1: Коротоякский уезд. Воронеж, 1888. С. 102, 109; Сборник статистических сведений по Воронежской губернии. Т. 6, вып. 1: Нижнедевицкий уезд. Воронеж, 1889. С. 138, 147; Сборник статистических сведений по Воронежской губернии. Т. 7, вып. 1: Павловский уезд. Воронеж, 1891. С. 110, 121; Сборник статистических сведений по Воронежской губернии. Т. 8, вып. 1: Богучарский уезд. Воронеж, 1890. С. 288, 299; Сборник статистических сведений по Воронежской губернии. Т. 9, вып. 1: Новохоперский уезд. Воронеж, 1891. С. 190, 200; Сборник статистических сведений по Воронежской губернии. Т. 10, вып. 1: Бобровский уезд. Воронеж, 1892. С. 304, 314; Сборник статистических сведений по Воронежской губернии. Т. 11, вып. 1: Бирюченский уезд. Воронеж, 1892. С. 344, 354, 356, 366; Сборник статистических сведений по Воронежской губернии. Т. 12, вып. 1: Валуйский уезд. Воронеж, 1893. С. 366, 376.

¹⁷ Сборник статистических сведений по Воронежской губернии. Т. 1: Воронежский уезд. Воронеж, 1884. С. 150–155.

¹⁸ Бржеский Н. Очерки аграрного быта крестьян. СПб., 1908. С. 33.

¹⁹ Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии. Воронеж, 1897. С. 56, 60–61.

снималось из части урожая²⁰. В обследованных в 1900 году 5 уездах этой же губернии крестьянами арендовалось за отработки и из доли лишь 6,2 % всей земли, а остальная земля – за денежную плату²¹.

Итак, для Воронежской губернии во второй половине XIX века была характерна смешанная система найма рабочих. В этом отношении она занимала переходное положение между «районами преимущественно владельческого и преимущественно крестьянского инвентаря»²². Очень часто разнообразные формы найма применялись здесь в одних и тех же имениях, так что часть земель обрабатывалась экономическим инвентарем и годовыми, сроковыми и поденными рабочими, а часть – инвентарем крестьян за денежную сдельную плату, отработки или исполно. И все-таки преобладающим способом становился денежный наем сдельных и сроковых рабочих.

Схожая картина наблюдалась и в других центрально-черноземных губерниях. По словам С.А. Короленко, в Тамбовской губернии «во всех уездах хозяйства владельческие ведутся почти исключительно крестьянским инвентарем издельно за отработки, а частью за денежную плату; исполная обработка встречается преимущественно в северных уездах. Хозяйства, ведущиеся собственным инвентарем и батраками, встречаются несколько чаще в Тамбовском, Моршанском, Кирсановском, Усманском, Липецком и Козловском уездах»²³. Тамбовское губернское совещание по пересмотру Положения о найме на сельскохозяйственные работы сообщало: «Практикуемые в губернии виды найма рабочих весьма разнообразны, причем преобладающим является наем на сдельные работы (скосить, связать, запахать и проч.), затем поденно и на срок – почти в равной степени; нанимаются на уборку хлебов и подесятинно; реже всего встречается работа исполу. Кроме перечисленных видов найма, в некоторых местах сравнительно в недавнее время возник и успешно практикуется и такого рода наем рабочих: кто-либо из более или менее зажиточных местных крестьян берет в экономии подряд на известную определенную работу и для ее исполнения уже от себя нанимает других крестьян, с которыми непосредственно имеет сношения и ведет расчеты»²⁴.

Имения Тамбовской губернии испытывали значительный недостаток экономического инвентаря. В конце XIX века не имело рабочего скота 26 % имений площадью свыше 50 десятин Тамбовского уезда, 33 % – Лебедянского уезда, 30 % – Кирсановского уезда, около 40% – Липецкого уезда²⁵. Н.П. Бородин расчетным путем установил, что владельческим рабочим скотом в Борисоглебском уезде могло быть обработано 34,0 % экономической запашки с паром, исключая сдаваемую в аренду землю, в Усманском уезде – 37,3 %, в Козловском уезде – 39,9 %, в Спасском уезде – 58,5 %, в Шацком уезде – 71,0 %²⁶. Это обстоятельство неизбежно влекло за собой широкое привлечение помещиками рабочего скота и орудий местных крестьян.

Основной рабочий контингент из крестьян на предстоящий полевой сезон набирался заблаговременно с выдачей вперед задатков или прав на получение в аренду земли. Наем проводился по словесным договорам, домашним условиям и реже по официальным договорным листам. Иначе сдельные работы были известны в среде тамбовских крестьян под названием «закладывание под круги», так как при этом часто выполнялся полный цикл работ, а нанимались на них во время острой нужды, получая вперед всю или значительную часть платы.

²⁰ Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии. Воронеж, 1897. С. 268, 273.

²¹ Свавицкие З.М. и Н.А. Земские подворные переписи 1880 – 1913: Поуездные итоги. М., 1926. С. 150–152.

²² Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. СПб., 1897. Т. I. С. 170.

²³ Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. Вып. V. СПб., 1892. С. 136.

²⁴ Сборник заключений по вопросам, относящимся к пересмотру Положения 12 июня 1886 года о найме на сельскохозяйственные работы. Ч. I. СПб., 1898. С. 26.

²⁵ Липский. Цены на рабочие руки при заблаговременном найме на сельскохозяйственные работы. СПб., 1902. С. 87.

²⁶ Бородин Н.П. Соотношение капиталистической и отработочной систем в помещичьих имениях губерний Черноземного Центра в 80–90-х годах XIX века (По материалам земской статистики) // История СССР. 1990. № 2. С. 38.

По свидетельству земских статистиков, большая часть работ на экономических запашках Тамбовского уезда выполнялась местными крестьянами, оплачиваемыми издельно-подесятинно при обработке земли, косье трав и хлебов и по количеству копен при вывозке урожая. Обычно на все десятины своих запашек хозяева обуславливали заранее достаточное число пахарей и косцов. Главная часть крестьян продавала свой труд зимой на будущий полевой сезон за деньги с получением задатков, а не за землю с обязательством отработок²⁷. В имениях Кирсановского уезда основная масса работ по возделыванию почвы и уборке урожая исполнялась также крестьянским инвентарем. Но здесь значительная часть крестьян, сдельно осуществлявших полевые работы, трудилась не за денежное вознаграждение, а за пользование землей, снимаемой для посевов или пастьбы скота²⁸. Данные конца 1880-х годов по Моршанскому уезду позволяют сравнить способы возделывания земли у разных сословных групп частных землевладельцев. Получалось, что у дворян 18,0 % экономического посева обрабатывалось постоянными рабочими, 56,1 % – сдельными работниками, 21,0 % – за землю, 0,5 % – за корма, 4,4 % – за выгоны; у купцов соответственно 10,8 %, 52,1 %, 23,4 %, 10,2 %, 3,5 %; у мещан – 12,2 %, 70,9 %, 14,4 %, 0 %, 2,5 %; у крестьян – 38,1 %, 57,5 %, 4,4 %, 0 %, 0 %²⁹. Как видно, у всех категорий землевладельцев преобладала обработка пашни сдельными рабочими. Купцы и мещане меньше, чем дворяне и крестьяне, пользовались трудом постоянных работников. Отработки за землю более часто практиковались у купцов и дворян. Совсем не применялась крестьянами-землевладельцами обработка пашни за выгоны и корма, ибо все крестьянство испытывало их острый дефицит.

Типичная ситуация с наймом сельскохозяйственных рабочих в Тамбовской губернии описана в обзоре Шацкого уезда: «Обыкновенно ... при всяком имении с собственной владельческой запашкой содержится несколько годовых батраков, обработка земли и уборка урожая сдается местным крестьянам подесятинно, производится она крестьянским инвентарем, для молотьбы и полки хлебов нанимаются поденщики. ... Нередко рабочие денег вовсе не получают, потому что они же нанимают у землевладельца землю для своих посевов и заработок их засчитывается в наемную плату за землю»³⁰. То есть землевладельцы использовали различные формы найма, сообразуясь с конкретными условиями хозяйствования. Крестьяне в массовом порядке обращались к земледельческим промыслам. Во многих селениях большинство жителей отвлекалось на заработки к соседним землевладельцам. В Тамбовском уезде в 1881 году в сельце Львово и деревне Малая Ящерка из 576 душ на полевые работы нанималось 300 человек (52,1 %), в деревне Алексеевке из 162 – 80 (49,1 %), в деревне Луговой из 62 – 30 (46,2 %), в деревне Сергиевке из 99 – 50 (50,5 %), в деревне Бурначке из 34 – 20 (58,8 %)³¹.

В целом, в Тамбовской губернии большое значение имел натуральный отработочный и денежный сдельный наем. По мере развития товарно-денежных отношений усиливалось применение сроковых рабочих, эксплуатация которых становилась необходимым элементом в системе использования рабочей силы.

Местное крестьянское население было основным поставщиком постоянных и сроковых работников для частных имений и крестьянских дворов. В Липецком уезде Тамбовской губернии находилось имение с 800 десятинами посевов, владелец которого содержал 30 годовых батраков, а на лето нанимал еще около 40 сроковых и все полевые работы выполнял только постоянными работниками³². В Воронежской губернии 12,2 % крестьянских хозяйств отпускали на работы годовых и полугодовых батраков. Интенсивность выхода постоянных рабочих зависела, прежде всего, от земельной обеспеченности хозяйств. Так, в батраки отправляли своих членов 14,3 % безземельных семейств, 13,8 % хозяйств, имевших до 5 десятин земли, 12,6 % – от 5 до 15 десятин, 10,8 %

²⁷ Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Т. 19: Частное землевладение Тамбовского уезда. Тамбов, 1894. С. 91–92.

²⁸ Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Т. 16: Частное землевладение Кирсановского уезда. Тамбов, 1891. С. 127.

²⁹ Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России. М., 1969. С. 117.

³⁰ Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Т. 6: Шацкий уезд. Тамбов, 1884. С. 140, 142.

³¹ Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 26. Оп. 1. Д. 2222а. Л. 8, 9 об., 10.

³² Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Т. 8: Липецкий уезд. Тамбов, 1885. С. 87.

– от 15 до 25 десятин, 6,8 % – свыше 25 десятин. Всего же земские переписи 1884–1891 годов в 11 уездах зафиксировали 28 508 годовых и 14 729 полугодовых батраков, заработавших соответственно 1 163 481 рубль (40,8 рубля на одного работника) и 383 161 рубль (25,9 рубля)³³.

Труд годовых и сроковых рабочих находил применение, прежде всего, в частновладельческих хозяйствах. К найму батраков прибегало 68,2 % всех имений свыше 50 десятин в Воронежском уезде, 68,5 % – в Острогожском уезде, 76,0 % – в Тамбовском уезде, 92,7 % – в Кирсановском уезде³⁴.

Наличие или отсутствие в экономиях постоянных работников зависело от размеров экономической запашки, степени развития животноводческого хозяйства, обеспеченности инвентарем и других причин. Большая часть батраков сосредотачивалась в крупных имениях (свыше 500 десятин). Количество батраков в имениях было неодинаковым. В Тамбовском уезде на имение с постоянными работниками приходилось 12,8 батрака, в Кирсановском уезде – 15,6, в Воронежском – 15,8, в Острогожском уезде – 44,1. В крупных хозяйствах последнего уезда содержались наиболее значительные контингенты постоянных батраков: в среднем по 80 человек на каждое. Мужчины нанимались в постоянные рабочие чаще, чем женщины. Доля годовых работников и работниц среди всего контингента постоянных рабочих равнялась в Воронежском уезде 66,5 %, в Острогожском уезде – 54,0 %, в Тамбовском уезде – 69,0 %, в Кирсановском уезде – 69,8 %, то есть они везде преобладали над сроковыми работниками.

Отдельные хозяйства располагали сотнями наемных рабочих. Так, в имение потомственных почетных граждан братьев Плотницыных Острогожского уезда с 30 601 десятиной земли нанималось 535 годовых и 704 летних работника, а в находившееся в том же уезде имение дворянки Е.И. Чертковой – 389 годовых и 285 сроковых рабочих³⁵.

Разделить постоянных работников по сферам приложения их труда на полевых и животноводческих довольно трудно. Чем меньшим было имение, тем менее специализированными оказывались в них рабочие. Как правило, батраки выполняли широкий круг обязанностей: скотники могли использоваться в горячее время на полевых работах и, наоборот, полевые рабочие привлекались к уходу за скотом. Специализированные работники скотного двора встречались в значительных количествах в больших хозяйствах. По мере роста размеров имений увеличивалось и число мастеровых батраков – плотников, кузнецов, шорников и т. п. Земское обследование 1887–1888 годов частновладельческих имений Моршанского, Кирсановского, Лебедянского и Липецкого уездов Тамбовской губернии установило, что из 6681 годового и 2819 сроковых рабочих преимущественно полевыми работами занимались соответственно 64,9 % и 65,4 % работников³⁶.

Мелкие частновладельческие хозяйства (10–50 десятин) значительно реже использовали постоянных наемных работников, чем средние и крупные имения. В Тамбовском уезде только 10,2 % таких хозяйств имели батраков общей численностью 65 человек (в среднем 2,4 батрака на хозяйство), в Кирсановском уезде в 25,8 % мелких имений трудилось 110 человек (2,8 батрака на одно хозяйство)³⁷. Эти средние цифры не исключают целенаправленного и рационального использования труда батраков и в мелких имениях. Так, в хозяйстве А.А. Тремля в селе Протопоповка Корочанского уезда Курской губернии, имевшем 40 десятин земли, из которых половина была занята садами,

³³ Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии. Воронеж, 1897. С. 268–270.

³⁴ Сборник статистических сведений по Воронежской губернии. Т. 1: Воронежский уезд. Воронеж, 1884. С. 276–335; Сборник статистических сведений по Воронежской губернии. Т. 2, вып. 3: Частновладельческое хозяйство и материалы для определения ценности и доходности земли по Острогожскому уезду. Воронеж, 1887. С. 20–61, 94–111; Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Т. 19: Частное землевладение Тамбовского уезда. Тамбов, 1894. С. 75–80; Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Т. 16: Частное землевладение Кирсановского уезда. Тамбов, 1891. С. 94–97, 104.

³⁵ Сборник статистических сведений по Воронежской губернии. Т. 2, вып. 3: Частновладельческое хозяйство и материалы для определения ценности и доходности земли по Острогожскому уезду. Воронеж, 1887. – С. 20–23.

³⁶ Фортунатов А. Сельскохозяйственная статистика Европейской России. М., 1893. С. 136.

³⁷ Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Т. 19: Частное землевладение Тамбовского уезда. Тамбов, 1894. С. 236, 238, 262, 263; Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Т. 16: Частное землевладение Кирсановского уезда. Тамбов, 1891. С. 230, 231, 254.

300 ульев, мельницу с просорушкой, винодельню и медоварню, каждый год работало 9 батраков³⁸. Их использовали в зависимости от производственной необходимости и на полевых работах, и в качестве садовников, виноделов, медоваров, столяров, корзиночников и даже поручали присматривать за поденщиками.

Годовые батраки считались самыми лучшими и надежными работниками. Опираясь на данные земской статистики, С.Ф. Руднев определял, что в Воронежской губернии сельскохозяйственные батраки составляли 8,3 % от общей численности мужчин рабочего возраста (колебания по уездам – 6,0 % – 10,1 %), в Курской губернии – 10,9 % (колебания по уездам – 5,6 % – 20,1 %), в Орловской губернии – 10,0 % (колебания по уездам – 4,1 % – 14,5 %), в Тамбовской губернии – 6,0 % (колебания по уездам – 3,0 % – 8,0 %)³⁹. А.А. Фет считал, что хозяевам «для спокойствия необходимо в настоящее время нанимать рабочего годового, имея преимущественно в виду его летнюю работу»⁴⁰. Им поручались наиболее ответственные работы, от которых зависел успех хозяйствования. Наем на годовую службу совершался преимущественно в ноябре, но бывал и в другое время года, тем более что часто это был не новый наем, а продолжение старого на новый срок.

Некоторые хозяева старались не обременять себя длительными обязательствами и периодически возобновляли договор, если работник подходил по рабочим качествам. Интересную особенность найма батраков частными землевладельцами Курской губернии подметил посетивший ее в 1893 году Н.А. Чуйков: «Стараются нанимать такое количество годовых рабочих, ... которое определяется потребностью в них в зимнее время года»⁴¹.

К сроковым работникам относились крестьяне, подрядившиеся на месяц, три, но чаще на всю летнюю половину года с апреля по ноябрь или на весь зимний период с ноября по апрель. Обычно постоянные рабочие находились на продовольственном содержании хозяина, а проживать могли как в имении, так и в своей семье. Прием на работу и увольнения проходили круглый год, хотя и в неодинаковых размерах. По одному из имений Кирсановского уезда Тамбовской губернии сохранилась запись о числе состоявших по месяцам на службе годовых и сроковых рабочих. В январе в имении числилось 65 работников, феврале – 60, марте – 85, апреле – 160, мае – 155, июне – 150, июле – 125, августе – 105, сентябре – 95, октябре – 67, ноябре – 52, декабре – 60⁴². Минимальное количество батраков приходилось на ноябрь, когда заканчивался срок летнего найма, заключались новые и возобновлялись прежние договоры. К апрелю численность рабочих возрастала по отношению к зимнему периоду более чем в два раза. В марте проходила наибольшая наемка летних рабочих, не все из них требовались до ноября, поэтому некоторые оставляли службу летом и в первые осенние месяцы.

Частновладельческими имениями не ограничивалась сфера деятельности крестьян, промышлявших годовым и сезонным наймом. Крестьянские хозяйства также нанимали постоянных рабочих. К примеру, в Острогожском уезде Воронежской губернии в них было занято 57,5 % всех батраков⁴³. Развитие товарно-денежных отношений делало этот процесс необратимым. По результатам земских переписей 1884–1891 годов в 11 уездах Воронежской губернии 5,3 % крестьянских хозяйств давали постоянную работу 10116 годовым и 9474 сезонным батракам, заработавшим соответственно 367 742 и 192 114 рублей⁴⁴. Как видим, процент крестьянских хозяйств с постоянными наемными работниками был небольшим; при этом, чем лучше обстояли дела с земельной обеспеченностью, тем больше хозяйств использовало батраков. Постоянных работников

³⁸ Описание отдельных русских хозяйств. Вып. 3. СПб., 1897. С. 86; Тремль А.А. Мои 15-летние опыты с новыми сортами яблок // Садоводство и огородничество. Харьков, 1905. С. 9–12.

³⁹ Руднев С.Ф. Промыслы крестьян в Европейской России // Сборник Саратовского земства. 1894. № 11. С. 430–431.

⁴⁰ Фет А.А. Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство. М., 2001. С. 79.

⁴¹ Чуйков Н.А. Курская губерния в сельскохозяйственном отношении. М., 1894. С. 94.

⁴² Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Т. 16: Частное землевладение Кирсановского уезда. Тамбов, 1891. С. 118.

⁴³ Сборник статистических сведений по Воронежской губернии. Т. 2, вып 3: Частновладельческое хозяйство и материалы для определения ценности и доходности земли по Острогожскому уезду. Воронеж, 1887. С. 273.

⁴⁴ Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии. Воронеж, 1897. С. 268–269.

нанимало 1,3 % безземельных дворов, 3,0 % дворов, имевших до 5 десятин, 4,6 % семейств с 5–15 десятинами, 7,6 % хозяйств с 15–25 десятинами, 14,9 % дворов с более чем 25 десятинами. В одном крестьянском хозяйстве с батраками в среднем трудилось 0,6 годовых работников и столько же полугодовых, а заработок составлял соответственно 36,4 рубля на человека и 20,3 рубля, что было ниже, чем в помещичьих экономиях. Из всего контингента постоянных наемных работников, выходявших из крестьянских хозяйств Воронежской губернии, 35,5 % годовых батраков и 64,3 % полугодовых работников нанимались на работу крестьянами, а оставшаяся часть – помещиками и отправлялась в отход. Полугодовой наем больше привлекал хозяев-крестьян тем, что он обходился дешевле, а годовым рабочим не всегда находилась интенсивная круглогодичная работа. Следует также учитывать, что использование наемного труда в крестьянских хозяйствах не ограничивалось привлечением только постоянных работников.

В динамике проследить применение батрацкого труда в крестьянских хозяйствах позволяют материалы повторных переписей в пяти уездах Воронежской губернии. Данные показывают, что 2079 крестьянских дворов (5,1 %) во время первой переписи 1885–1887 годов и 1845 (4,0 %) в 1900 году прибегали к эксплуатации батраков. Постоянных работников нанимали хозяйства всех групп, хотя и в разных размерах: масштабы привлечения батраков росли по мере улучшения обеспеченности хозяйств посевными площадями. В беспосевных хозяйствах работники ухаживали за животными, трудились в торгово-промышленных заведениях, в кустарных промыслах⁴⁵.

Экономическое положение крестьянских дворов, поставлявших и принимавших постоянных наемных работников, имело существенные различия⁴⁶. Обеспеченность средствами производства (землей, скотом, инвентарем, рабочей силой) по всем показателям была намного лучше в хозяйствах с батраками. Они чаще и в больших количествах арендовали землю, реже оставляли необработанными наделы и покупали хлеб, меньше отвлекались на участие в промыслах. В то же время не все батраки совсем порывали связь с собственным земледельческим производством. Примерную долю последних показывают проценты семей батраков, лишенных всякого скота и не обрабатывавших землю соответственно 21,0 % и 15,0 %. Помимо них в число крестьянских дворов, выделявших батраков, входили семьи, продолжавшие вести полное крестьянское хозяйство, имевшие запашку, скот, арендную землю. Это обстоятельство отмечал С.Ф. Руднев: «Крестьяне, постоянно нанимавшиеся на земледельческие работы, даже многие из батраков ... имеют не только свой дом, но и свое земледельческое хозяйство; наем на земледельческие работы является для них, однако, необходимым заработком»⁴⁷.

Большое значение и по числу занятых лиц, и по количеству заработанных средств в пореформенной деревне имел поденный наем. Его привлекательной стороной являлось то, что поденщик располагал сравнительно большими возможностями для сочетания работы в чужом и собственном хозяйстве, а наниматель мог использовать труд поденных рабочих лишь по мере необходимости, в периоды особой интенсивности в сельскохозяйственном производстве. Невыгодность подобного найма обуславливалась отсутствием гарантий для нанимавшихся крестьян в стабильном и достаточно продолжительном потреблении их труда, а для хозяев – в риске остаться в нужный момент без необходимого числа рабочих рук. Поэтому в центрально-черноземных губерниях поденщиков использовали в сочетании с другими сельскохозяйственными рабочими, поручали им отдельные операции, а не весь цикл работ⁴⁸.

Существовало два типа поденщиков: одни нанимались перед началом работ, другие, связанные кабальными условиями – заранее. Ежедневный заработок первых

⁴⁵ Материалы повторной переписи крестьянских хозяйств Воронежской губернии, 1900 года. Воронеж, 1903. С. 600–601.

⁴⁶ Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии. Воронеж, 1897. С. 268–275.

⁴⁷ Руднев С.Ф. Промыслы крестьян в Европейской России // Сборник Саратовского земства. 1894. № 11. С. 462.

⁴⁸ Инцертгов Н. Очерки тамбовского хозяйства // Труды Вольного экономического общества. 1878. Т. 2, вып. 3. С. 290.

оказывался самым высоким среди наемных сельскохозяйственных рабочих, а вторые, выполняя такую же работу, могли получать в несколько раз меньше. Наиболее часто поденщиков привлекали на молотьбу, сенокосы, уборку и возку хлебов, различные прополки. Наем поденных рабочих существовал не только в помещичьих имениях, но и во многих крестьянских хозяйствах. По двум экономиям Кирсановского уезда Тамбовской губернии имеется распределение фактически нанятых на поденную работу мужчин и женщин по месяцам 1887 года. В январе здесь работало поденщиков 35 человек, поденщиц – 8; в феврале соответственно – 14 и 0; в марте – 8 и 0; в апреле – 10 и 79; в мае – 57 и 291; в июне – 44 и 1865; в июле – 123 и 1066; в августе – 202 и 187; в сентябре – 298 и 176; в октябре – 117 и 181; в ноябре – 36 и 53; в декабре – 10 и 0, а всего за год – 954 и 3906⁴⁹. Легко убедиться, что наемка поденщиков производилась круглый год, хотя зимой потребность в них была намного меньше, чем летом. Максимальный прием на работу женщин приходился на июнь–июль (время полки и уборки хлебов), а мужчин – на август–сентябрь (период уборки, молотьбы, завершения полевых работ).

Как уже отмечалось, на практике приходилось комбинировать различные виды найма, в том числе денежного. В имении К.А. Энгельгардта в селе Звеньяча Дмитриевского уезда Курской губернии, располагавшем около 500 десятинами земли, использовали труд 23 батраков, 15 сезонных летних работников, а также нанимали поденщиков⁵⁰. Четвертая часть всех батраков была занята уходом за скотом.

Итак, новая социально-экономическая ситуация, сложившаяся в стране после отмены крепостного права, требовала от помещиков и части крестьянства использования в своих хозяйствах наемного труда. В качестве основного поставщика отработчиков, срочных, сделных и издольных рабочих выступали различные слои местного крестьянства. Поэтому их участие в местных сельскохозяйственных промыслах приняло большие размеры. Путем промысловых занятий крестьяне стремились заработать денежные и натуральные средства для поддержания своего хозяйства, уплаты податей, пополнения бюджета. Система обеспечения сельского производства наемными работниками в центрально-черноземных губерниях характеризовалась переплетением разнообразных видов найма. По мере развития усиливалось значение денежного найма вообще, и срочного в частности. С помощью сельскохозяйственных промыслов крестьяне приспосабливались к изменившимся условиям жизни и хозяйствования, втягивались в товарно-денежные отношения.

⁴⁹ Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Т. 16: Частное землевладение Кирсановского уезда. Тамбов, 1891. С. 125.

⁵⁰ Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 1504. Оп. 1. Д. 26. Л. 34–36.

УДК 94(47).08

**ОСНОВНЫЕ СТАТЬИ РАСХОДНОЙ ЧАСТИ БЮДЖЕТОВ
ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ УЕЗДНЫХ ГОРОДОВ
ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

**THE MAIN EXPENDITURE ITEMS OF THE MUNICIPALITY BUDGET
IN UYEZD (DISTRICT) TOWNS OF VORONEZH PROVINCE
IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES**

В.В. Кузнецов, А.В. Перепелицын

V.V. Kuznetzov, A.V. Perepelitzyn

Воронежский государственный педагогический университет, Россия, 394043, г. Воронеж, ул. Ленина, 86

Voronezh State Pedagogic University, 86 Lenina St., Voronezh, 394043, Russia

E-mail: avp64@mail.ru

Ключевые слова: городское самоуправление, городская реформа, городская дума, городская управа, городской бюджет, расходы городских бюджетов.

Key words: city home rule, city reform, city дума (council), city budget, city budget's expenditures.

Аннотация. В работе дана характеристика основных статей расходной части бюджетов городского самоуправления 11 уездных городов Воронежской губернии. На основе архивных и опубликованных материалов определены масштабы и динамика расходования средств, установлены приоритеты бюджетной политики, выявлены результаты и трудности в деятельности городского самоуправления.

Resume. Characteristics of the main items of the city home rules budgets expenditures parts for the Voronezh province 11 uезд's (district's) cities are given. Scales and dynamics of the finance spending, the budget policy primacy, results and difficulties in the city's home rules activities are envisaged on a basis of archives and publications.

В ходе городской реформы 1870 г. в России были созданы органы выборного всесословного самоуправления, обладавшего определенной компетенцией и финансовой самостоятельностью в делах города. В 1892 г. государство внесло некоторые коррективы в положение, регламентировавшее порядок выборов и деятельности городских дум и управ. Результативность практической работы городского самоуправления во многом зависела от величины бюджетов, правильного определения приоритетов в развитии городов и эффективного расходования имеющихся средств.

В данной статье анализируются основные статьи расходов органов городского самоуправления Воронежской области, выделяется общее и особенное в их бюджетной политике. В качестве источников привлекались, главным образом, делопроизводственные материалы, найденные в фондах Государственного архива Воронежской области, и данные Памятных книжек по Воронежской губернии за разные годы.

Основные статьи расходов, которые могли совершать органы городского самоуправления, были определены в Городовых положениях¹. В.А. Нардова называла их первоочередными², П.А. Велихов и П.А. Попов – обязательными, немунципальными расходами³. По закону к ним относилось содержание городского общественного самоуправления, городских общественных зданий, памятников, выплата долгов, воинские издержки, участие в расходах по содержанию чинов городской полиции, наем

¹ Городовое положение от 16 июня 1870 г. Ст. 139 (а–л); Городовое положение 1892 г. Ст. 138 (1–10).

² Нардова В.А. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX вв. СПб., 1994. С. 59.

³ Велихов Л.А. Основы городского хозяйства. Общее учение о городе, его управлении, финансах и методах хозяйства. М.–Л., 1928. С. 351–352; Попов П.А. Городское самоуправление Воронежа 1870–1918 гг. Воронеж, 2006. С. 180.

помещения для полицейского управления, предоставление вещественного довольствия для полицейской и пожарной команд, содержание общественных пожарных команд. Содержание образовательных, благотворительных, медицинских учреждений, благоустройство, санитария города – считались расходами, которые большинством исследователей обозначены как необязательные. Однако они также зафиксированы в Городовых положениях как те, которые город должен удовлетворять в обязательном порядке⁴. Оставшиеся средства могли быть направлены городским самоуправлением «на всякие вообще предметы, относящиеся к пользам города и его обывателей и законам непротивные»⁵. Размер тех или иных расходных статей устанавливался городскими думами. Однако губернатор следил за тем, «чтобы назначаемы были необходимые суммы на удовлетворение потребностей, законом обязательно на городские средства отнесенных»⁶.

Подсчет размеров расходных частей бюджетов уездных городов Воронежской губернии за период с 1876 г. по 1914 г. убеждает, что города в зависимости от уровня доходной части бюджетов несли неодинаковые по размеру расходы⁷. Условно по величине расходов города можно разделить на три группы. Наиболее значительные затраты в течение всего периода осуществляли Павловск (в среднем за год, по данным за имеющиеся годы, 88 823,7 руб.), Острогожск (77 688,4 руб.), Богучар (59 294,1 руб.), Новохоперск (53 237,2 руб.), Бобров (42 566,1 руб.). Умеренные расходы выполняли Валуйки (32 790,7 руб.), Задонск (30 235,3 руб.), Коротояк (24 139,2 руб.). Наименьшие траты проводили Бирюч (16 807,5 руб.), Нижнедевицк (15 894,6 руб.), Землянск (15 109,3 руб.). Расходы за 1870-е гг. – 1914 г. выросли во всех городах, но происходило это в течение периода непостоянно, увеличение сумм менялось уменьшением, и наоборот. Тем не менее, в конечном итоге, в 1914 г. бюджетные расходы, совершавшиеся органами городского самоуправления, выросли по отношению к 1876 г. в Павловске в 7,1 раза, Острогожске в 6,1 раза, Богучаре в 7,5 раза, Новохоперске в 3,4 раза, Боброве в 2,5 раза, Валуйках в 4,3 раза, Задонске в 4,7 раза, Коротояке в 4,4 раза, Бирюче в 1,5 раза, Нижнедевицке в 4,2 раза, Землянске в 2,2 раза. Пик расходов приходился на 1914 г. в Валуйках, Задонске, Нижнедевицке, Острогожске, Павловске; на 1912 г. – в Боброве, Землянске, Коротояке; на 1913 г. – в Богучаре, Новохоперске; на 1879 г. – в Бирюче. Минимальные затраты осуществлялись в 1876 г. в Боброве, Богучаре, Землянске, Коротояке, Павловске; в 1885 г. – в Задонске и Острогожске; в 1900 г. – в Бирюче; в 1894 г. – в Валуйках; в 1889 г. – в Нижнедевицке; 1878 г. – в Новохоперске. Имеющиеся данные, показывают, что в начале XX в. финансовые возможности воронежских городов улучшились. Последние три года, по которым имеются данные, 1912 г., 1913 г. и 1914 г., практически для всех городов оказались наиболее успешными с точки зрения величины средств, потраченных на городские нужды.

Рассмотрим теперь, на какие цели и в каких размерах направлялись деньги в конкретных уездных городах.

Около половины, а порой даже больше, городских средств Бирюча тратилось на содержание городского самоуправления, общественный порядок и пожарную безопасность, и только в отдельные годы на первый план выходили иные статьи расхода. Так, в смете 1879 г. 60,4% всех расходов было произведено сверх сметы, и их большая часть оказалась направлена в городской банк для составления городского

⁴ Городовое положение от 16 июня 1870 г. Ст. 139 (г, к, л).

⁵ Городовое положение от 16 июня 1870 г. Ст. 140.

⁶ Городовое положение от 16 июня 1870 г. Ст. 143 (п. 3).

⁷ Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. И-21. Оп. 1. Д. 84. Л. 2 об.-3, 6–7, 15 об.-16, 26 об.-27, 30 об.-31, 38–39, 43 об.-44, 48 об.-49, 54 об.-55, 59, 62 об.-63; д. 32, л. 33–67, 354–388, 401–428, 472–486, 530–539, 577–582, 613 об.-616, 751–755, 784–787, 792–797; д. 141, л. 16–19, 47 об., 55–56, 84–87, 104 об.-105, 125 об., 133 об.-134, 140–144, 169 об.-170, 185 об.; Памятная книжка Воронежской губернии на 1891 г. Воронеж, 1891 г. С. 136–137; Памятная книжка Воронежской губернии на 1895 г. Воронеж, 1895. С. 112; Памятная книжка Воронежской губернии на 1896 г. Воронеж, 1896. С. 112; Памятная книжка Воронежской губернии на 1902 г. Воронеж, 1902. С. 104–105; Памятная книжка Воронежской губернии на 1910 г. Воронеж, 1910. С. 110–111; Памятная книжка Воронежской губернии на 1911 г. Воронеж, 1911. С. 116–117; Памятная книжка Воронежской губернии на 1912 г. Воронеж, 1912. С. 112–113; Памятная книжка Воронежской губернии на 1914 г. Воронеж, 1914. С. 112–113; Памятная книжка Воронежской губернии на 1915 г. Воронеж, 1915. С. 110–111; Памятная книжка Воронежской губернии на 1916 г. Воронеж, 1916. С. 26–27.

капитала, а в 1912 г. 45,1% городских средств было использовано для развития медицинской, ветеринарной и санитарной части. Немунципальные расходы имели наибольший удельный вес в бюджете 1894 г. (19,4 %), а наименьший – в 1912 г. (3,2 %). В 1914 г. город прекратил выплату казне пособия на содержание правительственных учреждений и отчисления на уплату налогов. Несмотря на то, что в городе была женская прогимназия, духовное мужское училище, ремесленная школа в слободе Алексеевка, затраты на содержание учебных заведений колебались от 3,5 % до 7,7 % всех расходов, и лишь в 1910 г. – 14,6 %, а в 1913 г. – 11,3 %. На содержании города находились девять богаделен, в которых нашли приют в 1914 г. 126 человек. Общая сумма трат по этой статье составляла 2% – 3% городских средств. Всплеск в 1912 г. расходов на развитие медицинского обслуживания, очевидно, был связан с открытием городской больницы. В остальные годы, кроме 1909 г. и 1914 г., они не превышали 1 %. С 1889 г. в бюджете появилась отдельная статья расходов, связанная с благоустройством города. В разные годы на ремонт мостовых, дорог и гатей, освещение, очистку площадей, новые работы по благоустройству выделялось от 2,1 % до 11,5% всех расходов. С 1908 г. в смете расходов стали учитываться затраты на содержание городского водопровода, составлявшие в разные годы до 2,6 % бюджета.

В Боброве на содержание общественного управления и суда тратилось от 9,8 % бюджета (1912 г.) до 23,6 % (1894 г.), общественный порядок и пожарную безопасность – от 11,1 % (1912 г.) до 29,3 % (1876 г.). Немунципальные расходы (военные издержки, уплата налогов и долгов, содержание правительственных учреждений), как правило, были значительными, составляя от 11,9 % (1913 г.) до 27,8 % (1878 г.): исключение составляли данные за 1889 г., 1894 г., 1900 г., когда эти затраты не превышали 9 %. Наблюдалась тенденция увеличения финансирования сферы образования: если в 1876 г. и 1878 г. на эти цели направлялось соответственно 6,5 % и 5,4 % бюджета, то, начиная с 1900 г. – более 25 %, а в 1913 г. – 40,5 %. На содержании города находились женская и мужская гимназии, ремесленная школа. Однако в 1914 г. пособия учебным заведениям сократились вдвое и в 1914 г. составили 26,2 %. В начале XX в. на общественном призрении находились до ста горожан, размещенных в городской богадельне. Расходы на благотворительные мероприятия составили от 0,1 % бюджета до 5,7 %. Работы по благоустройству города долгое время оплачивались по остаточному принципу. В период с 1876 г. по 1900 г. эти затраты составляли лишь от 0,1 % до 4,7 %, но в начале XX в. положение изменилось к лучшему, и расходы возросли с 8,4 % бюджета (1908 г.) до 17,7 % (1914 г.). В определенные годы (1876 г., 1889 г., 1900 г.) существенной статьёй городских затрат (18,3 % – 20,6 %) являлись «другие расходы», в остальное время на эти различные городские надобности выделялось лишь несколько процентов. В 1914 г. воинские издержки и налоговые поступления в казну увеличились, отчисления на уплату долгов и пособия на содержание правительственных учреждений, наоборот, сократились. Содержание медицинской части обходилось городу в 1,2 % – 2,8 % городских средств. Городская управа делала небольшие отчисления на образование капиталов.

Самоуправление Богучара на свое содержание направляло от 4,8 % бюджета (1913 г.) до 26,5 % (1894 г.), при этом удельный вес данных расходов в структуре бюджета заметно снизился относительно других лет в 1912 г., 1913 г., 1914 г. В эти же три года подобное произошло с финансированием полиции и пожарной части. Оно осуществлялось в размере от 4,5 % бюджета (1913 г.) до 31,5 % (1876 г.), вплоть до 1910 г. не опускаясь ниже 13 %. В Богучаре в течение всего периода на довольно высоком уровне находились расходы на учебную часть (содержание мужской и женской гимназий, ремесленной школы): от 8,8 % бюджета в 1914 г. до 25,8 % в 1900 г. Город с 1908 г. делал регулярные отчисления на образование капиталов: с 22,4 % бюджета они выросли в 1914 г. до 28,1 %. На благоустройство направлялось от 1,1 % бюджета (1876 г.) до 21,4 % (1914 г.). В начале XX в. эта статья расходов стала более значительной, чем раньше. Затраты на благотворительность составляли в разные годы от доли процента бюджета до нескольких процентов. Эти небольшие средства расходовались на различные цели. В 1914 г., к примеру, под призрением города находилось три городские

богадельни с 75 постояльцами, действовало также «Общество взаимного вспомоществования учащимся и учившим».

В Валуйках наиболее заметными статьями расходов являлось содержание городского самоуправления, полицейской и пожарной части (от 22,5 % бюджета в 1914 г. до 57,6 % в 1885 г.). Немунципальные расходы колебались от 4,6 % в 1894 г. до 23,7 % в 1891 г. Интересный факт: на содержании города в 1876 г. находилась общественная полицейская команда, созданная до введения Городового положения 1870 г. Благоустройство города имело слабое финансовое сопровождение на уровне нескольких процентов бюджета в 1876–1894 гг., 1912 г., но в другие годы, по которым имеются данные, расходы на благоустройство были заметно выше: от 12,1 % бюджета (1914 г.) до 23,4 % (1900 г.). Валуйки были одним из немногих уездных городов Воронежской губернии, в котором в начале XX в. появился водопровод и городская скотобойня. Расходы на содержание водопровода варьировались от 10,8 % бюджета в 1908 г. до 19,5 % в 1913 г., но вместе с тем город получал и постоянную прибыль от этих городских предприятий. Наибольшие траты на содержание учебных заведений отмечались в 1912 г. и 1913 г. В 1900 г. в городе была образована женская прогимназия, в 1911 г. – женская гимназия, а в 1912 г. появилась шестиклассная мужская прогимназия. Расходы на общественное призрение в начале XX в. не превышали 1 % городских средств. В городе была открыта богадельня для 29 человек, и к 1914 г. в ней находилось уже 43 постояльца. Небольшие средства (от 0,8 % бюджета до 2,3 %) город выделял на содержание медицинской и ветеринарной служб. С 1908 г. производились регулярные отчисления в несколько сот рублей в городской общественный банк для образования городского капитала с целью получения процентов с него.

Городские средства Задонска тратились, прежде всего, на содержание городского самоуправления, полиции, пожарной части. На эти статьи расходов направлялось, за исключением 1914 г., от одной трети до половины бюджета. В 1885 г. значительные средства (40,8 % бюджета) были предназначены для немунципальных расходов. С этого времени достаточно высокая доля в бюджете этой статьи расходов поддерживалась, в первую очередь, за счет воинских издержек (расквартирование воинского контингента в городе). На содержании города находились два приходских училища и женская прогимназия. Расходы на учебную часть колебались от 12,7 % бюджета в 1885 г. до 42,5 % в 1914 г. По несколько сотен рублей в год обычно тратилось на общественное призрение. В городских богадельнях в начале XX в. нашли приют 28 человек. В расходы на благотворительность записывались единовременные выплаты земской больнице. В отчете управы 1879 г. указаны расходы по найму караульного спасателя на пляже на реке Дон. Лишь чуть большими были пособия медицинской службе (от 0,6 % бюджета в 1885 г. до 4,8 % в 1910 г.). В смете 1876 г. оказались детально расписанными «другие расходы», правда, без указания сумм. Так, были выделены деньги на содержание городского сада, пробирной палатки, покупку дома для городских учреждений, на пособие губернскому по городским делам присутствию. На благоустройство города направлялось от 1,4 % бюджета (1885 г.) до 6,8 % (1908 г.), а значительно больше лишь в 1912 г. (14,0 %) и в 1913 г. (18,0 %). В смету было включено содержание городского сада, где часто проходили народные гулянья, благотворительные мероприятия и другие празднества; с 1913 г. появились незначительные расходы на железную дорогу.

Стабильно высокими были расходы Землянска на содержание общественного управления и сиротского суда, полиции и пожарной части. На эти цели тратилось от 41,1 % дохода (1913 г.) до 59,7 % (1876 г.). Основными мерами по благоустройству города были его освещение, ремонт мостов, дорог, гатей, очистка площадей, улиц, ретирад в городских зданиях. Эта статья никогда не являлась приоритетной: в 1885 г. она составляла лишь 0,5 % бюджета, в 1889 г. – 1,5 %, в остальные годы – от 3,8 % (1894 г.) до 9,6 % (1914 г.). Более существенные суммы выделялись на немунципальные расходы: от 6,3 % бюджета в 1885 г. до 21,7 % в 1909 г. (исключение составил 1876 г. – 0,5 %). Землянск являлся единственным уездным городом Воронежской губернии, в котором не было средних учебных заведений (гимназий и прогимназий). На содержании города находились церковно-приходские школы, женская школа, народное

училище. Расходы на учебную часть с течением времени, в целом, росли и колебались от 8,0 % бюджета (1879 г.) до 18,4 % (1900 г.). В городе была одна богадельня, где нашли приют в 1914 г. 12 человек. Общие затраты на благотворительность составляли от 2,6 % городских средств (1876 г.) до 15,4 % (1913 г.). На развитие медицинского обслуживания в городе и материальную поддержку врачебного персонала выделялось менее одного процента бюджета. С 1908 г. в сметах стали фиксироваться расходы на содержание городской скотобойни, не превышавшие 1,7 % городских средств.

В Коротояке на содержание городского управления и суда, полиции и пожарной части расходовалось от 17,8 % бюджета (1912 г.) до 72,0 % (1894 г.). Причем, с начала XX в. удельный вес этих статей, в целом, стал меньшим, чем в предшествующий период. В структуре расходов на немунципальные нужды (от 4,6 % бюджета в 1912 г. до 37,6 % в 1879 г.) существенную роль играли воинские издержки, а в 1908–1910 гг. – выплаты по долгам. Последнее обстоятельство объяснялось тем, что в 1900 г. город сделал заем на сумму 7031,7 руб., которую он сумел погасить к 1912 г. На благоустройство города существенные средства (20,6 % бюджета) выделялись лишь в 1908 г., в остальные годы финансирование или не предусматривалось, или варьировалось от 0,5 % бюджета до 8,7 %. С 1912 г. по 1914 г. приоритетной статьёй расхода (свыше 50 % городских средств) стало содержание учебных заведений, ранее на учебную часть тратилось от 0,5 % (1876 г.) до 8,7 % (1910 г.). Дело в том, что в 1911 г. в городе появились женская гимназия и два реальных училища. Город содержал одну богадельню, в которой к 1914 г. нашли приют 28 человек. Расходы на благотворительные меры колебались от 0,7 % до 4,2 %. Выплаты казне были регулярными, и только в 1914 г., как и большинство уездных городов Воронежской губернии, Коротояк не выполнил свои обязательства по этой расходной статье. Затраты на содержание медицинской, ветеринарной и санитарной служб в Коротояке были маленькими и составляли до одного процента городских средств. В 1908 г. в смете указана небольшая сумма на устройство канализации, с этого же года стали фигурировать незначительные расходы на железную дорогу.

Общественное управление Нижнедевица в разные годы приоритетными считало различные статьи расходов. В 1876 г. и 1885 г. соответственно 34,6 % и 28,0 % городских средств пришлось на единовременные расходы, главным образом, на проведение строительных работ; в 1879 г. и 1889 г. соответственно 24,4 % и 37,5 % на общественный порядок и пожарную безопасность; в 1885 г. и 1909 г. соответственно 29,9 % и 36,4 % на немунципальные расходы, прежде всего, на воинские издержки и уплату долгов; в 1894 г. и 1900 г. соответственно 19,1 % и 20,6 % на содержание городского самоуправления; в 1908 г. – 19,6 % на содержание городских имуществ, памятников; в 1910–1914 гг. – от 34,5 % до 48,0 % на учебную часть, в том числе на содержание женской прогимназии. Траты на медицинские учреждения и врачебный персонал не превышали 0,4 % бюджета, а на благотворительные мероприятия в разные годы колебались от 0,9 % до 4,8 %.

В 1876 г. и 1878 г. городское самоуправление Новохоперска самые большие суммы тратило на содержание местной полиции и пожарной части, в 1885 г. и 1894 г. – общественного самоуправления, в 1900 г. – учебных заведений. Однако с 1908 г. основными стали немунципальные расходы. Причем в 1908–1912 гг. в их структуре преобладали отчисления на уплату налогов и долгов города, а в 1913–1914 гг. – издержки, связанные с постоянной повинностью. В Городовых положениях в обязанность города вменялось «содержание общественных пожарных команд, существовавших до введения его в действие, или же учреждаемых, на определений городских дум, с надлежащего разрешения, взамен или для усиления полицейских пожарных команд»⁸. Это было дополнительным бременем для города, однако, в сметах городской управы Новохоперска подобные траты не были зафиксированы. Городское самоуправление предоставляло определенные социальные гарантии данной категории служащих. В частности, они могли пользоваться медицинскими услугами городской больницы, получали «квартирные» деньги на содержание своих квартир. Если с 1876 г. по 1889 г. содержание тюрьмы, а именно отопление и освещение тюремного замка,

⁸ Городовое положение от 16 июня 1870 г. Ст. 139 (й).

были регулярной, хотя и небольшой, статьей расхода, то в дальнейшем в отчетах она не упоминается. Возможно, эти затраты фиксировались в графе «другие расходы», которые в документах не расшифровывались. Расходы по содержанию полиции, пожарной части, городского управления с 1908 г. заметно сократились. Так, если в период с 1876 г. по 1900 г. содержание городского управления составляло от 12,1 % до 29,0 % бюджета, полиции и пожарной части – от 13,2 % до 35,1 %, то с 1908 г. по 1914 г. соответственно от 8,1 % до 14,8 % и от 9,5 % до 15,7 %. Город должен был заботиться о принадлежавших ему зданиях и предприятиях. В частности, в сметах указаны расходы на содержание здания присутственных мест, в котором располагалась канцелярия управы, думы, проходили собрания последней, помещения полиции и пожарной части. На эти цели тратилось от 2,5 % городских средств (1885 г.) до 25,8 % (1914 г.). На учебную часть расходовалось от 8,4 % бюджета (1889 г.) до 31,3 % (1900 г.). В Новохоперске работали мужская и женская гимназии. В городе находилась богадельня, в которой к 1914 г. проживало 32 человека, но сумма расходов на общественное призрение была небольшой и варьировалась от 0,1 % бюджета до 0,3 %. Медицинская часть получала от 1,7 % бюджета до 5,8 %, средства направлялись, в первую очередь, на выдачу жалования городскому врачу, оспопрививателю, а также «квартирных» акушерке. Основное внимание в благоустройстве города (от 0,7 % бюджета до 5,8 %) уделялось его освещению и содержанию мостов, бульваров, общественных колодцев и дорог. Санитарные меры, как правило, заключались в очистке площади и главных улиц города от нечистот. Мелочные, другие и единовременные расходы в сметах часто не расшифровывались. Но из имеющихся данных можно сделать вывод, что они носили случайный характер и тратились на статьи текущих расходов. Так, в 1876 г. большая часть единовременных расходов была использована на ремонт дорог, мостов, содержание общественных зданий и полиции.

На рассмотрении расходов Острогожска следует остановиться более подробно, поскольку этот город имел один из самых крупных бюджетов среди уездных городов Воронежской губернии, к тому же в отношении его мы располагаем данными по самому большому числу лет. В сметах Острогожской городской управы в разные годы устанавливались неодинаковые приоритеты финансирования. В 1872 г. (начало работы выборного городского самоуправления) на первом плане стояли «единовременные расходы» и «расходы сверх росписи» (72,1 % бюджета). Большая часть этих средств была отослана в правление Острогожского общественного банка для составления городского капитала. В 1874 г. данные статьи получили 30,7 % бюджета, а приоритет отдавался содержанию самоуправления и обеспечению безопасности (39,7 %). Указанные расходы продолжали доминировать среди остальных статей соответственно: в 1876 г. (37,8 % бюджета и 32,7 %), в 1877 г. (39,3 % и 34,2 %). Более 15 тыс. руб. в 1877 г. было выделено сверх росписи на покрытие расходов, вызванных русско-турецкой войной 1877–1878 гг. Эти деньги были потрачены на устройство лазарета для нижних воинских чинов 150 запасного батальона, местной команды и других воинских чинов, на пособия семьям лиц, призванных на военную службу. С этой войной было также связано то, что в 1878 г. значительно увеличились воинские издержки (более 9 тыс. руб.) в структуре немунципальных расходов (27,0 % бюджета). Финансирование общественного управления, полиции, пожарной части в 1878 г. – 1900 г. осуществлялось на уровне 35,0 % бюджета – 42,5 % (1894 г.). В дальнейшем удельный вес этих статей в бюджете понизился (от 12,6 % в 1914 г. до 32,9 % в 1909 г.). Немунципальные расходы стали заметной статьей бюджета, начиная с 1878 г. (их наименьший удельный вес пришелся на 1908 г. – 10,5 % городских средств). В их структуре в 1914 г. преобладали отчисления на уплату долгов по городским займам, а также воинские издержки (и то, и другое увеличилось почти в четыре раза по сравнению с 1913 г.). Расходы по содержанию учебных заведений были минимальными в 1872 г. (3,4 % бюджета), а максимальными в 1913 г. – 49,2 %. На содержании города находились женская и мужская гимназии, приходское училище, ремесленная школа в селе Ольховатка. Расходы на учебную часть имели тенденцию к росту, но в 1914 г. оно было урезано почти наполовину по отношению к предыдущему году.

Острогожская городская управа ежегодно отсылала единовременные пособия Воронежской управе на содержание в губернском центре пробирной палатки. Основные расходы по ее содержанию брал на себя Воронеж, а остальные города Воронежской губернии, в которых осуществляли деятельность ювелиры, должны были оказывать содействие в единовременных выплатах⁹. В Воронеже, по сообщению пробирера Воронежского пробирного учреждения за 1875 г., работало семнадцать ювелиров, в Острогожске – пять, в Задонске – три и в Богучаре – один¹⁰. Стоит отметить, что Острогожск выплачивал это пособие регулярно.

В 1909 г. в городе появилась скотобойня, и было разработано обязательное постановление «О порядке устройства и содержания бойни в Острогожске и о продаже привозимого в город мяса». Скот осматривался ветеринарным врачом до и после убоя, мясо клеймили, мясные отбросы не вывозились за пределы скотобойни, а закапывались там же в определенном месте. Плата за убой скота на городской скотобойне устанавливалась думой. Появление скотобойни, где соблюдались все необходимые санитарные меры, повысило качество мясных продуктов и препятствовало развитию болезней¹¹. Общественность Острогожска поддержала данную инициативу городской думы, и еще до ее реализации, в местной газете «Острогожский листок» за 1 июля 1909 г. было опубликовано следующее сообщение: «Может быть, по этому поводу когда-нибудь и состоится определенное постановление думы – мы не знаем, но смеем думать, что отцы города взялись за бойни не на шутку, и в недалеком будущем горожане станут покупать прекрасное, здоровое и дешевое мясо. Приветствуем благое начинание городской думы. Будем надеяться, что в скором времени обыватели Острогожска избавятся, наконец, от обдирания их карманов мясниками-кулаками¹². Наиболее весомые расходы по ее содержанию были сделаны в 1909 г. (5,9 % бюджета), в последующие годы они сокращались и в 1914 г. составили 0,5 %.

Кроме скотобойни в городе функционировали водопровод, трамвай и телефонная связь. Расходы на водопровод и трамвай в смете появились с 1912 г., выросли в следующем году, в 1914 г. составили соответственно 20,7 % и 23,5 % городских средств. За городской счет были устроены телефоны в казарме стражников, в квартире городского врача, в управлении воинского начальника и в квартире городского головы. Предполагалось, что эти расходы окупятся абонентной платой за пользование ими¹³.

Некоторые уездные города брали на себя обязательство выплачивать пенсион отдельным лицам. Его размер, как правило, был небольшим. Так, в сметах Острогожской управы в 1870-х гг. указана выплата пенсионера вдове титулярного советника Сосиной в размере 28 руб.

Расходы на благоустройство города с 1872 г. по 1900 г. не превышали 4,1 % бюджета (1878 г.), в дальнейшем они стали более значительными и колебались от 6,5 % бюджета (1912 г.) до 13,5 % (1909 г.). Городские власти главное внимание уделяли очистке базарных площадей и улиц от нечистот, освещению города и строительству новых объектов. В 1905 г. Острогожская дума постановила планомерно мостить улицы, постепенно переходя от центра к окраине города. Такое решение было обусловлено нехваткой средств для того, чтобы сразу привести в полный порядок все кварталы города. Освещены были только общественный сад и главные улицы Острогожска – Воронежская, Харьковская, Бригадирская, Дворянская и Бородкинская, на остальных улицах керосиновые фонари отсутствовали. Это вызвало у горожан справедливые нарекания на деятельность городского самоуправления¹⁴.

На содержании города находились пятнадцать богаделен, где нашли приют 126 человек. Одна из богаделен была образована 4 апреля 1872 г. в честь спасения жизни императора Александра II во время покушения на него 4 апреля 1866 г. Кроме того, в городе функционировал Владимирский приют, в котором на полном содержании

⁹ ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 33. Л. 3.

¹⁰ ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 33. Л. 7.

¹¹ Острогожский листок от 20.07.1910. № 29. С. 1.

¹² Острогожский листок от 01.07.1909. № 27. С. 2.

¹³ Острогожский листок от 12.08.1910. № 31. С. 1–2.

¹⁴ Острогожский листок от 03.07.1910. № 21. С. 1–2.

находились 21 девочка, а 24 – оказывалась денежная помощь. Городское самоуправление выплачивало по ходатайству родителей или учебных заведений (Общество вспомоществования учащимся при мужской, женской гимназии, уездном училище) стипендии нуждающимся учащимся. Так, в местной газете отмечалось, что заслушав прошения И.Н. Кривцова и И.Ю. Зуус о предоставлении городской стипендии дочери первого, сыну и дочери второй, городская дума, «принимая во внимание, что стипендий при двух местных гимназиях имеется четыре, по две в каждой, и что просители по своей бедности заслуживают их, постановила предоставить им таковые на 1910–1911 учебный год»¹⁵. 19 ноября 1880 г. было открыто Общество пособия бедным города Острогжска, на содержании которого находилось медицинское учреждение для хронических больных, богадельня для престарелых женщин.

В 1883 г. местное земство купило для городской больницы дом. Ранее оно брало на себя расходы по найму для этих целей квартиры. В 1890 г. при городской больнице был открыт на собранные по подписке средства приют для психических больных, названный «Тевяшовским». Городское самоуправление выплачивало жалованья городскому врачу, оспопрививателю, «квартирные» акушерке. Причем оно периодически увеличивало размер жалованья городского врача, так как его обязанности все время расширялись. В местной газете 30 декабря 1910 г. было напечатано следующее сообщение: «Ввиду увеличения количества амбулаторных больных в городской Ольгинской амбулатории и необходимости для городского врача посещать на дому несостоятельных больных, а также в виде того, что на городском враче лежат обязанности санитарного врача по городу и школьного врача в трех приходских и двух церковно-приходских школах, дума постановила: назначить городскому врачу А.В. Аристову дополнительное вознаграждение за его труд в размере 150 руб. в год»¹⁶. Общие расходы на медицинское обслуживание варьировались от 0,4 % бюджета в 1872 г. до 4,1 % в 1900 г.

В Павловске до начала XX в. значительные ресурсы выделялись на содержание общественного самоуправления и обеспечение безопасности (полиция, пожарная часть): от 29,2 % бюджета (1879 г.) до 52,6 % (1876 г.), в дальнейшем удельный вес этих статей стал сокращаться с 25,8 % в 1900 г. до 15,5 % в 1913 г. Немунципальные расходы колебались от 1,5 % (1894 г.) до 42,9 % (1880 г.). В их структуре преобладали воинские издержки (наибольшая сумма истрочена в 1913 г.), уплата долгов (самые крупные выплаты пришлось на 1912 г.) и налогов (больше всего было внесено в 1913 г.). В 1914 г. Павловск, как и большинство уездных городов Воронежской губернии, перестал выплачивать пособия по содержанию правительственных учреждений. На благоустройство города выделялось от 0,7 % (1879 г.) до 6,3 % (1894 г.), а в абсолютных цифрах самая большая сумма (7644,1 руб.) была истрочена в 1914 г. С течением времени, в целом, увеличивались расходы на учебную часть: если в 1876 г. они составляли 13,5% городских средств, то в 1914 г. – 27,3 %. На содержании города находились реальное училище, женская гимназия, духовное училище низшего разряда. В Павловске в 1914 г. было шесть богаделен, в которых находилось 86 постояльцев. На благотворительные мероприятия выделялось до 3 % бюджета. Отчисления на развитие медицинского обслуживания не превышали 5,2 % бюджета (1900 г.). Кроме выплаты жалований медицинскому персоналу, городское управление выдавало единовременные пособия земской больнице. С 1908 г. стали выделяться средства на работу железной дороги и трамвая, которые в 1913–1914 гг. составили 14,6 % – 15,3 % бюджета.

В целом, проанализировав сметы расходной части бюджетов уездных городов Воронежской губернии, можно сделать вывод о том, что органы выборного самоуправления уездных городов Воронежской губернии в течение изучаемого периода значительные средства, как правило, выделяли на содержание общественного управления, полиции, пожарной части. В определенные годы по тем или иным причинам, возрастал удельный вес других статей бюджета. Так, немунципальные расходы увеличивались обычно в результате роста отчислений на уплату долгов, образованных от займов городов, а также воинских издержек.

Содержание городских имуществ было менее затратной статьей бюджетов. Так, в Бирюче эти расходы составляли 1,4 % – 17,7 % бюджета, Боброве 1,3 % – 9,1 %, Богучаре

¹⁵ Острогжский листок от 04.11.1910. № 43. С. 2.

¹⁶ Острогжский листок от 30.12.1910. № 51–52. С. 2.

0,4 % – 6,5 %, Валуйках 1,3 % – 22,7 %, Задонске 0,5 % – 7,1 %, Землянске 2,0 % – 17,1 %, Коротояке 1,5 % – 11,6 %, Нижнедевицке 1,5 % – 19,6 %, Новохоперске 2,5 % – 25,8 %, Острогожске 0,6 % – 21,9 %, Павловске 1,3 % – 9,5 %. В обязанность городов входило содержание присутственных мест, помещений полицейской и пожарной команд, а также занимаемых учебными заведениями, сиротским судом, мещанским обществом. Крупных городских предприятий типа городского водопровода, железной дороги и трамвая, скотобойни, канализации в некоторых городах либо вообще не было (в Боброве, Богучаре, Нижнедевицке, Новохоперске), либо город имел одно или два таких предприятий. Так, в Бирюче осуществлялись затраты на работу водопровода, в Задонске – железной дороги, трамвая, в Землянске – скотобойни, в Валуйках – водопровода и скотобойни, в Коротояке – канализации, железной дороги, трамвая, в Павловске – водопровода, железной дороги, трамвая, в Острогожске – скотобойни, водопровода, железной дороги и трамвая.

Расходы на благоустройство в большинстве уездных городов Воронежской губернии в начале XX в. увеличились, однако, их явно не хватало для решения всех проблем в этой сфере городского хозяйства. Горожане жаловались на отсутствие освещения на периферийных улицах города, антисанитарию в нем и другие проблемы. В Бирюче на благоустройство города тратилось в разные годы от 2,1 % до 11,5 % бюджета, Боброве – от 0,1 % до 17,7 %, Богучаре – от 1,1 % до 21,4 %, Валуйках – от 0,6 % до 23,4 %, Задонске – от 1,4 % до 18,0 %, Землянске – от 0,4 % до 10,5 %, Коротояке – от 0,5 % до 20,6 %, Нижнедевицке – от 1,7 % до 7,1 %, Новохоперске – от 0,7 % до 5,1 %, Острогожске – от 0,7 % до 13,5 %, Павловске – от 0,7 % до 6,3 %. В отдельные годы в некоторых городах на эти цели средства вообще не выделялись.

Из социальных расходов наиболее приоритетными были расходы по содержанию учебных заведений. В десяти уездных центрах работали одно или два средних учебных заведений, таковые отсутствовали только в Землянске. Город брал на себя обязательства по найму квартир для них учителей и выплате жалования учителям. В Богучаре, Валуйках, Задонске, Землянске, Нижнедевицке, Новохоперске на содержание города находились одна – три богадельни, в Бирюче, Острогожске и Павловске свыше пяти. Расходы на медицинскую и ветеринарную часть были небольшими, ограничивались выплатой жалования городскому врачу, оспопрививателю, «квартирных» акушерке, нерегулярными субсидиями земской больницы.

Таким образом, эффективность работы выборного всесословного городского самоуправления зависела, в первую очередь, от результативности в решении разнообразных задач развития своих городов. Материальную основу деятельности дум и управ составляли городские бюджеты, величина которых определялась уровнем социально-экономического развития городов. Ограниченные размеры доходной части бюджетов городского самоуправления требовали грамотного и ответственного расходования собранных средств. Самые крупные среднегодовые расходы в период с 1872 г. по 1914 г. осуществляли Павловск и Острогожск, следом за ними следовали Богучар, Новохоперск, Бобров; умеренные затраты выполняли Валуйки, Задонск, Коротояк; низким уровнем расходов отличались Бирюч, Нижнедевицк и Землянск. С течением времени бюджетные расходы имели тенденцию к увеличению. Так, в 1914 г. они выросли относительно 1876 г. по разным городам в 1,5–7,5 раза, что свидетельствовало о постепенном улучшении финансовых возможностей органов городского самоуправления. Основными расходными статьями городского самоуправления всех уездных городов были затраты на содержание общественного управления, полиции, пожарной части, расходы социального характера (содержание учебных, благотворительных, медицинских учреждений, выплата пенсий), немунципальные и случайные расходы, не направленные непосредственно на развитие городского хозяйства, а совершаемые по необходимости. Среди расходов преобладали затраты на содержание общественного управления, полицейской и пожарной команд, а в предвоенные, военные и послевоенные годы – воинские издержки, выплаты долгов по займам. Приоритетной статьёй социальных расходов являлась сфера образования, а именно, содержание учебных заведений. Небольшая доля расходов направлялась на нужды благотворительности, развитие медицинского и ветеринарного обслуживания. Очень важной статьёй для развития городов являлись затраты на благоустройство (освещение, ремонт, строительство, санитарные мероприятия и т.д.). К сожалению, органы самоуправления смогли выделять

на эти цели не столь значительные суммы, как того требовалось. Для всех сфер городского хозяйства самой острой проблемой была нехватка денежных средств, которая затрудняла, а подчас и вовсе не позволяла органам городского самоуправления выполнить в полном объеме обязательства, как перед государством, так и перед городским населением. Тем не менее, несмотря на все трудности, деятельность выборного всеобщего городского самоуправления благоприятно влияла на социально-экономическое развитие уездных городов.

УДК 392.3

**ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ВОСПРИЯТИИ РОДОВОГО АКТА
(К ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ДВОРЯНСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ КОНЦА
XIX – НАЧАЛА XX В.)¹.**

**GENDER DIFFERENCES IN THE PERCEPTION OF CHILDBIRTH
(THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE OF THE RUSSIAN NOBILITY OF THE
LATE XIX - EARLY XX CENTURY)**

Н.Л. Пушкарева, Н.А. Мицюк

N.L. Pushkareva, N.A. Mitsyuk

*Институт этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая,
Россия, 119991, г. Москва, Ленинский пр., 32а*

Смоленский государственный медицинский университет, Россия, 214019, г. Смоленск, ул. Крупской, 28

Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, 32a Leninsky Pr., Moscow, 119991, Russia

The Smolensk state medical University, 28 Krupskoy St., Smolensk, 214019, Russia

E-mail: pushkarev@mail.ru, ochlokratia@yandex.ru

Ключевые слова: антропология родов, история родовспоможения, роды, роженица, дворянки, история эмоций, история материнства.

Key words: anthropology of birth, the history of obstetrics, childbirth, woman in labor, the history of emotions, history of motherhood.

Аннотация. Статья посвящена исследованию гендерных различиях в восприятии и переживании родового акта. Основными источниками исследования явились женские и мужские тексты (эгодокументы), содержащие описание родового акта. Авторы пришли к выводу, что на протяжении второй половины XIX в. происходила легитимация важнейшей телесной практики в жизни женщины не только на уровне женского письма, но и на уровне гендерного самосознания. Роды являлись пограничным событием в жизни дворянок, ассоциирующимся с ужасом, болью, болезнью и даже смертью. Наиболее выраженным был страх смерти. Страх за собственную жизнь был обусловлен как большим количеством смертей во время родов, так и низкой материнской социализацией рожениц. Особенностью женского повествования являлась депривация себя. Элементом зарождения «сознательного» отцовства явилось присутствие мужа на родах жены. Описывая собственные чувства, дворянки ассоциировали себя с Другим, как правило, животным. Страх перед нечеловеческой болью приводил к распространению в аристократической среде обезболивающих средств. С конца XIX в. наметилась тенденция медиализации родового акта и перехода к технократической модели родов.

Resume. The article is devoted to the research of an unstudied problem in domestic "emotionally" - gender differences in the perception and experience of childbirth. The main sources of the investigation were male and female texts (egodocuments), containing a description of the act of birth. Among the relevant research methods - content analysis, historical-semantic and gender-sensitive discourse analysis. The authors concluded that during the second half of the nineteenth century occurred the legitimization of the most important bodily practices in a woman's life not only at the level of women's writing, but also at the level of gender identity. Childbirth was the border situation in the life of noblewomen associated with horror, pain, sickness, and even death. The most pronounced was the fear of death. The fear for their own lives was the result of a huge number of deaths during childbirth, and low maternal socialization of women. Feature of women's narration was deprivation itself. Element of "conscious" of paternity was the presence husband on the birth of his wife. Describing their own feelings, noblewomen associated themselves with Another, usually animals. Fear of inhuman pain caused to spread in an aristocratic community of the analgesia. Since the late nineteenth century trend of medicalization of childbirth and the transition to a technocratic model of childbirth.

¹ Проект РГНФ № 14-31-01217 («Субкультура материнства в дворянской среде пореформенной России: антропологический и исторический подходы»).

Кто не заметил сегодняшнего бума вокруг темы эмоций² и «поворота» к ним как способа «разбудить гуманитарные исследования об эмоциях в России»? За исключением последних двух десятилетий³ чувства были в нашей науке предметом интереса специалистов иных, в основном негуманитарных, наук, а потому исследователи прошлого от них открепивались. Обращение к автобиографиям – женским автобиографиям прошлого – позволяет поставить вопрос, ранее в отечественной исторической антропологии не ставившийся: вопрос об эмоциональной составляющей процесса рождения детей. Существующие исследования, в которых уделяется внимание эмоциональным переживаниям родового акта, посвящены преимущественно традиционным или современным родам⁴. С этой точки зрения дворянская повседневность изучалась крайне мало, преимущественно на материале XVIII в.⁵ Антропология рождения в высших слоях российского общества на рубеже XIX–XX вв. практически не рассматривалась⁶. Эмоциональную составляющую и ее проявления исследователи никогда не ставили в центр своего изучения; предметом исследовательского наблюдения были традиции, ритуалы, предметный мир, но не эмоции. В нашем случае предметом изучения будут проявления эмоций представительницами и представителями высших слоев российского общества индустриальной России. Как во взятых нами для исследования женских и мужских текстах происходила легализация переживаний акторов процесса деторождения? Насколько ярко или скупо аристократия доиндустриальной России описывала свой опыт, связанный с появлением на свет потомков? Мы умышленно ограничиваем себя социальным слоем образованной части общества: представительницы крестьянской и рабочей среды не практиковали саморефлексию в текстах. Нами же решено поставить «женский голос» в центр научного анализа, а «мужской», зафиксированный «мужскими текстами», будет необходим для референцирования. Наш основной источник – «эмотивы»⁷ – тексты с описаниями родового акта. Наиболее полные описания родового акта были обнаружены в 19 женских и мужских текстах⁸. Помимо источников личного происхождения, эвристически ценны и литературные произведения (кто не помнит описания родов в «Анне Карениной» Л.Н. Толстого!). Методы исследования – контент-анализ, секвенцирование с учетом заранее

² Miller W.I. Humiliation and Other Essays on Honor, Social Discomfort, and Violence. Ithaca. 1993; Sedgwick E.K. Touching Feeling: Affect, Pedagogy, Performativity. Durham. 2003; Ahmed S. The Cultural Politics of Emotion. L.; N.Y., 2004; Leys R. From Guilt to Shame: Auschwitz and After. Princeton. 2007.

³ Российская империя чувств. Подходы к культурной истории эмоций / ред. Я. Плампера, Ш. Шахад и М. Эли. М., 2010.

⁴ Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине / ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб., 2009; Michele Rivkin-Fish. Women's Health in Post-Soviet Russia: The Politics of Intervention. Bloomington. 2005; Темкина А. Медикализация репродукции и родов: борьба за контроль // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12. № 3. С. 321–336; Листова Т.А. Ребенок в русской семье. Рождение. Крещение. 2-я половина XIX–XX в. // Обряды и обычаи, связанные с рождением ребенка. М., 1995. С. 8–59; Щепанская Т.Б. К этнокультуре эмоций: испуг (эмоциональная саморегуляция в культуре материнства) // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры / сост. Е.А. Белоусова. М., 2001. С. 236–266; Щепанская Т.Б. Мир и миф материнства. Санкт-Петербург, 1990-е годы (Очерки женских традиций и фольклора) // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 15–27; Белоусова Е.А. Родовая боль в антропологической перспективе // *Arbor Mundi: Международный журнал по теории и истории мировой культуры*. 1998. Вып. 6. С. 48–59; Пушкарева Н.Л., Мухина З.З. Дородовой период и роды в жизни крестьянки пореформенной России (преимущественно Центральных губерний) // Научные ведомости Белгородского университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2012. Вып. 22. № 7. С. 160–168.

⁵ Kuxhausen A. From the Womb to the Body Politic: Raising the Nation in Eighteenth-Century Russia. University of Wisconsin Press, 2013; Пушкарева Н.Л. Интимная жизнь русских женщин в XVIII в. // Этнографическое обозрение. 1998. № 1. С. 93–103; Белова А.В. Организация родов и родовспоможения в дворянской среде России XVIII–середины XIX века // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2014. № 2. С. 29–48.

⁶ Веретенко В.А. Оказание акушерской помощи дворянкам России во второй половине XIX–нач. XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. Т. 4. № 3. С. 138–144; Мицюк Н. «Соня опять беременна, а Маня завидует». Деторождение в жизни дворянок пореформенной России // Родина. 2013. № 7. С. 136–138.

⁷ Reddy W.M. The Navigation of Feeling. A Framework for the History of Emotions. Cambridge. 2001.

⁸ Среди источников как опубликованные дневники и воспоминания (Е.А. Дьяконовой, А.Г. Достоевской, С.А. Толстой, М.А. Бекетовой, М.К. Тенишевой, Т.Л. Сухотина-Толстой, И.Д. Голицыной, Е.М. Чеховой, Л.Д. Менделеевой-Блок, Е.И. Жуковской), так и архивные материалы из 7 личных фондов (дневники, письма и воспоминания В.П. Багриновской, А.А. Знаменской, Е.Н. и А.В. Половцовых, З.В. Араповой, Е. Селиковой, Трубниковых, О.И. Олоховой, супруг Юсуповых).

составленного гайда, историко-семантический и гендерно-чувствительный дискурсивный анализ.

Роды – «метафора смерти»

Прочитав не один десяток женских текстов конца XIX–начала XX в., в которых аристократки описывали собственную беременность и роды, удивляет нетипичное для современных женщин отношение к предстоящему событию: его просто боялись. Похоже, никто из авторов не романтизировал беременность, а уж тем более разрешение от бремени. Никто из женщин радостно не восклицал, узнав о зарождении новой жизни. Единственное чувство, которое женщины испытывали и о котором писали – страх. Мы искали в записях российских аристократок отношение к появлению новой жизни как божественного творения, их размышлений о внутриутробном развитии плода и метаморфозах собственного тела. Но увы, ничего этого не нашлось; все описания *того времени* сдержанны и сухи. Чем было обусловлено такое осторожное отношение к событию образованных российских дворянок (отлично владевших пером), их эмоциональная сдержанность?

Главное отличие от современного восприятия события рождения ребенка состоит в том, что столетие назад к беременности и разрешению от бремени относились не как к чудесному событию, но как к болезни, требующей немедленной врачебной помощи. В одном из медицинских изданий начала XX в. читаем: «Обилие ранений, зияний родовых путей, скопления кровяных масс и частей отпадающих ушибленных тканей ... наступает гниение и разложение находящихся здесь органических масс, а иногда и всасывание продуктов гниения в общие соки организма родильницы...»⁹. Беременных аристократок в большей степени заботило не здоровье плода, а «немалая доза серьезных страданий». О шевелениях плода из 19 дневниковых записей нашлось упоминание только в двух, а рассуждения о собственной изменившейся фигуре и плохом самочувствии – в каждом из текстов.

Несмотря на доброжелательную атмосферу домашних родов, которую создавали домашние в дворянской среде, и мужчины, и женщины воспринимали роды как пограничное (жизнь/смерть) состояние, причем – как и в традиционной культуре¹⁰ – роды воспринимались скорее как умирание, а не возрождение. «Вот так, должно быть, умирают!»¹¹ – размышляла, рожая третьего ребенка, молодая дворянка. «О, это были страшные мучения, я молила Бога, чтобы мне умереть поскорее»¹², – описывала свое состояние другая. Л.Д. Менделеева-Блок именвала роды пыткой: «Четверо суток длилась пытка. Хлороформ, щипцы, температура сорок, почти никакой надежды... Я думала: «Если это смерть, как она проста...»¹³. А.Г. Достоевская, рожая первенца, была уверена, что находится «на пороге смерти»¹⁴. А.А.Знаменская, будучи в пятый раз беременной, признавалась: «Нынче мне часто является мысль о смерти. Не суждено ли мне умереть нынешними родами?... Умирать хорошо... Как не хочется умирать»¹⁵. Иные образованные женщины, адекватно оценивая опасность, в преддверии родов составляли завещание и, ища понимания и сочувствия у мужей, признавались, как Е.К. Половцова: «Я ужасно боюсь смерти. Родной мой, мне хочется жить и жить»¹⁶.

Причины страхов рожениц

⁹ Дрентельн Е.С. Этюды о природе женщины и мужчины. М., 1908.

¹⁰ Байбури А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. С. 40; Кабакова Г.И. Антропология женского тела в славянской традиции. М., 2001. С. 208.

¹¹ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2319. Оп. 1. Д. 160. Л. 46об.

¹² Дьяконова Е.А. Дневник Е. Дьяконовой. М., 1912. С. 194.

¹³ Блок Л.Д. И был, и небылицы о Блоке и о себе. Бремен. 1979. С. 67.

¹⁴ Достоевская А.Г. Воспоминания. М., 1981. С. 83.

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 383. ЛЛ. 27, 28.

¹⁶ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 601. Оп. 1. № 645. Л. 48.

Чем была мотивирована эта группа женских фобий? По всей видимости, всей предшествующей историей медицины¹⁷ и тем, как рассказывалось (а точнее – как раз не рассказывалось) молодым, впервые рожавшим женщинам, о том, что кроется за пологом спальни, что значит быть замужней женщиной и будущей матерью. «Я вышла замуж в 16 лет, – вспоминала А.А. Знаменская. – У меня даже ни разу не являлось желание почувствовать своего жениха, когда он обнимал или целовал меня, я неумело отвечала ему. Меня интересовал приезд его, переписка с ним, но и только»¹⁸. Случайно приобретенные знания о собственной сексуальности трансформировались в представлениях благовоспитанных девочек во что-то «мерзкое», «грязное», «отвратительное», «скверное», унижающее и порочащее их возвышенную натуру¹⁹.

Репрессированная женская сексуальность имела следствием крайнюю редкость описаний женщинами в их эгодокументах первой брачной ночи (а мужские признания изобилуют рассказами о вынужденном проявлении насилия над перепуганными женами²⁰. Удивительно ли, что (описывая сексуальный контакт) одна из авторш сравнила себя... с «овцой», которую неизвестно, когда «заколют»²¹. Вышеназванная А. Знаменская писала, что физическая близость все время доставляла ей страдания, а страсть к мужчине она впервые испытала... лишь в 37 лет. Встретились признания дам в положении, убежденных до последнего, что им будут «разрезать живот» и «вынимать» оттуда ребенка²².

Следующим после дефлорации драматичным событием в половой и материнской социализации российских дворянок было осознание репродуктивных особенностей собственного организма (рождения детей иные – по их же признаниям – ожидали от романтических ухаживаний, поцелуев и даже от одного факта нахождения наедине с незнакомцем)²³. Независимо от своего отношения к материнству, юные дворянки (кому-то не было и 20 лет), интересующиеся подробностями разрешения от бремени, представляли его не иначе, как *ужас, боль, смерть* и ничего более: «женщина рождает ребенка среди страшных страданий, жизнь ее висит на волоске, она находится в прямой зависимости от искусства акушерки, а потом – от ухода [за нею – Н.М., Н.П.]»²⁴. Действительно, смертность в родах в еще в XIX в. – не только в России, но и в 'просвещенной Европе' – была огромной; иными словами, страхи были небезосновательны. Но современному читателю изумительно читать о том, что сами роды представлялись женщине «постыдным» актом, размышлять о котором «можно лишь с ужасом»²⁵.

Избавиться от подобных фобий могла бы помочь специальная литература. Нам удалось выявить немалое число работ, авторы которых (преимущественно врачи) в доступной по содержанию форме знакомили с особенностями женской и мужской репродукции²⁶. Эта литература пользовалась высоким спросом у молодых девушек, признававшихся, что именно в ней они находили ответы на мучившие их вопросы²⁷.

Сравнение себя с Другим, животным

¹⁷ Frieden N. M. Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution, 1856-1905. Princeton University Press, 1981.

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 385. Л. 21.

¹⁹ Центральное хранилище документов после 1917 г. (ЦХД после 1917). Ф. 105. Оп. 1. Д. 9. Л. 230б, 84; Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1271. Оп. 1. Д. 498. 1891. Л. 148-148об; Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. М., 1979. С. 161; Пастернак Ж. Хождение по канату. М., 2010. С. 54, 56.

²⁰ Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 121. Оп. 1. Д. 1040. Л. 42; Форель А. Половой вопрос. Т.1. СПб., 1906. С. 150.

²¹ Дьяконова Е.А. Дневник Е. Дьяконовой. М., 1912. С. 132.

²² Центральное государственное архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 2313. Оп. 1. Д. 1. Л. 144.

²³ Дьяконова Е.А. Дневник Е. Дьяконовой. М., 1912. С. 132; Блок Л.Д. И быть, и небылицы о Блоке и о себе. Бремен. 1979. С. 64; Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. М., 1979. С. 60.

²⁴ Дьяконова Е.А. Дневник Е. Дьяконовой. М., 1912. С. 194.

²⁵ ЦХД после 1917. Ф. 105. Оп. 1. Д. 9. Л. 258об; Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 3. Оп. 1. Д. 563. Л. 14.

²⁶ Дебэ А. Физиология брака. Естественная и медицинская истории мужчины и женщины с самыми интересными подробностями. СПб., 1907; Вуд-Аллен М. Что необходимо знать девочке. СПб., 1911; Покровская М.И. О половом воспитании и самовоспитании. СПб., 1913.

²⁷ РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 7. Л. 15; ЦХД после 1917. Ф. 105. Оп. 1. Д. 9. ЛЛ. 222, 258об; Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. М., 1979. С. 346.

Если сам акт близости с мужем воспринимался дворянками как что-то «животное», «гадостное», «свинское»²⁸, то сам процесс дарования жизни казался тем более страшным по своей близости к животному миру. Стоит принять во внимание, что эпидуральной анестезии российское акушерство тогда почти еще не знало (идея использовать кокаин для спинномозговой анестезии по предложению Я.Б. Зельдовича в 1890 г. не получила распространения из-за высокой токсичности кокаина). Обезболивание же закисью азота при родах (диссертация российского врача С.К. Кликовича) осуществлялось с 1860-х гг. только в столице, да и то не повсеместно. Удивительно ли, что российские дворянки писали о своих родах как о мучениях, воспринимая свое тело как ставшее чужим, в таких выражениях, как «бесконечные мучения», «страдала, как смертельно раненая», «животная боль», «кричала, как безумная», «страшные мучения», «ужасные страдания»²⁹.

Благодаря В.П. Багриновской мы можем прочесть о том, какие физические ощущения и эмоции переживали российские дворянки, рожавшие дома, в сущности, в чистоте, тепле и удобстве: *«Сила ее (боли) превращает человека в животное, чувствуешь одно свое тело, а души, будто и нет совсем..., больно, болит крестец, устали ноги, которых нельзя вытянуть, они зябнут и дрожат. Лицо горит, все тело обливается потом, хочется вскочить, уйти, а боль опять железным кольцом объяла поясницу, теряешься так, что и крикнуть не догадаешься... ужасное чувство, как будто вся превращаешься в одну пружину, выдавливающую из себя что-то постороннее, руки судорожно вцепляются в полотенце, подбородок прилип к груди»*³⁰. Современные женщины не склонны описывать этот процесс в таких подробностях не потому, что спешат забыть свершившееся, а потому, что медицина за век шагнула далеко вперед в плане облегчения этого процесса.

Если роды в больнице могли обеспечить хоть какой-то уровень применения антисептиков, то при домашних родах в основном полагались на чистоту прокипяченного белья. Установить уровень младенческой и материнской смертности в дворянских кругах невозможно за отсутствием соответствующей статистики. Очевидно, что среди наиболее частых причин внутриутробной смерти плода были внутриматочные инфекции, воспалительные процессы стенок матки (эндометрит). Несмотря на развитие знаний в сфере гинекологии и распространенность операций «чревосечения», нередко члены семьи вместе с врачом делали выбор между жизнью роженицы и потенциального дитя: *«Когда начались роды, позвали молодого доктора, – вспоминала И.Д. Голицына. – Он вышел из комнаты, отвел моего отца в сторону и сказал, что надо быть готовым пожертвовать матерью или ребенком»*³¹. В семье Голицыных ни мать, ни ребенок не пострадали, а рассказ являет восприятие рожавшей самой ситуации выбора как обыденной и демонстрирует готовность врача в неприспособленных условиях, в домашней обстановке производить кесарево сечение. Если во Франции и в Германии чревосечение делалось живой женщине и ставилась задача спасения обоих³², если в США с самого начала была установка на спасение и матери, и ребенка³³, то в России кесарево сечение на живых пациентках производилось редко даже в условиях стационара (по сообщениям врачей, женщины зачастую наотрез отказывались от данной процедуры, в результате чего распространение получила пубиотомия – операция рассечения лобковой кости)³⁴.

«Тяжелые», «трудные» роды дворянок

²⁸ ЦХД после 1917. Ф. 105. Оп. 1. Д. 9. Л. 25-34; РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. Л. 1150б–116; Сухотина-Толстая Т.Л. *Дневник*. М., 1979. С. 346.

²⁹ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 12. К. 1. Д. 1. Л. 5; РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. Л. 1710б; Дьяконова Е.А. *Дневник Е. Дьяконовой*. М., 1912. С. 194; Достоевская А.Г. *Воспоминания*. М., 1981. С. 182; Бекетова М.А. Из дневника М.А. Бекетовой. М., 1990. С. 112.

³⁰ РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. Л. 1710б.

³¹ Голицына И.Д. *Воспоминания о России (1900-1932)*. М., 2005. С. 13.

³² Ripa Y. *L'Histoire du corps, un puzzle en construction // Histoire de l'éducation*. 1988. Т. 37. P. 47–54.

³³ Degler C. *At Odds: Women and the Family in America from the Revolution to the Present*. New York, 1980.

³⁴ ЦХД до 1917. Ф. 425. Оп. 2. Д. 4; Побединский Н.И. *Краткий курс акушерства*. М., 1918. С. 300–307.

За редким исключением, дворянки характеризовали свои роды, как «тяжелые» или «трудные». Врачи тоже отмечали, что родовой процесс у женщин образованного класса чаще, чем у работниц и крестьянок, протекал с осложнениями. Во многом это было обусловлено образом жизни дворянок (физической слабостью их организма, нетренированностью мышц, изнеженностью), а также их физиологией. Во-первых, из поколения в поколение браки, предполагавшие социальное неравенство, были почти исключены, поэтому женщины оставались наследственно субтильными. Вес дворянок в возрасте 20-40 лет составлял в среднем 55 кг (!), в то время как дети у них рождались не маленькие, свыше 3 кг³⁵. Во-вторых, свое негативное влияние оказывала дворянская мода: женщины думали не о том, как им придется рожать, а о том, как поразить будущих мужей захватывающим зрелищем осиных талий³⁶.

В редких случаях аристократки сообщали о легких и быстрых родах³⁷. Во многом женская оценка родов зависела от продолжительности схваток. Нормальное течение (несколько часов) было редким везением, мучения разрешения от бремени могли длиться до нескольких суток (около четырех суток у княгини М.К. Тенишевой³⁸). Нередко одной и той же женщиной роды переносились по-разному. Третьи и последующие рождения были более быстрыми. А.А. Знаменская, описывающая тяжелое появление на свет первенца, рождение пятого ребенка характеризовала: «*Благополучно и скоро*»³⁹.

Обезболивание: к технократической модели родов

Стремление освободить себя от многодневных страданий во время рождения детей на рубеже XIX-XX вв. встретилось с научными разработками российской школы акушерства, видным представителем которой был М.С. Малиновский (1880-1976). Аристократки быстрее, чем обычные мещанки (тем более крестьянки) стали ставить перед докторами вопрос о легком обезболивании. Но средства анестезии проникали в российскую дворянскую среду не со стороны квалифицированных отечественных врачей (те практиковали не дома, а в стационарах), а благодаря иностранным акушеркам, которых чрезвычайно часто приглашали на роды в дворянские семьи в 1850-1870-х гг. Отечественные акушерки в большинстве случаев не имели специальных средств, так что забота о покупке обезболивающих ложилась полностью на членов семьи. В употреблении были хлороформ, морфий, эфир, «веселящий газ» (закись азота), а также кокаин, опиум, гиосцин и даже гипноз⁴⁰. Профессор Н.И. Побединский рекомендовал отказаться от вспыскивания кокаина в спинномозговой канал, указывая на большую эффективность его в виде влагилицных тампонов. При болезненных маточных сокращениях доктор Н. Мансуров смазывал кокаином слизистую носа, что приводило к уменьшению болей⁴¹. Применение анальгетиков во время родов становилось привилегией для аристократок, которые страховали себя от чрезвычайной боли. Однако этот процесс отдалял женщин от традиционного естественного переживания родового процесса. Благополучное течение схваток, потуг, появление плода и выход последа все менее и менее зависели от самой роженицы. Квалифицированные специалисты, обезболивание, новые инструменты и манипуляции – вот главные действующие лица нового родильного акта. Роженица в этом процессе все чаще занимала второстепенное место.

Процесс медикализации родового акта значительно облегчил участь женщины, но повысили и ее зависимость от действий врача. Своеобразным символом, разделяющим пациента и врача, оставалась натянутая простыня, не дававшая женщине видеть то, что в

³⁵ Первый женский календарь на 1901 / сост. П.Н. Ариян. СПб., 1902. С. 317.

³⁶ Пушкарева Н.Л. «Обморок лягушки» или «бараний окорок»? Одежда русских женщин XIX - начала XX в. // Родина. 1995. № 10. С. 81–87.

³⁷ Тверской государственный объединенный музей. Научный архив (ТГОМ НА). Ф. 10. Оп. 1. Д. 1. Л. 13; Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 1022. Оп. 1. Д. 30. Л. 25.

³⁸ Тенишева М.К. Впечатления моей жизни. Л., 1991. С. 38.

³⁹ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 383. Л. 31.

⁴⁰ Побединский Н.И. Краткий курс акушерства. М., 1918; Старокадомский Л. Родоразрешение и женские болезни // Русский врач. 1907. № 22. С. 532.

⁴¹ Мансуров Н. О влиянии смазывания кокаином половых точек в носу для обезболивания родов // Акушерка. 1899. № 8. С. 544–555; Пликус Половая жизнь // Акушерка. 1902. Кн. 10. № 19–20. С. 309.

реальности с ней происходило (практика, давно отошедшая в прошлое в Европе)⁴². Роженица теряла контроль над собственным телом. Женщины признавались, что часто не понимали, когда непосредственно происходил акт рождения, поскольку просто не могли видеть этого⁴³. Шла апробация новой 'технократической' модели родов, когда тело становилось объектом медицинских манипуляций и апробаций в большей мере, нежели объектом контроля его хозяйки⁴⁴. Но в России, в отличие от Запада, фармацевтические средства и врачебные технологии еще только входили в обиход, и сохранялось то, что историк медицины Рой Портер называл «тесным контактом пациента и врача»: речь об ушедших в нынешних практиках ритуалах утешения, а тем более соболезнования⁴⁵.

Самодепривация

Обращение к текстам родивших женщин убеждает в том, что в описании собственных родов женщины неосознанно себя депривировали, умаляли свое женское «Я». Зачастую женщины рассматривали себя не как субъект страдания, а как источник боли и мучений для окружающих, прежде всего мужа, далее – родителей, детей. Повествуя о родах, они самоуничтожительно заостряли внимание на том, что чувствовал муж, как вели себя родители и родственники, а не на том, что мечтали о сочувствии.

А.Г. Достоевская во время болезненных схваток боялась тревожить спящего мужа, которому, как она считала, непременно нужно было выспаться⁴⁶. З. Арапова в своем дневнике вспоминала, как страдали ее близкие родственники, ни слова не говоря о собственных ощущениях и испытанной боли: «*И во время этих страшных страданий я все время видела дорогое, бледное как смерть лицо Арапки, измученные лица мама и папа, и мне от этого было легче страдать...*»⁴⁷. С.А. Толстая, вспоминая рождение одного из своих детей, тоже переживала за мужа, не пытаясь даже найти сочувствия к себе⁴⁸. Данный факт говорит в пользу существовавшего традиционного для патриархата зависимого положения женщины в семейной иерархии, где самовосприятие, оценки и взгляды на значительные события, даже из сферы абсолютно женской, были подчинены мужской субъективности.

«Натянутые струны»: муж на родах

Поскольку в современном обыденном представлении бытует стойкое убеждение в том, что мужчины в обеспеченных семьях раньше не видели, как женщина разрешается от бремени, для нас было важно поставить этот вопрос при анализе эгодокументов начала XX в. Даже поверхностный взгляд на массив секвенций, отобразивших рождение детей, убедил в том, что для российской дворянской повседневности устойчивой тенденцией родин было присутствие мужа на родах. Эта тенденция присутствия и соучастия мужа на родах была не столько отголоском народных практик (кувады)⁴⁹, сколько элементом зарождения «сознательного отцовства». И если на Западе в окружение роженицы попадали исключительно женщины⁵⁰, то в России в семьях образованных горожан и тем более дворянской среде присутствие мужа непосредственно в родильной комнате было нормой.

⁴² Bardet Jean-Paul, Lynch K. A., Mineau G.-P., Hainsworth M., Skolnick M. La Mortalité maternelle autrefois, une étude comparée (de la France de l'Ouest à l'Utah) // Démographie historique et condition féminine (Annales de démographie historique. 1981). Paris. 1981. P. 31–48.

⁴³ РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 160. Л. 171.

⁴⁴ Davis-Floyd R.E. Birth as an American Rite of Passage. Berkeley-Los Angeles-London. 1992. P. XVIII.

⁴⁵ Porter R. The Patient's View: Doing Medical History from Below // Theory and Society. 1985. Vol. 14. P. 175–198.

⁴⁶ Достоевская А.Г. Воспоминания. М., 1981. С. 183.

⁴⁷ НИОР РГБ. Ф. 12. К. 1. Д. 1. Л. 5–6.

⁴⁸ Толстая С.А. Моя жизнь // Новый мир. 1978. № 8

⁴⁹ Кабакова Г.И. Отец и повитуха в родильной обрядности Полесья // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. М., 2001. С. 109; Власкина Т.Ю. Мифологический текст родин // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. М., 2001. С. 69.

⁵⁰ Абрамс Л. Формирование женщины новой эпохи 1789–1918. М., 2011. С. 130.

Похоже, что хронологическое первое в российской истории описание присутствия мужа на родах оставил в 1868 г. именно цесаревич Александр Александрович (будущий император Александр III)⁵¹. Схожие переживания представлены в записях Николая II, который также присутствовал рядом с женой Алике во время родов⁵². Женские дневники и воспоминания пестрят упоминаниями об активной поддержке супруг мужьями во время родового процесса. В период продолжительных схваток и родов жены Ф.М. Достоевский все время был рядом, чем изрядно удивил иностранную акушерку (роды проходили за границей). А.Г. Достоевская заметила: «Акушерка сказала мне, что за всю свою многолетнюю практику ей не приходилось видеть отца новорожденного в таком волнении и расстройстве, в каком был все время мой муж»⁵³. Европейские мужья вели себя сдержаннее, в комнаты к роженицам их не пускали, их криков и стонов они не слышали.

Об активной словесной поддержке мужей во время родов сообщили в своих дневниках и воспоминаниях И.Д. Голицына, С.А. Толстая, З.В. Арапова, В.П. Багриновская, Е.Н. Половцова⁵⁴. Созерцание мужем жены в ее родовых муках не было из ряда вон выходящим событием, напротив, это было обыденностью в дворянских семьях. Многие образованные женщины признавались, что близость мужа значительно облегчала им переживание боли, а уж появление на свет новорожденного вызывало такую бурю эмоций (и у молодых, и у опытных отцов), что компенсировало страдания. Счастливый отец рассказал позже дочери: «Когда я услышал первый твой крик, то от новизны и духовной усталости выбежал на улицу и помчался, куда глядели глаза. Был мороз. Не помню, каким именно образом я оказался сидевшим на холодных ступенях Губернского казначейства...»⁵⁵. Присутствие мужей на родах становилось сложным жизненным опытом, недоступным в обыденности, где доминировали рационализм и самообладание.

Самым известным литературным изображением родового акта глазами мужчины являются XIII–XVI главы седьмой части романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина». Присутствие на родах жены существенно расширило телесный опыт Л.Н. Толстого, и он смог потому столь ярко и так противоречиво изобразить глазами мужчины (Константина Левина, самого автобиографичного из героев писателя) 22-часовые роды Кити вышеупомянутом романе. Толстовское описание выглядит преувеличенно эмоциональным, и потому таким значимым выглядит архив личных записей и писем Анатолия Викторовича Половцова – чиновника земского отдела Министерства внутренних дел начала XX в. (хранятся в РГИА и ОР РНБ), известного также как историка-архивиста. Дневниковые записи А.В. Половцова изумляют: он подробнейшим образом описывал беременность, роды и послеродовое состояние жены. Аналогичных по подробности «мужских» описаний такой «женской работы», как роды, больше нет; дневники Половцова уникальны.

Первое, что бросается в глаза при сравнении женских и этого мужского «текста о родах», это большая холодность: чиновника (и супруга) явно более волновала фактическая сторона дела, нежели эмоциональная. При вторых родах жены он, подобно врачу, без сантиментов отмечал все стороны родового процесса: «Начало родов 27 ноября 1886 г. в 5 утра. Воды прошли в 11.45 дня. Плод родился в 12.10 дня. Выхождение последа 12.45. Роды продолжались всего 7ч 45 м. Температура до родов 37,3»⁵⁶. Половцов записал, что по требованию врача акушерка перед родами подготовила ванну, после приема которой роженице поставила клистир («вылилась только окрашенная вода», – записал он, судя по всему присутствовавший даже при этой интимной процедуре)⁵⁷. Поминутно фиксируя усилением болей и учащение схваток, А.В. Половцов

⁵¹ Танаков А.И. Династия Романовых: акушерский анамнез (часть II: от Екатерины II до Александры Федоровны) // Журнал акушерства и женских болезней. 2007. № 4. С. 94–104; Боханов А. Николай II. М., 1997. С. 48.

⁵² Дневник императора Николая II. Берлин. 1923: 11.

⁵³ Достоевская А.Г. Воспоминания. М., 1981. С. 185.

⁵⁴ НИОР РГБ. Ф. 12. К. 1. Д. 1. Л. 5; Голицына И.Д. Воспоминания о России (1900–1932). М., 2005; Толстая С.А. Моя жизнь // Новый мир. 1978. № 8; РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. Л. 171–173.

⁵⁵ Чехова Е.М. Воспоминания. М., 1981. С. 132.

⁵⁶ РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 9. Л. 36.

⁵⁷ ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. № 56. Л. 154–160.

– скорее всего, со слов акушерки, – сообщал в дневнике и степень открытия матки: «Прибавилось на $\frac{1}{2}$ пальца, всего на $2\frac{1}{2}$ пальца... Проветрили комнату»⁵⁸. Для снятия сильных болей роженице давали капли опия, заранее приобретенные в аптеке⁵⁹. В отличие от Л.Н. Толстого, А.В. Половцова вид измученной жены не вызывал страха, ее стоны не раздирали его «мозг и душу». Он был сконцентрирован на действии, на самом процессе, а не на своих переживаниях. По сути, перед нами – новый образец мужа и отца, который сознательно присутствовал на родах жены, чтобы получить бесценный опыт в своей жизни и быть сопричастным к таинству рождения.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что тема предстоящих или прошедших родов, как выяснилось, в немалой степени характеризует русскую национальную традицию. Образ жизни русских аристократок столь же выразителен для понимания русской женской повседневности, сколь и детали быта простолюдинок, в том числе в плане приверженности старой, «испытанной родителями» привычки организовывать роды не в медицинском учреждении, а дома, часто – у родителей в имении.

В высших слоях российского общества сформировался набор повседневных практик, процедур, действий, предполагавших устойчивый состав участников. Уместно характеризовать данное явление как процесс стереотипизации поведения⁶⁰, выработки ряда универсалий в деле подготовки и организации родов на дому. Обрядовая сторона в дворянских семьях никакой роли не играла. Контроль над родами переходил в руки квалифицированных специалистов, которые на место ритуалов поставили современные медицинские средства. Это повлияло на поведение рожениц, от которых и ранее мало, что зависело; ныне же все действия и тела были под полным контролем докторов и акушерок (которым все так же, как в старину, доверяли больше, чем врачам).

Неготовность рожаящих женщин обращаться в медицинские учреждения (что среди представительниц грамотных слоев населения в Европе и США было уже нормой)⁶¹ заменялась активным 'участием' супругов, которые не столько психологически помогали, сколько сами с трудом справлялись с ситуацией. Сопоставительное использование женских и мужских текстов по изучаемой теме приводит к выводу о том, что домашние роды в аристократических семьях были сферой пересечения традиционных (народных) практик (отказ от стационарной медицинской помощи, избегание мужского окружения среди медиков, привлечение повитух, вера в приметы, молебны) и инноваций, связанных с развитием научного знания (призыв профессиональных врачей и акушеров, использование современных болеутоляющих, применение новейших средств, облегчающих послеродовое восстановление).

Изучение «текстов рожениц» демонстрирует легитимацию важнейшей телесной практики в жизни женщины не только на уровне женского письма (как формы самопрезентации), но и на уровне гендерного самосознания. Трудно не отметить и трансформацию гендерного порядка в сторону большей перmissивности разговоров на ранее запретные «темы тела», не обратить внимания на успешность формирования культа «истинной матери» при некотором сокращении числа деторождений в жизни женщины. Поскольку основной патриархатный гендерный порядок эродировал очень медленно, постольку процесс самосознания себя как главных героинь описываемых событий приходило к женщинам крайне редко. Они оставались во власти традиции, согласно которой их собственные чувства и переживания были вторичными по отношению к переживанию хозяев их судеб, мужчин, мужей. Поэтому женщины-авторы были взволнованы даже не собственными страданиями, а теми переживаниями, которыми они лишали покоя своих родных и близких, и прежде всего – мужей.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. № 55. Л. 31–34.

⁶⁰ Байбури А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. С. 8.

⁶¹ Leguay F., Barbizet C., Edwards-Pilliet B. Femme et médecine, 1858–1894. Le Mans. 1988.

УДК 94[47].08

**САНИТАРНО-ГИГИЕНИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ГОРОДОВ
КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ КАК ЭЛЕМЕНТ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ
ОБЫВАТЕЛЕЙ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.****THE SANITARY CONDITION OF THE CITIES OF KURSK PROVINCE
AS A PART OF THE EVERYDAY LIFE OF THE INHABITANTS
IN THE END OF XIX – BEGINNING OF XX CENTURIES****М.А. Сергиенко****M.A. Sergienko***Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85**Belgorod National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia**E-mail: Sergienko@bsu.edu.ru*

Ключевые слова: городская среда, повседневность, городское благоустройство, санитарно-гигиеническое состояние, санитарные нормы, провинциальные города.

Key words: urban environment, everyday life, municipal improvements, sanitary situation, sanitary standards, provincial towns.

Аннотация. Статья посвящена изучению повседневной жизни городов Курской губернии в конце XIX – начале XX вв. На основе широкого круга источников освещается проблема санитарного состояния исследуемых городов, выявлены основные направления деятельности городских властей в решении проблем повседневности. Автором предпринята попытка установить роль органов общественного управления в формировании городского пространства. Изменения требований к благоустройству в условиях ускоренной урбанизации формировали новую городскую среду. Уделено внимание внешнему облику провинциальных городов в исследуемый период.

Ключевые слова: городская среда, повседневность, городское благоустройство, санитарно-гигиеническое состояние, санитарные нормы, провинциальные города. Статья посвящена изучению повседневной жизни городов Курской губернии в конце XIX – начале XX вв. На основе широкого круга источников освещается проблема санитарного состояния исследуемых городов, выявлены основные направления деятельности городских властей в решении проблем повседневности. Автором предпринята попытка установить роль органов общественного управления в формировании городского пространства. Изменения требований к благоустройству в условиях ускоренной урбанизации формировали новую городскую среду. Уделено внимание внешнему облику провинциальных городов в исследуемый период.

Resume. The article is devoted to the everyday life of the city of Kursk province during in the end of XIX – beginning of XX centuries. On the basis of a wide range of sources highlights the problem of the sanitary condition of the studied cities, the basic directions of activity of the city authorities in solving problems of everyday life. The author attempts to establish the role of public authorities in shaping urban space. In the context of rapid urbanization enhanced requirements for landscaping and sanitary condition of cities. Attention is paid to the appearance of provincial towns in the study period.

В мировой науке продолжают бесконфликтно сосуществовать два понимания истории повседневности – как приема реализации методики микроисторического анализа и как реконструкции ментального макроконтекста событийной истории. Вполне объяснимо и то, что к первому примыкают социологи-практики и значительная часть историков, краеведов и археографов, а ко второму – философы и культурологи¹.

Предметом изучения повседневности выступают разнообразные характеристики поведения людей, которые охватывают все сферы человеческой жизни и выражаются в

¹Пушкарева Н.Л. «История повседневности» как направление исторических исследований». URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=50280>.

символических формах: обрядах и ритуалах, художественных стилях и религиозных представлениях, стереотипах сознания и поведения, ролевых структурах и функциях, различного рода видах пространства, обычаях и традициях, нравах и укладах и т.п.²

Под воздействием модернизационных процессов, происходящих в России на рубеже XIX – начале XX вв., интенсивно менялся внешний облик и степень благоустроенности городов. Определенная роль в данном процессе принадлежала органам общественного управления, отвечающих за внешнее благоустройство, санитарное состояние, противопожарную безопасность городов, строительство и эксплуатацию городских предприятий. Повседневная жизнь провинциальных российских городов в исследуемый период складывалась из множества элементов, среди которых необходимо выделить и санитарно-гигиенические условия проживания. Основными факторами повседневной жизни горожан Курской губернии, влияющими на процесс продолжительности жизни населения и случаев снижения ранней смертности являлась организация медицинской помощи населению, санитарный контроль со стороны городских властей и санитарная грамотность рядовых обывателей.

В связи с этим, значимое место в деятельности органов городского самоуправления в исследуемый период занимали проблемы поддержания благополучного санитарного состояния городов. Нарушение санитарных норм населением городов при высокой его плотности придавали проблеме организации санитарно-гигиенических мероприятий особую значимость.

В исследуемый период Курская губерния насчитывала губернский, 14 уездных и 3 заштатных города. Как известно, Городовое положение 1892 года устанавливало две формы общественного правления: в полном объеме и в упрощенном виде. Согласно Высочайше утвержденному 6 мая 1893 года списку городских поселений, в которых должно быть введено упрощенное общественное управление (ст. 22 Городового положения) было применимо к городам Курской губернии Льгову, Новому Осколу, Тиму, Мирополью, Хотмыжску и Богатому. Здесь Городовое положение 1892 года вводилось в упрощенном виде, а в городах Белгороде, Грайвороне, Дмитриеве, Короче, Обояни, Путивле, Рыльске, Старом Осколе, Фатеже, Щиграх и Судже в полном объеме³.

В первую очередь в городах губернии остро стоял вопрос организации обеспечения качественного водоснабжения, так как одной из главных причин распространения инфекционных заболеваний являлось использование для пищевых целей недоброкачественной воды. К началу XX века на территории Курской губернии водопроводная сеть функционировала лишь в Курске и Белгороде. Подавляющая часть горожан использовали для хозяйственных и бытовых нужд речную воду и воду из артезианских колодцев. Вместе с тем, увеличение платы за водоснабжение со стороны водовозов, делало его почти недоступным для домохозяев и жилых помещений, не снабженных водопроводами. К 1915 г. в Курске цена за бочку в 20 и даже менее ведер воды составляла от 25 до 30 коп., что для людей среднего достатка являлось весьма разорительным⁴. Санитарным состоянием источников питьевой воды были озабочены не только органы городского самоуправления губернского Курска, но и уездных городов, о чем свидетельствуют обязательные постановления городских дум. В частности, обязательные постановления Щигровской городской думы, принятые в феврале 1900 г., были направлены против загрязнения источников воды. Жителям запрещалось свозить на берега городского пруда и рек нечистоты, а в зимнее время сваливать их на лед. Кроме того, запрещалось мочение в реках пеньки, кож, и других предметов, загрязняющих воду, а также устройство на берегах рек, а также откосах гор, прилегающих к рекам, отхожие места и помойные ямы.

Чистота в городах зависела не только от деятельности городских властей, но и от сознательности рядовых обывателей. Благодаря «стараниям» горожан к концу XIX в. в губернском городе река Кур, протекая по густонаселенной местности, превратилась в место для свалки нечистот и имела вид грязной канавы. В р. Тускари периодически

² Малова Е.Ю. Повседневность: сущность и предмет изучения в гуманитарных науках // Наука и образование. 2007. №7. С. 68.

³ Государственный архив Курской области (далее ГАКО). Ф. 54. Оп. 1. Д. 34. Л. 1.

⁴ Курская биль. 05.02.1915. №33. Л.5.

отмечалось противозаконное мочение кож, кроме того, сюда стекалась промывная вода из винокуренного завода с примесью серной кислоты, извести, терпентина и карболовой кислоты⁵. Естественно, такие условия вызывали прямую угрозу жизни и здоровью горожан, и с началом паводков в реке плавала мертвая рыба.

Еще одной из важнейших проблем являлась свалка мусора на берегах рек в зимнее время, которая не только противоречила элементарным санитарным нормам, но и грозила домовладельцам подтоплением во время весеннего половодья.

27 марта 1879 г. Курской городской думой были изданы обязательные постановления для жителей города о мерах предупреждения распространения заразных болезней⁶. Постановления касались вопросов соблюдения горожанами и владельцами торговых заведений санитарных норм. Согласно им город делился на 16 санитарных участков, находящихся в ведении участковых попечителей. В круг их обязанностей входил непосредственный контроль над исполнением жителями города обязательных постановлений. Информацию о нарушителях санитарных норм, о фактах продажи недоброкачественных продуктов питания участковые попечители доводили до сведения полиции.

В основном, для надзора за соблюдением санитарных норм в городах губернии учреждались санитарно-исполнительные комиссии. Например, в Белгороде в 1892 г. для улучшения санитарного состояния города под председательством городского головы была образована исполнительная санитарная комиссия в составе 3 членов городской управы, 4 врачей и 4 гласных⁷. В Обояни в 1895 г. осуществляли деятельность 5 санитарных попечителей. В круг их обязанностей входило лишь напоминание жителям города о необходимости очистки площадей, дворов, колодцев, отхожих мест. Ассигнования на санитарные мероприятия из средств городского бюджета выделялись лишь в случае возникновения эпидемических болезней⁸.

Так в Рыльске в 1896 г. административный надзор за санитарной частью города осуществляли городской врач и полиция. Также о санитарном состоянии города заботились попечители, избираемые городской думой из числа горожан⁹. Санитарно-исполнительная комиссия в городе отсутствовала, так как количество жителей не достигало 20000. На очистку площадей и улиц город выделял 262,2 руб., на очистку ретирад и помойных ям – 328,8 руб.¹⁰

Отсутствие у горожан стремления и привычки поддерживать санитарное состояние городов наглядно иллюстрируют некоторые мероприятия городских общественных управлений губернии. Так, в феврале 1908 г. в Курске при осмотре домов и прилегающих к ним улиц только лишь по результатам одного рейда было составлено 43 протокола за неопрятное содержание дворов, помойных ям и ретирадных мест¹¹. Размер штрафа составлял от 3 до 100 руб.¹²

Согласно предписаниям курского губернатора периодическому осмотру комиссией в составе помощника пристава и помощника врачебного инспектора Курска подвергались общественные отхожие места у Бурнашева моста, базарные лавки и городские дома для контроля над соблюдением санитарных норм¹³.

Городские думы, не обладая всей полнотой исполнительной власти, взаимодействовали в контроле над выполнением населением обязательных постановлений с городской полицией. Полицейские следили за своевременной очисткой городских улиц, содержанием в чистоте дворов, проверяли наличие правильно устроенных туалетов.

Проблемы санитарии были напрямую связаны со степенью благоустройства городов губернии. Губернские газеты пестрели заметками об отвратительном состоянии

⁵ ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1307. Л. 71.

⁶ Обязательные постановления Курской городской думы. Курск, 1913. С. 9.

⁷ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7872. Л. 136.

⁸ ГАКО. Ф. 230. Оп. 1. Д. 135. Л. 4.

⁹ ГАКО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 377. Л. 50.

¹⁰ Там же. Д. 387. Л. 32.

¹¹ Там же. Л. 8.

¹² Там же. Л. 42.

¹³ Там же. Д. 1040. Л. 113.

городских улиц и сооружений. На окраинах городов, где совершенно отсутствовало всякое освещение, даже самое примитивное, в период оттепели даже в губернском Курске образовывались целые непроходимые озера стоячей воды и грязные лужи. Бесплатный городской сад в летнее время привлекал курских босяков и всяческих жуликов, а также и женщин «легкого поведения» поражал своей необычайной запущенностью и неряшливостью. Из ямы по среди Выгонной улицы в 1913 г. на веревках вытаскивали захлебнувшихся в грязи какого-то злосчастного всадника и его колесницу с парой лошадей. А телята, свиньи и прочий мелкий скот, ежегодно обретающий здесь свою могилу, воспринимались, как обычное и часто повторяющееся явление¹⁴.

В начале 1909 г. на страницах газеты «Курская быль» появилась статья, посвященная проблеме отсутствия на толкучем рынке клозета¹⁵. Ранее существовавший в Гостином дворе клозет, построенный городской управой для общего пользования, был снесен из-за ветхости. Место, где он находился, осталось незагороженным, поэтому здесь в течение зимнего времени скопилось масса нечистот. С наступлением оттепели, по требованию пристава 2 части, городской управой нечистоты были счищены. Территория, где ранее располагался клозет, была расчищена и обнесена забором. Но новый клозет построен не был. В связи с этим, в базарные дни жители для отправления естественной надобности заходили за лавки торговцев Гостиного двора и опять загрязняли местность нечистотами. Некоторые торговцы обращались с просьбой в городскую управу о разрешении открыть клозет, находящийся возле магазина Пуговошниковова. Но со стороны управы для разрешения ситуации не последовало какого-либо распоряжения. Поэтому приставом 2 части Курска назначался городовый, «для устранения лиц, являющихся в Гостиный двор для отправления естественной надобности»¹⁶.

Усугубляло ситуацию в городах губернии нерадивое отношение производителей и продавцов пищевой продукции к соблюдению элементарных санитарных норм. Еще в 1885 г. Курская городская дума обратила внимание на нарушение санитарных норм со стороны торгующих продовольственными продуктами и напитками в заведениях и на базарах. Во многих трактирах, постоянных дворах, гостиницах использовалась грязная посуда, продавалась несвежая провизия и испорченные напитки¹⁷. В городской думе отсутствовала определенная система действий против подобных нарушений.

Подобные осмотры производились в отношении всех торговых заведений, как частных, так и принадлежащих городским управам. В основном, в отношении нерадивых владельцев применялось наказание в виде штрафов. Например, 1 августа 1915 г. по постановлению Курской городской управы за антисанитарное содержание постоянных дворов подверглись штрафу С.В. Тихонов на 50 руб. и О.В. Наумов на 200 руб., а также И.П. Воронов за антисанитарное содержание чайной – на 100 руб.¹⁸

Особого регулярного надзора требовало скотобойное дело. Городские скотобойни в первую очередь преследовали цель охраны здоровья населения и предотвращения эпизоотий. Например, согласно обязательным постановлениям Суджанской городской думы от 16 февраля 1893 г. убой скота производился исключительно на городской скотобойне. Предназначенный к убою скот, а также привозимые мясные продукты проходили освидетельствование ветеринарного врача¹⁹.

В Курске к 1898 г. существовало 4 колбасных заведения, для которых, учитывая возрастающие потребности городского населения, должно было забиваться соответствующее количество скота. Однако количество убиваемого скота с каждым годом падало, что явно свидетельствовало об убое помимо скотобойни. Об этом свидетельствовал и факт появления в городских ретирадах массы мясных отбросов. В результате нелегального убоя скота без соблюдения гигиенических правил на рынок поступало зараженное мясо. А мясо в казармы для потребления военного ведомства

¹⁴ Курская быль. 1915. 13 января. № 11. С. 3.

¹⁵ ГАКО. Ф.1. Оп. 1. Д. 10331. Л. 15.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Моисейченко И.Н. Курское Александровское образцовое городское училище и деятельность его основателя. М., 1885. С. 117.

¹⁸ Курская быль. 1915. 1 августа. № 202.

¹⁹ ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 685. Л. 27.

доставлялось подрядчиками помимо скотобойни и безо всякого городского досмотра. Согласно обязательным постановлениям Курской городской думы все мясные продукты, сало, кишки, отпускались из скотобойни только при соблюдении определенных санитарных норм. Но, несмотря на открытие городской скотобойни, в Курске существовало и процветало частное салотопление и кишечные заведения. Одно из них как бы в насмешку располагалось недалеко от городской скотобойни²⁰.

Осложняли санитарную ситуацию в городах и ярмарки, загрязняющие базарные площади. В заседании Рыльской городской санитарно-исполнительной комиссии от 11 июня 1911 г. был поднят вопрос о переносе ярмарок рогатого скота и лошадей с Базарной площади на площадь возле «Красной» церкви. Предложение поступило от уездного исправника, который отмечал, что «хотя вопрос и был разрешен со стороны городской думы в положительном русле, часть гласных и торговцев препятствовали приведению решения в исполнение»²¹. Перенос месторасположения ярмарки был очевиден. Во время проведения ярмарок Базарная площадь и прилегающие к ней улицы загрязнялись отбросами. Перенос же ярмарки на Красную площадь позволил бы увеличить срок ее действия. Площадь находилась на окраине города, и ее очистка не требовала провозить мусор через весь город. Это обстоятельство сказалось бы положительно на его общем санитарном состоянии.

В июне 1912 г. в Рыльск по распоряжению губернатора прибыл губернский врачевный инспектор для проверки сообщения, размещенного в одной из курских газет об антисанитарном состоянии городской базарной площади, а также торговых и промышленных заведений Рыльска²². Комиссия в составе губернского инспектора, городского головы, уездного исправника, членов уездной управы, врачей произвели осмотр. В результате с согласия начальника местной тюрьмы решили привлекать к очистке Базарной площади арестантов. Торговцам, неоднократно привлекавшимся к ответственности за нарушение санитарных требований, запретили выставлять товары перед лавками. Кроме того, за антисанитарное состояние были оштрафованы владелец пиво-медоваренного завода Г.Ф. Гронвальд и заведение прохладительных напитков и фруктовых вод Красовицкого.

Что касается системы здравоохранения в городах губернии, то к 70-м гг. XIX в. она была представлена главным образом земскими больницами. Небольшой штат врачей и фельдшеров на фоне высокой смертности и вспышек эпидемий, не мог охватить врачебной помощью всех нуждающихся в ней. В 1874 г. лишь во Льгове и Дмитриеве функционировали городские больницы на 15 кроватей, а в Рыльске и Обояни на 20²³. Малоимущие горожане чаще всего занимались самолечением, так как, даже получая бесплатную консультацию в больнице, не могли приобрести необходимые для лечения медикаменты.

Прибегать к услугам частнопрактикующих врачей могли лишь состоятельные горожане, да и то только в крупных городах. Одной из наиболее важных в постановке медико-санитарного дела для органов городского самоуправления являлась проблема открытия собственных больниц.

Таким образом, санитарные условия жизни в городах Курской губернии на рубеже XIX – XX вв. непосредственным образом влияли на повседневную жизнь городских обывателей. Несмотря на прилагаемые усилия, систематической работы в этом направлении не сложилось. Значительная часть мероприятий в области санитарного надзора не носила характер превентивных мер, а проводились уже по факту появления. Между тем, санитарное состояние городов напрямую зависело не только от масштабов деятельности органов городского самоуправления, но и от общей культуры рядовых обывателей.

В силу своих возможностей городские общественные управления стремились к позитивным изменениям в санитарно-гигиенической сфере. Для контроля над санитарным состоянием городов учреждались санитарно-исполнительные комиссии, в качестве санитарных попечителей привлекались члены городских управ. Таким образом, на первый план выходила проблема разработки комплексной программы медико-

²⁰ Моисейченко И.Н. Указ. соч. С. 70.

²¹ ГАКО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 582. Л. 19.

²² Там же. Д. 602. Л. 6.

²³ ГАКО. Ф.1. Оп.1. Д. 2086. Л. 1.

санитарных мер, которая в начале XX века в городах губернии отсутствовала.

УДК 94(47).08

**ВЫДАЮЩЕЕСЯ ДОСТИЖЕНИЕ В ОБЛАСТИ ТЕЛЕГРАФИИ ПРОФЕССОРА
Ю.И. МОРОЗОВА И РОЛЬ В НЕМ ЕГО УЧИТЕЛЯ ПРОФЕССОРА
В.И. ЛАПШИНА****AN OUTSTANDING ACHIEVEMENT IN TELEGRAPHY BY PROFESSOR
YU.I. MOROZOV AND THE ROLE OF HIS TEACHER PROFESSOR
V.I. LAPSHIN IN IT****В.М. Московкин****V.M. Moskovkin***Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85**Belgorod National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia**E-mail: Moskovkin@bsu.edu.ru*

Ключевые слова: телефон, телеграф, изобретение, В.И. Лапшин, Ю.И. Морозов, Харьковский университет, учитель и ученик в науке.

Key words: telephone, telegraph, invention, V. I. Lapshin, Yu.I. Morozov, Kharkov University, teacher and student in science.

Аннотация. На основе детального изучения отчетов о состоянии и деятельности Императорского Харьковского университета определены мотивы профессоров этого университета В.И. Лапшина и Ю.И. Морозова в разработке уплотненных каналов телеграфной связи, которые были связаны с необходимостью отправки и получения телеграфных депеш с результатами метеорологических наблюдений. Показано, что сведения об экспериментах Ю.И. Морозова по многократному частотному телеграфированию отсутствовали в отчетах университета, и что либеральная политика российского правительства были виной того, что приоритет в изобретении телефона остался не за Россией. Сделан вывод о том, что по своей значимости изобретение Ю.И. Морозова в области многократного частотного телеграфирования ничуть не меньше лучших достижений Харьковской физической школы.

Resume. Through a detailed study of status and work reports of the Imperial Kharkov University, there were identified the motives of this university's professors V.I. Lapshin and Yu.I. Morozov in the development of telegraphic shared channels, the motives being linked with the need to send and receive telegraph dispatches with the results of meteorological observations. The article proves that the University's reports had no information about the experiments by Yu.I. Morozov on multiple carrier telegraphing, and the liberal policy of the Russian government was to blame that Russia lost the chance to pioneer in the invention of the telephone. The conclusion is that the invention by Yu.I. Morozov in the sphere of multiple carrier telegraphy was not less important than the best achievements of the Kharkov school of physics.

Восемь лет назад в статье Е.Л. Перчика и А.И. Коробова¹ была сделана попытка привлечь внимание научной общественности, в первую очередь историков и физиков Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина, к выдающемуся достижению дореволюционной харьковской научной школы – опытам Юрия Ивановича Морозова в области частотного многократного телеграфирования, которые в значительной степени способствовали изобретению телефона в 1876 г.

Эта попытка оказалась безрезультатной. И ничего удивительного здесь нет, ведь Морозов и без этого, начиная с конца 40-х годов XX века, упоминается во всех ключевых работах, посвященных развитию телеграфии и телефонии. И разве это кого-либо беспокоило? Апеллирование к тому, что его имя изменялось в последовательности Егор – Георгий – Юрий² малоубедительно, так как во всех наиболее важных работах по истории техники связи, в которых давалась ссылка на Г.И. Морозова, упоминалось, что он являлся

¹ Перчик Е.Л., Коробов А.И. Профессор Императорского Харьковского университета Юрий (Георгий) Иванович Морозов – изобретатель частотной связи // *Universitates: наука и просвещение.* 2006. № 3. С. 57–61.

² Там же.

профессором Харьковского университета. А в те годы в этом университете был только один известный профессор Морозов. Более того в одной из первых работ³, в которой упоминается его фамилия, она дается с правильными инициалами. Ведущий исследователь по истории техники связи А.В. Яроцкий в работах 1953⁴ и 1976⁵ годов пишет о профессоре Харьковского университета Г.И. Морозове, а в 1954⁶, 1957⁷ и 1963⁸ годах – о Ю.И. Морозове. Благодаря его усилиям имя Морозова в 1956 г. попадает в том 42-го 2-го издания Большой Советской Энциклопедии. В статье «Телеграфия» этого тома А.Г. Смирягин и А.В. Яроцкий пишут: «В 1869 г. доцент Харьковского университета Ю.И. Морозов разработал установку для телеграфирования переменными токами разной частоты. Попытки осуществить частотное телеграфирование привели в 1874 г. к открытию возможности телефонирования»⁹.

Наш литературный поиск показывает, что имя Морозова стало широко известно в СССР после создания в Москве в 1945 г. Института истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова и начала активного изучения дореволюционного русского научно-технического наследия.

Имя Морозова за рубежом в наше время стало известно после перевода на английский язык статьи «Телеграфная связь» из 25-го тома 3-го издания Большой Советской Энциклопедии, выпущенного в свет в 1976 г. В ней, автор этой статьи, Л.Н. Копничев пишет: «В 1869 г. русский изобретатель Г.И. Морозов разработал аппаратуру частотного уплотнения линий связи, при которой несколько сообщений передаются по одной линии сигналами переменного тока различной частоты»¹⁰. В статье «Telegraph Communication» (The Free Dictionary by Farlex) перевод этого фрагмента статьи на английский язык выглядит следующим образом: «In 1869 the Russian inventor G.I. Morozov developed a frequently-division multiplexer, which made it possible to transit messages over a signal line by means of AC signals of different frequency bands»¹¹.

В работе А.С. Wilson¹² отмечается, что роль развития связи в России привлекала внимание ограниченного числа англо говорящих специалистов. Информацию об этом они черпали из общей истории России до и после революции 1917 г., а также из монографий по экономической и социальной истории. При этом отмечается, что более существенные и релевантные статьи можно почерпнуть из третьего издания Большой Советской Энциклопедии, о чем мы упоминали ранее.

Важно отметить, что в очень обстоятельных статьях по телеграфии и телефонии, написанных Н.А. Гезехусом для Энциклопедического Словаря Брокгауза и Ефрона, имя Морозова не фигурирует¹³.

Мы не будем описывать суть изобретения Ю.И. Морозова, которая детально изложена в вышеуказанных работах А.В. Яроцкого, и особенно, в работе Н.Т. Городничина и В.И. Шляпоберского¹⁴ с воспроизведением всех электромагнитных схем, а лишь отметим, что его не запатентованная разработка стала достоянием зарубежных конкурентов. Так, А.В. Яроцкий¹⁵ пишет: «Впервые предложенная и разработанная Ю.И. Морозовым идея многократного частотного телеграфирования оказалась весьма плодотворной. К числу многих изобретателей, трудившихся впоследствии над созданием подобных устройств, принадлежал американский физик Э. Грей, разработавший в 1874 году «электрогармонический телеграф». В процессе испытания своего аппарата Э. Грей

³ Головин Г.И., Эпштейн С.Л. Русские изобретатели в телефонии. М., 1949.

⁴ Яроцкий А.В. Электромагнитный телеграф – Великое русское изобретение. М., 1953.

⁵ Яроцкий А.В. Павел Михайлович Голубицкий 1845 – 1911. М., 1976.

⁶ Яроцкий А.В. П.М. Голубицкий – пионер отечественной телефонии. М., 1954.

⁷ Яроцкий А.В. Развитие телеграфии. М., 1957.

⁸ Яроцкий А.В. Павел Львович Шиллинг 1786 – 1837. М., 1963; Яроцкий А.В. Основные этапы развития телеграфии. М. – Л., 1963.

⁹ Смирягин А.Г., Яроцкий А.В. Телеграфия // Большая Советская Энциклопедия. М., 1956. Изд. 2. Т. 42. С. 138–143.

¹⁰ Копничев Л.Н. Телеграфная связь // Большая Советская Энциклопедия. М., 1976. Изд. 3. Т. 25.

¹¹ . Telegraph Communication /The Free Dictionary by Farlex.

¹² Wilson A.C. A thousand years of postal and telecommunications services in Russia // New Zealand Slavonic Journal. 1990.

¹³ Гезехус Н.А. Телеграфия (С. 778–790); Телефония (С. 809–814) // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1901. Т. 32А.

¹⁴ Городничин П.Т., Шляпоберский В.И. Работы в области телеграфии в XIX в. // Труды по истории техники. Материалы первого совещания по истории техники 1952 года. М., 1953.

¹⁵ Яроцкий А.В. П.М. Голубицкий – пионер отечественной телефонии. М., 1954.

обнаружил, что при известных условиях возбуждение передатчика человеческим голосом вызывает воспроизведение схожих звуков в телеграфном приемнике. Открытие явления телефонирования было настолько подготовлено всем предшествовавшим ходом развития науки и техники, что, когда 14 февраля 1876 года Э. Грей сделал патентную заявку на усовершенствованный им для телефонных переговоров электромагнитный телеграф, оказалось, что в тот же день аналогичную заявку также подал Г. Белл. Впоследствии выяснилось, что имелись и другие изобретатели, которые с немалым основанием могли оспаривать этот патент».

В другой своей работе А.В. Яроцкий¹⁶ пишет: «Жидкостные передатчики Морозова явились первыми генераторами переменного (а не прерывистого) тока звуковой частоты, а его электромагнитные приемники стали первыми электромагнитами переменного тока. Г.И. Морозов не достиг поставленной цели, но его идеи вызвали волну экспериментов и привлекли к опытам новых исследователей».

Исключение изобретения Ю.И. Морозова из технологической гонки по созданию телефона было, очевидно, связано с либеральной политикой российской власти, которая отдала на откуп иностранного капитала отечественную электротехническую промышленность. В этой связи А.В. Яроцкий¹⁷ пишет: «Русские изобретатели никогда не встречали поддержки со стороны царского правительства. Если царские чиновники были вынуждены до некоторой степени считаться с такими известными учеными, как П.Л. Шиллинг и Б. С. Якоби, то предложения других русских изобретателей зачастую даже вовсе не рассматривались». Здесь он ссылается на статью из журнала «Электричество» (1886 г.), в которой о судьбе электромагнитного телеграфа П.Л. Шиллинга было написано следующее: «Вследствие давно установившегося у нас недоверия ко всему русскому и преклонения перед иностранным, комитет может быть отнесся бы иначе, если бы мысль о воздушных проводниках и вообще всё изобретение Шиллинга пришло бы к нам под иностранным авторитетом».

С уверенностью можно сказать, что если бы не формальная отписка Телеграфного департамента Министерства почт и телеграфов на способ Морозова по одновременной передаче нескольких депеш по одному проводу¹⁸, то приоритет изобретения телефона был бы за Россией, как это уже было в отношении электрического телеграфа (Шиллинг, 1832) и радио (Попов, 1895). При таком отношении к отечественным изобретениям, становится очевидным, что технические специалисты зарубежных электротехнических компаний имели легкий доступ к материалам Телеграфного департамента.

Сейчас мы попытаемся понять, как сформировались интересы Ю.И. Морозова, кто оказал на него наибольшее влияние, какова была общая обстановка при его обучении и работе в Императорском Харьковском университете (ИХУ), а главное какие мотивы двигали им в процессе изобретения частотной связи. Для этой цели привлечём в помощь «Списки студентов и допущенных к слушанию лекций ИХУ», «Списки преподавателей и чиновников ИХУ», «Отчеты о состоянии и деятельности ИХУ», «Обозрения преподавания предметов в ИХУ», а также классические труды историков ИХУ.

Имя Морозова мы впервые встречаем в «Списке студентов и допущенных к слушанию лекций ИХУ на 1853 – 1854 академический год»¹⁹. В списке студентов физико-математического факультета по разряду математических наук Егор Морозов идет под № 7, как студент первого курса. В нём также даны сведения о том, что он поступил в ИХУ 27 августа 1853 г., учится на собственном содержании, из семьи обер-офицера, закончил Екатеринославскую гимназию.

Отметим также, что он родился 30 марта 1836 г. в местечке Соколки Кобеляцкого уезда Полтавской губернии²⁰.

Из «Списка преподавателей и чиновников ИХУ» за выше упомянутый

¹⁶ Яроцкий А.В. Павел Михайлович Голубицкий 1845 – 1911. М., 1976.

¹⁷ Яроцкий А.В. Электромагнитный телеграф – Великое русское изобретение. М., 1953.

¹⁸ Об одновременной передаче нескольких депеш по одной проволоке (способ Морозова) // Российский государственный исторический архив. Ф. 289. Д. 2830 (1869 г.).

¹⁹ Список студентов и допущенных к слушанию лекций Императорского Харьковского университета на 1853 – 1854 академический год. Харьков, 1853.

²⁰ Роговский Е. Морозов Юрий Иванович // Физико-математический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805 – 1905) / Под ред. проф. И.П. Осипова и проф. Д.И. Багаляя. Репр. изд. – Вступ. ст. Т. Г. Павловой. Харьков, 2008. С. 78–81.

академический год²¹ мы узнаем, что ординарным профессором по кафедре прикладной математики физико-математического факультета был статский советник Иван Дмитриевич Соколов, по кафедре физики – статский советник Василий Иванович Лапшин, по кафедре астрономии – коллежский советник Андрей Петрович Шидловский.

Из «Обозрения преподавания предметов в ИХУ» за все тот же академический год мы видим, что по разряду математических наук чистую математику читал магистр математических наук, адъюнкт Евгений Бейер (студентам 1 курса, 1-е полугодие – алгебра, 3 ч./нед., 2-е полугодие – геометрию, 4 ч./нед.; студентам 2 курса, 1-е полугодие – интегральное исчисление, 4 ч./нед., 2-е полугодие – теория дифференциальных уравнений и исчисление вариаций, 3 ч./нед.)²².

Иван Соколов читал предметы по прикладной математике по сочинениям Эйлера, Лагранжа, Пуассона, Кориолиса, Навье, Понселе и др.: 3 курс, 1-е полугодие – статику, 2 ч./нед., 2-е полугодие – динамику, 2 ч./нед.; 4 курс, 1-е полугодие – гидростатику и гидродинамику, 2 ч./нед., 2-е полугодие – теорию машин, 2 ч./нед.

Андрей Шидловский читал сферическую астрономию, географическое определение мест, определение орбит планет и комет.

Василий Лапшин студентам 1 курса разрядов математических и естественных наук читал физику по Пулье (на французском языке, 6-е изд.), или Пулье-Миллеру (на немецком языке, 4-е изд.), 4 ч./нед. Студентам 2 курса этих же разрядов он читал физическую географию по Ленцу, с дополнениями, 2 ч./нед. Студентам 3 и 4 курса разряда математических наук он читал дополнительные лекции о свете, по руководству Гершеля и собственным запискам, 2 ч./нед.²³.

Все вышеуказанные предметы Егор Морозов изучал на протяжении четырехлетнего обучения в ИХУ.

Более детальное распределение учебных предметов и часов за время обучения Е. Морозова в ИХУ приведено в таблице 1²⁴.

Таблица 1.
Table 1.

Распределение учебных предметов и времени преподавания в ИХУ по разряду математических наук в период обучения Е. Морозова

The distribution of subjects and teaching time to Kharkov University (было UXU) in the category of mathematical Sciences during the period of study E. Morozova

Курс учебный год	Предметы
1 1853 – 1854	Богословие и церковная история (4,4), Алгебра (3,0), Геометрия (0,4), Физика (4,4), Общая организация и классификация царств животных (1,1), Краткий курс научной ботаники и физиологии растений (1,1), Немецкий язык (3,3), Русский язык для инородцев (1,1). Всего (17,18)
2 1854 – 1855	Интегральное исчисление (4,0), Дифференциальное и вариационное исчисление (0,3), Сферическая астрономия (3,3), Физическая география (2,2), Неорганическая химия (3,3), Архитектура (3,3), Русский язык для инородцев (1,1). Всего (16,15)
3 1855 – 1856	Статика (2,0), Динамика (0,2), Географическое определение мест (3,3), Физика (2,1), Органическая химия (4,4), Аналитическая химия (для желающих) (2,2), Технология (3,3), Архитектура (3,3), Педагогика для казенных студентов и желающих: История педагогики (2,2), Педагогические упражнения (2,2). Всего (23,22)
4 1856 – 1857	Гидростатика и гидродинамика (2,0), Теория машин (0,2), Физика (1,1), Аналитическая химия (для желающих) (2,2), Технология (3,3), Минералогия (2,2), Педагогика для казенных студентов и желающих: Теория педагогики (2,2), Педагогические упражнения (2,2). Всего (14,14)

²¹ Список преподавателей и чиновников Императорского Харьковского университета по учебной части на 1853 – 1854 учебный год. Харьков, 1853. С. 3–8.

²² Обозрение преподавания предметов в Императорском Харьковском университете на 1853 – 1854 учебный год. Харьков, 1853.

²³ Там же.

²⁴ Таблица составлена по: Обозрение преподавания предметов в Императорском Харьковском университете на 1853 – 1854 учебный год. Харьков, 1853; Обозрение преподавания предметов в Императорском Харьковском университете на 1854 – 1855, 1855 – 1856, 1856 – 1857 учебные годы. Харьков, 1854 – 1856.

Примечание: (a,b), a – количество часов в неделю в 1-м полугодии, b – то же самое во втором полугодии.

Обращает внимание обширный перечень и объём точных и естественнонаучных предметов, а также преподавание технологии и архитектуры, практически, в объёме преподавания физики (табл. 1).

Вместе с Егором Морозовым физико-математический факультет ИХУ по разряду математических наук закончил в 1857 г. Константин Захаров (из дворян, воспитанник Курской гимназии), Михаил Котляров (из обер-офицеров, воспитанник Воронежской гимназии), Андрей Малиновский (из обер-офицеров, воспитанник Новочеркасской гимназии), Николай Осипов (из обер-офицеров, воспитанник Тамбовской гимназии), Алексей Серебранников (из купцов, воспитанник Симферопольской гимназии)²⁵.

Впервые Морозов, уже под именем Юрий, появился в штате физико-математического факультета ИХУ в 1859 – 1860 учебном году. В «Списке преподавателей и чиновников ИХУ» на этот учебный год отмечается, что кандидаты физико-математического факультета Юрий Иванович Морозов и Михаил Григорьевич Котляров прикомандированы к университету в должности адъюнктов со званиями старших учителей гимназии²⁶. В «Обзрении преподавания предметов в ИХУ» на этот учебный год отмечается, что Ю.И. Морозов в этом учебном году будет излагать студентам 1-го курса разрядов математических и естественных наук общую физику по Ленцу и Пулье-Миллеру, в 1-е полугодие 4 часа, а во 2-е – по 5 часов в неделю. При этом учитель Ю.И. Морозова В.И. Лапшин на 2-м курсе читал физическую географию по Ленцу и метеорологию по Кемптцу (оба предмета по 2 ч./нед.)²⁷.

В «Обзрении преподавания предметов в ИХУ» на 1860 – 1861 учебный год фамилия Морозова фигурирует²⁸, но не объявлено о чтении им лекций, в следующем же учебном году он отсутствует²⁹. Это связано с его двухгодичной командировкой в страны Западной Европы: «В осенний семестр 1860 г. слушал в Берлине лекции по физике у Магнуса, Франца, Поггендорфа, по метеорологии у Дове, по физиологии у Дюбуа-Реймона; в летний семестр 1861 г. в Гейдельберге у Кирхгофа по электромагнетизму, у Бунзена по химии, у Гельмгольца об органах зрения, слуха и голоса, у Гессе и Эйзендора по математике и механике, у Деонгарда по минералогии и геологии и др. В сентябре 1861 г. ездил на выставку в Карлсруэ, посетил физические кабинеты у Мюллера в Фрейбурге и у Видемана в Базеле. В Париже слушал Дебре, Беккереля и др.»³⁰.

Очевидно, что в этой заграничной командировке Ю.И. Морозов, вместе с обучением у В.И. Лапшина, получил основные компетенции, которые позволили сделать ему выдающееся изобретение. Об этом впервые написано в работе³¹. Загадкой остается только то, почему оно не отмечено в подробном биографическом очерке о Ю.И. Морозове³².

После заграничной командировки в 1862 – 1863 учебном году Ю.И. Морозов в 1-м полугодии читает физику студентам 1-го курса обоих разрядов по 6 ч./нед. В следующем учебном году В.И. Лапшин отсутствует (уходит в отставку, прим. автора) и Ю.И. Морозов читает все его курсы: студентам 1-го и 2-го курса обоих разрядов – общий курс физики по 4 ч./нед.; студентам 2-го курса обоих разрядов – физическую географию по 2 ч./нед.; студентам 3-го и 4-го курса разряда математических наук – учение о магнетизме и

²⁵ Список студентов и допущенных к слушанию лекций Императорского Харьковского университета на 1856 – 1857 академический год. Харьков, 1856.

²⁶ Список преподавателей и чиновников Императорского Харьковского университета по учебной части на 1859 – 1860 учебный год. Харьков, 1859. С. 3–8.

²⁷ Обзорение преподавания предметов в Императорском Харьковском университете на 1859 – 1871 учебные годы. Харьков, 1859 – 1870.

²⁸ Физико-математический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805 – 1905) / Под ред. проф. И.П. Осипова и проф. Д.И. Багалея. Харьков, 1908.

²⁹ Синцов Д.М. Материалы по истории физико-математического факультета Харьковского университета за первые 100 лет его существования. Список лиц, искавших ученые степени магистра и доктора по физико-математическому факультету / Сост. Д.М. Синцов. Харьков, 1908.

³⁰ Физико-математический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805 – 1905) / Под ред. проф. И.П. Осипова и проф. Д.И. Багалея. Харьков, 1908.

³¹ Перчик Е.Л., Коробов А.И. Профессор Императорского Харьковского университета Юрий (Георгий) Иванович Морозов – изобретатель частотной связи // *Universitates: наука и просвещение*, 2006. № 3. С. 57–61.

³² Физико-математический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805 – 1905) / Под ред. проф. И.П. Осипова и проф. Д.И. Багалея. Харьков, 1908.

электричестве по 2 ч./нед.³³

В 1864 г. кандидат физико-математического факультета ИХУ Ю.И. Морозов получил степень магистра физики за диссертацию «О солнечном спектре и спектральных наблюдениях». Отзыв рецензента Н.Н. Бекетова (19.08.1864 г.) – удовлетворительный. Оппоненты – Н.Н. Бекетов и И.И. Федоренко. 6.09.1864 г. автор просит разрешения сделать дополнение к диссертации в виду появления работы Кирхгофа. К защите был представлен печатный экземпляр диссертации на 227 с., изданный в университетской типографии. Диспут по диссертации состоялся 4.10.1864 г.³⁴

В 1865 – 1866 учебном году доцент, магистр физики Ю.И. Морозов по кафедре физики на 1-м и 2-м курсе читает учение о магнетизме, электромагнетизме, электродинамике, по кафедре физической географии и метеорологии на 2-м курсе – физическую географию по 2 ч./нед. (по отделению естественных наук физическая география и метеорология не читались), по математическому отделению – математическую физику. В следующем учебном году на математическом отделении, по кафедре математической физики А. П. Шимков на 3-м и 4-м курсе читает оптику и механику, теорию теплоты (по 5 ч./нед. в 1-м полугодии), а Ю. И. Морозов по кафедре физической географии читает физическую географию студентам 2-го и 3-го курса по 2 ч./нед.³⁵

В 1867 – 1868 учебном году по кафедре математической физики А.П. Шимков читает для студентов 3-го и 4-го курса теоретическую физику (2 ч./нед.), по кафедре физики (отделение физико-химических наук) – опытную физику для студентов 1-го и 2-го курса, а для студентов 3-го и 4-го курса – теоретическую физику по 2 ч./нед. По кафедре физической географии доцент Ю.И. Морозов читает студентам 2-го и 3-го курса совместно физическую географию по 3 ч./нед.³⁶

Приблизительно такой же расклад занятий между двумя учениками В.И. Лапшина – Ю.И. Морозовым и А.П. Шимковым – наблюдается и далее.

В год подачи своего революционного изобретения в Министерство почт и телеграфов Ю.И. Морозов 11.11.1869 г. представляет в ИХУ диссертацию на соискание степени доктора физики «Материалы для объяснения образования градин», которая была издана университетской типографией в 1868 г. Отзыв на неё давал А.П. Шимков, а оппонентами были А.П. Шимков и Н.Н. Бекетов. Диспут по ней состоялся 21.12.1869 г.³⁷

В 1870 – 1871 учебном году снова появляется курс метеорологии, который на физико-химическом отделении читает Ю.И. Морозов для студентов 3-го курса по 4 ч./нед. в оба полугодия. В этом учебном году Ю.И. Морозов впервые фигурирует как экстраординарный профессор³⁸.

По имеющимся без пропусков с 1871 по 1884 год в ЦНБ ХНУ имени В.Н. Каразина «Обзрений преподавания предметов в ИХУ» мы видим, что Ю.И. Морозов читает исключительно физическую географию и метеорологию. При этом, физико-математические курсы от Ю.И. Морозова перешли к А.П. Шимкову в 1866 – 1867 учебном году. Протоколы заседаний совета ИХУ, как отмечается в работе³⁹, свидетельствуют о том, что этот переход был обусловлен финансовыми проблемами: «Вследствие отказа г. министра народного просвещения в утверждении магистра Ковальского доцентом по предмету чистой математики, физико-математический факультет поставлен в самое затруднительное положение...»⁴⁰. Переведя доцента Морозова на кафедру физической

³³ Обзорение преподавания предметов в Императорском Харьковском университете на 1859 – 1871 учебные годы. Харьков, 1859 – 1870.

³⁴ Синцов Д.М. Материалы по истории физико-математического факультета Харьковского университета за первые 100 лет его существования. Список лиц, искавших ученые степени магистра и доктора по физико-математическому факультету / Сост. Д.М. Синцов. Харьков, 1908.

³⁵ Обзорение преподавания предметов в Императорском Харьковском университете на 1859 – 1871 учебные годы. Харьков, 1859 – 1870.

³⁶ Там же.

³⁷ Синцов Д.М. Материалы по истории физико-математического факультета Харьковского университета за первые 100 лет его существования. Список лиц, искавших ученые степени магистра и доктора по физико-математическому факультету / Сост. Д.М. Синцов. Харьков, 1908.

³⁸ Обзорение преподавания предметов в Императорском Харьковском университете на 1859 – 1871 учебные годы. Харьков, 1859 – 1870.

³⁹ Перчик Е.Л., Коробов А.И. Профессор Императорского Харьковского университета Юрий (Георгий) Иванович Морозов – изобретатель частотной связи // *Universitates: наука и просвещение*, 2006. № 3. С. 57–61.

⁴⁰ Протоколы заседаний Совета Императорского Харьковского университета в 1866 г.; заседание 13 декабря 1866 года. Харьков, 1867. С. 305.

географии, а доцента Шимкова на кафедре физики, руководство физико-математического факультета решило проблему сохранения в штате математика Ковальского за счет средств, которые в те годы именовались как «остатки от личного состава»⁴¹.

Из «Обозрения преподавания предметов и распределения лекций и практических занятий в ИХУ на весеннее полугодие 1887 года» мы узнаем, что ординарный профессор Ю.И. Морозов, кроме своих обычных курсов по физической географии и метеорологии, читает статику и динамику атмосферы по 2 ч./нед., а также ведёт практические занятия по изучению и построению физических карт, ознакомлению с устройством и употреблением метеорологических приборов по 2 ч./нед. В этом же учебном году появились новые пособия: А. Supan. Grundrüge der physischen Erdkunde, Leipzig, 1884; Sprung. Lehrbuch der Meteorologie, Hamburg, 1885⁴². Вспомним, что до этого физическая география читалась по Ленцу, а метеорология по Кемптцу.

В осеннее полугодие 1887 г. Ю.И. Морозов читает спецкурс по геофизике (об отношении между фигурой и вращением Земли, о силе тяжести и приложении ее к определению вида и плотности Земли, о геоиде).

В осеннее полугодие 1890 г. Ю.И. Морозов был болен и впервые на физико-математическом факультете появляется и. д. экстраординарного профессора А.Н. Краснов, который читает курсы общего землеведения и географии организмов. В весеннее полугодие 1892 г. курс метеорологии по 3 ч./нед. читает Н.Д. Пильчиков, А.Н. Краснов – общее землеведение по 5 ч./нед. и специальную географию по 1 ч./нед. Этот расклад занятий продолжается до 1894 г. включительно (в 1894 г. Н.Д. Пильчиков переезжает в Одессу).

В весеннем семестре 1895 г. появляется снова Ю.И. Морозов со своим теоретическим (3 ч./нед.) и практическим (2 ч./нед.) курсом метеорологии. В этом семестре А.Н. Краснов путешествовал, и курс физической географии не читался.

В 1896 – 1897 академическом году к двум курсам по метеорологии Ю.И. Морозов добавил курс о земном магнетизме, который он читал в период с 1862 – 1863 по 1865 – 1866 учебные годы. А.Н. Краснов читает физическую географию по 4 ч./нед. в осеннем полугодии и другие географические курсы (антропология и этнография, этнография культурных народов, география организмов). В 1896 г. А.Н. Краснов издает в Харькове четыре выпуска «Основы землеведения».

В 1900 г. (осенний семестр) курс метеорологии не читается, так как 30 апреля этого года умирает Ю.И. Морозов, проболев весь 1899 г.

Осенью 1901 г. появляется приват-доцент М.П. Косач (магистрант Юрьевского университета), который приступает к чтению общей метеорологии, синоптической метеорологии (спецкурс) и электростатики.

В 1903 – 1904 академическом году в весеннем семестре М.П. Косач читает механизм теории тепла (3 ч./нед.), рентгеновы лучи (необязательный курс), в осеннем полугодии – общий курс метеорологии (3 ч./нед.), электродинамику и электромагнетизм. Он умирает 3 октября 1903 г.

Этот обзор, проделанный нами по «Обозрениям преподавания предметов в ИХУ», показывает, что до 1867 г. Ю.И. Морозов читал физико-математические курсы, которые на прямую были связаны с его научно-исследовательской работой по изобретению частотной связи: общий курс физики, учение о магнетизме и электричестве, учение о магнетизме, электромагнетизме и электродинамике, математическая физика. Далее, основание кафедры физической географии и харьковской географической школы в целом надо вести не от А.Н. Краснова (1890 г.), как это принято в современной истории географии, а с Ю.И. Морозова, по крайней мере, с 1867 г., когда он возглавил эту кафедру и сосредоточился, исключительно, на чтении лекций и проведении исследований в области физической географии и метеорологии.

Чтобы понять какие мотивы двигали Ю.И. Морозова в разработке частотной связи, надо обратиться к деятельности его учителя В.И. Лапшина и их взаимоотношениях. Для этого нами были изучены «Отчеты о состоянии и деятельности ИХУ» и «Извлечения» из них. Начнём с тех доступных отчетов, в которых впервые

⁴¹ Перчик Е.Л., Коробов А.И. Профессор Императорского Харьковского университета Юрий (Георгий) Иванович Морозов – изобретатель частотной связи // *Universitates: наука и просвещение*, 2006. № 3. С. 57–61.

⁴² Обзорение преподавания предметов и распределения лекций и практических занятий в Императорском Харьковском университете на весеннее полугодие 1887 года. Харьков, 1887.

появляется имя В.И. Лапшина. В отчете за 1841 – 1842 академический год отмечается, что В.И. Лапшин, автор «Опыта систематического изложения физики» (1841 г.) еженедельно помещал в Харьковских Губернских Ведомостях результаты делаемых им, начиная с апреля 1839 г., метеорологических наблюдений, по которым средняя температура Харькова составила +5,6° Реомюра. Он доложил 21 мая 1841 г. Ученому Совету ИХУ о необходимости и важности наблюдений над магнетизмом Земли, ныне обращающем на себя внимания всего ученого света, указывал на пользу учреждения магнитной обсерватории в Харькове. Совет университета стал ходатайствовать у высшего начальства о построении в Харькове магнитной обсерватории и отправил В.И. Лапшина в Петербург для приобретения опыта в этом вопросе. В.И. Лапшин был в Петербурге и все поручения выполнил⁴³. В этом же отчете отмечается о произошедшей неожиданной кончине заведующего университетской библиотекой, статского советника В.С. Комлишинского, который являлся, в некоторой степени, учителем В.И. Лапшина.

Отвлечемся на время от отчетов, так как более ранние сведения о В.И. Лапшине можно почерпнуть из «Обозрения публичного преподавания наук в ИХУ» и ряда других изданий. Так в «Обозрении» за 1836 – 1837 академический год отмечается, что Василий Иванович Лапшин, магистр, будет преподавать студентам 2-го курса оптику, по собственным запискам, по 4 ч./нед. В этот же период, его учитель Василий Сергеевич Комлишинский, статский советник, исправляющий должность Ректора университета читал по 3 ч./нед. прикладную физику по собственным запискам⁴⁴.

В «Обозрении» за следующий академический год отмечается, что адъюнкт Лапшин Василий Иванович читает студентам 2-го отделения философского и медицинского факультетов, в 1-ом полугодии общую физику, а во 2-ом – частную, или о теплоте, свете, электричестве и магнетизме, по Баумгартнеру и Пулье по 4 ч./нед. Студентам 2-го и 3-го курсов 2-го отделения философского факультета в 1-ом полугодии – физическую географию, а во 2-ом полугодии – метеорологию по Баумгартнеру и Шмидту, с прибавлением математических статей из других сочинений, по 4 ч./нед.⁴⁵

В «Обозрении преподавания предметов в ИХУ на 1839 – 1840 академический год» отмечается, что экстраординарный профессор В.И. Лапшин для студентов 2-го курса 2-го отделения философского факультета и 1-го курса медицинского факультета читает общую физику (1-ое полугодие), частную физику (2-ое полугодие) по собственным конспектам, руководствуясь сочинением Пулье, по 4 ч./нед. Для студентов 3-го курса – физику Земли, в 1-ое полугодие – физическую географию, во 2-ое полугодие – метеорологию и климатологию, по собственным запискам, руководствуясь сочинениями Гоффмана, Пулье, Кемптца, по 2ч./нед. Он же читает органическую и неорганическую химию. Аналогичные курсы читает В. И. Лапшин, судя по сохранившимся «Обозрениям преподавания предметов в ИХУ на 1840 – 1841 и 1842 – 1843 академические года»⁴⁶.

В.И. Лапшин возглавляет объединенную кафедру физики и физической географии в 1839 г. В этот же году он представил к защите докторскую диссертацию «Рассуждения о началах теории истечения светящейся материи», которая на 88 страницах была опубликована в университетской типографии (г. Харьков) в 1838 г. Она была признана 18.11.1838 г. удовлетворительной, защита состоялась 13.12.1838 г., а суждение по ней было вынесено 16.12.1838 г., при этом профессора А.Ф. Павловский и В.М. Черняев признали защиту слабой, проф. А.Ф. Шагин – средственной, проф. Н.А. Дьяченко – совершенно неудовлетворительной. 7 апреля 1839 г. произошло утверждение В.И. Лапшина в степени доктора математических наук⁴⁷.

В 1842 г. В.И. Лапшин публикует первый российский обзор по электромагнитным

⁴³ Отчеты о состоянии и деятельности Императорского Харьковского университета за 1841 – 1843, 1845 – 1853, 1858 – 1861, 1877, 1892, 1893 академические годы. Харьков, 1842 – 1843, 1846 – 1853, 1859 – 1862, 1878, 1893, 1894.

⁴⁴ Обозрение публичного преподавания наук в Императорском Харьковском университете по определению Совета от 17 августа 1836 по 30 июня 1837 года. Харьков, 1837.

⁴⁵ Обозрение публичного преподавания наук в Императорском Харьковском университете на 1837 – 1838 академический год. Харьков, 1837.

⁴⁶ Обозрение преподавания предметов в Императорском Харьковском университете на 1839 – 1840, 1840 – 1841, 1841 – 1842, 1842 – 1843 академические годы. Харьков, 1839, 1840, 1842.

⁴⁷ Синцов Д.М. Материалы по истории физико-математического факультета Харьковского университета за первые 100 лет его существования. Список лиц, искавших ученые степени магистра и доктора по физико-математическому факультету / Сост. Д.М. Синцов. Харьков, 1908.

телеграфам⁴⁸. В нем он отмечает, что академик Ленц на острове Ситху в главной конторе Северо-Американской компании показывал ему рисунки возвышения и понижения воды во время прилива и отлива, начерченные самою водою, с помощью прибора, подобному телеграфу Морзе (1837 г., телеграф в Нью-Йорке). Приведён хороший обзор по данной теме со ссылками на работы Вольта, Эрстеда (1820), Фарадея (1832), Секстона, Пиксия, Кларка и Гаусса (1833).

Возвратимся снова к отчетам о состоянии и деятельности ИХУ. В отчете за 1842 – 1843 академический год отмечается, что В.И. Лапшин по физике опубликовал много трудов, напечатал и «О коралловых островах в Черном море», много приготовил по части физической географии, начал перевод сочинений Гумбольдта об истории и географии Нового Света. Продолжил свои подробные метеорологические наблюдения (начатые в апреле 1839 г.), которые печатались в кратком виде при Харьковских Ведомостях, из них со временем извлекались выводы о климате Харькова⁴⁹.

В отчете за 1845 – 1846 академический год сообщается, что В.И. Лапшин занимается постоянным ведением метеорологических наблюдений Харьковской местности, привлекая казеннокоштных студентов университета, результаты этих наблюдений печатаются в «Харьковских Губернских Ведомостях», и, таким образом, год от году, умножается запас данных для составления климатологии Харькова. Он в течение 2-х лет, преследуя мысль об удобствах нашего речного судоходства, вместе с механиком Аникеевым придумал средство облегчить затруднительный и ускорить медленный ход наших плоскодонных судов. По рассмотрению и одобрению проекта в Советах Мануфактурном и Ведомства Путей Сообщения, выдана из Департамента Мануфактуры и Внутренней Торговли на имя Лапшина, вместе с его сотрудником, десятилетняя привилегия, в которой подробно изложено само изобретение, а в статье, напечатанной в № 53 «Московских Ведомостей» сего года, представлены неудобства и затруднения настоящего плавания, выгоды нового механического устройства для плавания небольших судов по небольшим рекам и указано место новому гребному судну в системе нашего речного судоходства.

Отмечается о публикации Лапшиным статьи «Путешествие по Гарцу» в журнале «Библиотека о воспитании»⁵⁰.

В отчете за 1847 – 1848 академический год отмечается, что Лапшин, вместе со Струве, произведен в чин Статского Советника, а также отправил в журнал Русского Географического Общества статью «О судоходстве по реке Москве, в физико-географическом отношении». В отчете за 1848 – 1849 академический год отмечается, что В.И. Лапшин приготовил популярный курс физики «Беседы о разных физических явлениях», окончил обширный труд свода характеристик метеорологических наблюдений за 9 лет, результаты которого планировалось направить в Русское Географическое Общество. Он же написал труд по исследованию сухого тумана. В отчёте за следующий академический год отмечалось, что по ходатайству В.И. Лапшина, братья Кригсман и Швабе, управляющие механическим заводом в Магдебурге, назначены корреспондентами университета по части доставления разных снарядов. В 1850 г. для физического кабинета была приобретена магнитно-электрическая машина на трёх магнитах из заведения братьев Кригсманов в Магдебурге стоимостью в 250 рублей серебром⁵¹.

В отчёте за 1850 – 1851 академический год отмечено, что Государь-Император Николай Николаевич проездом через Харьков из Чугуева в Киев посетил 19 сентября 1850 г. университет, а Министр народного просвещения, князь Ширинский-Шихматов 2 сентября 1850 г. слушал лекции по физике Лапшина, минералогии Борисяка и др. 6 сентября прощаясь с преподавателями университета, он сказал: «При посещении ваших лекций, я с удовольствием заметил, что не смотря на отдаление от сосредоточия ученой деятельности, многие из вас с успехом следят за новыми открытиями и усовершенствованиями в области наук, обновляя и оживляя таким образом своё

⁴⁸ Лапшин В.И. Об электромагнитных телеграфах // Речи, произнесенные в Торжественном собрании Харьковского университета 30 августа 1842 г. Харьков, 1842.

⁴⁹ Отчеты о состоянии и деятельности Императорского Харьковского университета за 1841 – 1843, 1845 – 1853, 1858 – 1861, 1877, 1892, 1893 академические годы. Харьков, 1842 – 1843, 1846 – 1853, 1859 – 1862, 1878, 1893, 1894.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

преподавание». В отчете также отмечается, что Лапшин подготовил к изданию «Записки, относящиеся к статье о магнетизме вообще и к магнетизму Земного шара»⁵².

В отчете за 1852 – 1853 академический год отмечается, что Лапшин был командирован в Петербург для занятий на Центральной физической обсерватории и исследований по части электромагнетизма. Им составлен подробный отчет об этой командировке. За отлично-усердную службу Лапшин был награжден Орденом Святой Анны 2-ой степени. Ординарный профессор Лапшин и исполняющий должность ординарного профессора Борисяк были командированы в Ново-Белгород для исследования ската обрыва в нескольких местах возвышенного берега Донца. Лапшин напечатал в 1-ой книжке «Вестника Русского Географического Общества» за 1853 г., написанную в 1852 г. статью «Следуют ли ветры, дующие в Харькове, закону вращения Дове». Та же статья, с дополнениями на французском языке, читалась в заседании физико-математического отделения Императорской С.-Петербургской Академии наук и напечатана в «Bulletin de la class phisico-mathématique»⁵³.

В отчете за 1858 – 1859 академический год указано, что Приказом Министра народного просвещения кандидат Морозов прикомандирован к ИХУ со званием старшего учителя гимназии для преподавания физики. Лапшин составил: а) «Беседы о физических явлениях природы» (для женских учебных заведений); б) «Карты телеграфных линий в Европе, Соединенных Штатов и России, с объяснительным текстом»; в) статью для акта, посвященного памяти Александра Гумбольдта. В отчете также отмечено, что Министр народного просвещения разрешил университету употреблять до 1200 рублей серебром на гальванические опыты, при помощи гальванической батареи в 1000 элементов, принадлежащей комиссионеру Харьковского университета Эдельбергу, который из любви к науке, выписал её на свой счёт из Парижа и предоставил в распоряжение университету. Часть устройства этих опытов принадлежит главным образом профессору Лапшину, о производстве их поставили в известность не только русские высшие учебные заведения, но и заграничные университеты, ученые сообщества и специалистов по этой части⁵⁴.

В отчёте за следующий академический год отмечается, что кандидату Морозову разрешена командировка за границу сроком на два года. Лапшин составил отчёт: а) о результатах гальванических исследований, произведенных в 1859 г., при помощи гальванической батареи из 1000 элементов; б) подготовил на французском и немецком языке для отправления в иностранные журналы статью «О фотоэлектрическом коммутаторе» (новые данные о гальваническом освещении); в) занимался повторением опытов Гора, обнаруживших двигательную силу гальванического тока, краткое уведомление о результатах помещено в «Вестнике Естественных наук»; г) описал устройство и употребление сторожевых часов Бюрка для «Вестника Математических наук». Цель гальванических опытов Лапшина – повторить в Харькове опыты, произведенные в 1858 г. в Петербурге академиком Ленцем, который имел в своём распоряжении батарею в 800 пар, принадлежащую Михайловской Артиллерийской Академии. Публичные опыты в Харькове удались: раскалывание длинной платиновой проволоки, плавление песка и стекла, горение железа и цинка, действие магнита на световую дугу, гальваническое освещение не только в зале собрания, но и несколько раз направленное на разные части города. Публика, конечно, не забудет освещение, произведенное в день коронации Государя-Императора и во время посещения его 17 сентября 1859 г. на возвратном пути из Чугуева.

В отчете отмечается, что Лапшин пришел к замечательным результатам, суть которых состоит в следующем: «В настоящее время каждый рефлектор, с помощью которого производится гальваническое освещение требует значительной батареи, состоящей из 75 – 100 элементов, так что для 6-ти направленных рефлекторов потребуется 500 – 600 гальванических пар. Лапшин придумал снаряд, с помощью которого представляется возможным от одного общего источника в 75 или 100 элементов сообщить гальванический свет нескольким рефлекторам. Не без страха, профессор Лапшин и его помощник Морозов решили испытать на себе действие одного полюса батареи из 900 пар на кожу рук, лица, языка и губ, в связи с тем, что известный профессор Грейсвальдовского университета, Будге, предложил несколько

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

физиологических вопросов, относящихся к униполярному действию большой батареи на разные части человеческого тела. Полученные ими результаты сразу же были сообщены профессору Будге и им напечатаны в журнале Поггендорфа «Annaler der Physik und Chemie». Лапшин впервые измерил силу огромной гальванической батареи (делал измерение каждой сотни батарей)».

Далее пишется о том, что физический кабинет сделал капитальное приобретение – 200 элементов, к которым Эдельберг добавил со своей стороны ещё 150 элементов. Таким образом, университету открывается возможность постоянных занятий, при употреблении большой батареи, в известных случаях. Отмечается, что такими принадлежностями могут похвастаться не многие университеты⁵⁵.

В 1860 – 1861 академическом году Лапшину была разрешена командировка за границу на 5 месяцев. В своих гальванических опытах Лапшин обратил внимание на постоянство и продолжительность гальванического тока от употребления раствора обыкновенной поваренной соли в Бунзеновой батарее, вместо азотной и серной кислоты. Такая батарея слабее обыкновенной Бунзеновой, но удобно действует на медицинские электротерапевтические снаряды, и при этом нет отделения вредных газов, цинк дольше сберегается, и поэтому употребление этой батареи выгодно и удобно. И что очень важно для нашего понимания мотивов изобретения Ю.И. Морозова, при помощи 20 элементов с соляным раствором совершалась передача телеграфных депеш на расстояние до 700 вёрст с таким же успехом, как и при обыкновенной Даниэловой батарее⁵⁶.

В 1862 – 1863 академическом году Лапшин был избран в почётные члены Метеорологического общества во Франции. В этом академическом году преподавание общей физики, чтение которой оканчивалось ранее на 1-ом курсе, по обширности этого предмета и ввиду открывшейся возможности, при содействии сверхштатного преподавателя Морозова, излагать этот предмет в большей полноте, распределено на два первых курса по обоим разрядам физико-математического факультета. Лапшин в 1862 г., проездом через Петербург, просил директора Главной физической обсерватории академика Купфера ходатайствовать о разрешении сообщать ежедневные метеорологические данные по телеграфу, по примеру г. Николаева, Киева и других. В следствии ходатайства, Купфера, Главное управление путей сообщения и публичных зданий уведомило его, что телеграфная линия между Москвой и Харьковом имеет только два провода и оба они постоянно заняты⁵⁷. Вот это, на наш взгляд, ключевой момент в понимании мотива Морозова в разработке аппаратуры частотного уплотнения линии связи, при которой несколько сообщений можно передавать по одной линии.

Отметим, что в 1863 г. В.И. Лапшин уходит в отставку и переезжает в Одессу.

В 1865 г. умерли почетные члены ИХУ Х.Э. Ленц и А.Я. Купфер. По физико-математическому факультету преподавание физики и физической географии распределены между двумя доцентами, из которых одному – Морозову поручена кафедра физики. Отмечается отсутствие метеорологической обсерватории, как отдельного учреждения при университете, при этом метеорологические наблюдения в прошлом году производились при физическом кабинете, под непосредственным руководством доцента Морозова, студентами Виленским и Друцким в летние месяцы ежедневно с 6-ти часов утра до 10-ти пополудни, а в остальное время по 5 раз в сутки. Результаты наблюдений публиковались в «Харьковских Губернских Ведомостях»⁵⁸.

В 1867 г. состоялся перевод доцента Морозова на вновь открытую кафедру физической географии. Кабинет физической географии, получивший начало, как отдельное учреждение в 1866 г., к 1.01.1868 г. содержал 11 предметов. Приобретения текущего года – хронометр Бергалля и большой рельефный глобус. Физический кабинет на 1.01.1867 г. имел 448 номеров, в числе 857 отдельных предметов. Метеорологическая обсерватория получила 6 сентября 1869 г. отдельное помещение, в котором и производились наблюдения заведением, отчасти при помощи самопишущих инструментов. Были начаты наблюдения над температурой Земли до глубины 4-х футов. К 1.01.1870 г. по материалам книги обсерватории она состояла из 35 номеров. Последние

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Извлечения из отчетов о состоянии и деятельности Императорского Харьковского университета за 1862 – 1863, 1865, 1867, 1869, 1874, 1879, 1881 академические годы. Харьков, 1863, 1866, 1868, 1870, 1875, 1880, 1882.

⁵⁸ Там же.

приобретения – термограф с часовым механизмом, действующим посредством тока⁵⁹.

В сохранившихся отчетах о состоянии и деятельности ИХУ в 70-е годы XIX в. и извлечениях из них мы можем увидеть списки трудов, опубликованные Ю.И. Морозовым.

В извлечении из отчета за 1874 г. приведены следующие его труды: 1. «Гидрофизический очерк Северного Донца» (Труды общества естествоиспытателей при Харьковском университете, том 8); 2. «О сельскохозяйственно-метеорологических станциях» (IV съезд русских сельских хозяев). Отметим, что в первом труде приведены результаты исследований, полученные вблизи Чугуева и деревни Лиман⁶⁰.

В отчете за 1877 год приведены следующие труды Ю.И. Морозова: а) «Предсказания и исследования бурь в России» (Труды общества испытателей природы); б) «Гидрографический очерк Северного Донца» (там же); с) «Гидрографические явления 1877 г.» (там же); d) «К вопросу об исследовании над состоянием ключевых и речных вод». Отметим, что в третьей работе изучены 30-ти летние циклы больших количеств атмосферных осадков, речных и источниковых вод (на примере Харьковской и Полтавской губернии), а в последней работе показано, что уменьшение количества воды в источниках и реках восходит к 1838 г.⁶¹

В извлечении из отчета за 1879 г. отмечается, что профессор Морозов напечатал статью «О результатах однодневной переписи в г. Харькове» и доставил обществу испытателей природы при Харьковском университете статью «О количестве атмосферных осадков в Харькове». На заседании Историко-филологического общества он сделал доклады: «О раскопках в Хорошевском монастыре» и «О бывшем Змиевском Николаевском монастыре». В «Извлечении из отчета за 1881 год» отмечается, что профессор Морозов был командирован в Тифлис на археологический съезд и что он 4 февраля на заседании «Историко-филологического общества» сделал сообщение «О городищах»⁶².

С 1892 г. ИХУ начал получать ежедневные метеорологические телеграммы из Главной физической обсерватории, резко активизировались метеорологические наблюдения, благодаря подключению наблюдателя-лаборанта Попова и студента Волжина. Такие наблюдения велись ежедневно в объеме станции 2-го разряда, их результаты печатались в газете «Южный Край». Летом Попов по собственной инициативе производил актинометрические наблюдения. Кабинет и метеорологическая станция находились в крайне стесненных условиях. Лишь благодаря пожертвованиям г-жи Головковой явилась возможность часть одной из полян в университетском саду приспособить для метеорологических наблюдений и установить на ней будку для психометрических наблюдений, которые будут производиться с 1893 г. Все прочие приборы остаются в помещении астрономической обсерватории. Практические занятия по метеорологии вёл Пильчаков для студентов 8-го семестра (изучение установок самопишущих метеорологических приборов). Ю.И. Морозов в этом году был заместителем председателя «Общества испытателей природы» (председатель И.Ф. Леваковский)⁶³.

Из-за смерти И. Ф. Леваковского в 1893 г. председателем «Общества испытателей природы» стал Ю. И. Морозов (его заместитель – профессор Л.В. Рейнгард). Пильчаков опубликовал статьи «О суточном ходе температуры воздуха высших слоёв атмосферы в Харькове» («Метеорологический Вестник») и «Результаты наблюдения метеорологической станции ИХУ за 1892 и 1893 гг.» («Записки ИХУ»). Магнитно-метеорологическое отделение физического кабинета расширилось, и метеорологическая обсерватория переехала в отапливаемый павильон из астрономической обсерватории. Над павильоном установлен электрический флюгер, системы Пильчакова (зав.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ . Отчеты о состоянии и деятельности Императорского Харьковского университета за 1841 – 1843, 1845 – 1853, 1858 – 1861, 1877, 1892, 1893 академические годы. Харьков, 1842 – 1843, 1846 – 1853, 1859 – 1862, 1878, 1893, 1894.

⁶² Извлечения из отчетов о состоянии и деятельности Императорского Харьковского университета за 1862 – 1863, 1865, 1867, 1869, 1874, 1879, 1881 академические годы. Харьков, 1863, 1866, 1868, 1870, 1875, 1880, 1882.

⁶³ Отчеты о состоянии и деятельности Императорского Харьковского университета за 1841 – 1843, 1845 – 1853, 1858 – 1861, 1877, 1892, 1893 академические годы. Харьков, 1842 – 1843, 1846 – 1853, 1859 – 1862, 1878, 1893, 1894.

метеорологической обсерватории) с анемометром Робинсона⁶⁴.

Чтобы дополнить яркую характеристику учителя Ю. И. Морозова В.И.Лапшина, приведём биографические сведения о нём, приведенные в различных изданиях.

В монографии А.В. Яроцкий «Павел Львович Шиллинг 1786 – 1837» (Приложение к этой монографии «Краткие сведения о современниках П.Л. Шиллинга, имевших отношение к его жизни и деятельности») приводятся следующие сведения о В.И. Лапшине в контексте изобретений П.Л. Шиллинга и Ю.И. Морозова: «Лапшин Василий Иванович (1809 – 1888) – русский физик. С 1835 г. – профессор Харьковского и Новороссийского университетов (проф. ИХУ с 1839 г., проф. ИНУ с 1865 г., прим. автора статьи). Его перу принадлежит первый из опубликованных в русской печати квалифицированных обзоров развития телеграфии, содержащий также сообщение о телеграфе П.Л. Шиллинга (В.И. Лапшин. Об электромагнитных телеграфах. – «Речи, произнесенные в торжественном собрании Харьковского университета 30 августа 1842 г.», Харьков, 1842, стр. 1 – 30; то же – «Журнал Министерства народного просвещения», ч. XXXVII, СПб., 1843, стр. 30 – 44). Он пробудил интерес к вопросам телеграфии у своего ученика, впоследствии также профессора Харьковского университета Ю.И. Морозова, разработавшего систему частного телеграфирования»⁶⁵.

В Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона приведены следующие сведения о В.И. Лапшине: «Лапшин Василий Иванович – профессор физики (1809 – 1888). В 1839 г. начал преподавание физики в Харьковском университете; впоследствии был там ординарным профессором. В 1863 г. Лапшин вышел в отставку. В 1863 г. назначен в Новороссийский университет. В 1870 г. вышел в отставку. Поместил несколько работ в «Вестнике Императорского Русского Географического Общества», «Bulletins de l'Acad. des Sciences», «Poggendorf's Annalen», «Журнале Министерства Народного Просвещения», «Математическом сборнике» и «Записках Новороссийского университета». Лапшин напечатал отдельно «Опыт математического изложения физики» (Харьков, 1840); «Гальванические опыты, произведенные в Харьковском университете в 1859 г.» (Москва, 1860); «Discours sur les venis de Kharkow et description d'un nouvel anémographe» (Харьков, 1860); «Лунное течение и разные способы определения Св. Пасхи» (С.Петербург, 1879); «Прибор, служащий для объединения суточных перемен над горизонтом какого-либо места» (Одесса, 1882)»⁶⁶.

В.И. Лапшин начал преподавать физику в ИХУ с 1835, а не с 1839 г.; монография В.И. Лапшина называется не «Опыт математического изложения физики», а «Опыт систематического изложения физики» изданной в типографии ИХУ в 1841 г., а не 1840 г. (прим. автора статьи).

В «Большой энциклопедической энциклопедии» на сайте dic.academic.ru приведены следующие сведения о В.И. Лапшине: «Лапшин, Василий Иванович – профессор физики Харьковского и Новороссийского университетов; род. в 1809 г., умер 23 сентября 1888 г. На службу вступил 1 мая 1835 г. назначен преподавателем по кафедре физики в Харьковский университет, впоследствии был там же профессором. 19 июля 1863 г. вышел в отставку, 1 мая 1865 г. назначен на 5 лет профессором в Новороссийский университет, отслужив этот срок вышел в отставку и до кончины жил преимущественно в Феодосии. Как преподаватель он не пользовался большим влиянием, но вообще В.И. Лапшин был человек горячо и беззаветно преданный науке, которой интересовался и занимался до последних дней жизни. В Харьковском университете он устроил огромную, почти не применявшихся до того времени размеров, гальваническую батарею (из 950 элементов), устроил особый анемометр, несколько напечатанных им статей касаются климата г. Харькова, исследований воды Черного моря, электрических телеграфов и т. п.». Журнал Министерства Народного Просвещения», 1889, январь, 49 – 50; Маркевич. «Двадцатипятилетие Новороссийского университета», 371 – 374. Материал подписан Половцовым (перепечатка статьи о В. И. Лапшине из Русского биографического словаря)⁶⁷, прим. автора статьи).

Наиболее полные сведения о В.И. Лапшине приводятся в Биографическом словаре профессоров и преподавателей физико-математического факультета

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Яроцкий А.В. Павел Львович Шиллинг 1786 – 1837. М., 1963.

⁶⁶ Лапшин Василий Иванович // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1896. Т. XVII. С. 350.

⁶⁷ Лапшин Василий Иванович // Русский биографический словарь. СПб., 1914. Т. 10. С. 78.

Харковского университета за первые сто лет его существования⁶⁸: «Лапшин Василий Иванович, из «обывателей», родился в 1809 г., учился в С. Петербургском университете, кончил в 1828 г., а затем поступил в Дерптский профессорский институт, где приобрел степень магистра физики в 1832 г. С 29 апреля 1833 г. по июль 1834 г. слушал лекции в Берлинском университете, с 1835 г. преподаватель Харьковского университета. В 1839 г. получил степень доктора математических наук и в то же время назначен экстраординарным профессором по кафедре физики и физической географии. В следующем году сделан ординарным профессором. С 1839 по 1842 г. по поручению факультета читал химию и заведовал химической лабораторией. В 1842 г. ездил в Петербург для ознакомления с устройством метеорологической и магнитной обсерватории, но возвратившись в Харьков не устроил таковой, хотя начал регулярно производить метеорологические наблюдения, результаты которых стал помещать в местные «Губернские Ведомости» с № 38 за 1840 г. В 1863 г. вышел в отставку, но и по выходе из ХУ напечатал работы, имеющие отношение к Харьковскому университету: 1) Проект устройства в Харькове водопровода, Харьков, 1865; 2) Топография Харькова с картой окрестностей. Отдельный листок, составленный по случаю проезда великого князя Константина Николаевича; 3) Отрывок из воспоминаний профессора Лапшина (посмертное издание, Журнал Министерства Народного Просвещения, 1890, СПб). Через два года перешел в Новороссийский университет, из которого в 1870 г. окончательно вышел в отставку. Скончался в 1888 г. Библ. Лапшина 24 наим.». Статья подготовлена А. Грузинцевым. В примечании к этой статье отмечено, что после смерти Лапшина остались 4 тетради разных записок и что всеми сведениями о работах Лапшина автор обязан профессору Н.Ф. Сумцову, передавшим ему подробный список с замечаниями, составленных братом профессора А.И. Лапшиным в 1896 г.

Очень важные дополнительные сведения о В.И. Лапшине мы находим в томе «Россия» Энциклопедического словаря Ф.Ф. Брокгауза и И.А. Ефрона в разделе «Наука»⁶⁹. Отмечается, что воспитанник С. Петербургского университета, ученик Щеглова, В.И. Лапшин после окончания этого университета доучивался в Дерпте, где защитил в 1832 г. магистерскую диссертацию «*Conspectus theorial reflexionis et refractionis simplicis atque duplicis*», а также в Берлине и Париже. Здесь же дается яркая характеристика научного руководителя В.И. Лапшина по С. Петербургскому университету: «Н.П. Щеглов (1789 – 1831), питомец педагогического института, усерднейший распространитель знаний по физике и другим естественным наукам. Щеглов был тогда «самой блестящей личностью в физико-математическом факультете» и деятельно следил за развитием науки. С 1822 по 1830 г. напечатал 14 работ (из них 3 по энтомологии и ботанике), между которыми два курса «Основания частной физики» (1823) и «Основания общей физики» (1824), изданные потом в переработанном виде под заглавием «Руководство по физике» (1829 – 1830) и долго служившие у нас основным руководством для изучения физики. С 1824 г. до самой смерти Щеглов издавал «Указатель открытий по физике, химии, естественной истории и технологии», наполняя его почти исключительно своими переводами. Из учеников Щеглова следует упомянуть о В.И. Лапшине (вып. 1823 г.) впоследствии профессора физики в Харькове, бывшим одним из первых шести посланных в 1827 г. доучиваться в Дерпт, Берлин и Париж, и образовавших в Дерпте «профессорский институт»».

Естественно предположить, что разносторонние интересы Н.П. Щеглова передались В.И. Лапшину, а его «Руководство по физике» послужило стимулом для написания В.И. Лапшиным «Опыта систематического изложения физики».

Из выше изложенного следует, что интерес к телеграфии возник у Ю.И. Морозова под влиянием В.И. Лапшина, а его изобретение по частотной связи было мотивировано насущными потребностями пересылки телеграфом результатов метеорологических наблюдений, в условиях ограниченного количества линий связи (телеграфных проводов). При этом отметим, что метеорологические исследования были делом всей жизни Ю.И. Морозова. Очень важен тот факт, что в 1860 – 1861 академическом году в рамках проведения гальванических опытов В.И. Лапшиным, в которых участвовал Ю.И. Морозов, проводилась передача телеграфных депеш на расстояние до 700 верст.

⁶⁸ Грузинцев А. Лапшин Василий Иванович // Физико-математический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805 – 1905) / Под ред. проф. И.П. Осипова и проф. Д.И. Багаляя. Репр. изд. Вступ. ст. Т.Г. Павловой. Харьков, 2008. С. 78–79.

⁶⁹ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1899. Т. XXVIII. С. 742.

Почему же эти сведения из отчетов, не говоря уже о самом изобретении Ю.И. Морозова, не вошли в монографии по истории университета⁷⁰ остается большой загадкой. Похоже, что ученые писавшие эти монографии, не понимали сути того, что делали В.И. Лапшин и Ю.И. Морозов. В этой связи в работе⁷¹ ставится вопрос: «Профессор Морозов занимал видное положение в Университете. Неужели его современники никак не соотносили его имя с изобретением частотной связи?»

Предыдущий наш обзор литературы по истории телеграфии и телефонии показал, что имя Морозова, как разработчика многократного частотного телеграфирования впервые было обнародовано, по крайней мере, в 1949 г.⁷², во времена активного интереса к дореволюционному российскому научно-техническому наследию. В дореволюционный период об этом, определенно, не было известно. Так в «Новом энциклопедическом словаре» (1916) приведены следующие сведения о нём: «Морозов Юрий Иванович – физик и метеоролог (1836 – 1900). Окончил курс в ХУ, там же читал метеорологию и физическую географию. Его главные труды «О солнечном спектре и спектральных наблюдениях» (магистерская диссертация) и «Материалы для объяснения образования градин» (докторская диссертация). Занимался также археологией, им собрана коллекция южнорусских древностей. Его археологические исследования помещены в статье «О городищах Харьковской губернии» (Записки Харьковского университета, 1901)»⁷³.

В заключении еще раз отметим, что из отчетов о состоянии и деятельности ИХУ прозрачно видны мотивы для В.И. Лапшина и Ю.И. Морозова в разработке уплотненных каналов телеграфной связи, которые связаны с необходимостью отправки и получения телеграфных депеш с результатами метеорологических наблюдений. В одном из них даже упоминается об экспериментах по передаче телеграфных депеш, проводившихся в 1860 – 1861 академическом году в рамках гальванических опытов. К сожалению вышеуказанные из отчетов сведения не вошли в монографии по истории Харьковского университета. Но хуже всего обстояло дело с информацией об экспериментах Ю.И. Морозова по многократному частотному телеграфированию накануне отправки им предложения в Телеграфный департамент Министерства почт и телеграфов. Сведения о них вообще отсутствуют в отчетах университета. Нам думается, что если бы в это время был В.И. Лапшин (в 1863 г. ушел в отставку и в 1865 г. переехал в Одессу), то ситуация была бы совершенно другой, так как мы видим с каким размахом были разрекламированы гальванические опыты В.И. Лапшина по всему миру. Не вызывает также сомнений, что, работая вместе, после 1863 г. В.И. Лапшин и Ю.И. Морозов добились бы гораздо больших успехов и могли бы вместе претендовать на приоритет в разработке телефонного аппарата. Дело в том, что В.И. Лапшин обладал изощренными способностями в конструировании и математических расчётах различных сложных устройств и приборов, что следует из нашего исследования. Но это все не умаляет достоинств самого Ю.И. Морозова и его выдающегося изобретения. По значимости оно ничуть не меньше лучших достижений Харьковской физической школы послереволюционного периода.

Мы солидарны с авторами работы⁷⁴, которые пишут, что открытие Морозова, несомненно, приумножает авторитет и славу Харьковского университета как одного из центров развития цивилизации, а имя Юрия Ивановича может быть по праву поставлено в ряду имен его лучших выпускников. Более того, мы полагаем, что его имя можно поставить и в один ряд с именами Нобелевских лауреатов, которыми гордится Харьков и Харьковский университет.

Имя Юрия Ивановича Морозова достойно увековечивания в населенных пунктах

⁷⁰ Роговский Е. Морозов Юрий Иванович // Физико-математический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805 – 1905) / Под ред. проф. И.П. Осипова и проф. Д.И. Багалая. Репр. изд. Вступ. ст. Т. Г. Павловой. Харьков, 2008. С. 78–81; Физико-математический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805 – 1905) / Под ред. проф. И.П. Осипова и проф. Д.И. Багалая. Харьков, 1908; Синцов Д.М. Материалы по истории физико-математического факультета Харьковского университета за первые 100 лет его существования. Список лиц, искавших ученые степени магистра и доктора по физико-математическому факультету / Сост. Д.М. Синцов. Харьков, 1908

⁷¹ Перчик Е.Л., Коробов А.И. Профессор Императорского Харьковского университета Юрий (Георгий) Иванович Морозов – изобретатель частотной связи // Universitates: наука и просвещение, 2006. № 3. С. 57–61.

⁷² Головин Г.И., Эпштейн С.Л. Русские изобретатели в телефонии. М., 1949.

⁷³ Морозов Юрий Иванович // Новый энциклопедический словарь. Пг., 1916. Т. 27. С. 223.

⁷⁴ Перчик Е.Л., Коробов А.И. Профессор Императорского Харьковского университета Юрий (Георгий) Иванович Морозов – изобретатель частотной связи // Universitates: наука и просвещение, 2006. № 3. С. 57–61.

и городах, где он родился (местечко Соколки, Кобелякского уезда, Полтавской губернии); учился (гимназия в г. Екатеринославле (сейчас г. Днепропетровск), ИХУ); работал (ИХУ с 1858 г. до конца жизни) и жил (на основании «Списка домовладельцев г. Харькова на 01.01.1901 г.»⁷⁵ нами выяснено, что статский советник Ю.И. Морозов проживал по ул. Ветеринарной, 38 (угол ул. Пушкинской). Историки и краеведы могут внести свой вклад в это дело.

Автор благодарит к.т.н., доцента Евгения Львовича Перчика, который первый, вместе с профессором А.И. Коробовым, показали значимость изобретения Ю.И. Морозова для поднятия авторитета и славы Харьковского университета, и убедил нас провести детальное исследование творческого пути Ю.И. Морозова и его учителя В.И. Лапшина.

⁷⁵ Список домовладельцев г. Харькова. Харьков, 1901. С. 312.

УДК 94(47):63

**ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОСКОВСКОГО ОБЩЕСТВА ПО
РАСПРОСТРАНЕНИЮ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЗНАНИЙ В НАРОДЕ****EDUCATIONAL ACTIVITIES OF THE MOSCOW SOCIETY FOR AGRICULTURAL
KNOWLEDGE DISSEMINATION AMONG THE PEOPLE****М.Д. Книга****M.D. Kniga**

*Центральный филиал Российского государственного университета правосудия,
Россия, 394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 25*

*The Central brunch of the Russian State University of Justice,
25, 20-letija Oktjabrja, Voronezh, 394006, Russia*

E-mail: marinakniga@mail.ru

Ключевые слова: сельскохозяйственное просвещение, Московское общество по распространению сельскохозяйственных знаний в народе, сельскохозяйственные курсы.

Key words: agricultural education, the Moscow society for agricultural knowledge dissemination among the people, agricultural courses.

Аннотация. В статье рассматривается просветительная деятельность Московского общества по распространению сельскохозяйственных знаний в народе, которое было создано в 1911 г. и просуществовало до 1918 г. Целью общества являлась популяризация аграрно-научных знаний. Среди разнообразных форм работы (передвижные выставки, демонстрация новой техники, организация изб-читален, др.) особое внимание уделялось сельскохозяйственным курсам, призванным доходчиво информировать сельских жителей о новой технике и технологиях. При обществе была создана комиссия по организации чтений, курсов и передвижных выставок во главе с В.П. Кочетковым. Для проведения занятий с крестьянами приглашались лучшие преподаватели Московского сельскохозяйственного института и специалисты-практики.

Наиболее охотно крестьяне посещали непродолжительные курсы, занятия длительностью свыше месяца были менее востребованы. Приглашались крестьяне обоего пола не моложе 20-ти лет, окончившие начальную школу и знакомые с практикой сельского хозяйства. Изучались огородничество, садоводство, животноводство, птицеводство, обработка почвы и другие дисциплины. Среднестатистический слушатель курсов – грамотный крестьянин мужского пола 35-50-ти лет. Анализ опросных листов позволяет сделать вывод, что обучались домохозяева, члены их семей, священники, женщины-учителя. Около 20% крестьян являлись членами кооперативов, кредитных и потребительских товариществ. С началом Первой мировой войны среди слушателей курсов появилась еще одна целевая аудитория – воины, для которых организовывались занятия в частях и госпиталях.

Resume. The article considers educational activities of the Moscow society for agricultural knowledge dissemination among the people which was created in 1911 and existed till 1918. The purpose of the society was promoting of agrarian and scientific knowledge. Among various forms of work (mobile exhibitions, demonstration of new equipment, the organization of reading rooms, etc.) the special attention was paid to the agricultural courses urged to inform intelligibly villagers on new equipment and technologies. The commission led by V.P. Kochetkov on the organization of readings, courses and mobile exhibitions was created. The best teachers of the Moscow Agricultural Institute and experts were invited to teach peasants.

Most willingly peasants attended short courses, lessons lasting over a month were less demanded. Peasants of both sexes and older than 20 were invited. They should graduate elementary school and be familiar with practice of agriculture. Truck farming, gardening, animal breeding, poultry farming, processing of the soil and other disciplines were studied. The average student was a male literate peasant of 35-50 years old. The analysis of questionnaires allows to make a conclusion that householders, members of their families, priests, female teachers were trained. About 20% of peasants were members of cooperatives, credit and consumer associations. From the beginning of World War I among students one more target audience, soldiers, appeared. For them studies were organized in units and hospitals.

Одним из факторов модернизации всех сторон общественной жизни является широкое использование достижений науки и передовых технологий. Опыт пропаганды рационального знания правительственными и общественными структурами уже имел место в истории Российской империи. Наивысшего размаха сельскохозяйственное просвещение достигло в годы столыпинской реформы. Сегодня проблема трансляции научного знания также актуализировалась, причем настолько, что Российская академия наук вынуждена была создать комиссию по борьбе с лженаукой. Вот почему представляет интерес исторический опыт просветительской деятельности Московского общества по распространению сельскохозяйственных знаний в народе, которое функционировало в начале XX в. Протоколы заседаний этого общества отложились в фондах Центрального государственного архива города Москвы.

В последние годы усилился интерес к истории общественных просветительских начинаний. Эти проблемы подняты в издании «Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII- начале XX в.»¹, работах С.А. Козлова, А.В. Ефременко и др., затрагивающих вопросы распространения аграрно-научных знаний². О.Ю. Елина в своей фундаментальной монографии и статьях изучила деятельность Московского общества по распространению сельскохозяйственных знаний в контексте аграрного просвещения воинов в годы Первой мировой войны³. В научных статьях (И.Н. Белобородова и др.) также уделяется внимание добровольным ассоциациям в сфере агропропаганды⁴. Специальные труды, посвященные истории Московского общества по распространению сельскохозяйственных знаний в народе, насколько нам известно, отсутствуют.

В начале XX в. внедрение современных для того времени технологий осуществлялось с помощью различных форм работы, именовавшихся в период реформы «внешкольным образованием» или «агрономической помощью»: сельскохозяйственных чтений, бесед и курсов, организации библиотек и изб-читален, показательных кормлений животных, демонстрации новой техники, экскурсий и т.д.

Следует отметить, что до начала аграрной реформы эти мероприятия не проводились системно и не имели ярко выраженного государственного и общественного звучания. Сказывалась незаинтересованность крестьянского населения в получении новых знаний, его нежелание порвать с традиционным земледелием. В изменившихся условиях решающим фактором активизации образовательной просветительской деятельности стал спрос на информацию со стороны широких крестьянских масс. Этот факт отмечался на правительственных совещаниях: «потребность в сельскохозяйственных знаниях сознается местным крестьянским населением»⁵. Такое изменение настроений в деревне позволило иметь дело не со случайной аудиторией, а с заинтересованной. Свою позитивную роль сыграло усиление государственного финансирования, широкомасштабная земская деятельность, увеличение количества товариществ, кооперативов и сельскохозяйственных обществ.

Представляет интерес исторический опыт трансляции научного знания Московским обществом по распространению сельскохозяйственных знаний в народе (создано в 1911 г.) История общества примечательна с нескольких точек зрения. Во-первых, общество объединило вокруг себя интересных людей, активных популяризаторов аграрно-научного знания. Среди них Михаил Павлович Даев – по первому образованию

¹ Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. / ред. А.С. Туманова. М., 2011. 887 с.

² Козлов С.А. Аграрная модернизация Центрально-Нечерноземной России в конце XIX-начале XX в. (по материалам экономической печати). М., 2012. 567 с.; Ефременко А.В. Земская агрономия и ее роль в эволюции крестьянской общины. Ярославль, 2002. 531 с. и др.

³ Елина О.Ю. От царских садов до советских полей. История сельскохозяйственных опытных учреждений, XVIII – 20-е годы XX в. В 2 т. М., 2008.

⁴ Белобородова И.Н. Власть и общество на европейском Севере России: проблема взаимодействия в области модернизации народной агрикультуры (конец XIX-начало XX в.) // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2014. № 1 (172). Вып. 29. С. 120-127; и др.

⁵ Материалы. III. Краткий обзор мероприятий по земледельческому и подсобным промыслам, осуществляемых сельскохозяйственным ведомством, земскими учреждениями и другими общественными по сельскому хозяйству организациями. СПб., 1911. С. 108.

химик, педагог по призванию, музыкант и автор комиксов; Александр Васильевич Чайнов – преподаватель Московского сельскохозяйственного института (МСХИ), экономист, социолог, теоретик организационно-производственной школы и кооператор-практик; Сергей Петрович Фридолин – земский агроном с большим стажем работы в животноводческой отрасли; другие незаурядные личности. А, во-вторых, общество накопило ценный опыт распространения информации в условиях малограмотности населения. В деле сельскохозяйственного просвещения руководство делало ставку на курсы, т.к. они были относительно малобюджетны, но, в то же время давали, в отличие от эпизодических чтений и бесед, систематические научные знания. Лекции проводились в Москве в Политехническом музее, а также в населенных пунктах Московской, Тульской, Владимирской, Калужской и других губерний. Общество активно сотрудничало с земствами, Министерством народного просвещения, Московским обществом народных университетов, сельскохозяйственными обществами, редакциями изданий: «Вестник сельского хозяйства», «Южнорусская сельскохозяйственная газета», «Хуторянин» и другими структурами⁶.

Курсы, как форма сельскохозяйственного просвещения, всегда были в центре внимания государственных структур и представителей общественности. Так, позитивный потенциал курсов был высоко оценен на правительственном совещании о низших сельскохозяйственных школах 30 марта – 2 апреля 1908 г. В постановлении отмечалось: «Цель курсов – культурное воздействие на хозяйство мелких земледельцев путем сообщения им основных знаний, необходимых для улучшения тех отраслей хозяйства, которые имеют в данной местности наибольшее значение, и образование в лице этих земледельцев контингента домохозяев, более подготовленных к введению различных сельскохозяйственных улучшений и способных содействовать распространению последних в данной местности»⁷.

Проведение доступных для крестьян форм распространения аграрных знаний стало основным содержанием деятельности комиссии по организации чтений, курсов и передвижных выставок при Московском обществе. Протоколы заседаний этой комиссии отложились в фондах ЦГА Москвы и дают представление о деятельности этого структурного подразделения и общества в целом.

Деревенскому жителю было сложно обучаться на курсах «с отрывом от производства», поэтому наиболее охотно крестьяне посещали курсы непродолжительные – до двух недель, затем по популярности шли курсы от двух недель до месяца, курсы длительностью свыше месяца были менее востребованы⁸. Широко распространены были сезонные курсы, проведение которых совпадало с периодом сельскохозяйственных работ. По содержанию они могли быть отраслевыми и многопрофильными и проводиться в той местности, в которой эта отрасль аграрного производства была распространена. По времени – от нескольких дней до нескольких месяцев, дабы не отвлекать земледельцев от работы. Практиковались зимние курсы продолжительностью, обычно, в течение двух месяцев. О начале курсов население оповещалось путем рассылки объявлений в волостные и сельские правления, кредитные товарищества, информация также доводилась до сведения священников и учителей. Работа строилась по принципу «лучше один раз увидеть», и это было оправданно, учитывая особенности населения: низкий уровень грамотности и настороженное отношение ко всяким новшествам. Данная ситуация сделала широко востребованным наглядный метод обучения. В протоколах Московского общества встречаются указания на использование «волшебного фонаря» (диапозитивов), таблиц, наглядный пособий. Большой интерес у крестьян вызывали показы новых орудий и техники: моделей парников, портативной маслодельни, рядовой сеялки.

Первое заседание комиссии по организации чтений, курсов и передвижных выставок произошло в 1911 г., а последнее в 1918 г. На первом заседании (5 декабря 1911 г.) присутствовали А.И. Гончаров, А.В. Чайнов, В.М. Грачев, С.П. Фридолин, Мадин

⁶ Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 1575. Оп. 1. Д. 21. Л. 21.

⁷ Ежегодник Главного управления землеустройства и земледелия по Департаменту земледелия и Лесному Департаменту. 1908. Год второй. СПб., 1909. С. XVIII.

⁸ Агрономическая помощь в России / под ред. В.В. Морачевского. СПб., 1914. С. 338.

(инициалы в документе отсутствуют); председателем комиссии избран соратник профессора Д.Н. Прянишникова агрохимик В.П. Кочетков⁹. В работе комиссии принимали участие аграрные специалисты С.Н. Фридолин, В.А. Бекетов, Г.А. Соколов, И.И. Журавлев, Е.И. Злобин, В.Н. Хренников, М.Ф. Гриценко¹⁰. Комиссия занималась организацией сельскохозяйственного просвещения, разрабатывала графики проведения занятий, программы курсов, приглашала лекторов, обобщала опыт работы.

Организация курсов включала в себя следующие расходы: аренда помещения; гонорар лекторов; приобретение наглядных пособий и раздаточного материала; проезд и проживание курсистов¹¹. Земство, будучи главным держателем финансов в провинции, оплачивало затраты; для крестьян курсы были бесплатными. Приглашались крестьяне обоего пола не моложе 20-ти лет, окончившие начальную школу и знакомые с практикой сельского хозяйства. Занятия продолжались от 3 до 6 часов в день. Общество по распространению сельскохозяйственных знаний таким образом оплачивало труд лекторов: за курс лекций (74 час.) платили 10 руб.; московские лекторы, читающие курсы «на выезде» в уездах, получали за день работы 10 руб. плюс 5 руб. суточные¹².

Приведем пример программы краткосрочных курсов по полеводству и молочному хозяйству, утвержденной членами комиссии. Первое занятие (1 час) - «Об улучшениях в сельском хозяйстве вообще. О значении кооперации и земских учреждений», вводило слушателей в курс дела; далее по 4 часа отводилось на следующие лекции: «Обработка с краткими понятиями о полеводстве»; «Удобрения»; «Семена, посевы и уборка» и 3 часа «Луговое хозяйство» и травосеяние». Молочное скотоводство изучалось 6 часов. Программа краткосрочных широкопрофильных курсов предусматривала по два занятия на следующие темы: «Молочное хозяйство», «Кооперация в сельском хозяйстве», «Луга и пастбища», «Пчеловодство»; огородничеству было посвящено 3 занятия. Занятия продолжались по 6 часов в день¹³.

Общество получало заявки на проведение мероприятий не только из Московской губернии, но и из соседних. Тормозило проведение просветительной работы недостаточное финансирование. Так, в январе 1912 г. с просьбой о проведении передвижной выставки обратилось Михайловская уездная земская управа Рязанской губернии, однако получила отказ: «земство не может дать средств». И такая ситуация была не единичной. Была еще одна преграда, не позволяющая активно выезжать лекторам в деревню весной – распутица¹⁴.

В 1912 г. слушатели по просьбе Московского общества заполнили опросные листы, сохранившиеся в архиве. Анкета предполагала ответы на вопросы: место проживания, грамотен ли, домохозяин или нет, сколько человек в семье, количество десятин (надельной, купленной, арендной), количество скота и т.д. Изучено 130 анкет. Среднестатистический слушатель – грамотный крестьянин мужского пола 35-50-ти лет, однако фигурирует и молодежь, и пожилые крестьяне. Анализ опросных листов позволяет сделать вывод, что обучались и домохозяева, и члены их семей, священники, несколько женщин (жены священников, женщины-учителя). По нашим расчетам около 20% крестьян являлись членами кооперативов, кредитных и потребительских товариществ¹⁵. Этот вывод совпадает с наблюдением специалиста по животноводству С. Фридолина о том, что в период реформы кредитные товарищества, потребительские общества, мелкие сельскохозяйственные объединения «в некоторых районах стали расти, как грибы»¹⁶.

Отчеты Департамента земледелия регулярно фиксировали интерес к курсам. Так, в отчете за 1912 г. отмечалось, что «пробудившаяся ... мысль земледельца ищет для

⁹ ЦГА Москвы. Ф. 1575. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

¹⁰ Там же. Д. 13. Л. 1.

¹¹ Материалы. III. Краткий обзор мероприятий по земледельческому и подсобным промыслам, осуществляемых сельскохозяйственным ведомством, земскими учреждениями и другими общественными по сельскому хозяйству организациями. СПб., 1911. С. 107.

¹² ЦГА Москвы. Ф. 1575. Оп. 1. Д. 2. Л. 1 об., 21 об., 22.

¹³ Там же. Д. 1. Л. 1-2 об.

¹⁴ Там же. Л. 5, 9 об.

¹⁵ Там же. Д. 12. Л. 1-137.

¹⁶ Фридолин С.П. Исповедь агронома. М., 1925. С. 69.

разрешения вопросов, выдвигаемых в процессе хозяйственной жизни, более серьезных и глубоких знаний, и курсы являются в данном случае лучшим к тому средством»¹⁷.

В 1915 г. комиссия по организации чтений, курсов и передвижных выставок разработала для слушателей подробную анкету, целью которой был мониторинг эффективности работы. Ответы на вопросы должны были дать представление о путях дальнейшего совершенствования деятельности общества по обучению взрослого крестьянского населения. Вопросы были достаточно интересны: «Грамотны или нет?»; «Применяли ли в своем хозяйстве какие-нибудь улучшения, и какие именно?»; «Бывали ли Вы раньше на сельскохозяйственных курсах, чтениях, беседах?» и т.д. Ответы крестьян должны были помочь организаторам усовершенствовать систему обучения, повысить качество преподавания. С этой целью были предложены следующие вопросы: «Когда удобнее заниматься на курсах: утром или вечером, и в какие часы?» «Какие курсы, по вашему мнению, были желательны – по многим предметам или по одному?» «Что из прослушанного кажется Вам нужным и интересным?» «Что из прослушанного – лишним?» и т.д.¹⁸ К сожалению, в архиве отсутствуют ответы на эту анкету, и это не позволяет посмотреть на учебный процесс глазами крестьян.

Несмотря на начало военных действий, работа общества продолжалась. На заседании 15 сентября 1915 г. членам комиссии в соответствии со своим профилем было поручено составить программы обучения: Соколову, Фридолину по животноводству, Злобину, Шимоновичу по садоводству и огородничеству, Швецову по обработке почвы, Фофанову по птицеводству и т.д.¹⁹ Среди отраслей сельского хозяйства птицеводству уделялось особое внимание. На заседании Совета общества 13 июня 2016 г. было решено «придать курсам по птицеводству более широкий характер с целью подготовки птицеводов при общественных и земских учреждениях с каковой целью желательно устроить практические работы как на местах, так и в птицеводных центрах». Общество также решило «устроить месячные практические занятия по сбыту и хранению продуктов птицеводства в Воронежской губернии»²⁰.

Курсы, длительностью в несколько месяцев, были максимально приближены к потребностям крестьянского хозяйства. На изучение животноводства, например, выделялось 15 теоретических часов и 10 практических; на изучение анатомии и физиологии животных – соответственно 30 и 10; «получение кормов и кормление» предусматривало только 100 часов теоретических занятий, без практики; освоить содержание и уход за животными слушатели должны были за 20 теоретических часов; зато такой предмет, как «молоководение и переработка молока» требовал 40 часов теории и 150 часов практики; и т.д.²¹

Для работы с населением Московское общество по распространению сельскохозяйственных знаний приглашало лучших лекторов. Перед крестьянами выступали ведущие ученые МСХИ: профессор Александр Григорьевич Дояренко, профессор Михаил Николаевич Вонзблейн и другие. Квалифицированных лекторов не хватало, к работе привлекались энтузиасты. Главными проводниками аграрных знаний в крестьянскую среду были сельские интеллигенты – педагоги. В.И.Чарнолуцкий, теоретик концепции образования взрослых и один из организаторов общественной педагогической организации «Лига образования», полагал, что «народные учителя являются очень важным, во многих местах даже единственными деятелями в области внешкольного образования»²². Общественные инициативы были поддержаны правительством. Министерство государственных имуществ выступило организатором проведения сельскохозяйственных курсов в подведомственных им учительских семинариях. В свою очередь Московское общество целенаправленно обучало начинающих лекторов методике проведения занятий с крестьянами. Нехватка

¹⁷ Ежегодник Главного управления землеустройства и земледелия по Департаменту земледелия. 1913. Год седьмой. Пг., 1914. С. XV.

¹⁸ ЦГА Москвы. Ф. 1575. Оп. 1. Д. 13. Л. 1-2.

¹⁹ Там же. Л. 2 об.

²⁰ Там же. Л. 19.

²¹ Там же. Л. 24.

²² Там же. Ф. 1330. Оп. 1. Д. 7. Л. 6.

преподавательских кадров вынудило на заседании 14 мая 1913 г. принять следующее постановление: «Не придавать особого значения образовательному цензу кандидата на должность лектора-инструктора по молочному хозяйству и скотоводству. Комиссия считает особенно важным качеством приглашаемого лица – опытность в деле ведения курсов»²³. Пропаганда велась на доступном крестьянам языке. Темы были сформулированы доходчиво: «Что такое земля, на которой мы живем»; «Как живет и питается растение»; «Почему в разных странах хозяйствуют по-разному»²⁴.

Первая мировая война внесла в просветительную деятельность общества свои коррективы. Появилась еще одна целевая аудитория – воины-инвалиды. В целях адаптации воинов к мирной жизни планировались курсы сельскохозяйственной направленности в частях и госпиталях²⁵. Для этой категории слушателей предлагались следующие темы: «Причины недородов»; «Значение науки в деле уничтожения недородов», «Значение обработки почвы», «Задачи и способы вспашки», «Орудия обработки» и др. Для воинов, находящихся на излечении после ранения, организаторы подготовили краткую информацию по животноводству в виде листовки «Как выбрать корову»²⁶. Был составлен проект общества «самопомощи инвалидам». Департамент земледелия рекомендовал при составлении программ для воинов-инвалидов учитывать образовательный ценз обучающихся. Правительство призывало готовить на курсах будущих счетоводов, сельскохозяйственных старост, скотников, маслоделов, пчеловодов, садовников, виноградарей и т.д. В обзоре Департамента земледелия за 1915 г. отмечалось, что сельскохозяйственные курсы продолжали работать во всех не затронутых военными действиями губерниях²⁷.

Таким образом, Московское общество по распространению сельскохозяйственных знаний в народе (1911-1918) внесло свой вклад в дело сельскохозяйственного просвещения. Членами общества были энтузиасты популяризации научного знания - преподаватели высшей школы и специалисты-практики. Информация о научных приемах земледелия, новых технологиях помогала крестьянам в условиях столыпинской реформы начать переход к рациональному хозяйствованию.

²³ Там же. Ф. 1575. Оп. 1. Д. 2. Л. 4 об.

²⁴ Там же. Л. 32 об.

²⁵ Елина О.Ю. Местные сельскохозяйственные общества: на пути к аграрной модернизации России // Историко-биологические исследования. 2012. Т. 4. № 3. С. 57.

²⁶ ЦГА Москвы. Ф. 1575. Оп. 1. Д. 13. Л. 2 об., 4 об.

²⁷ Обзор Департамента земледелия в 1915 г. // Ежегодник Главного управления землеустройства и земледелия. 1915. СПб., 1916. С. XII.

УДК 392, 394, 396

ЖЕНСКОЕ VS МУЖСКОЕ В КУЛЬТУРАХ МИРА**FEMININE VERSUS MASCULINE IN WORLD CULTURES****Н.Л. Пушкарева****N.L. Pushkareva***Институт этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая,
Россия, 119991, г. Москва, Ленинский пр., 32а**Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, 32a Leninsky Pr., Moscow, 119991, Russia**E-mail: pushkarev@mail.ru*

Ключевые слова: гендер, культура, этнология, история семьи, гендерные исследования в истории, феминизм.

Key words: gender, culture, ethnology, family history, gender studies in history, feminism.

Аннотация. Краткий обзор тезисов выступлений и дискуссий, состоявшихся на последнем Конгрессе Ассоциации антропологов и этнологов России (КААЭР), который имел место в Екатеринбурге в июле 2015, дает читателю богатую и разнообразную картину идей и оценок, касающихся конкретных национальных культур, а также инновационных междисциплинарных подходов к изучению гендерных систем в прошлом и настоящем.

Resume. Short overview of abstracts and discussions during the last Congress of Association of Russian Anthropologists and Ethnologists held in Ekaterinburg in July 2015 presents a rich, varied tapestry of ideas and estimations, relating specific national cultures and innovative interdisciplinary and multidisciplinary approaches to the study gender systems in Past and Present.

На состоявшемся 2-5 июля 2015 года в городе Екатеринбурге XI-ом Конгрессе Ассоциации антропологов и этнологов России работала огромная по численности 44-ая секция – «Женское vs мужское в культурах мира»

В ходе работы секции, получившей около 150 заявок, в том числе более 10 их европейских стран и СНГ принявшие личное участие исследователи из более, чем 50 городов нашей страны и зарубежья в течение нескольких дней обсуждали проблемы русской и мировой культуры сквозь призму *мужского* и *женского* с XVIII-го до начала XXI в. По сути, это получился «конгресс в конгрессе» - международная научная встреча гендерологов и специалистов с области этнологии брачности, социологии пола, тела, сексуальности, истории женщин и этнографии семьи. Пришлось даже разбить секцию на две подсекции (44А и 44Б, на которых были представлены результаты исследований специалистов по русской истории и этнографии русских и, соответственно, всеобщей истории – как Востока, так и Запада).

Инициаторы организации специальной секции на очередном конгрессе — Наталья Львовна Пушкарева — д.и.н., профессор заведующая сектором этногендерных исследований Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва) и представительница ее научной школы, также уже д.и.н., профессор Тверского государственного университета Анна Валерьевна Белова, — объяснили огромный интерес к своей теме той большой объединительной работой, которую ведет созданное в начале 2000-х годов Межрегиональное общественное объединение – РАИЖИ («Российская ассоциация исследователей женской истории»).

Сторонницы традиционных дескриптивных и агрегативных подходов в непротиворечивом единстве и атмосфере благожелательных дискуссий смогли обсудить проблемы интерпретации методологии и историографии женской и гендерной истории

России и зарубежных стран, соотношения гендера и власти, переживаний и осмысления женщинами и мужчинами перемен в истории, будь то структурные или ментальные изменения, политические или бытовые, экономические, социальные, конфессиональные и др., в том числе обусловленные культурно-историческим развитием России, ее символическим местом между Западом и Востоком, особенностями смыслополагания женского и мужского предназначения в отечественном прошлом и настоящем.

Доклады, представленные на подсекции 44А («Русская культура и женская история сквозь призму мужского и женского (XVIII — начало XXI в.в.)») охарактеризовали особенности гендерных контрактов у разных категорий населения (дворяне, мещане, крестьяне, аристократия, студенты, рабочие и т.д.), социальных групп (солдатки, казачки) на протяжении более чем трех веков. Выступавшие анализировали гендерные асимметрии, возникавшие в зависимости от места рождения и жизни акторов исторического процесса: город/деревня, столица/провинция. Огромный интерес вызвал доклад Г.Н.Стояновой (Одесса, Украина), в котором обсуждался уникальный материал о повседневности и бытовых практиках морячек – тех, для кого многомесячные ожидания мужей – норма, а не исключение.

Большое внимание было, как всегда в последнее десятилетие, уделено особенностям жизни образованного сословия в досоветское время – женщинам-дворянкам, их повседневности (Белова А.В.), роли матери в воспитании российской дворянки (Лисицына О.И.), в том числе религиозного (В.А.Веремченко), особенностям процесса родовспоможения в дворянской среде (Н.А.Мицюк). Доклад Н.А.Мицюк сопровождался уникальными кадрами, фотоматериалами ее диссертации, в которой говорится в том числе о процессе медиализации родов в начале XX века. Интерес исследователей к дворянской среде, обусловлен наличием многочисленных источников личного происхождения, позволяющих реконструировать повседневные практики и воссоздать живую картину обыденности.

В связи с растущей популярностью гендерных исследований и углублением проблемного поля, многие доклады были посвящены анализу кризисных переходных этапов в истории нашей страны и зависимости восприятия текущих событий в зависимости от гендерной принадлежности – ведь женщины и мужчины (как взрослые, так и дети) по-разному воспринимают различные исторические события. Эта проблематика была поднята в докладах Виниченко И.В. «Травматический опыт и практики переживания войны в традициях служилых сословий России (на примере донского казачества)», Нижник Н.С. «Гендерная специфика ментальных установок и самомобилизация женщин в годы первой мировой войны», Шныровой О.В. «И девушка наша проходит в шинели»: трансформация гендерных ролей в период революции и гражданской войны в России 1918-1920 годов», Синовой И.В. «Гендерные особенности повседневной жизни детей в условиях войны и блокады Ленинграда».

Весьма широко, но привычно для этнографов трактовался и исторический источник. В докладе Т.А. Мищенко «Игрушки для мальчиков и девочек: из воспоминаний о советском детстве» рассматривались информативные возможности игрушек (прежде всего кукол) как исторического источника, ведь они отражают не только технические достижения общества, но и гендерные стереотипы.

Большое место заняли выступления, освещающие наиболее актуальные проблемы современности в русле гендерных исследований, связанные с самоидентификацией личности, пересечениями понятий культуры, этноса и гендера, размышляющие над вопросом о месте и роли женщины в обществе XXI века. Не удивительно, что на обсуждение были вынесены такие вопросы, как женские и мужские названия профессий и статусов (Баданина И.В.), гендерные стереотипы в современной молодежной среде (Гизулина А.А.), представление об «идеальном муже» и «идеальной жене» (Жигунова М.А.), о женской дружбе (Журавлева Н.И.), рассмотрено положение женщин на рынке труда (Лыткина Т.С., Фаузер В.В., Фаузер Г.Н.). Современные гендерные стереотипы и пути их преодоления были освещены в докладах о женщине за рулем (Ельникова Г.А.), женщине в научном сообществе (Разина Т.В.) и др.

Докладчики затронули ряд особенно обсуждаемых ныне в СМИ тем, отражающих неоднозначность современного общественного дискурса. Например, в докладе «Будущее

материнства и отцовства в контексте новых подходов к пониманию семьи и развития биотехнологий» (Шульга Р.Ю.) предлагалось рассмотреть последние тенденции в изменении подходов к понятию семьи и роли родителей в воспитании детей (автор полагал, что современное родительство, следуя старым стереотипам, до сих пор приравнивается к материнству и лишь развитие биотехнологий, возможно, откроет путь к «новому отцовству», когда мужчины по-иному отнесутся и к самому процессу родов, и к помощи в процессе воспитания ребенка. Резкую критику вызвал доклад «Генетические и социальные факторы трансгендерности и интерсексуальности» (Шихова С.В.), поскольку автор не являлся сторонником теории социального конструирования гендерных различий и пытался актуализировать старый эссенциалистский дискурс. В следующем за ним докладе «Гендерная перестройка в российской культуре (свободный выбор или современные технологии «промывания мозгов)» (Шалыгина Н.В.) обсуждались как раз конкретные технологии, известные под общим названием «промывание мозгов», и их интерпретации применительно к современным теориям социального конструирования гендера в условиях глобального культурного обмена – то есть как раз пути появления исследований, подобных «исследованиям» С.В.Шиховой.

Как всегда, часть времени работы секции была отдана обсуждению проблем методологии и историографии женской и гендерной истории, гендерной антропологии и этнологии. Доклад руководителя и инициатора секции Пушкаревой Н.Л. «Женщина-интервьюер перед женщиной-респонденткой: особенности сбора полевого материала» позволил размышлять о том, насколько аналитик и его индивидуальные (в том числе личностные гендерные) характеристики влияют на содержание собираемого им материала, о важности эмоциональной эмпатии и доверия в процессе реконструкции современной женской истории. В выступлении Т.И.Зайцевой «Концепты «женщина», «мужчина», «гендер» в современной российской историографии» прозвучали выводы исследовательницы о лингвокультурологическом аспекте проблемы, а в сообщении Л.В.Лебедевой «Источники личного происхождения в исследовании проблем женской повседневности» были, по сути «реабилитированы» женские эго-документы, в которых всегда меньше говорится об общественно-значимых событиях, а больше – о семье, чувствах, переживаниях по поводу любви и детей.

Выступавшие на секции обсудили проблемы, связанные с конкретно-историческими формами гендерной составляющей коллективных и индивидуальных изменений, размышляли об их влиянии на гендерный порядок в разные периоды истории, о его зависимости от конфессии, социального слоя, политико-событийного контекста.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

УДК 32 1. 022

ИНСТИТУТЫ КАК ФАКТОРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРЯДКА В ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

INSTITUTES AS FACTORS OF MAINTENANCE A POLITICAL ORDER IN THE DEMOCRATIC STATE

Е.В. Суслов

E.V. Suslov

Марийский государственный университет, Россия, 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1

Mari State University, Lenin Square 1, Yoshkar-Ola city, 424000, Russia

E-mail:esuslov@mail.ru

Ключевые слова: норма, организация, устойчивый тип поведения, институты, порядок, среда, институционализированные политические конфликты.

Key words: a norm, the organization, a steady type of behavior, institutes, an order, an environment, the institutionalized political conflicts.

Аннотация. В рамках предлагаемой статьи автор видит своей целью, во-первых, выяснение особенностей интерпретации понятия «институт» представителями различных школ политической науки. Во-вторых, исходя из предыдущего тезиса, подвергнуть рефлексии понятия «среда», «порядок», поскольку предполагается, что именно институты являются средствами упорядочивания среды и внесения в нее порядка. В-третьих, оценить преимущества демократического политического порядка обеспечиваемые демократическими политическими институтами.

В результате проведенного анализа автором сделан вывод о том, что в современной политической науке сложилась традиция интерпретации институтов с нескольких позиций: как нормы, как организации, как устойчивого типа поведения, однако, преобладающим остается представление об институте как о норме. Автор так же считает, что механизм институционализации политических конфликтов является одним из важнейших институтов, эффективно участвующих в поддержании политического порядка в демократическом государстве. Автору удалось доказать, что оптимальной социально-политической средой, способствующей имплантации в нее институционализированных политических конфликтов, является демократический общественно-политический климат. По этой причине некоторые политические конфликты становятся перманентными составляющими в структуре демократического государства и оказываются необходимым условием политического развития страны.

Resume. In the given article the author`s purpose is, first, to clarify the features of interpretation of the concept "institute" by representatives of various schools of political science. Secondly, proceeding from the previous thesis to reflect upon the concepts "an environment", "an order" as it is supposed that exactly institutes are means of ordering of the environment and entering of an order into it. Thirdly, to estimate the advantages of a democratic political order provided with democratic political institutes.

As a result of the analysis the author drew a conclusion that in modern political science there was a tradition of interpretation of the institutes from several positions: as norms, as the organizations as a steady type of behavior, however, prevailing is an idea of an institute as a norm. The author also considers that the mechanism of an institutionalization of political conflicts is one of the major institutes which are effectively participating in maintenance of a political order in the democratic state.

The author managed to prove that the optimum socio-political environment promoting an implantation the institutionalized political conflicts in it is the democratic political climate. For this reason some political conflicts become permanent components in structure of the democratic state and become a necessary condition of political development of the country.

Понятие «институт» считается одной из наиболее «старых» и прочно утвердившихся в науке социолого-политологических категорий, и, тем не менее, оно до сих пор вызывает острые дискуссии в процессе его концептуализации. Разночтения вызваны тем, какого подхода придерживаются исследователи в понимании природы институционализации. Так, Р. Скотт, используя метафору «колонны» (pillars), считает, что институт держится на трех «колоннах»: а) регулятивной; б) нормативной; в) когнитивной. Структуралисты, как правило, обращают внимание на «нормативную колонну», теоретики рационального выбора – на «регулятивную», а социальные конструктивисты фокусируются на «когнитивной колонне»¹. С 1980-х годов прошлого столетия институты стали переживать период «ренессанса», и сегодняшнее состояние в политической науке можно смело обозначить термином «институциональный бум»².

В значительной степени этому способствовали утверждение в реальной политической практике демократических политических режимов в постсоциалистических странах Центральной Европы и Балтии, реанимация, с одной стороны, активистской политической культуры, приобретенной ими еще в период между двумя мировыми войнами, с другой – формирование уже преимущественно гражданской политической культуры как квинтэссенции активистской и подданических культур в новых условиях.

Автор отдает себе отчет в том, что институты пусть и являют собой претендующие на господство факторы обеспечения определенного политического порядка, однако, благодатной, сопутствующей становлению демократии атмосферой является наличие таких человеческих факторов, как способность и готовность политической элиты находить адекватные ответы на вызовы времени, достаточный уровень компетентности граждан как избирателей, состояние массового сознания, допускающего вариативность представлений и мнений о должном в политическом настоящем и будущем страны. Как справедливо отмечает В.Н.Шилов, оперирующий близкими к нашей теме категориями, «для поддержания демократии в его процедурной версии важно, чтобы у населения было желание выбирать власть»³, «что касается избирателей, то они обязаны принимать результаты выборов, если не были нарушены правила, как должное, не оспаривая их. При этом они не стремятся к тому, чтобы в нарушение принятой процедуры навязать свою волю всему обществу, видя в ней единственную, абсолютную истину»⁴.

Осознавая чрезвычайную важность упомянутых факторов, мы сосредоточимся на институтах, как на своеобразном каркасе политических процессов, в которых общество нуждается, как при организации тех же выборов, так и при формировании адекватных переживаемому времени политических элит и т.д. По словам Б. Ротстайна, «с какой бы ситуацией ни сталкивался специалист в области политической науки, она так или иначе будет связана с политическими институтами. Поэтому основной проблематикой политической науки являются специфические характеристики политических институтов в реальном мире во всем их многообразии, определяемом временем и местом»⁵. Институты, конечно же, разной целевой и ценностной ориентаций по-разному востребованы демократическими и недемократическими политическими режимами. Однако в условиях недемократического политического порядка или дрейфа в сторону авторитарного политического устройства институты стремительно превращаются в симулякры, имитирующие институты.

В рамках предлагаемой статьи автор видит своей целью, во-первых, выяснение особенностей интерпретации понятия «институт» представителями различных школ политической науки с тем, чтобы определиться с наиболее предпочтительной интерпретацией в условиях нарастающих вызовов и угроз. Во-вторых, исходя из

¹ См. Панов П.В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка / П.В.Панов. М., 2011. С. 49.

² См. Зазнаев О.И. Политический институт // Категории политической науки: очерки Казань, 2007. С. 11.

³ Шилов В.Н. Демократическая политическая конкуренция и ее предпосылки: Йозеф Шумпетер и современность // Научные ведомости БелГУ. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2012. №1 (120). Выпуск 21. С.249.

⁴ Там же. С.251.

⁵ См. Bogdanor V. (ed.) The Blackwell Encyclopaedia of Political Institutions. P. 291.

предыдущего тезиса, подвергнуть рефлексии понятия «среда», «порядок», поскольку предполагается, что именно институты являются средствами упорядочивания среды и внесения в нее порядка. В-третьих, оценить преимущества демократического политического порядка обеспечиваемые демократическими политическими институтами.

Не вдаваясь в исторические подробности, отметим лишь тот факт, что лучшие умы человечества, озабоченные поиском оптимального типа общества, рассматривали различные формы правления, конституции и порождаемые ими политические режимы, которые могли бы обеспечить искомые модели политического устройства. В настоящее время в политической науке принято трактовать институты в нескольких ипостасях: как норму, как организации и как устойчивый тип поведения. Трактовка института как нормы сегодня является преобладающей в политической науке. Подобное понимание института принадлежит Нобелевскому лауреату Д. Норту, утверждавшему, что «институты – это «правила игры» в обществе»⁶. В почти подобном же ключе рассматривал институты Т. Парсонс, для которого они – «всеобщие модели норм, которые очерчивают категории предписанного, разрешенного и запрещенного поведения в социальных отношениях, для людей в их взаимодействии друг с другом как членов общества и его различных подсистем и групп»⁷. Однако правила поведения являются необходимым, но недостаточным условием для создания социального (политического) института. В трактовку института как нормы необходимо внести корректировку: институт – это реализованная в повседневной практике норма поведения, ставшая устойчивой и типичной⁸. Отсюда следует, что аутентичность ей придает такая характеристика, как имплантируемость, т.е. вживляемость, встраиваемость институтов в социальную, политическую среду.

Оперируя понятием «имплантация» в социально-политическом контексте, мы, конечно, рискуем навлечь на себя критику коллег, с недоверием относящихся к практике использования понятий и категорий из области естественных наук и медицины для объяснения сложных явлений и процессов. Однако хотим заметить, что гуманитарные науки давно и успешно используют из этих областей знаний приемлемые для общественных наук понятия (патология, гомеостаз, резистентность и др.), которые наиболее точно передают сущность происходящих в политике и иных общественных сферах процессов.

В нашем случае проблему создает неподготовленность окружающей имплантируемый институт социальной среды, которая может отторгнуть институт. Как в медицине импланту нельзя вживлять в тело человека, страдающего системным заболеванием (например, сахарным диабетом), так и в социально-политической практике не следует инкорпорировать институты в условиях политической нестабильности и социальной напряженности. Эффект будет один. Но среда может принять импланту при соблюдении определенных условий. Определяющим условием является структуризация среды, которая возможна «путем внесения в нее порядка»⁹.

Назначение некоторым искусственным способом созданных организационных систем, к которым можно отнести и конструирование демократического политического порядка, заключается в обеспечении функционирования определенной структуры с ее элементами, которые могут трансформироваться и трансформируются, но при условии, что цель остается прежней. В противном случае, когда функциональное изменение элементов переходит границы допустимого – нарушается целостность и система перерождается.

Обращение к понятию «среда» позволяет нам обнаружить теснейшую связь между институтом и категорией «порядок», поскольку вслед за В.Д. Могилевским «под порядком будем понимать устойчивость определенным образом ориентированных элементов среды»¹⁰. Именно институты способны выступать в качестве средства

⁶ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С.17

⁷ Barendt E. Separation of Powers and Constitutional Government // Public Law. 1995. P. 599.

⁸ См. Зазнаев О.И. Политический институт. С. 15.

⁹ Могилевский В.Д. Система власти и власть системы // Духовное наследие. 1998. №1. С.14.

¹⁰ Могилевский В.Д. Методология систем: вербальный подход. М., 1999. С. 127.

упорядочивания (структурирования) среды с ее определенным образом ориентированными элементами. Феномен «упорядочивания» считается приоритетным с того времени, когда стало ясно, что социальной реальностью можно управлять, воздействовать на нее в угоду интересам определенных субъектов.

Процесс упорядочивания, следовательно, может быть назван институционализацией порядка, что в политической науке и проделано. Однако нас интересует, прежде всего, политический порядок, но «теоретизируя по поводу порядка, многие крупные ученые избегают концепта «политический порядок»¹¹. Ученые прибегают к «нормативному», «социальному» и иным порядкам. Всегда вызывает вопросы соотношение «социального» и «политического» порядков по аналогии соотношения вообще «социального» и «политического». Кажущаяся очень простой эта постановка вопроса в действительности содержит определенную интригу, смысл которой заключается в том, что далеко не всегда политический порядок является встроенным элементом социального порядка. Для повседневной жизни характерна расширительная трактовка политики, когда любая целенаправленная деятельность, начиная с государства, политических партий и заканчивая отношением «умной жены, которая стремится управлять своим мужем»¹², называется политикой. Однако такая трактовка выхолащивает сущность политики и перспектив использования в политической науке не имеет.

Кроме того, существует противопоставление социального и политического, которое сводится в одном случае к утверждению, что «политическое – принципиально иной вид деятельности, это общение свободных от материальных забот граждан по поводу достижения общего блага»¹³. Подобное толкование берет свое начало еще с эпохи античности. Аристотель вообще отказывал в праве на политику, политическое тем племенам, которые не были способны производить общее благо. Именно общее благо становится здесь основанием институционализации политического порядка. Иные мотивы, претендующие на роль фундамента политического порядка, рассматривались как разрушительные для существующего статус-кво. Притягательная во всех отношениях трактовка политического как категории, содержанием которой является всеобщее благо, так и осталось уделом этического понимания политики.

В современных условиях противопоставление социального и политического порядков продолжается. В этом направлении существенно преуспели представители структуралистских концепций. Так, американский социолог Т. Парсонс различал макро- и микроуровни социальных взаимодействий и, таким образом, «возникает аналитическое различие между институционализацией порядка в «обычных» социальных системах»¹⁴ и «социетального»¹⁵ порядка, который институционализируется в масштабах всего общества»¹⁶, который, по Парсонсу, совпадает с «национальным государством» (nation-states).

В современном обществе уже нельзя ограничиваться социальным порядком, который поддерживается на микроуровне – необходим социетальный порядок на уровне макросреды. Поэтому с большой осторожностью мы, очевидно, вправе говорить, что институционализация социетального порядка имеет определенное отношение к институционализации демократии, представляющей собой такой политический порядок, который устойчиво воспроизводится большинством членов nation-states, исходя из демократических норм и «правил игры».

При этом следует помнить, что многое зависит от состояния среды, куда и вносится порядок. Представляется, что на роль оптимальной социетальной среды – в плане приемлемого уровня агрессивности, – сопутствующей встроенности в нее

¹¹ Панов П.В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка // Российская политическая энциклопедия. М., 2011. С. 65.

¹² Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С.644.

¹³ Панов П.В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. С.68-69.

¹⁴ Панов П.В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. С. 69.

¹⁵ Термин, применяемый в социологии для обозначения отношений и процессов в наиболее сложных социальных системах с развитым управлением, социально-классовыми структурами и институтами.

¹⁶ Панов П.В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. С.69.

институционализированного политического конфликта, понимаемого как нормы в виде жестко установленных правил игры в обществе, является демократическая институциональная среда. Именно в ней некоторые политические конфликты получают перманентную «прописку», что становится необходимым условием политической устойчивости и демократического развития страны. Не случайно политика в демократическом обществе воспринимается как сфера человеческой деятельности, в основе которой лежат разрешение и воспроизводство конфликтов, изучение и управление ими с целью дальнейшего прогресса этой сферы.

Механизм институционализации политических конфликтов в реальной политике, функционирующий при участии совокупности различных политических институтов (государства и гражданского общества в целом, парламента, правительства, президента, конституционного суда, институтов гражданского общества – в частности), находится, как нам представляется, в альтернативном состоянии. Либо он принимается носителями массового и элитарного сознания, либо отвергается. Когда ситуация складывается по второму сценарию, то с течением времени может быть трудный возврат к пониманию необходимости реинституционализации механизма институционализации политических конфликтов. Если априори он уже какое-то время существовал и доказал свою полезность в целях обеспечения эффективности политической системы.

Следует отметить, что институты интерпретируются и как организации, что тоже вызывает споры в институционалистском дискурсе, поскольку существует представление о дихотомичности понятия: института как нормы и института как организации. По Ж. Блонделю, «нет четких различий между институтами и процедурами, так как институты есть наборы процедур. Политическая партия – это институт: она также представляет собой набор процедур, по которым выбираются лидеры, принимаются решения, организуются избирательные компании...»¹⁷. Однако сторонники рационального подхода настаивают на разведении института и организации. Они исходят из того, что, если институты есть «правила игры», то игроки должны быть отделены от правил. Д. Норт по этому поводу отмечал: «Организация – это группа людей, объединенных стремлением сообща достичь какой – либо цели, и в этом качестве она является не институтом, а актором, тогда как институты – это «правила игры», по которым протекает взаимодействие между акторами»¹⁸. Следовательно, Норт четко разводит институты и организации, хотя отмечает, что «между этими понятиями есть общее: подобно институтам, организации структурируют взаимоотношения между людьми»¹⁹. И, тем не менее, если рассматривать институты как ограничительные рамки, то из людей они состоять не могут, хотя границы дозволенного определяются людьми в результате достижения согласия или путем навязывания своей воли обладателем властных ресурсов.

Трактовка института как устойчивого типа поведения также не отличается однозначностью интерпретации. Человеческое поведение само по себе не является ни правилом, ни организацией²⁰. С. Хантингтон по этому поводу отмечает, что «институты – стабильные, ценные, повторяющиеся модели поведения»²¹. Это означает, что институционализация характеризуется беспрестанной повторяемостью образцов поведения, а институт, таким образом, является определенным правилом поведения, в соответствии с которым, в общем-то, известно, какой линии поведения придерживаться человеку, чего ему ожидать в случае выхода за рамки предписанных действий.

В рамках функционирования механизма институционализации политических конфликтов, на наш взгляд, представлены все только что рассмотренные разновидности институтов. Например, конституционный принцип разделения властей, являющийся одним из инвариантных компонентов обеспечения институционализации определенной разновидности политических конфликтов, предстает как норма, способствующая децентрализации власти, разделению ее полномочий по функциям и уровням компетенции и ответственности. Так, Э. Барендт доказывает, что «разделение властей

¹⁷ См. Bogdanor V. (ed.) The Blackwell Encyclopaedia of Political Institutions. P. 291.

¹⁸ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. С.19-20.

¹⁹ Там же. С.17.

²⁰ Зазнаев О.И. Политический институт. С. 22.

²¹ Huntington S. Political Order in Changing Societies. New Haven and London, 1968. P. 12.

может служить получению, по крайней мере, четырех демократических «выгод»: 1) защите от произвола власти; 2) защите от господства законодателя; 3) предотвращению автократии; 4) повышению эффективности государственного управления»²².

Представительная, исполнительная и судебная ветви власти, на наш взгляд, являются собой совокупность институтов организационного характера со своими структурами и функциями, закономерностями в отпращивании властных полномочий. Институты, обеспечивающие безопасное протекание политических конфликтов в институциональных рамках, есть не что иное, как устойчивый тип поведения, который иногда, по С. Хантингтону, называют процессом, продолжающимся в течение определенного времени. Если институционализация политического конфликта предстает как процедурный консенсус, т.е. как согласие в «правилах игры», позволяющее достигнуть баланса между демократическим одобрением и эффективностью политической системы, то мы имеем такой тип социального взаимодействия, в рамках которой поведение его субъектов становится устойчивым, прогнозируемым и ожидаемым в качестве нормы поведения.

Однако институционализация есть процесс довольно сложный и поэтому, как предлагает С. Хантингтон, следует говорить о разных уровнях институционализации организаций и процедур. При этом им дифференцируются четыре критерия институционализации: адаптивность – ригидность, сложность – простота, автономия – подчинение, сплоченность – раздробленность²³.

Отталкиваясь от представлений С. Хантингтона, можно с определенной долей уверенности предположить: чем более адаптивна конструкция политического конфликта и его субъектов (в данном случае ветвей власти – парламента, правительства и суда), тем выше уровень ее институционализации, а, значит, устойчивости. Чем больше требований предъявляет среда, тем более адаптивна организация при условии сохранения ею способности к структуризации среды. При этом требования внешней среды успешно организацией реализуются с помощью реструктуризации самой системы.

Кроме того, Хантингтон считает, что уровень институционализации организации определяется ее возрастом, который измеряется с трех позиций: чисто хронологически: чем дольше существует организация или процедура, тем выше уровень ее институционализации; как поколенческий возраст: пока во главе организации остается первое поколение ее лидеров, адаптивность организации остается под сомнением; чем чаще организации пришлось решать проблему мирного перехода власти из одних рук в другие, и чем чаще сменялись ее руководители, тем выше уровень ее институционализации; функционально: организация, адаптировавшаяся к изменениям в окружающей среде и пережившая одно или несколько изменений в своих основных функциях, имеет более высокий уровень институционализации, чем та, которая этого не переживала; руководители и члены этой организации начинают ценить ее ради ее самой, и она обретает собственную жизнь, не сводящуюся к конкретным функциям – «в этом триумф организации над ее функцией»²⁴. Один из общепризнанных конституирующих признаков демократии как раз и предполагает периодическую выборность основных органов власти, причем на ограниченный срок, обеспечиваемую еще одним институтом – демократическими выборами, которые в условиях устойчивой демократии представляют собой институционализированный политический конфликт.

По Хантингтону, чем сложнее организация, тем выше уровень ее институционализации. Сложность может выражаться в умножении организационных структур и дифференциации отдельных типов организационных подразделений. Кроме того, организация, преследующая много целей, в большей мере способна адаптироваться к потере какой-либо одной цели, чем организация, преследующая одну цель. Опираясь на классические политические теории, утверждает С. Хантингтон, можно прийти к выводу о том, что простые формы правления имеют больше всего шансов для вырождения, в то время как государство смешанного типа с большей вероятностью

²² Barendt E. Separation of Powers and Constitutional Government // Public Law. 1995. P. 599.

²³ Huntington S. Political Order in Changing Societies. P. 32-42.

²⁴ Ibid. P. P. 32-42.

окажется устойчивым²⁵. В данном случае речь идет об институциональном и функциональном разнообразии потенциальных и реальных возможностей демократических политических систем в сравнении с авторитарными, которые к подобному разнообразию не стремятся, полагая, что именно они являются факторами нестабильности в сфере политики.

Аспект автономии, на который так же указывает С. Хантингтон, означает, что политические организации и процедуры не являются простыми выразителями интересов конкретных общественных групп²⁶. Для институционализированной системы политического конфликта, на наш взгляд, необходимо наличие механизма защиты автономности субъектов политического конфликта путем ограничения воздействия на них со стороны политически активных членов группы и замедления вхождения новых групп в сферу политического соперничества. В данном случае может и должен сработать один из принципов управления конфликтом – ограничения числа участников конфликта и доведения до ситуации, когда конфликтующие остаются «один на один» друг с другом.

Таким образом, проведенный анализ роли институтов в обеспечении политического порядка в демократическом государстве, дает основание для следующих выводов:

– в современной политической науке определенно сложилась традиция интерпретации институтов с нескольких позиций: как нормы, как организации, как устойчивого типа поведения, однако, преобладающим остается представление об институте как о норме;

– несмотря на преобладающую роль институтов в обеспечении политического порядка, сопутствующими становлению демократии являются такие внеинституциональные факторы, как способность и готовность политической элиты находить адекватные ответы на вызовы времени, достаточный уровень компетентности граждан как избирателей, состояние массового сознания, допускающего вариативность представлений и мнений о должном в политическом настоящем и будущем страны;

– в трактовку института как нормы необходимо внести корректировку: институт – это реализованная в повседневной практике норма поведения, приобретающая устойчивый характер, поэтому аутентичность ей придает такая характеристика, как имплантируемость, т.е. вживляемость, встраиваемость институтов в социальную, политическую среду;

– в социально-политической практике не следует инкорпорировать институты в условиях политической нестабильности и социальной напряженности, однако, среда может принять импланту при условии структурированности среды, которая возможна «путем внесения в нее порядка»;

– механизм институционализации политических конфликтов является одним из важнейших институтов, эффективно участвующих в поддержании политического порядка в демократическом государстве;

– оптимальной социально-политической средой, способствующей имплантации в нее институционализированных политических конфликтов, является демократический общественно-политический климат. По этой причине некоторые политические конфликты становятся перманентными составляющими в структуре демократического государства и оказываются необходимым условием политического развития страны.

²⁵ Ibid. P. 32-35.

²⁶ Ibid. P. 32- 35.

УДК 321.01:316.73

**О ВОЗРАСТАНИИ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ФУНКЦИИ
ГОСУДАРСТВА: РОССИЙСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ****ABOUT INCREASE CULTURAL-EDUCATIONAL FUNCTION OF THE
STATE: THE RUSSIAN MEASUREMENT OF A PROBLEM****С.А. Шачнев****S.A. Shachnev**

*Брянский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Россия, 241050, г. Брянск, ул. Горького д.18*

*Bryansk branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Str. Gorkogo, 18, Bryansk, 241050, Russia*

E-mail: info@br.ranepa.ru

Ключевые слова: культура, модели взаимодействия государства и культуры, государственная культурная политика, культурология.

Keywords: culture, models of interaction between state and culture, the state cultural policy, cultural studies.

Аннотация. В статье актуализируется проблема реализации социокультурной функции государства, обосновывается необходимость проведения эффективной государственной культурной политики как фактора всестороннего преобразования современного российского общества. Обращается внимание на происходящие изменения в институциональном поле культуры, обусловленные появлением новых участников культурной деятельности, таких как негосударственные некоммерческие и коммерческие организации. На основании существующих моделей взаимодействия культуры и государства аргументируются выводы о важности координации деятельности разнообразных субъектов управления сферой культуры, приоритете многосубъектной, многоканальной системы финансирования культурной деятельности. Рассматриваются перспективные направления государственной поддержки формирования культурного типа личности. Это касается профессиональной подготовки кадров, культивирования культурологического знания, активизации институтов социализации личности, призванных поддерживать в обществе уважение к национальным традициям и ценностям, родному языку, самобытной культуре, отечественной истории, всего того, что способствует формированию общегражданской идентичности, укреплению российского государства и единства общества.

Resume. The article actualizes the problem of realization of social and cultural functions of the state, justifying the need for effective state cultural policy as a factor in the comprehensive transformation of the modern Russian society. Attention is drawn to changes in the institutional field of culture, owing to the emergence of new participants in cultural activities, such as non-commercial and commercial organizations. On the basis of existing models of interaction between culture and the state reasoned conclusions about the importance of coordination, the various subjects of management in the sphere of culture, the priority of multi-actor, multi-channel system of financing cultural activities. Discusses promising directions of the state support of formation of cultural personality type. This applies to professional training, the cultivation of cultural knowledge, promote the institutions of socialization designed to maintain public respect for national traditions and values, native language, culture, history, everything that contributes to the formation of civil identity, the strengthening of the Russian state and of the unity of society.

Любое общество, как известно, проявляет себя в культуре. Будучи его особой подсистемой, культура пронизывает все без исключения состояния социальной жизни, и нет ни одного социального феномена, который был бы изолирован от влияния культуры и не нес бы на себе отпечаток ее воздействия. Культура становится своеобразным силовым полем, символическим пространством общезначимых идей и представлений, воплощающих рефлексивный опыт динамично развивающегося общества. Говоря

словами Н.А. Бердяева, «ценность и качество общественного» измеряется «высоким качественным уровнем культуры»¹.

Тем не менее, в нашем обществе на протяжении последних десятилетий приоритетное внимание уделялось развитию экономики, тогда как культуре отводилась явно второстепенная роль. Как результат – неразвитость экономических, правовых и организационных основ культурной деятельности, хотя именно культура, как показывает исторический опыт, в условиях ускорения и усложнения социальных процессов способна стать одним из основных источников общественного благосостояния. Следовательно, политика государства в области культурного развития, трактуемая как совокупность принципов и норм, которыми руководствуется государство в своей деятельности по сохранению, развитию и распространению культуры², должна быть достаточно эффективной. Это обязывает государство как важнейшего субъекта культурной политики по-новому взглянуть на иерархию осуществляемых им функций.

Как нам представляется, ныне, наряду с экономической, на первый план выдвигается культурно-просветительская функция государства. Это обуславливается, во-первых, качественными изменениями в экономической сфере, предъявляющей человеку такие требования, которые он может выполнить, лишь преобразуя самого себя, поднимая уровень собственного развития на новую, более высокую ступень. Отсюда понятно, что задачу формирования нового человека в силу своей сложности и масштабности посылить решать только государству, причем государству сильному и эффективному.

Государство призвано самым активным образом совершенствовать и развивать систему национального образования, поскольку, как справедливо полагает А.Д. Керимов, образование стоит в ряду «наиважнейших ценностных ориентиров, аксиологических установок, в связи с чем повышение интеллектуального уровня индивида, покорение им новых высот знания мыслится в первую очередь как самоценность, а не только как средство для приобретения материальных благ, карьерного роста, рассматриваемых зачастую в качестве единственно безусловных критериев жизненного успеха»³.

Во-вторых, общество нуждается в государственной поддержке науки как социокультурном феномене, ведь наука развивается в социокультурном пространстве, оставаясь неотъемлемой частью культуры. Влияние ценностных факторов культуры на формируемые в ее лоне картины мира, стиль научного мышления, нормы и идеалы научности неоспоримы. Культура порождает ценностные установки, ценностные отношения. Ценности – это не просто заданные человеку регулятивы, нормы-заповеди или субъективные установки. Они субстантивированы, относительны и фундаментальны. Это обусловлено их культурным происхождением. В этой связи представляется актуальным замечание известных ученых – Г.В. Осипова и В.Н. Кузнецова, высказанное ими еще в начале 2000-х годов о том, что «в любом развитом государстве промышленность платит науке за то, что ей нужно сегодня, а за то, что ей нужно завтра, платит государство»⁴.

Разумеется, государство должно быть ответственно за развитие всей социокультурной инфраструктуры. Речь идет о музеях, театрах, библиотеках, клубах, домах творчества, творческих художественных коллективах и проч. К сожалению, повсеместная передача основной массы учреждений российской культуры на уровень местного самоуправления при отсутствии их достаточного финансирования негативно сказалась не только на состоянии институтов культуры, но и на обществе в целом. Об этом свидетельствует положение, в котором оказались сельские библиотеки и клубы, дома и студии детского художественного творчества.

Одна из наиболее острых проблем – территориальные различия в развитии культуры регионов, неравные возможности в удовлетворении культурных запросов

¹ Бердяев Н.А. Письмо тринадцатое. О культуре // *Философия неравенства*. М., 1990. С. 247.

² Терновая Л., Лоло М. Государство в современном мире (опыт трансдисциплинарного обучения и преподавания). М., 2013. С. 258.

³ Керимов А.Д. Государственная организация общественной жизнедеятельности: вопросы теории. М., 2014. С.167.

⁴ Осипов Г.Н., Кузнецов В.Н. Социология и государственность: достижения, проблемы, решения. М., 2005. С. 200.

людей, слабость местных культурных инициатив на местах, меценатства, спонсорства и т.д. Поэтому сегодня нам нужна такая государственная культурная политика, которая способна запустить действенные механизмы улучшения социокультурной ситуации в стране в целом, и в регионах в частности.

Предстоит совершенствование взаимодействия между различными секторами культуры, более эффективное объединение ресурсов государства, частного и корпоративного секторов. В настоящее время в России только формируется модель взаимодействия культуры и государства. Она не укладывается ни в одну из предлагаемых учеными классификаций. Так, О.В. Богачевой выделяется государство-вдохновитель, осуществляющее косвенное влияние на культуру, стимулирующее спонсорство и меценатство, предоставляющее налоговые льготы (Швейцария, США); государство-патрон, создающее посреднические структуры для распределения средств на культурное развитие (Великобритания, Нидерланды); государство-архитектор, оказывающее активное влияние на развитие культуры через систему государственного аппарата ((Швеция)⁵.

В классификации А. Каменец есть государство-помощник, стимулирующее частные вложения в культуру (США), государство-архитектор, финансирующее культурные программы (Франция), государство-инженер, располагающее собственной фундаментальной материальной базой в сфере культуры (страны Восточной Европы), государство-меценат, действующее через специальные советы искусств, которые распределяют субсидии, поддерживают различные организации культуры⁶.

М. Драгичевич-Шешич и Б. Стойкович, изучив практики взаимодействия культуры и государства, в своей типологии предлагают: а) либеральную модель, где государство провозглашает нейтралитет в области культуры, не вмешивается в ее автономию (США); б) частично-государственную модель, для которой характерно делегирование обязательств государства в области культуры специальному органу – художественному совету (Великобритания); в) бюрократически-просветительскую модель, где установлен абсолютный государственный контроль над культурой (Голландия); г) престижно-просветительскую модель, предполагающую государственную ответственность за сохранение национального достояния, поскольку это связано с престижем страны на международном уровне (Франция); д) национально-эмансипационную модель, основанную исключительно на господствующей роли государства в сохранении самобытной культурной традиции (характерна для развивающихся стран)⁷.

Указанное многообразие моделей, безусловно, сказывается на способах финансовой поддержки социокультурной сферы. По нашему мнению, многосубъектная, многоканальная система финансирования выступает, несомненно, положительным фактором развития культуры, так как создает альтернативные возможности и для творческой личности, и для учреждений культуры. Однако все же требуется разумное сочетание коммерческого и некоммерческого секторов культуры в целях приумножения существующего фонда культурных ценностей. И помочь в этом может только цивилизованный культурный рынок, который существует во всех странах.

Такой рынок культурного спроса и предложения постепенно формируется и в России; он имеет свои механизмы и структуры, своих производителей и потребителей, свои каналы распространения и ценовые стратегии. У нас появились частные галереи, издательства, киностудии, фирмы по организации различных шоу, существенно расширился спектр периодических изданий. Разработаны обучающие компьютерные программы, позволяющие получить знания в области литературы и искусства.

⁵ Богачева О.В. Государственное финансирование сферы культуры и искусств (опыт индустриально развитых стран) // Вопросы экономики. 1996. № 10. С. 64-65.

⁶ Каменец А.В. Культурная политика и современная социокультурная ситуация. Методологические основы системы управления на федеральном и региональном уровнях в сфере культуры // Ориентиры культурной политики. М., 2004. С. 112-123.

⁷ Драгичевич-Шешич М., Стойкович Б. Культура: менеджмент, анимация, маркетинг. Новосибирск, 2000.

Это не означает, однако, что государства в культуре должно становиться все меньше. Из мировой практики известно, что в Великобритании, например, 48 % средств, затраченных на нужды культуры, выделяются из госбюджета, 5 % предоставляют частные фонды, 47 % учреждений культуры зарабатывают сами⁸.

В ФРГ федеральное правительство покрывает до 4 % общих затрат на культуру. Министерства культуры отдельных земель выделяют на эту сферу до 45 %⁹. Все остальные затраты (примерно половину) приходятся на муниципальную власть, общественные и частные фонды. Характерно, что муниципалитеты не оставляют без внимания «свободные» театры и творческие коллективы, субсидируя их в случае финансовых затруднений. Муниципальные власти ФРГ отдают приоритет защите от банкротства большому числу центров национального искусства, поддерживая, таким образом, культурную идентичность общества.

Во Франции государственные учреждения культуры получают из бюджета государства 100 % финансирование, что составляет 80 % бюджета на культуру вообще. Остальные 20 % бюджета распределяются на конкурсной основе среди негосударственных организаций и проектов¹⁰.

Государственное субсидирование культурных организаций в Австрии составляет от 75 % до 100 %¹¹. Многосубъектность культурной политики, разрозненность источников финансирования отличает Италию, где бремя расходов на культуру поделено между несколькими ведомствами правительства и уровнями власти (центральной - 52,2 %, региональной - 14,6 %, провинциальной - 3 % и муниципальной - 30,2 %)¹². При этом часть госрасходов компенсируется активным корпоративным спонсорством. Например, многие памятники во Флоренции восстановлены благодаря фирме «Оливетти», знаменитый музей современного искусства в Турине целиком содержится за счет городских предприятий и банков. В целом же частное меценатство и благотворительность в культурной сфере европейских стран не охватывают всего спектра культурной инфраструктуры, и роль государства в приумножении национального культурного достояния здесь всегда остается решающей. Следует согласиться с тем, что доминантой современной культурной политики России должен стать переход от «государства-мецената» к «государству-инвестору»¹³, обеспечивающему формирование эффективной культурной среды и рост человеческого капитала с помощью адекватных бюджетных механизмов.

Для государства в современных условиях становится важным формирование культурного типа личности в процессе ее профессионального обучения. Парадоксально, но факт: по данным ВЦИОМ (опрос 2014 года), больше половины респондентов отмечают погашение культурного уровня граждан, 59 % указывают на то, что такая тенденция наметилась в последние 5 лет¹⁴. Спрашивается, как при таком уровне массовой инкультурации строить инновационную экономику, входить в знаниевое преобразование общественных порядков? Очевидно, что культурологическому знанию необходима государственная поддержка.

Следует сказать, что в последнее время число профессий, совместимых с культурологической подготовкой, постепенно расширяется. Наряду с этим ощущается дефицит экономистов, юристов, инженеров и других специалистов, способных грамотно учитывать в своей профессиональной деятельности культурологические проблемы. Особо в этом ряду следует выделить управленцев, администраторов, большинство из которых напрямую связаны с участием в социокультурной регуляции в обществе и, следовательно,

⁸ Шендрик А.И. Социология культуры. М., 2005. С. 477.

⁹ Там же. С. 478.

¹⁰ Многоканальное финансирование культуры. URL: <http://lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0129325>

¹¹ Там же.

¹² Миронова Т.Н. Сохранение культурного и природного наследия как главная черта культурной политики Европейского региона: Италия // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 2. С. 45.

¹³ Основы государственной культурной политики. Концепция Минкультуры. URL: <http://rusrand.ru/events/osnovy-gosudarstvennoj-kulturnoj-politiki-kontseptsija-minkulta>

¹⁴ Россияне отметили снижение культуры населения в последние три – пять лет. URL: <http://www.km.ru/v-rossii/2014/02/25/vserossiiskii-tsentri-izucheniya-obshchestvennogo-mneniya-vtsiom/733236-rossiyane>

не имеют права быть в стороне от культурологических знаний, дающих ключ к пониманию и оценке многих противоречивых явлений и тенденций.

Приоритеты государственной поддержки российской культуры изложены в *Концепции «Основы государственной культурной политики»*¹⁵. Документ исходит из того, что осуществить экономическую и социальную модернизацию страны, выйти на путь интенсивного развития невозможно без планомерных и последовательных инвестиций в человека, в качественное обновление личности. Это оказывается невозможным без закрепления системы ценностей, а поскольку культура есть исторически сложившаяся система ценностей и норм поведения, закреплённая в материальном и нематериальном культурном и историческом наследии, постольку именно она, культура выступает объединяющей основой российского общества и двигателем прогресса¹⁶.

Институты социализации личности призваны в связи с этим культивировать уважение к родному языку, к самобытной культуре, к памяти своих предков, к каждой странице отечественной истории. Именно это и служит фундаментом нашего единства, залогом укрепления российской государственности.

Сегодня, когда остро стоит проблема формирования гражданской идентичности, возрастает практическая востребованность развития культурологии как молодой отрасли научного знания. Оставим при этом скептические рассуждения о сложностях выделения науки о культуре в особую отрасль науки. Действительно, не существует культуры в единственном числе: она предстает как множество культур, но ведь очевидно и то, что культура охватывает все стороны человеческой жизнедеятельности. И, как справедливо замечает А.П. Маркин, «культурологический дискурс не только анализирует, интерпретирует и понимает, но и «собирает» культурную реальность, разбросанную по проблемным областям гуманитарного знания, онтологизирует культуру как целостность»¹⁷. Только таким образом можно понять общие закономерности развития культуры, исследовать ее как особую сферы деятельности и как способа объективации человеческого сознания и самоидентификации.

Требуется внимания еще одна ипостась культурологии – культурология как учебная дисциплина. Она введена в вузах, в некоторых колледжах и даже школах. Почти повсеместно – это курсы, знакомящие с краткой историей искусств и ремесел, основами художественной литературы, началами этических и эстетических знаний, историей цивилизаций, современной культурной индустрией и др. К сожалению, довольно часто в учебных планах культурология находит место в дисциплинах по выбору или даже факультативных курсах. За этим просматривается традиционная недооценка культуры, ее извечное «остаточное» существование. Вместе с тем, нельзя не видеть стремления к осмыслению нового смысла культурной политики в современной России. В стадии разработки находится федеральный закон о культуре. Минкультуры России совместно с «Российским фондом культуры» работает над созданием одноименной общественно-государственной организации с целью содействия общественности в осуществлении государственных функций в сфере культуры.

Его: российское государство, озабоченное, наконец, перспективой благополучия общества, начинает понимать, что культура – это исходное, определяющее всю жизнь от альфы до омеги. Преодоление девальвации общепризнанных ценностей, деформации исторической памяти, атомизации общества ставят перед необходимостью российскую власть озаботиться состоянием эффективности культурно-просветительской миссии государства.

¹⁵ Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении основ государственной культурной политики». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172706/

¹⁶ «Основы государственной культурной политики» // Известия. 10 апреля 2014 года.

¹⁷ Культурология как наука: за и против. Круглый стол. Москва, 13 февраля 2008 года. СПб, 2009. С. 85.

УДК 329.14:378

**РОЛЬ И ФУНКЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
В ОБЩЕСТВЕННОМ РАЗВИТИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ
СОВРЕМЕННОЙ ДОКТРИНЫ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ**

**THE ROLE AND FUNCTIONS OF HIGHER EDUCATION
IN SOCIAL DEVELOPMENT THROUGH THE PRISM
OF THE MODERN DOCTRINE OF SOCIAL-DEMOCRACY**

В. А. Пашков**V.O. Pashkov**

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, Украина, 61022, г. Харьков, площадь Свободы 4

N. Karazin Kharkiv National University, Svobody Sq. 4, 61022, Kharkiv, Ukraine

E-mail: viktor.pashkov.88@mail.ru

Ключевые слова: высшее образование, социал-демократия, равенство образовательных возможностей, доступность образования, социальная справедливость, образовательная политика, общественное благо.

Keywords: higher education, social democracy, equality of educational opportunities, access to education, social justice.

Аннотация. Рассматривается понимание роли и функций высшего образования в общественном развитии в рамках современной доктрины социал-демократии. Автор раскрывает ценностные основы социал-демократической трактовки миссии высшего образования и сущность практических мер образования, порождаемых данными идейными установками. Обосновывается, что миссия вузов социал-демократами понимается и интерпретируется как служение общественным интересам через воспроизводство человеческого капитала высокого качества, а главная ценность социал-демократии – справедливость – воплощается в образовании в требовании доступности образования через равенство образовательных возможностей. Также в статье анализируются основные доводы социал-демократов неэффективности рыночных механизмов в образовательной сфере, необходимости государственной поддержки высшего образования и реализации режима позитивной дискриминации в отношении определенных социальных групп при доступе к образовательным благам.

Resume. The article studies understanding of the role and functions of higher education in social development within the framework of the modern doctrine of Social-Democracy. The author reveals the value basis of the Social Democratic interpretation of the mission of higher education and the essence of practical measures in education, generated with ideological attitudes. It is proved that the mission of universities in Social Democratic interpretation understood as serving the public interest through the reproduction of human capital of high quality, and the main value of social democracy - justice - is embodied in the requirement of access to education. The state is the main guarantor of social justice in education through the provision of equality of educational opportunities. The article also analyzes the main arguments of the Social-Democrats about market failure in the sphere of education, the need of state support for higher education and the implementation of the regime of positive discrimination against certain social groups.

Социал-демократия, возникнув в последней трети XIX в., как ревизия основных положений классического марксизма, в настоящее время остается ведущим течением левой части политико-идейного спектра, особенно в Западной Европе. По мнению социал-демократов, решающим условием трансформации капитализма в социализм является обеспечение социальных прав трудящихся, в том числе и доступности образования всех уровней, что ведет к свободному развитию личности и всего общества. Если в марксизме центральной ценностью является равенство, а солидарность ограничивается внутриклассовыми рамками, то социал-демократия основной ценностью провозглашает справедливость, а понятие солидарности расширяется до границ всего общества (как внутри социально-классовых общностей, так и между ними). Образование, особенно высшее, должно служить не классовым, как в марксизме, а общественным интересам, уменьшая межгрупповую социальную дистанцию и содействуя социальному взаимопониманию.

Образование должно выступать в качестве социального клея, скрепляющего отдельных индивидов и социальные группы в единое общественное целое на основе общих ценностей и целей, понимания общности прошлого и перспектив в будущем, формирования общего коллективного самосознания. Доступность общественных, в том числе образовательных, благ всем слоям населения рассматривается социал-демократами как один из главных показателей открытости, а следовательно и прогрессивности и демократичности общественных отношений¹. Современная социал-демократия в сфере высшего образования ищет середину между сохранением ведущей роли государства в производстве образовательных услуг, что обеспечивает справедливость их распределения, и необходимостью приближения образования к потребностям экономики и общества через гармонизацию отношений высшей школы с социальной средой. Фактически современные социал-демократы во время разработки и проведения образовательной политики пытаются решить фундаментальное противоречие между экономической эффективностью и социальной справедливостью.

Общими принципами социал-демократической образовательной политики являются:

- 1) Высшее образование является общественным благом;
- 2) Ведущая роль государственного сектора в производстве образовательных услуг;
- 3) Высшее образование является инструментом сглаживания, выравнивания поляризованной социальной структуры, преодоления социального неравенства;
- 4) Доступность образования – главная цель образовательных реформ;
- 5) Приоритет социальных интересов, общественного блага над экономической рациональностью;
- 6) Склонность к сохранению равенства правового статуса учебных заведений, неприятие идеи социальной иерархизации учебных заведений. Этот принцип служит символом справедливости, равенства в образовании и отсутствии социальной селекции;
- 7) Введение идеи позитивной дискриминации и перераспределения ресурсов в пользу отдельных групп учащихся (представителей этнических и расовых меньшинств, выходцев из малообеспеченных семей, женщин), требующих дополнительного внимания для полноценной реализации их образовательных потребностей;
- 8) Предоставление учебным заведениям более широкой автономии, децентрализация управления отраслью;
- 9) Предпочтение отдается коллективным формам вузовского управления;
- 10) Привлечение академического сообщества к реформированию отрасли, то есть сочетание шагов «сверху» и «снизу»;
- 11) Неприятие концепции свободного рынка в образовании, но признание возможности ограниченного использования рыночных механизмов в целях повышения эффективности государственного сектора высшего образования, что воплощается в создании государственного квазирынка образовательных услуг;
- 12) Введение идей и механизмов социального партнерства в управление и финансирование высшего образования.

Для рассмотрения нашей темы целесообразным будет уточнить на концептуальном уровне трактовку некоторых ключевых понятий, которыми мы будем оперировать в дальнейшем.

Социальная справедливость в сфере высшего образования – это доступность образовательных благ в одинаковой степени для всех социальных групп и слоев в обществе.

Равенство образовательных возможностей – равные шансы представителей разных социальных групп на получение образовательных благ.

Политика выравнивания в образовании – политика, направленная на выравнивание шансов граждан на получение высшего образования, устранения существующей дифференциации в доступе к образовательным благам.

¹ Абрамов Р. Н. Трансформации академической автономии // Вопросы образования. 2010. №3. С. 76.

Коммерциализация высшего образования – процесс инкорпорации рыночных ценностей в образовательную и научно-исследовательскую деятельность вузов, в результате чего образовательные услуги и результаты исследований приобретают характер товара, а сами вузы становятся все более похожими на предприятия.

Социал-демократы рассматривают вузы как образовательно-культурные организации, «маяки» общественного развития, которые с одной стороны отражают потребности общественного развития, а с другой опережают его, способствуя оптимизации социальных, экономических, политических и образовательно-культурных процессов. Общественная миссия высшей школы видится социал-демократам в формировании качественного кадрового продукта для общества – высококвалифицированных и образованных специалистов и граждан, которые будут способствовать экономическому развитию, поддержке социального мира и демократии. Исходя из этого, приоритетом в деятельности вузов как интеллектуальных корпораций должно быть не увеличение или получения прибыли, а обеспечение всестороннего, динамичного и устойчивого развития личности, общества, культуры, экономики и государства². Государство и общество, в свою очередь, должны постоянно инвестировать в развитие образовательной сферы как ключевой отрасли по формированию будущего. Государство и институт образования имеют общее назначение – улучшение качества жизни общества, а потому ради достижения общественного блага и социальной справедливости государство должно контролировать систему образования и нести основное финансовое бремя по ее функционированию. Фактически культурно-просветительские и воспитательные возможности влияния образования становятся инструментом государственной политики, подчиняются общественным интересам.

Главная ценность социал-демократии – справедливость – при проекции на образовательную сферу воплощается в требовании доступности образования. Прежде всего, это означает равенство образовательных возможностей на входе (стартовых возможностей), что предусматривает ликвидацию или уменьшение препятствий, стоящих на пути представителей меньшинств в доступе к образованию. Каждый имеет право на образование и не может быть лишен его. Понятие меньшинства трактуется достаточно широко и охватывает этнонациональные, культурные группы, группы населения с низкими доходами, инвалидов. Это означает введение в сфере высшего образования режима позитивной дискриминации, то есть предоставление льгот, адресной финансовой поддержки для получения высшего образования представителями социально уязвимых слоев общества, введение системы квотирования для определенных категорий граждан.

В своих философских размышлениях социал-демократы исходят из того, что личностный потенциал и социальный статус, заложенный в человеке при рождении, сам по себе является существенным фактором формирования общественного неравенства. Одни индивиды могут успешно развиваться и реализовывать полученный от природы потенциал на основе равного доступа к общественным благам, в то время как другие по тем или иным причинам должны все время догонять для достижения стартовых позиций. Исходя из этого, уязвимые группы населения для выравнивания стартовых жизненных шансов должны иметь лучший доступ к общественным благам и услугам, чтобы достичь равных возможностей на старте самостоятельной жизни и успешно интегрироваться, реализовать себя в общественной жизни. Равенство образовательных возможностей рассматривается в данном случае как залог равенства жизненных шансов и равных шансов на рынке труда³. Поэтому обеспечение равных возможностей для этих уязвимых групп требует применения мер позитивной дискриминации (льготы, адресная помощь, квоты). Когда же эти условия не соблюдаются, в обществе начинается воспроизводиться естественное неравенство, что приводит к блокированию социальных лифтов (уменьшение социальной мобильности и открытости), увеличение социального напряжения и бедности, поляризации общественных интересов и ослабление социальной

² Хауптман А. М. Четыре модели развития третичного образования // Экономика образования. 2007. №3. С. 97.

³ Демченко Т. С. Факторы активизации государственного контроля высшего образования // Социология образования. 2012. №11. С. 48.

сплоченности. Вместе с тем, понятие равных возможностей или равных шансов, по мнению социал-демократов, не может отождествляться с равенством между людьми. Разные личные способности, склонности и уровень предварительной подготовки дают различные образовательные и профессиональные результаты на финише обучения. Реализация идеи социальной справедливости требует от государства обеспечения равного доступа к образованию, но отнюдь не означает достижение учащимися одинаковых результатов в учебе.

Высшее образование через призму социал-демократической парадигмы трактуется как общественное благо, которое создается в общественном секторе и должен быть доступен для всех в равной степени, а значит должно быть бесплатным. Высшее образование улучшает человеческий капитал общества, уровень политической культуры, ускоряет экономическое развитие, выравнивает жизненные шансы и тем самым способствует общественному прогрессу.

В контексте реализации идеи социальной справедливости высшая школа призвана выполнять компенсаторную функцию – в условиях существования в обществе социального неравенства и иерархии восстанавливать справедливость, выравнивая жизненные шансы молодежи из разных социально-статусных групп. Трактовка высшего образования как общественного блага означает его рассмотрение как совокупности знаний, умений и навыков (а не товара), используемых с целью удовлетворения образовательных потребностей и развития личности, общества и государства. Государство не только создает это благо, а несет ответственность за его равномерное, справедливое распределение среди различных социальных групп. Государственная ответственность за образовательные блага является главной гарантией его доступности.

Одновременно социал-демократы отмечают, что цели образовательной политики и реформ не должны отделяться от контекста национального развития. Повышение уровня качества образования или его финансирования само по себе не может гарантировать социальную справедливость или высокий уровень жизни⁴. Поэтому образовательные реформы должны выступать органичной частью более широкой программы, стратегии социально-экономических преобразований в стране и быть скоординированы с политиками в сфере экономики, финансов, труда, межнациональных отношений, научно-технического развития и т.п.

Современная социал-демократия исповедует концепцию «экономики и общества интересов», согласно которой к решению вопросов функционирования общественно значимых сфер (производства, социальной сферы) должны активно приобщиться все заинтересованные стороны. Это должно осуществляться как на микроуровне (уровне организации), так и на более высоких уровнях (отраслевом, региональном), включая общенациональный. Децентрализация управления, привлечения академического сообщества, местных сообществ и национального бизнеса к управлению высшим образованием, по мнению социал-демократов, должно способствовать гармонизации и учету в деятельности вуза всех заинтересованных социальных субъектов. Идеи социального партнерства, привнесенные из сферы регулирования трудовых отношений, в образование должны способствовать как можно более тесной интеграции высшей школы с другими общественными подсистемами. Социальное партнерство в сфере высшего образования предусматривает взаимовыгодное сотрудничество между тремя секторами общества – государственными структурами, бизнесом и вузами с целью решения проблем функционирования высшей школы в интересах всего общества или его отдельных групп. Результатом политики внедрения механизмов социального партнерства становится более глубокая интеграция вуза с экономикой, рынком труда и программой развития нации и местных сообществ.

При распределении государственного финансирования между вузами социал-демократические правительства руководствуются соображениями устранения иерархизации вузов и заботятся о поддержке не самых лучших, а о помощи отстающим, выравнивание уровня качества образования в образовательной системе. Успешные вузы

⁴ Щелкунов М. Д. Образовательное сообщество в условиях экономики знаний // Известия Саратовского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2011. Т.11. Вып. 2. С. 42.

не требуют дополнительных государственных ресурсов для достижения образовательных целей, но могут претендовать на дополнительные финансовые бонусы от государства в случае концентрации своих усилий на таких направлениях деятельности как фундаментальные исследования, докторантура, инновационная деятельность, привлечение иностранных студентов. В социал-демократической практике политика выравнивания в образовании понимается как политика, направленная на выравнивание шансов граждан на получение высшего образования, устранения существующей дифференциации в доступе к образовательным благам – территориальной (связанной с расположением вузов), культурной (связанной с доступом представителей этнонациональных и культурных меньшинств), социальной (связанной с большим участием в высшем образовании женщин и инвалидов), экономической (связанной с доступом к высшему образованию представителей неимущих слоев), институциональной (связанной с организационными различиями между вузами)⁵. Таким образом, политика выравнивания направлена на достижение равного участия различных социальных групп в высшем образовании, что должно привести к уменьшению социально-экономических неравенств в обществе.

Между вузами для повышения качества образования должна существовать конкуренция, а значит должен функционировать рынок образовательных услуг, Параллельно государство должно регулировать условия конкуренции с тем, чтобы она была эффективной. В этом контексте целью социал-демократов является государственно регулируемый и социально направленный образовательный рынок, где государственный сектор занимает ведущую позицию. В условиях социал-демократической парадигмы образовательных реформ смещается акцент с управления ресурсами и содержанием образования на достижение более высоких результатов в деятельности вуза через партнерство всех заинтересованных актеров и высокую государственную поддержку.

Социал-демократы определяют общественную миссию высшей школы как формирование всесторонне развитой и социально зрелой личности и справедливого общества. Эта миссия, по их мнению, достигается через реализацию трех взаимосвязанных традиционных целей – когнитивное, социальное и гражданское развитие, каждая из которых имеет как личностное, так и коллективное измерения⁶. В условиях интеграции высшей школы в национальную экономику к традиционным целям добавляются экономические и международные, что повышает ее вклад в общественное развитие. Вузам придается особое значение не только в связи с их традиционной миссией – обучением и исследованием, а и в связи с определением их как агентов регионального культурного и экономического развития, способствующих выравнивания региональных различий. Таким образом, влияние высшей школы на общественное развитие выходит за рамки выполнения образовательно-культурных задач.

Социал-демократы отмечают кардинальные различия в деятельности предприятия и вуза. Предприятие направляет свою деятельность на количественный экономический эффект, а вуз – на качественный социальный результат – интеллектуально-духовное развитие личности, воспитание гражданина, подготовку высококвалифицированного специалиста. Как указывают социал-демократы, образовательный процесс, предоставление образовательных услуг очень сложно вписывается в рыночный механизм купли - продажи, поскольку в процессе обучения действует обоюдная ответственность за качество образования – эффективность и ценность образования создаются как тем, кто учит, так и тем, кто учится. В процессе обучения производство и потребление неотделимы друг от друга, т.е. потребление образовательных благ требует непосредственного участия потребителя (студента) в их производстве. По своей природе потребление знания носит некоммерческий характер, поскольку связано с процессами интеллектуального и духовного развития личности, а не товарно-денежными отношениями. Финансовые барьеры могут регулировать режим доступа к знаниям, а не сам процесс потребления.

⁵ Шпаковская Л. Политика высшего образования в Европе и России. СПб., 2007. С. 78.

⁶ Шигабетдинова Г. М. Партнерство в образовании: контекст развития // Образование и саморазвитие. 2011. №3(25). С. 39.

Современная социал-демократическая доктрина, не отвергая полностью идеи частичной коммерциализации образовательной сферы как одного из возможных путей повышения ее общественной эффективности, впрочем, предостерегает, что такой путь не всегда обеспечивает желаемое повышение эффективности и качества образования и тем более справедливое распределение образовательных благ в обществе. Функциональная логика экономики (стремление получения прибыли, рыночная конкуренция, ориентация на вкусы потребителей) нередко входит в противоречие с функциональной логикой образования и науки (личностный рост, общественное развитие и сплоченность, стремление решить общественно значимые проблемы). Поэтому практику механического переноса приемов и методов бизнеса на образовательные процессы нужно максимально ограничивать, локализовать и контролировать. Образование, по мнению социал-демократов, является классическим примером «фиаско» рынка, т.е. общественным сектором, внедрения рыночных механизмов в котором не может обеспечить оптимального распределения образовательных благ в обществе. Причинами неэффективности переноса рыночных моделей в образовательную сферу и необходимости участия государства в его финансировании и управлении являются особенности образования как нематериального блага, общественного процесса и системы, а именно:

1. Природная монополия (эксклюзивность) образовательных услуг. Ее источник локальный характер образовательных рынков, уникальность продукции, преимущества концентрации, нетранспортабельность и невозможность длительного хранения образовательных услуг. При этом характер естественной монополии в области образования обуславливает длительность и персонализированный характер отношений, что делает невыгодным поощрения конкуренции. Вуз продает не отдельную образовательную услугу, а целый пакет образовательных и сопутствующих услуг (проживание, пользование библиотеками) в виде длительных образовательных программ.

2. Наличие провалов рынка в сфере производства и распределения образовательных благ объясняется их специфическим характером, и прежде всего высокой степенью неопределенности экономических процессов в образовательной сфере. В процессе производства образовательных благ весомую долю занимают интеллектуальные ресурсы и творческая деятельность, что затрудняет оценку его результатов с помощью механизма ценообразования.

3. Рыночно ориентированная модель функционирования высшей школы предусматривает, что стоимость обучения (цена), с одной стороны, должна отражать все расходы, возникающие в процессе образовательного производства, а с другой характеризовать всю совокупность полезных эффектов, которые могут получить непосредственные потребители. В реальности потребление образовательных услуг генерирует внешние эффекты как для индивида, так и для общества, которые фактически невозможно отразить в ценах. В процессе обучения формируются как те образовательные продукты (общие и профессиональные знания и умения), за которые студент заплатил, так и сопутствующие эффекты – повышение культурного уровня личности и передача культурного опыта, формирования моделей поведения и социальных связей⁷. При определении полезности образовательной программы студенты и их семьи не учитывают эти эффекты образования, которые для них, по сути, оказываются побочными, но которые оказывают положительное влияние на общественное развитие, что является основанием для государственного субсидирования высшего образования.

4. Информационная асимметричность образовательного рынка, наличие которого существенно снижает эффективность рыночных механизмов. Продавцы (ВУЗ) и покупатели (студенты и их семьи) имеют разную осведомленность по потребительской полезности образовательных программ, что создает предпосылки для завышения цены образовательных услуг. Во-первых, нематериальная природа производства образовательных услуг создает ситуацию, когда потребитель принимает собственное

⁷ Алтунина В. В. Рыночные отношения в образовательной деятельности // Alma mater. 2011. № 7.С. 48.

решение о выборе поставщика, руководствуясь лишь имеющейся и неполной информацией о репутации поставщика (ВУЗ) и востребованности конкретной образовательной услуги при текущей конъюнктуре рынка труда, а не о реальном качестве образования. Во-вторых, потребитель зачастую не способен объективно оценить необходимый объем, структуру и качество образовательной услуги, а следовательно определить ее реальную полезность и ценность⁸. Поэтому образовательные услуги относятся к группе доверительных товаров. Следствием этого становится необходимость постоянного мониторинга и оценки деятельности вузов третьей стороной в форме государственных или общественных агентств. Государство обладает лучшей, по сравнению с отдельными субъектами, осведомленностью о будущем состоянии рынка труда и имеет более эффективные механизмы контроля за соблюдением требований к качеству учебных программ. Некоммерческий характер государственных вузов в большей степени способствует ориентации их деятельности на предоставление качественных образовательных услуг и обеспечения социальной справедливости при доступе к образовательным благам, чем на получение прибыли.

Коммерциализация высшего образования не только не способствует максимизации общественных выгод, но и вредит социальной справедливости и равенству. Повышение экономической эффективности деятельности вуза как результат ее коммерциализации неизбежно уменьшает социальную справедливость распределения образовательных благ в обществе, создает социальное напряжение. Введение платы за обучение или ее повышение увеличивает социальное неравенство, ограничивая доступность высшего образования для представителей социальных групп с низкими доходами. Из канала социальной мобильности и интеграции высшее образование превращается в инструмент воспроизведения и усиления социального неравенства: слои, не имея возможности дать детям высшее образование из-за финансовых барьеров, порождают наследственную бедность, богатые становятся еще богаче - как следствие происходит увеличение поляризации социальной структуры общества⁹. Напротив, доступность высшего образования для всех слоев населения способствует социальному выравниванию и укреплению среднего класса, социальной стабильности. Обеспечение общественных интересов в сфере высшего образования, по мнению социал-демократов, требует от государства активизации таких своих функций:

✓ **производственной** – государство должно быть основным производителем образовательных благ, а частный сектор выполнять вспомогательную роль;

✓ **распределительной** – обеспечение доступа к высшему образованию представителям всех социальных слоев и пропорциональности распределения абитуриентов в соответствии со структурой потребностей экономики и НТП;

✓ **регулирующей** – воздействие на спрос и предложение образовательных услуг, определения общей стратегии развития и оперативное управление системой образования, формирование правового поля функционирования отрасли;

✓ **контролирующей** – государство не только должно производить и распределять образовательные блага, но и контролировать качество образования и деятельность вузов.

Таким образом, миссия вузов социал-демократами понимается и интерпретируется не как услуга, а как служение общественным интересам через воспроизводство человеческого капитала высокого качества, что обеспечивает общественный прогресс. При этом выделяют 4 функциональные роли высшей школы, определяющие ее миссию как служение обществу:

❖ **Как институт социализации:** подготовки молодежи к профессиональной, интеллектуальной деятельности и участию в общественной жизни;

❖ **Как канал социальной мобильности,** т.е. предоставление индивидам шансов на восходящую мобильность в общественной структуре из-за потенциальной возможности иметь более высокую заработную плату, лучшие условия труда, улучшение потребления и как следствие улучшение качества жизни и социального статуса для себя и семьи;

⁸ Ржевська А. В. Розвиток сучасної університетської освіти країн Західної Європи. Луганськ, 2011. С. 44.

⁹ Steier F. The changing nexus: tertiary education institutions, the marketplace and the state // Higher Education Quarterly. 2003. Vol. 57. No.2. P. 176.

❖ **Как место проведения научных исследований и дискуссий:** научное знание, обладая такими чертами как доступность, полезность, неисчерпаемость, общественная значимость является по своей сути некоммерческим. Его генерирование, являясь традиционной функцией вузов, выступает действенным инструментом повышения интеллектуального, культурного и научно-технического уровня развития общества;

❖ **Как инструмент национального и регионального развития:** высокая производительность труда, социальная сплоченность, преемственность в общественном развитии, развитие территорий и местных сообществ.

Соглашаясь на активизацию поиска вузами внешних заказчиков для собственной научной продукции (частичную коммерциализацию научно-исследовательской функции высшей школы через трансфер технологий), социал-демократы критикуют практику внедрения механизмов конкуренции при распределении бюджетных ресурсов на поддержку вузовской науки. Через систему конкурсного распределения государство, как правило, поддерживает не всю вузовскую науку, а лишь некоторые ее области и направления. Это заставляет вузы концентрироваться на направлениях, где государственные фонды доступны вместо того, чтобы проводить научные исследования там, где они имеют высокую компетентность, научные школы и потенциальные возможности для научно-технических прорывов. Целесообразным в этом случае, по мнению социал-демократов, является сохранение общей государственной финансовой поддержки вузовской науки в сочетании с предоставлением дополнительной поддержки конкретным перспективным исследовательским проектам на конкурсной основе. Государство должно искать пути увеличения финансирования вузовской науки как из государственных фондов, так и из частных, а не пытаться через конкурсные процедуры, ограничивать такую поддержку. Стимулирование вузов к коммерциализации результатов собственных исследований, поиска внешних заказчиков при одновременном уменьшении государственной поддержки вузовской науки, как это предлагают неоконсерваторы, по мнению социал-демократов, приводит к усилению узкоспециализированной ориентации исследовательских программ вузов и соответствующего уменьшения объема фундаментальных научных исследований, которые обычно выполняются за счет государственной поддержки. Одновременно мировая практика свидетельствует, что без поддержки фундаментальной науки невозможно научно-технологическое развитие в долгосрочной перспективе, а поддерживать такие исследования способно только государство.

УДК 327.7

**ПОТЕНЦИАЛ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА
КАК ГЛОБАЛЬНОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

**THE POTENTIAL OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION
AS A GLOBAL GEOPOLITICAL SUBJECT OF INTERNATIONAL RELATIONS**

А.В. Храмова

A.V. Khramova

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1

Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia

E-mail: halexasha@gmail.com

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, геополитика, международные отношения, интеграция.

Key words: Eurasian Economic Union, geopolitics, international relations, integration.

Аннотация. В статье рассматривается процесс евразийской экономической интеграции с учетом формирования Евразийского экономического союза с 1 января 2015 года и присоединения к нему новых государств. В целях определения потенциала евразийского интеграционного объединения как глобального геополитического субъекта международных отношений автор проводит анализ возможностей евразийской интеграции и соотносит их с классическими критериями геополитической мощи.

Resume. This article observes the process of Eurasian economic integration taking into account establishing of the Eurasian Economic Union since January 1, 2015 and accepting new members. With the aim of determining the potential of the EEU as a global geopolitical subject of international relations the author analyzes opportunities of the Eurasian integration and relates them to classical criteria of geopolitical power.

С 1 января 2015 г. на основании Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (далее – Договор о ЕАЭС) начал свое функционирование Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС) в составе Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации. 2 января 2015 года к объединению присоединилась Республика Армения, 8 мая 2015 года - Кыргызская Республика.

Принципиальное отличие экономического союза от предшествующих форм международной экономической интеграции (таможенного союза и общего рынка) заключается в проведении государствами-членами единой, скоординированной или согласованной политики в определенных отраслях экономики. Так, например, согласно Договору о ЕАЭС¹ государства-члены ЕАЭС договорились осуществлять согласованную макроэкономическую, валютную политику, политику в сфере регулирования трудовой миграции, защиты прав потребителей, применения санитарных, ветеринарно-санитарных и карантинных фитосанитарных мер, а также координацию энергетической, транспортной и агропромышленной политики. Несмотря на то, что за Арменией, Беларусью, Казахстаном, Кыргызстаном и Россией остается право формирования собственной промышленной политики, основные направления промышленного сотрудничества в рамках ЕАЭС утверждаются на наднациональном уровне.

Приняв на себя такие обязательства, государства-члены ЕАЭС, безусловно, совершили серьезный шаг в направлении углубления взаимодействия. Теперь интеграция предполагает не только наличие единой таможенной территории, действие

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе. М., 2015. С. 3 – 5.

Единого таможенного тарифа в отношении третьих стран (в рамках Таможенного союза) и формирование общего рынка товаров, услуг, капитала и рабочей силы (в рамках Единого экономического пространства), но и существование единой экономической системы в рамках внутреннего рынка ЕАЭС, а также функционирование этой системы в условиях глобализирующегося мира и свойственной ему жесткой конкуренции.

Следуя курсу евразийской интеграции, государства исходили из собственных национальных интересов и из геополитических и геоэкономических реалий, характерных для настоящего временного периода.

Последовавшие после распада СССР разрыв экономических связей, производственных цепочек, усиление дезинтеграционных тенденций очень скоро оказали деструктивное воздействие на экономики государств евразийского пространства. Стало очевидно, что капиталистические страны Запада давно заняли большую часть глобального рынка товаров, услуг, капитала, технологий и инноваций, а продукция постсоветских государств, произведенная в условиях увеличения издержек, не могла конкурировать с зарубежными аналогами ни по цене, ни по качеству.

Помимо нарастающего давления глобальной экономической конкуренции евразийское пространство оказалось в зоне политических интересов других государств и их объединений (например, США, НАТО, ЕС). При этом такие интересы не всегда совпадали с национальными интересами евразийских государств, а иногда и вовсе противоречили политике их национальной безопасности.

В таких условиях в 2000-х гг. выделилась группа стран, которые рассматривали вектор своего дальнейшего развития в направлении укрепления геополитической и геоэкономической стабильности путем активизации сотрудничества друг с другом, в частности путем экономической интеграции. Ядро этой группы составили три государства – Беларусь, Казахстан и Россия, которые и начали совместное движение к ЕАЭС, создав в 2010 г. Таможенный союз, а в 2012 г. – Единое экономическое пространство.

Приоритетными задачами государства-члены евразийского интеграционного объединения определили: повышение благосостояния и качества жизни граждан, достижение устойчивого социально-экономического развития, всестороннюю модернизацию и усиление национальной конкурентоспособности в рамках глобальной экономики².

Механизм воздействия экономической интеграции на политическое и социально-экономическое развитие государства представлен на рисунке 1.

² Декларация о Евразийской экономической интеграции от 18 ноября 2011 года. Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/supplement/1091>

Рис. 1. Механизм воздействия экономической интеграции на политическое и социально-экономическое развитие государства
Fig. 1. The mechanism of influence of economic integration on political and social and economic development of the state

Воздействие экономической интеграции на социально-экономическое развитие государств очевидно и может быть оценено путем анализа статистических данных о взаимной торговле или макроэкономических показателей государств-членов ЕАЭС. Кроме того, в дискурсе политических деятелей – лидеров интеграции регулярно звучит тезис об исключительной экономической направленности объединения.

При этом политический и, в большей степени, геополитический эффект евразийской экономической интеграции менее ощутим, объективен и исследован. В этой связи основные критерии геополитической мощи государств соотнесены автором с потенциалом объединения и возможностями евразийской экономической интеграции.

Географический критерий

Площадь территории ЕАЭС занимает более 20 млн. кв. км, что примерно равно 15% мировой поверхности суши. Такая большая территория, а также уникальное географическое положение между Западом и Востоком обуславливают наличие значительного числа стран-соседей, многие из которых являются стратегическими торговыми партнерами для государств-членов ЕАЭС (европейские государства, государства Средней Азии, восточно-азиатские страны).

Например, следует особенно отметить перспективы сотрудничества ЕАЭС с Китаем. Китай является крупнейшей экономикой мира и вторым торговым партнером ЕАЭС. Давние тесные экономические связи с Китаем имеют Казахстан и Киргизия. В настоящее время ввиду осложнения политических и экономических отношений России и ЕС происходит частичное смещение традиционных торговых потоков, в том числе в восточном направлении.

Широкие возможности для евразийско-китайского сотрудничества представляет проект Экономического пояса Шелкового пути, предполагающий восстановление и укрепление транспортных коммуникаций и торговых связей между Китаем и странами Европы. При реализации данной инициативы предполагается укрепить политические контакты, создать транспортную сеть от Тихого океана до Балтийского моря, сократить барьеры для торговли и инвестиций.

По итогам российско-китайских переговоров 8 мая 2015 г. было подписано Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. Россия и Китай поддерживают запуск «диалогового механизма по сопряжению евразийской экономической интеграции и строительства Экономического пояса Шелкового пути»³.

Проект Экономического пояса Шелкового пути позволит государствам-членам ЕАЭС в полной мере воспользоваться своим уникальным географическим положением, реализовать транзитный потенциал, взаимно дополнить финансовые, трудовые и интеллектуальные ресурсы друг друга в целях модернизации экономики и проведения ускоренного технологического развития.

Следует отметить позитивную роль состоявшихся российско-китайских переговоров в связи с тем, что, несмотря на определенные опасения о неконкурентоспособности проекта евразийской интеграции по сравнению с проектом восстановления Великого шелкового пути, распространившиеся ранее среди экспертов, стороны оценили преимущества сотрудничества и договорились о сопряжении двух проектов. Очевидное достоинство такого подхода заключается в соответствии целям обеспечения политической стабильности в регионе и повышения регионального статуса ЕАЭС и Китая. Данный подход свидетельствует об осознании необходимости коэволюции интеграционных процессов в эпоху глобализации, поскольку их столкновение может

³ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. Официальный сайт Президента России URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971>

привести к глубокому политическому кризису в сопредельных государствах (как это произошло в Украине, которая была вынуждена выбирать между евразийской и европейской интеграцией).

Экономический критерий

Для демонстрации обеспеченности ЕАЭС природными ресурсами достаточно привести следующие показатели: по добыче нефти ЕАЭС занимает первое место в мире (14,6% мировой добычи), по добыче газа – второе место (18,4% мировой добычи), по производству электроэнергии – четвертое место в мире (5,1% мирового производства), по производству чугуна – третье место (4,5%), минеральных удобрений – второе место (10,8%), стали – пятое место (4,5%), по валовому сбору зерновых и зернобобовых культур – пятое место (5,5%), по производству молока – третье место (7%)⁴.

ВВП государств-членов ЕАЭС в совокупности составляет 2,2 трлн. долл., что составляет 3,2% в структуре мирового ВВП (по данным на 2014 г.). Промышленное производство занимает 3,7% мирового стоимостного объема производства и равно 1,3 трлн. долл. Объем внешней торговли товарами в 2013 г. составил 1075,7 млрд. долл., что равно 3% мирового торгового оборота⁵.

Предполагается, что при условии эффективной промышленной кооперации, сокращения издержек за счет перераспределения ресурсов и экономической специализации произойдет рост не только экономических показателей, но и повысится роль объединения в многосторонней торговой системе, его инвестиционная привлекательность и в целом – будет достигнут статус значимого регионального центра в формирующемся многополярном мире.

Технологическое развитие государств-членов ЕАЭС может быть оценено как перспективное при соблюдении определенных условий, но недостаточно конкурентное по некоторым значимым направлениям в настоящее время.

Технологические отрасли, по которым рассматриваемые евразийские страны находятся в числе мировых лидеров, – это ядерные, космические, по узким направлениям – химические и агропромышленные технологии, а также технологии военного назначения.

При условии обеспечения необходимого финансирования научно-технических и инновационных проектов, реализации мер, направленных на сохранение высококвалифицированных кадров в рамках ЕАЭС, перспективными могут стать отрасли информационных, энергосберегающих технологий, биотехнологий и робототехники.

Кроме того, следует отметить, что в рамках ЕАЭС предусмотрен механизм технологического сотрудничества государств-членов посредством создания технологических платформ. Так, предполагается, что для освоения новых высокотехнологичных производств будут сформированы следующие пилотные евразийские технологические платформы: «Суперкомпьютеры», «Медицина будущего», «Светодиоды», «Фотоника», «Легкая промышленность», «Технологии пищевой и перерабатывающей промышленности агропромышленного комплекса» и «Биоэнергетика»⁶.

Политический критерий

Политическая стабильность, а также наличие сильной политической воли напрямую влияют на позиционирование государств и их объединений в глобальной системе. В практике евразийской интеграции последний фактор сыграл и продолжает играть решающую роль. Во-первых, проект создания евразийского интеграционного объединения начался именно по инициативе глав государств Беларуси, Казахстана и России. Во-вторых, в настоящее время, уже на этапе строительства Евразийского экономического союза многие наиболее важные решения, предварительно проходя через определенные экспертные этапы, принимаются на высшем уровне, причем на регулярной основе. Такие решения, касающиеся стратегических, чувствительных вопросов сначала

⁴ Официальный сайт Евразийского экономического союза URL: <http://www.eaeunion.org/>

⁵ Там же.

⁶ Там же.

проходят процедуру принятия в наднациональном органе ЕАЭС – Евразийской экономической комиссии, а затем выходят на уровень Евразийского межправительственного совета (на уровне глав правительств государств-членов) и Высшего евразийского экономического совета (на уровне глав государств-членов). Решения носят обязательный характер и не проходят процедуру ратификации в государствах-членах. Таким образом, очевидна прямая заинтересованность руководства стран ЕАЭС в эффективном функционировании объединения и успешной реализации интеграции по всем согласованным направлениям.

Однако некоторое беспокойство вызывает уровень политической стабильности в государствах-членах ЕАЭС. В настоящее время в большинстве из них действует сильная президентская власть, причем главы государств переизбираются в течение уже длительного периода времени. Но даже при этом многие международные агентства оценивают положение некоторых государств-членов ЕАЭС ниже среднего уровня стабильности. Например, Фонд Мира по индексу несостоятельности государств низкий уровень рисков присваивает только Казахстану – 111 место⁷. Другие страны ЕАЭС, по мнению организации, имеют опасный уровень рисков: Армения – 104 место, Беларусь – 90 место, Россия – 85 место, Кыргызстан – 58 место⁸. Несмотря на определенную долю субъективности, характерную для мировых рейтинговых агентств, обусловленную восприятием евразийских государств в западных странах, где в основном и располагаются такие организации, все же следует отметить, что подобные исследования напрямую влияют на инвестиционную привлекательность анализируемых государств. В этой связи руководству стран ЕАЭС необходимо создать благоприятные условия для ведения бизнеса в рамках объединения как для субъектов предпринимательской деятельности ЕАЭС, так и для иностранных импортеров и инвесторов. Тем самым, будет обеспечена широкая поддержка «снизу» – со стороны бизнес-сообщества, непосредственно задействованного в регулярных экономических взаимосвязях с торговыми партнерами. В данный момент, сталкиваясь с различными пробелами и недоработками национального и наднационального законодательства, бизнес-климат евразийского экономического объединения регулярно совершенствуется. Данные направления еще более актуальны в контексте имеющихся в экспертной среде сомнений по поводу поддержки евразийского вектора со стороны будущих преемников президентской власти.

Военный критерий

Военный потенциал евразийских государств может быть оценен по двум основным параметрам – состояние военной техники и военное сотрудничество.

Ключевые позиции на евразийском пространстве по количеству вооружения и военно-техническому оснащению, безусловно, занимает Россия, которая расходует на военные нужды около 4,5% ВВП⁹. С учетом большой разницы в объемах ВВП между евразийскими государствами и с целью сравнения приведем следующие показатели, характерные для партнеров России по евразийскому объединению: Армения отчисляет около 4,2% ВВП, Кыргызстан – 3,5%, Беларусь – 1,2% ВВП, Казахстан – 1,1%. Россия обладает уникальными образцами военной техники, например, истребитель пятого поколения Т-50, гусеничная платформа «Армата», зенитный комплекс С-500 и другие.

При этом между евразийскими государствами осуществляется широкое военно-техническое сотрудничество, связанное с поставками продукции военного назначения для союзных вооруженных сил, военно-экономическая кооперация, модернизация и ремонт вооружений и военной техники в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). ОДКБ является основной военно-политической организацией, обеспечивающей региональную безопасность. Так, государства-участники (Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия и Таджикистан) воздерживаются от применения силы или угрозы силой в межгосударственных отношениях и обязуются разрешать все разногласия между собой и другими государствами мирными средствами. Кроме того, они

⁷ Официальный сайт Фонда Мира (The Fund for Peace). URL: <http://fsi.fundforpeace.org/rankings-2014>

⁸ Указанный сайт.

⁹ Официальный сайт Стокгольмского института исследований проблем мира (SIPRI). URL: http://www.sipri.org/research/armaments/milex/milex_database

не вступают в военные союзы, направленные против одного из государств-участников¹⁰. В рамках организации действуют коллективные силы оперативного реагирования, проводятся совместные военные учения, реализуется деятельность по пресечению террористической и экстремистской деятельности, наркоторговли, взаимодействие при чрезвычайных ситуациях.

Таким образом, экономическая интеграция и политическое взаимодействие (в основном осуществляемое посредством механизмов СНГ или двусторонних связей) на евразийском пространстве подкрепляются военно-техническим сотрудничеством. В международной системе государства-участники ОДКБ выступают единым военным блоком, осуществляющим на консолидированной основе защиту региональной безопасности и стабильности и противодействующим внешним угрозам.

Социо-культурный критерий:

Численность населения государств-членов ЕАЭС в совокупности составляет около 182,1 млн. человек¹¹, поэтому евразийский рынок представляет собой один из крупнейших потребительских рынков в мире. Ввиду большого числа потребителей, отсутствия таможенных границ, единых технических регламентов обеспечивается инвестиционная привлекательность объединения.

Более того, большая часть населения государств-членов ЕАЭС характеризуется высокой долей образованного населения, что определяет его интеллектуальный потенциал. Однако в этой области возникают две важнейшие проблемы, которые предстоит решить в масштабе объединения. Во-первых, так называемая «утечка мозгов», то есть эмиграция высококвалифицированной рабочей силы в государства, с большими перспективами для профессионального роста и роста благосостояния. Во-вторых, значительные миграционные потоки неквалифицированных и зачастую нелегальных трудовых ресурсов, в том числе в рамках ЕАЭС. Некоторые механизмы решения данных проблем предусмотрены правом ЕАЭС, однако ситуация может осложниться с учетом присоединения новых государств-членов.

Несмотря на большое этническое разнообразие населения ЕАЭС, положительным фактором взаимной толерантности является общее историческое прошлое и, как следствие, схожий менталитет, общие ценности, историческая память о борьбе против внешних угроз, значительный уровень ассимиляции различных народов на евразийском пространстве. Безусловно, консолидирующую роль имеет русский язык.

Следует также отметить высокие показатели евразийских интеграционных предпочтений общества государств-членов ЕАЭС. Так, например, уровень одобрения ТС и ЕЭП в 2014 г. в Беларуси, Казахстане и России составил 68%, 84% и 79% соответственно¹².

Таким образом, уровень консолидации евразийского общества по-прежнему остается достаточно высоким. Поэтому в среднесрочной перспективе, при условии успешной интеграции в различных областях, в том числе социо-культурной, вероятно возникновение феномена евразийской самоидентификации.

Подводя итог проведенному анализу, целесообразно заключить, что ЕАЭС в той или иной мере обладает всеми необходимыми параметрами для экономического и политического лидерства в регионе. В перспективе объединение может стать действительно мощным геополитическим игроком и центром силы в формирующемся многополярном мире.

Географический и ресурсный потенциал открывают для государств-членов ЕАЭС широкие возможности. Эффективная кооперация и правильно выстроенная политика по позиционированию евразийского интеграционного объединения в международной системе глобальной экономической регионализации повысят его статус и привлекут торговых партнеров. При этом необходимо извлечь максимальное количество преимуществ из уникального географического положения между Европой и Азией, реализовать транзитный потенциал, сделать ЕАЭС значимым и неотъемлемым участником

¹⁰ Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 года. URL: http://www.odkb-csto.org/documents/detail.php?ELEMENT_ID=126

¹¹ Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: <http://www.eaeunion.org/>

¹² Интеграционный барометр ЕАБР - 2014. СПб., 2014. С. 99.

международных экономических отношений, продвигать имидж готовых товаров ЕАЭС за рубежом и наращивать экспорт.

При защите интересов евразийских государств важным фактором являются широкие военно-технические возможности, в том числе в рамках ОДКБ. В условиях ослабления региональной стабильности такой механизм обеспечения безопасности представляет собой дополнительный гарант реализации политики евразийской интеграции в условиях имеющихся вызовов и угроз.

При этом при развитии интеграции в равной степени важно как обеспечить сильную политическую волю руководства государств-членов ЕАЭС, так и опираться на бизнес-сообщество государств-членов, а также на население, обладающее высоким интеллектуальным потенциалом и, что наиболее актуально, высоким уровнем одобрения ЕАЭС.

УДК 326(061.1ЕС)

**ТОРГОВЛЯ ЛЮДЬМИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ
И ПРЕВЕНТИВНЫЕ МЕРЫ ПО БОРЬБЕ С НЕЙ****HUMAN TRAFFICKING IN THE EUROPEAN UNION AND PREVENTIVE
MEASURES OF FIGHTING WITH IT****Я.О. Крутиков, А.Г. Браницкий****Y.O. Krutikov, A.G. Branitskiy***Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23**Lobachevsky Nizhni Novgorod State University, 23 Gagarin Pr., Nizhni Novgorod, 603950, Russia**E-mail: yankrutikov@gmail.com, abranitskiy@yandex.ru.*

Ключевые слова: торговля людьми, политика Европейского Союза, рабство, принудительный труд, транснациональная организованная преступность.

Key words: human trafficking, European Union policy, slavery, forced labour, transnational organized crime.

Аннотация. В данной статье на уровне Евросоюза анализируется одна из глобальных проблем современности – торговля людьми. Рассматриваются ее причины, факторы, способствующие росту числа жертв, и механизмы взаимодействия государств Евросоюза в решении проблемы. Анализируется структура и основные направления в деятельности институтов интеграционного объединения в борьбе с торговлей людьми. Особое внимание уделено борьбе с данным явлением на законодательном уровне, при этом авторы пытаются оценить эффективность принятых законодательных актов. В итоге авторами вносятся предложения по совершенствованию проводимой политики.

Resume. In this article one of the global problems of contemporaneity – human trafficking at European Union level – is analyzed. Its reasons, factors that contribute to further increase of victims and the collaborative mechanism of member states in dealing with a problem are considered. The structure, main trends in functioning of the institutes of the integration association in the struggle with human trafficking are analyzed and reasons that cause difficulties of the realization of the policy of the EU countries in this area are also touched upon. A special attention is paid to the struggle with this phenomenon at the legislative level, at that the authors attempt to evaluate the effectiveness of the adopted legislative acts. Whereupon the authors make a suggestion on perfecting of the pursued policy.

В настоящее время наблюдаются беспрецедентные потоки нелегальных мигрантов, направляющиеся в страны ЕС. «По направлениям незаконной миграции можно проследить характерную тенденцию для этого явления: нелегалы перемещаются из стран третьего мира в экономически развитые государства, в которых существует потребность в дешевом труде»¹. В результате существования данной потребности с одной стороны и законодательств, ограничивающих количество трудовых мигрантов, въезжающих в страны-члены, с другой наблюдается противоречие, которое содействует увеличению потоков нелегальных иммигрантов, и, как правило, их незаконных перевозок, в результате которых, они нередко становятся жертвами торговли людьми. Таким образом, можно сделать вывод, о том, что транспортировка жертв торговли, равно как и незаконная миграция в целом, формируется из потребности и способности рынка труда.

До недавнего времени в ЕС между двумя данными феноменами не существовало разграничений на законодательном уровне, по этой причине не все страны-члены имеют

¹ Господынько Н.Е. Нелегальная миграция из стран Северной Африки в ЕС: количественные и качественные характеристики // Проблемы современной экономики. 2010. № 4 (28). С. 169- 173.

информационные базы о жертвах торговли и торговцах. Значительная же часть стран, имеющих подобные базы, вносит в них данные как о жертвах торговли, так и о незаконных иммигрантах. В результате этого, имеющаяся информация о количестве лиц, ставших жертвами торговли, довольно условна. К тому же, некоторые государства-члены не открывают доступ к данным, связанным с торговлей людьми из-за ограничений, накладываемых законодательством страны. Помимо этого, трудности оценки числа жертв торговли людьми связаны с отсутствием методологии исследования проблемы.

Ситуация изменилась только в 2002 г. с принятием «Комплексного плана по борьбе с незаконной миграцией и торговлей людьми в ЕС». В соответствии с данным планом между выражениями «smuggling» - незаконный ввоз, провоз контрабандным путем и «trafficking» - незаконная перевозка, использовавшимися ранее в качестве синонимов, были проведены различия. Согласно вышеуказанному плану, незаконный ввоз (smuggling) «означает помощь в нелегальном пересечении и незаконном въезде»². Поэтому понятие «smuggling» «имеет транснациональный элемент. Это необязательно попытка незаконной перевозки (trafficking), где ключевой элемент носит эксплуатационную цель»³.

Несмотря на принятие «Комплексного плана по борьбе с незаконной миграцией и торговлей людьми в ЕС», облегчающего сбор данных о числе жертв торговли, точных сведений относительно ее объемов не существует. Тем не менее, опираясь на имеющиеся данные, можно сделать вывод о том, что такого числа жертв торговли, как в настоящее время, не наблюдалось никогда в современной истории. Основная причина этого заключается в том, что за последние 20 лет использование цифровых технологий, в частности сети интернет, значительно расширило возможности преступных организаций⁴. По приблизительным сведениям в мире в подневольном положении находятся 27 млн. человек, пятая часть из которых дети. При этом ежегодно жертвами становятся от половины до трех миллионов человек, значительную часть которых составляют женщины. В процентном соотношении ситуация выглядит следующим образом: 66% жертв торговли - женщины, 13% - девочки, 12% - мужчины и 9% - мальчики⁵.

В Евросоюзе складывается аналогичная ситуация. Из числа пострадавших 75% - жертвы сексуальной эксплуатации, 14% - жертвы принудительного труда, 3% - принудительного собирания милостыни и 1% - жертвы домашнего рабства⁶.

Только за период с 2008 по 2010 гг. жертв торговли людьми было зафиксировано более 30 тысяч, значительную часть из которых составили выходцы из Румынии, Болгарии, Бразилии, Китая и России, при этом осуждено было 1 тыс. 200 человек⁷. Лишь за 2009 г. доходы вовлеченных преступных организаций составили 2.5 млрд. евро⁸. В 2012 г. в странах ЕС было выявлено 9 тыс. 710 пострадавших⁹. В период с 2011 по 2014 гг. их число повысилось на 18%, при том, что число осужденных уменьшилось на 13%¹⁰.

Рассматривая процессы торговли людьми и их незаконной перевозки, необходимо понимать, что нередко они являются результатом низкого экономического развития государств, а также следствием международных и межнациональных конфликтов. Подтверждением этому может служить ситуация, складывающаяся в ЕС, где вследствие увеличения потоков нелегальных мигрантов из таких конфликтных зон, как Ближний

² The European Council, 2002, Proposal for a comprehensive plan to combat illegal immigration and trafficking of human beings in the European Union (2002/C142/02). URL: [http://www.eurlex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/?uri=CELEX:52002XG0614\(02\)](http://www.eurlex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/?uri=CELEX:52002XG0614(02))

³ The European Council, 2002, Proposal for a comprehensive plan to combat illegal immigration and trafficking of human beings in the European Union (2002/C142/02)

⁴ Latonero, M., Berhane, G., Law Fellow, J.D., Hernandez, A., Mohebi, T. and Movius, L., 2011, Human Trafficking Online. The Role of Social Networking Sites and Online Classifieds, University of Southern California, Los Angeles. URL: http://www.technologyandtrafficking.usc.edu/files/2011/09/HumanTrafficking_FINAL

⁵ The official site of the United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC), 2014. "Global Report on in Persons". URL: http://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/glotip/GLOTIP_2014_full_report.pdf

⁶ Там же.

⁷ Eurostat. Annual Report on trafficking in human beings. 2015. P. 17

⁸ The official site of the United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). 2009. "Global Report on Trafficking in Persons". URL: http://www.unodc.org/documents/human-trafficking/Global_Report_on_TIP.pdf

⁹ Eurostat. 2015. Annual Report on trafficking in human beings. P. 28.

¹⁰ Там же.

Восток и ряд стран Африканского континента, возрастает и число жертв торговли людьми. По причине увеличения числа предполагаемых, равно как и уже идентифицированных лиц, ставших жертвами торговли, противостояние данному вызову в ЕС является одной из главных составляющих внутренней и внешней политик Евросоюза. С этой целью государства-члены направляют свои усилия на устранение факторов, способствующих данному явлению (нищета, низкий уровень образования и занятости населения, недостаточная социальная интеграция, дискриминация, вооруженные противоборства и другие). Наряду с этим принимаются программы, в рамках которых проводится подготовка кадров, взаимообмен сотрудниками и информацией. Именно благодаря взаимодействию с благотворительной организацией «Freedom Charity», известившей полицию Лондона о звонке женщины, находившейся в подневольном состоянии, удалось раскрыть преступление беспрецедентного характера, когда 3 женщины, гражданки Великобритании, Малайзии и Ирландии, были в рабстве в течение 30 лет.

Помимо этого в рамках борьбы с торговлей людьми государствами - членами реализуется «Европейский политический цикл», рассчитанный на период до 2017 г. В мае 2015 г. Евросоюзом было принято решение о реализации военной операции ЕС EUNAVFOR Med, в задачи которой входит борьба с перевозчиками и торговцами людьми в Средиземном море¹¹.

Кроме того, формируются локальные отделы полиции, ответственные за выявление и арест торговцев, подразделения по финансовой оперативной информации, противостоящие отмыванию денежных средств. Планируется финансирование экспериментального проекта по интенсификации взаимодействия на региональном уровне против торговли людьми.

Также упраздняются институты и обычаи, схожие с рабством, такие как долговая кабала и крепостная зависимость, осуществляется поддержка беспрепятственного волеизъявления брачующихся посредством принятия различного рода программ и проведения различных компаний, в том числе, по осведомленности населения на различных уровнях. Но, воздействие таких программ с точки зрения исполнения поставленных целей еще не было оценено в полной мере.

Еще одним значимым этапом в противостоянии торговле людьми стало создание европейской системы оповещения в случае кражи ребенка и введение единого номера, 116 000, по которому можно звонить в подобных случаях.

Вышеприведенные инициативы являются неотъемлемыми от точной реализации политики Евросоюза на национальном уровне. Иначе говоря, сотрудничество и согласованность действий между государствами-членами с одной стороны и институтами ЕС с другой гарантируют имплементацию правовых норм ЕС, в частности по противостоянию торговле людьми, в национальные правовые системы.

Результаты принятия вышеуказанных мер и осуществление Европейского политического цикла свидетельствуют об определенных достижениях в деятельности стран ЕС. После возведения данного преступления в разряд серьезных правонарушений увеличились права жертв торговли. Теперь пострадавшие могут рассчитывать на социальные выплаты и вид на жительство. О значимости данного преступления также говорит его внесение в договоры ЕС, в частности, в Амстердамский, Ниццкий и Лиссабонский.

Помимо основополагающих договоров ЕС, затрагивающих проблему торговли людьми, к превентивным мерам по борьбе с данным явлением, принимаемым на законодательном уровне, можно отнести еще ряд документов. Во-первых, Рамочное решение Совета ЕС по борьбе с торговлей людьми в ЕС, после имплементации которого торговля людьми в ЕС становится преступлением. Во-вторых, директива «О предупреждении и противодействии торговле людьми и о защите пострадавших». Одной из основных ее задач является противостояние последним достижениям в области торговли людьми. В-третьих, директива «О снижении риска незаконного въезда,

¹¹ Интерфакс, 2015, ЕС создаст военную миссию для борьбы с торговлей людьми в Средиземном море. URL: <http://www.interfax.ru/world/442359>

транзита и пребывания». В-четвертых, директива «О борьбе с сексуальным насилием и сексуальной эксплуатацией детей и детской порнографии». В-пятых, «Стратегия ЕС по ликвидации торговли людьми», принятая на период 2012–2016 гг. В ней представлен ряд практических мер, нацеленных на предотвращение торговли людьми и на оказание содействия пострадавшим. И, наконец, хартию по правам человека. Данным документом законодательно запрещается «использование человеческого тела и его частей ради получения финансовой выгоды»¹².

В целом, законодательство ЕС в сфере борьбы с торговлей людьми располагает «эффективным сводом норм, которые позволяют преследовать и наказывать преступников, обеспечивая при этом большую защиту жертвам»¹³. Однако, первостепенные обязательства по противостоянию торговле людьми возложены не на интеграционное объединение, а на государства-члены, которые, несмотря на принятие на наднациональном уровне необходимых законов, не исполняют их на должном уровне.

Ситуация также осложняется еще целым рядом факторов: во-первых, децентрализованностью современных преступных группировок и, как следствие, значительным усложнением процесса их идентификации; во-вторых, недостаточным уровнем финансирования; в-третьих, незначительным наказанием за работорговлю по причине её связи с проституцией, которая в определенной степени остается легальной; в-четвертых, отсутствием единого определения преступления для всех государств ЕС; и, наконец, отсутствием пограничного контроля внутри Евросоюза, который, усложняет борьбу с подобными преступлениями.

Торговля людьми вызывает опасение, в том числе, и по причине недостаточной разработанности на законодательном уровне ряда государств-членов. В семейном кодексе Болгарии, например, все права на ребенка имеет человек, записавший его на свое имя. Это положение может быть использовано контрабандистами, которые обладая официальным разрешением, получают возможность вывозить детей за границу. В Германии же ввиду отсутствия минимального уровня зарплаты нередки случаи нарушения трудового законодательства по отношению к мигрантам, труд которых зачастую практически не оплачивается. В Греции жертвы торговли нередко обвиняют в нарушении визового законодательства страны. Вследствие этого можно прийти к выводу о расхождении правоприменительной практики с имеющимся законодательством в области борьбы с торговлей людьми. При повышении числа жертв торговли в целом по Евросоюзу судебная практика показывает, что количество случаев вынесения приговоров, которое и так слишком мало, чтобы говорить о надлежащем противодействии преступным группировкам, снижается: в 2010 г. было вынесено около полутора тысяч приговоров, в 2011 г. – уже 1450, а в 2012 г. – 1144¹⁴. В то время как число жертв торговли возрастает. В 2010 г. их было зафиксировано 5 136 человек, в 2011 – 5 263, а в 2012 – 6 505 человек¹⁵.

Большая часть жертв торговли не были признаны таковыми, вследствие чего им не была оказана какая-либо поддержка. Все это свидетельствует о неэффективности реализуемой политики, одной из основных причин которой является принятие Евросоюзом чрезмерно мягких директив. К тому же противодействие торговле осуществляется хоть и последовательно, но крайне медленно, в отличие от действий преступников¹⁶.

К иным причинам, вызывающим трудности проведения политики государств Евросоюза в области торговли людьми, относится не ратификация некоторыми странами ЕС основополагающих документов в данной сфере, что затрудняет коллаборацию

¹² EU Charter of Fundamental Rights, 2015, Article 3.

¹³ Euronews. 2013, Europe's response to Human Trafficking. URL: <http://www.euronews.com/2013/04/12/europe-s-response-to-human-trafficking/>

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Eurostat. 2015. Annual Report on trafficking in human beings. P. 93.

¹⁶ Радио Польша, 2013, Европейская комиссия приняла директиву против торговли людьми. URL: <http://www.radiopolsha.pl/6/174/Artykul/133594,Европейская-комиссия-приняла-директиву-против-торговли-людьми>

государств–членов. Примером служит не введение Италией, Испанией, Люксембургом и Кипром правил Евросоюза по противодействию торговле людьми.

Еще один фактор заключается в том, что только незначительная часть стран Евросоюза инкорпорировала директиву о предупреждении и борьбе с похищениями людей и защите потерпевших. К тому же, модели, тенденции и приемы преступников меняются, приспособливаясь к изменчивому характеру спроса и предложения. Разнообразные типы эксплуатации нередко объединяются и переплетаются, что осложняет определение ее формы, а, как следствие, и ее жертвы. Таким образом, необходимо быть в курсе последних тенденций и обеспечивать действенный ответ на вызовы со стороны преступников.

Сложности проведения политики обусловлены и трудностью выявления подобных правонарушений по причине их транснационального характера. Кроме того затруднительно преследовать правонарушителей, вовлеченных в процесс торговли людьми. Возможно, вопрос можно будет решить после принятия директивы, включающей единую трактовку данного правонарушения для всех государств Евросоюза. Таким образом, очевидны недостатки проводимых государствами-членами политик в области противостояния торговле людьми.

Для проведения более успешной политики в борьбе с торговлей людьми необходимо «приспособить общеевропейские законы к конкретным условиям с учетом национальных особенностей и заставить эти законы работать»¹⁷. Для усиления борьбы с транснациональной организованной преступностью Евросоюзу необходимо принять единое законодательство в данной сфере, ибо государства - члены используют различные подходы и предписания закона в противостоянии торговле людьми. Существование различий в законодательной базе лишь затрудняет кооперацию стран и делает ее менее действенной. При принятии единого законодательства особое внимание должно быть уделено Итальянской республике, как одной из самых опытных с точки зрения борьбы с организованной преступностью.

Также крайне важно повысить уровень противодействия отмыванию денежных средств и иного имущества. Именно борьба с легализацией незаконно полученных финансов - одна из самых уязвимых составляющих в борьбе с организованной преступностью. По статистике отслеживается менее 1% от числа всех незаконно получаемых финансов¹⁸.

Необходимо вовлечение более широкого круга неправительственных, правозащитных и гуманитарных организаций в формирование действенной и многоуровневой системы, способствующей снижению преступной активности. Необходимо донести данную проблему широким кругам общественности и задействовать их в ее решении.

И, наконец, для решения вопроса необходимо создать такое правовое поле, при котором торговля людьми стала бы малоприбыльным, рискованным предприятием.

¹⁷ Euronews, 2014, Europe's sex slave shame: is enough being done to fight human trafficking? URL: <http://www.euronews.com/2014/11/12/europe-s-sex-slave-shame-is-enough-being-done-to-fight-human-trafficking-across/>

¹⁸ Euronews, 2012, Taking on organized crime. URL: <http://www.euronews.com/2012/04/01/taking-on-the-mafia/>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Акопян Э.Г.** – аспирант Института Международных Отношений и Мировой Истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, кафедра зарубежного регионоведения и мировой истории
- Белоусова Л.А.** – аспирант кафедры всеобщей истории Липецкого государственного педагогического университета
- Болгова А.М.** – доцент кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного университета, кандидат исторических наук
- Браницкий А.Г.** – профессор кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, доктор исторических наук
- Бунеева Е.Н.** – доцент кафедры истории России Воронежского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук
- Варинова М.М.** – аспирантка кафедры истории Отечества и культуры Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю.А.
- Дмитриев В.А.** – доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения Псковского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент
- Духопельников В.М.** – профессор кафедры истории Восточной Европы Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, кандидат исторических наук
- Зайцева И.В.** – старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Белгородского юридического института МВД РФ, кандидат исторических наук
- Зубарев В.Г.** – профессор кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого, доктор исторических наук
- Иванов Ст.** – аспирант исторического факультета Велико-Тырновского университета Свв. Кирилла и Мефодия, Болгария
- Книга М.Д.** – доцент кафедры теории и истории права и государства Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, Воронеж, кандидат исторических наук
- Крутиков Я.О.** – аспирант кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
- Кузнецов В.В.** – соискатель кафедры истории России Воронежского государственного педагогического университета
- Мицюк Н.А.** – старший преподаватель кафедры философии, истории медицины Смоленского государственного медицинского университета, кандидат исторических наук
- Моргун О.В.** – аспирант кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина, Украина
- Московкин В.М.** – профессор кафедры мировой экономики Белгородского государственного университета, доктор географических наук
- Пашков В.А.** – соискатель кафедры политологии Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина
- Перепелицын А.В.** – профессор кафедры истории России Воронежского государственного педагогического университета, доктор исторических наук
- Пимков К.В.** – аспирант кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
- Пушкарева Н.Л.** – заведующая сектором этногендерных исследований Института этнологии и антропологии РАН им Н.Н. Миклухо-Маклая, доктор исторических наук, профессор
- Семененко А.А.** – учитель гимназии № 2 г. Воронежа, кандидат исторических наук
- Сергиенко М.А.** – доцент кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного университета, кандидат исторических наук

- Суслов Е.В.** – доцент кафедры журналистики Марийского государственного университета, г. Йошкар-Ола, кандидат политических наук
- Томаев Ч.Т.** – магистрант кафедры новой, новейшей истории и исторической политологии Северо-Осетинского государственного университета, г. Владикавказ
- Тоноян-Беляев И.А.** – индолог, лингвист, независимый исследователь, г. Санкт-Петербург
- Третьяков А.В.** – профессор кафедры истории России Курского государственного университета, доктор исторических наук
- Уткин Д.Е.** – старший лаборант кафедры отечественной средневековой и новой истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова
- Храмова А.В.** – аспирант факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
- Чикаидзе Ц.М.** – доцент кафедры новой, новейшей истории и исторической политологии Северо-Осетинского государственного университета, г. Владикавказ, кандидат исторических наук
- Чореф М.М.** – научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории регионально-исторических исследований Нижневартковского государственного университета, кандидат исторических наук
- Шаповалов В.А.** – профессор кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного университета, доктор исторических наук
- Шаповалова С.П.** – доцент кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного университета, кандидат исторических наук
- Шачнев С.А.** – доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Брянского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат культурологии
- Ярцев С.В.** – доцент кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого, кандидат исторических наук

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги!

Материалы необходимо высылать в двух экземплярах:

- по адресу: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный национальный исследовательский университет;
- по электронной почте редакторам разделов: «Актуальные вопросы отечественной истории» – shatohin@bsu.edu.ru (Шатохин Иван Тихонович – заместитель главного редактора); «Актуальные вопросы всеобщей истории» – bolgov@bsu.edu.ru (Болгов Николай Николаевич); «Актуальные вопросы политологии» – Shilov@bsu.edu.ru (Шилов Владимир Николаевич – заместитель главного редактора); ответственный секретарь серии журнала – oporienko@bsu.edu.ru (Онопrienко Инна Григорьевна); сайт журнала: <http://unid.bsueu.ru/unid/res/pub/index.php>.

Статьи, отклоненные редколлегией, к повторному рассмотрению не принимаются. Материалы, присланные без соблюдения правил, редколлегией не рассматриваются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ СЕРИИ «ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА. ИНФОРМАТИКА» ЖУРНАЛА «НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ БЕЛГУ»

В материалы включается следующая информация:

1) УДК научной статьи; 2) аннотация статьи (от 600 до 1200 знаков); 3) ключевые слова; 4) сведения об авторах (Ф. И. О., должность с указанием места работы (без сокращений), ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, адрес электронной почты (если имеется), контактные телефоны); 5) внешняя рецензия доктора наук (для аспирантов и кандидатов наук); 6) текст статьи; 7) ссылки.	}	<p>на русском
и английском
языках</p>
	}	<p>на русском
языке</p>

Технические требования к оформлению текста

1. Текст набирается в Microsoft Word 2000/2003. Лист – А4, портретный. Без переносов.
2. Поля:
 - правое – 1,5 см;
 - левое – 3,0 см;
 - нижнее – 2,0 см;
 - верхнее – 2,0 см.
3. Шрифт:
 - гарнитура: текст, УДК, название, ФИО автора – **Georgia**;
 - размер: в тексте – **10 пт**; в таблице – **9 пт**; в названии – **11 пт**.
4. Абзац:
 - отступ 1,25 мм, выравнивание – по ширине;
 - межстрочный интервал – одинарный.
5. Ссылки:
 - номер ссылки размещается перед знаком препинания (перед запятой, точкой);
 - нумерация – автоматическая, сквозная;
 - текст сноски внизу каждой страницы;
 - размер шрифта – 9 пт.
6. Объем статей: до **8 страниц (Georgia, 10 пт)**.
7. Формулы набираются в «Редакторе формул» Word, допускается оформление формул только в одну строку, не принимаются формулы, выполненные в виде рисунков, формулы отделяются от текста пустой строкой.